Евгений Викторович Анисимов

Петр Великий: личность и реформы

Предисловие

Проблемы реформирования всегда актуальны для российской действительности. В некотором смысле реформы признаются непременной частью политики российской власти по принципу: «Плоха та власть, которая не проводит реформы», хотя на самом деле во многом происходит не реформирование, а имитация реформ. При этом как-то забывается, что крутые преобразования не есть нормальное состояние жизни общества, и люди на собственной шкуре испытывают тяжесть идей реформаторов.

Петровские реформы – один из ярчайших образцов российского типа реформ, которые в конечном счете привели не к улучшению жизни общества, а к усилению власти государства, увеличению числа чиновников, налогов, повинностей, к росту его имперских аппетитов. Благодаря петровским реформам Россия модернизировалась, европеизировалась, но ее основы – крепостное право и деспотическая власть – остались прежними. На примере петровских реформ в книге рассматривается извечная проблема русской жизни: нужны ли России реформы, а если да, то почему для этого нужно пролить реки крови?

Другой аспект этой проблемы – личность реформатора. Петр Великий был человеком выдающимся, искренне желавшим России блага, ему даже казалось, что он знает, как привести страну к благополучию. В своей грандиозной реформаторской деятельности он был фанатичным государственным романтиком, не щадил ни себя, ни Россию. Он взял за основу реформирования страны принцип: «В России прогресс достигается только насилием, принуждением!» и последовательно проводил его в жизнь. Как это осуществлялось и к чему привело и составляет суть данной книги.

Часть I

Отец отечества

Уроки жизни, или простой великий царь

Обращаясь к ранним летам жизни необыкновенного царя, невольно стремишься найти на берегах пресловутой реки времени свидетельства неординарности Петра и поэтому особенно внимательно рассматриваешь его учебные тетради, первые письма, записки.

Но ничто не говорит нам о грядущем гении. Мальчик, родившийся в день св. Исаакия Далматского, 30 мая 1672 года, ничем особенным не отличался от своих многочисленных братьев и сестер. Брак Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной, заключенный 22 января 1671 года, был для 40-летнего царя вторым. От предыдущего брака с Марией Ильиничной Милославской родилось 13 детей, среди которых были Федор, Иван и Софья. В 1676 году Алексей Михайлович умер, передав престол старшему из сыновей – Федору Алексеевичу, юноше болезненному и хилому. Федор правил недолго – в конце апреля 1682 года он скончался. На совете высших сановников государства судьба трона решается не в пользу следующего по старшинству сына Алексея Михайловича – Ивана, а в пользу 10-летнего Петра. Это неожиданное решение было вызвано как активными интригами семейства Нарышкиных, вошедших вслед за молодой царицей во дворец, так и тем обстоятельством, что живой, здоровый мальчик много выигрывал в сравнении с Иваном, как бы несшим на себе черты вырождения. Возможно, что осознание этого факта, помимо политической борьбы, повлияло на ответственное решение Боярской думы нарушить традицию передачи трона по прямой мужской нисходящей линии от старшего (Федора) к младшему (Ивану). Однако группировка Нарышкиных недооценила противника. Милославские во главе с властной, честолюбивой царевной Софьей сумели возбудить недовольство стрельцов и с их помощью 15 мая 1682 года совершить кровавый государственный переворот. На престоле утвердился триумвират: к Петру присоединился Иван, а соправительницей на правах регентши при них была провозглашена Софья – для Петра ситуация в политическом смысле тупиковая.

Вдовствующая царица Наталья Кирилловна со всеми домочадцами выехала из Кремлевского дворца и поселилась в Преобра-

женском – одной из пригородных резиденций, кольцом окружавших тогдашнюю Москву.

Все эти события, совершавшиеся независимо от воли и желаний Петра, стали фоном начальных лет жизни будущего реформатора России, и они же определили многое из того необычайного, что впоследствии составило его яркую индивидуальность. По великолепным книгам Ивана Забелина «Быт московских царей» и «Быт московских цариц» мы можем вполне реально представить себе жизнь двора, царской резиденции. Коротко говоря, Кремль XVII века – это мир церемоний и условностей, складывавшихся столетиями стереотипов поведения, это освященная традициями замкнутая система, в целом мало способствовавшая развитию индивидуальности. Ни одно публичное мероприятие с участием царя не обходилось без соблюдения довольно жестких церемониальных условий. Выезды самодержца за пределы Кремля – а это, как правило, были богоугодные поездки по окрестным монастырям или церквам – воспринимались как события государственного значения. Даже выход царя на лед Москвы-реки 6 января к «иордани» – ритуальной проруби – в традиционный праздник Водосвятия обставлялся как важное событие и назывался «походом», причем в Кремле – по терминологии тех времен «в Верху» – оставалась назначенная царем специальная комиссия бояр и других думных чинов для того, чтобы на время отсутствия царя государству «не убыло и потеряки не было».

Силою политических обстоятельств Петр был как бы выброшен из этой системы. Разумеется, он появлялся в Кремле в дни официальных праздников и аудиенций, но все это было чуждо ему и даже, учитывая отношение к нему родственников по отцу, враждебно. Преображенское с бытом летней царской дачи – резиденции, окруженной полями, лесами, – дало ему то, что резко способствовало развитию его способностей: свободу времяпрепровождения с минимумом обязательных занятий и максимумом игр, которые, как и всегда бывает у мальчишек, носили военный характер. С годами они усложнялись, а так как участниками этих игр были не куклы, а живые люди, мальчишки, ровесники Петра, то обучающее и развивающее значение этих игр было огромно. Уже здесь проявились присущие Петру природные данные: живость восприятия, неугомонность и неиссякаемая энергия, страстность и самозабвенная увлеченность игрой, незаметно переходящей в дело. Благодаря этому «потешные» солдаты и старый английский бот, найденный в сарае, не остались только игрушками, а стали началом будущего грандиозного дела, преобразовавшего Россию.

Московская площадь в конце XVII столетия.

Важно еще одно обстоятельство. Совсем рядом от Преображенского располагалась так называемая Немецкая слобода – Кокуй, поселение иностранцев, приехавших в Россию из разных европейских стран. По традиции того времени это поселение купцов, дипломатов, ландскнехтов было отделено от города оградой. Кокуй был своеобразной моделью Европы, где рядом – так же тесно, как в Европе, – жили католики и протестанты, немцы и французы, англичане и шотландцы. Этот странный, непохожий на Москву мир Кокуя занимал любознательное внимание Петра первоначально, вероятно, как редкость, курьез, привлекал своей непохожестью с миром Кремля, Преображенского. Знакомство с иноземцами – интересными, образованными людьми – Францем Лефортом, Патриком Гордоном, непривычные вещи, обычаи, многоязычие, а потом и первые интимные впечатления в доме виноторговца Монса, где жила его дочь, красавица Анна, – все это облегчило Петру (предки которого мыли руки из серебряного кувшина после церемонии «допуска к руке» иностранного посла) преодоление невидимого, но прочного психологического барьера, разделявшего два чуждых друг другу мира – православной Руси и «богопротивной» Европы, барьера, который и ныне преодолевать

так нелегко.

Приход Петра к власти летом 1689 года стал разрешением давно зревшего политического кризиса, вызванного неестественным состоянием фактического двоевластия. Но, как и в мае 1682 года, в августе 1689-го Петр был в значительной степени влеком ходом событий, не направляя их. Благоприятные обстоятельства способствовали свержению Софьи и практически бескровному переходу власти самодержца к нему…

Тогда эта власть еще не была нужна ему как рычаг для реформ, идеи их еще не созрели в сознании Петра. Именно поэтому еще десять лет длился для России ее «настоящий» XVII век, почти в точности совпавший с окончанием века календарного. Но и это десятилетие не пропало даром для Петра – гений его зрел, чтобы в конце десятилетия, на грани двух веков, выплеснуть на страну целый поток идей, ее преобразивших.

Нужно выделить три важных события тех лет, повлиявших на становление Петра-реформатора. Во-первых, это две его поездки в Архангельск в 1693 и 1694 годах. Обыкновенное «потешное» путешествие в город на Белом море, несомненно, стало крупным событием в жизни молодого царя. Он впервые увидел настоящее море, настоящие корабли, совершил первое плавание в неспокойной и опасной стихии, так непохожей на гладь прудов Подмосковья и Плещеева озера. Это дало мощный толчок фантазии, появилась мечта о море для России, возник подлинный культ корабля, морской стихии. С той архангельской поры, как писал историк М. М. Богословский, «шум морских волн, морской воздух, морская стихия тянут его к себе и с годами сделаются для него необходимой потребностью. У него разовьется органическое стремление к морю».

Действительно, как так получилось, что море и корабли заняли особое место в жизни этого человека, все предки которого родились и умерли, видя перед собой лишь всхолмленные просторы Великорусской равнины?

Как курица, воспитавшая уплывающего от нее утенка, беспокоилась на берегу мать Петра Наталья Кирилловна, посылая в Архангельск одно за другим тревожные письма: «Сотвори, свет мой, нада мною милость, приезжай к нам, батюшка наш, не замешкав. Ей-ей, свет мой, велика мне печаль, что тебя, света своего, радости, не вижу. Писал ты, радость моя, ка мне, что хочешь всех кораблей дажидатца и ты, свет мой, видел каторыя прежде пришли: чево тебе, радость моя, тех… дажидатца? Не презри, батюшка мой свет, моего прашения, о чем прасила выше сего. Писал ты, радость моя, ка мне, что был на море и ты, свет мой, обещался мне, что было не хадить…»

Но изменить уже ничего было невозможно, корабли, море стали судьбой Петра, были с ним наяву и даже во сне. Сохранившиеся записи снов, которые делал царь уже в зрелые годы, отражают эту всепоглощающую страсть: «1714 г., ноября с 9-го на 10-е: сон видел: [корабль] в зеленых флагах, в Петербурге… Сон видел, тогда как в Померанию вошли: что был я на галиоте, на котором мачты с парусы были не по препорции, на котором галиоте поехали и обрат его оборотили на бок и воды захлебнулось, с которого попадали и поплыли к другому борту, и оборотно к дому, и после поехали, и у себя приказал воду выливать».

Опытный глаз старого моряка и корабела не мог не заметить даже во сне неправильное парусное вооружение корабля, на который поместил его Морфей. После этого понятно становится то уважение, которое испытывал Петр к живописи художника-мариниста голландца Адама Стило, не позволявшего себе художественных вольностей при изображении рангоута и такелажа.

Токарь Петра Андрей Нартов в своих воспоминаниях рассказывает о восторге царя при виде маневров английского флота в 1698 году «Из многочисленных кораблей составленный флот в присутствии его чинил разные эволюции и довел сим государя до такого восхищения, что будто бы он от радости, не постыдясь, после сего командовавшему адмиралу при прочих флотских офицерах сказал, что он на сей случай возвание английского адмирала предпочитает званию царя Российского. Толико (то есть столько. – *Е.* А.) влюблен был царь Петр в морскую службу! Но я знаю достоверное, понеже я слышал из уст монарших, что он сказал так „Если бы я не был царем, то желал бы быть адмиралом великобританским“». О том же пишет английский капитан Д. Перри, близко узнавший Петра уже в России: «Мне не раз доводилось слышать от него самого о намерении его совершить поездку в Англию, как только в собственной стране его восстановится спокойствие, и в те минуты, когда он находился в веселом расположении духа, он часто объявлял своим боярам, что жизнь английского адмирала несравненно счастливее жизни русского царя».

Это восторженное отношение к морю и кораблям он сохранял до конца своих дней. Ни один спуск корабля или крупные морские походы не обходились без его участия. Он скучал, оторванный от любимого морского дела. Весной 1711 года Петр отправился в Прутский поход, из которого писал Меншикову, сообщившему ему о начале навигации на Балтике: «Благодарствую о извещении тамо благополучному начанию весны и выводу флота, однакож при том и не без грусти, ибо от обеих флотов лишен». В другом письме по поводу раннего начала навигации он шутит: «Что же Нева только три месяца стояла, то я думаю, что Нептунус

зело на меня гневен, что в мою бытность ни однажды такою короткою зимою не порадовал, и хотя я всем сердцем ко оному всегда пребываю, но он ко мне зело несклонен...»

Думаю, что увлечение морем – не случайность, не каприз, что было какое-то неуловимое соответствие, созвучие внутреннего мира Петра образу, идее движущегося корабля – символа разумной организации мира – той, к которой своими путями стремился Петр, а также борьбы с сопротивляющейся, слепой и могучей стихией волн. Чуть ниже я остановлюсь на этом подробнее.

Вторым важным событием тех лет стали Азовские походы 1695—1696 годов: война с Турцией за выход к Азовскому морю. Здесь, на южных рубежах, произошла в эти годы генеральная репетиция тех событий, которые в других, более грандиозных и драматических масштабах развернулись в начале XVIII века уже на западных рубежах. Первоначальные неудачи со взятием Азова, строительство флота в Воронеже, наконец, военная победа над серьезным соперником, возведение на берегу Азовского моря нового города, отличного от традиционных русских городов, – Таганрога – все это мы потом встречаем на берегах Невы и Балтики. Для Петра Азовские походы были первой военной школой, которая, хотя он и оценивал ее впоследствии скептически, все же принесла ему несомненную пользу. Опыт управления большой армией, осадой и штурмом сильной крепости не прошли даром для военного гения Петра. Не менее важно и то, что здесь, под стенами Азова, в сознание Петра вошло представление о своем месте, «должности», роли в жизни России. Именно с Азовских походов, а не с момента воцарения, как справедливо заметил советский историк Н. И. Павленко, Петр вел впоследствии отсчет своей «службы» на троне. Именно идея служения России, как он это понимал, стала главным стержнем его жизни, наполняла для него высшим смыслом все его действия и поступки, даже самые неблаговидные и сомнительные с точки зрения тогдашней морали.

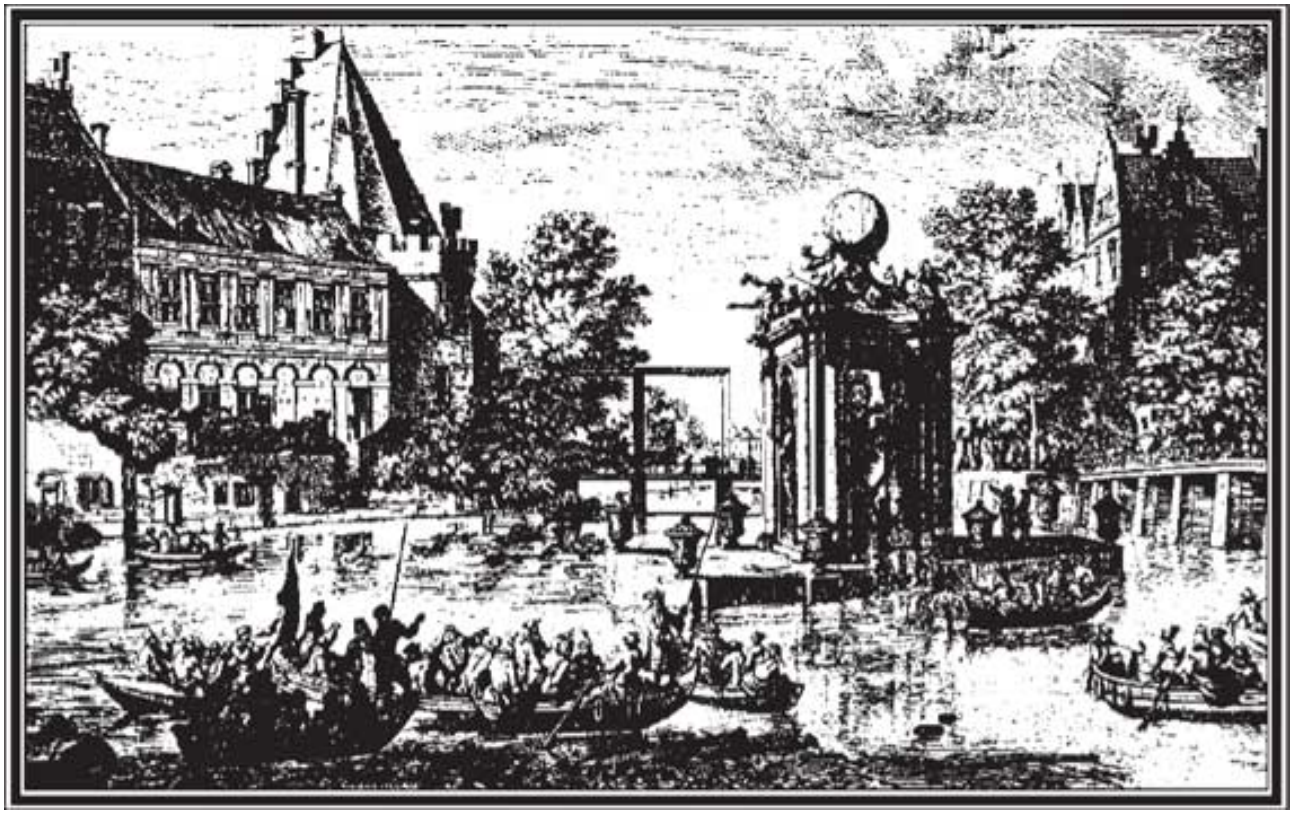
Наконец, третьим событием, повлиявшим на становление личности будущего преобразователя России, стала его длительная поездка за границу в составе Великого посольства в 1696—1697 годах. Петр ехал не как член делегации, а как сопровождающее лицо, среди других дворян и слуг. Это дало ему значительную свободу, позволило детально познакомиться со многими сторонами жизни Голландии, Англии и других стран. И дело было, конечно, не только в обучении мастерству кораблестроителя на голландских и английских верфях. Петр впервые увидел западноевропейскую цивилизацию во всем ее военном и культурном могуществе, почувствовал ее дух, смысл и силу. Он вывез из Европы

не только знания, впечатления, трудовые мозоли, но и идею, которую для себя формулировал предельно просто: чтобы сделать Россию столь же сильной, как и великие державы Европы, необходимо как можно быстрее перенять у Запада все необходимое. Именно тогда окончательно оформилась ориентация Петра на западноевропейскую модель жизни, и это означало автоматически отрицание жизни старой России, последовательное и порой ожесточенное неприятие, разрушение старого, ненавистного, того, что ассоциировалось с врагами: Софьей, стрельцами, боярством.

Осада Азова в 1696 г. А. Шхонебек. 1699—1700 гг.

Ко времени Великого посольства относится одно любопытное свидетельство – письмо ганноверской принцессы Софии, в котором она очень непринужденно передает свои впечатления от встречи с молодым русским царем 11 августа 1697 года в городе Коппенбрюке. Письмо это – живой документ своего времени – особенно ценно тем, что автор его свободен от предвзятости и литературных влияний, которые неизбежно испытывал современник, встречавшийся с Петром позже, когда слава о его гении и победах широко распространилась по Европе.

«Царь – высокий мужчина с прекрасным лицом, хорошо сложен, с большой быстротой ума, в ответах скор и определителен, жаль только, что ему недостает при таких природных выгодах полной светской утонченности. Мы скоро сели за стол. Наш камергер Коппенштейн сделался маршалком и поднес Его величеству салфетку. Царь не понял, что это значит, потому что в Бранденбурге употребляют еще умывальницы и полотенца. Его величество сел между мною и моей дочерью, а около нас посадил по переводчику. Мы были очень веселы, вели себя вольно, говорили свободно и вскоре чрезвычайно подружились. Дочь моя и царь поменялись даже табакерками: на его был изображен вензель царя, и дочь моя бережет ее как клейнод. Мы, правда, очень долго сидели за столом, но проводили время чрезвычайно приятно, потому, что царь был очень весел и беспрерывно говорил. Дочь моя заставила петь своих итальянцев. Царю это понравилось, но он заметил, что этот род музыки ему не совсем по душе. Я спросила, любит ли царь охоту? Он отвечал, что отец его был страстный охотник, но он с детства получил непреодолимую страсть к мореплаванию и к фейерверкам и что он сам любит строить суда. Он показал нам руки и дал ощупать, как они загрубели от работ. После обеда царь велел позвать своих скрипачей и мы стали танцевать. Он выучил нас танцевать по-московски, что гораздо милее и красивее, чем польский танец. Мы танцевали до четырех часов утра… [Петр] совершенно необыкновенный человек. Его нельзя описать и вообразить, а надо видеть. У него славное сердце и истинно благородные чувства. Он при нас совсем не пил, зато люди его – ужасно, как мы уехали».



Въезд русского посольства в Амстердам в 1697 г. С гравюры Мушерона.

В следующем письме, описывая новую встречу с Петром и отмечая в нем «много хороших свойств и бездну ума», принцесса приводит забавную деталь: «Но в танцах, говорят, наши корсеты показались им костями, и царь будто бы сказал: „Какие чертовски крепкие кости у немок“». В этих письмах отмечены те черты личности Петра, обращать внимание на которые впоследствии стало своеобразной хрестоматийной обязанностью мемуаристов, а потом и историков. Однако, желая дать полную картину, нельзя избежать при дальнейшем изложении подобных заметок, характеристик, наблюдений, ибо они отражают действительно необычайные черты этого самодержца «Всеа Руси», вовсе не присущие его современникам – коронованным особам Запада.

Домик Петра I в Саардаме в 1697 г. Неизвестный гравер.

Первое, на что обращали внимание наблюдатели и что их более всего поражало в Петре, – это его необычайная внешность, простота образа жизни и демократизм в общении с людьми разных слоев общества. Его современник, автор вышедшей в 1713 году в Лейпциге книги, вспоминая поразившие его в царе привычки и черты, писал: «Его царское величество высокого роста, стройного сложения, лицом несколько смугл, но имеет правильные и резкие черты, которые дают ему величественный и бодрый вид и показывают в нем бесстрашный дух. Он любит ходить в курчавых от природы волосах и носит небольшие усы, что к нему очень пристало. Его величество бывает обыкновенно в таком простом платье, что если кто его не знает, то никак не примет за столь великого государя… Он не терпит при себе большой свиты, и мне часто случалось видеть его в сопровождении только одного или двух денщиков, а иногда и без всякой прислуги». Совершенно одинаково он вел себя и за границей, и дома. Шведский дипломат Прейс, встречавшийся с Петром в 1716—1717 годах в Амстердаме, среди особых черт царя отмечал: «Он окружен совершенно простым народом, в числе его перекрещенец-еврей и корабельный мастер, которые с ним кушают за одним столом. Он сам часто и много ест. Жены и вдовы матросов, которые состояли у него на службе и не получали следующих им денег, постоянно преследуют его своими просьбами об уплате…»

Он мог появиться в любом уголке Петербурга, зайти в любой дом, сесть за стол и не погнушаться самой простой пищей. Не оставался он равнодушным и к народным развлечениям и забавам. Вот только два отрывка из дневника Берхгольца, камер-юнкера голштинского герцога Карла-Фридриха, от 10 апреля и 5 ноября 1724 года, достаточно хорошо иллюстрирующих вышесказанное: «Мы узнали, что в этот день после обеда император со многими офицерами качался у Красных ворот на качелях, которые

устроены там для простого народа по случаю праздника, что было уже один раз за несколько дней перед тем»; «У одного немецкого булочника, живущего в соседстве императорского Зимнего дворца, была свадьба… Император, вероятно мимоездом, услышав музыку и любопытствуя видеть, как справляются свадьбы у этого класса иностранцев, совершенно неожиданно вошел в дом булочника с некоторыми из своих людей, приказал накрыть там два особых стола, один для себя, другой для своей свиты, и более трех часов смотрел на свадебные церемонии и танцы. Во все это время он был необыкновенно весел».

Можно представить себе изумление иностранного гостя, проделавшего длинный путь в Россию и почти сразу же встретившегося с ее необыкновенным властителем. Датский посол Юст Юль 30 ноября 1709 года так описал в своем дневнике встречу с Петром в Нарве: «Лишь только я с подобающим почтением представился царю, он спросил меня, однако через посредство толмача, о здоровье моего всемилостивейшего короля, я отвечал ему надлежащим выражением благодарности. Далее он осведомился, не служил ли я во флоте, на что я ответил утвердительно. Вслед за этим он тотчас сел за стол, пригласил меня сесть возле себя и тотчас начал разговаривать со мною без толмача (в донесении от 12 декабря Юст писал также, что Петр „принялся рассуждать о вещах по морской части“. – *Е. А.),* так как сам говорил по-голландски настолько отчетливо, что я без труда мог его понимать; со своей стороны, и он понимал, что я ему отвечаю. Царь немедля вступил со мною в такой дружеский разговор, что казалось, он был моим ровнею и знал меня много лет. Сейчас же было выпито здоровье моего всемилостивейшего государя и короля. Царь собственноручно передал мне стакан, чтоб пить эту чашу. При нем не было ни канцлера, ни вице-канцлера, ни какого-либо тайного советника, была только свита из 8-ми или 10-ти человек. Он равным образом не вез с собою никаких путевых принадлежностей – на чем есть, в чем пить и на чем спать. Было при нем несколько бояр и князей, которых он держит в качестве шутов. Они орали, кричали, дудели, свистали, пели и курили в той самой комнате, где находился царь. А он беседовал то со мною, то с кем-либо другим, оставляя без внимания их орание и крики, хотя нередко они обращались прямо к нему и кричали ему в уши.

Царь очень высок ростом, носит собственные короткие коричневые, вьющиеся волосы и довольно большие усы, прост в одеянии и наружных приемах, но весьма проницателен и умен. За обедом у обер-коменданта царь имел при себе меч, снятый в Полтавской битве с генерал-фельдмаршала Рейншильда. Говоря вообще, царь, как сказано в дополнении у Курция об Александре

Великом: „Он утверждал, что тревожные заботы о своем теле подобают женщинам, у которых кроме этого нет ничего, если же ему удастся приобрести доблесть, то он будет достаточно красив“. Он рассказывал мне о Полтавской битве, о чуме в Пруссии и Польше…»

Любопытно малоизвестное свидетельство о Петре, которое оставил сержант Никита Кашин. Конечно, записанный много лет спустя рассказ очевидца приглажен временем и затерт многочисленными повторениями, но все же он достаточно точно передает образ, стиль жизни, привычки Петра, замеченные простым солдатом, долгие годы видевшим царя совсем близко. Этот рассказ вполне проверяется другими источниками. Любопытно и не встречающееся нигде более упоминание о голосе Петра – мы привыкли, что голоса людей далекого прошлого не слышны нам сквозь толщу столетий, и история часто кажется немой. «…Во время обедни сам читал апостол: голос имел сиповатый и негромкий. Лицем был смугл, ростом несколько сутоловат. Когда от пристани шел к церкви (Троицкой. – *Е.* А.), то всегда из народу был виден: один только великан его цесарец был выше его полуаршином. В торжественные дни приезжал на верейке, у пристани ожидал во всем уборе аргамак, которого вели до церкви. По окончании службы государь заходил со всеми генералами и министрами в питейской дом близ мосту у Петропавловских ворот. Сам выкушивал анисной водки и потчивал других. По полудни, в определенный час, все министры, генералы и резиденты иностранные собирались на Почтовой двор, где государь угощал обедом, а к вечеру огненной потехой с различными изображениями: во дворце того никогда не бывало». Особый интерес представляет раздел воспоминаний Кашина «Домашняя жизнь Петра Первого» – достаточно цельный рассказ о быте царя: «Государь Петр Великий вставал всякой день за два часа до свету или и более, судя по времени. Входил в токарню, точил разные вещи из кости и дерева, а на первом часу дня, то есть на рассвете, выезжал для осматривания строений и прочаго. Всякой день по дорогам был наряд коляскам, а у пристани шлюпке и верейке, которые дожидались до вечера. Куда же поедет государь, никто о том не знал. Особливо в Сенате редкой день не бывал, просителям же часто говаривал: „Приходите, братцы, завтра в Сенат, там рассмотрим дело“. В дом Его величества ни в простые, ни в торжественные дни не позволялось никому входить ни с прошением, ни с посещениями. Доступ к нему имели туда только граф Федор Матвеевич адмирал Апраксин, светлейший князь Меншиков и канцлер Гаврила Иванович Головкин. В пище государь был умерен и любил кушанье горячее. Кухня была во дворце об стену со столовою: в стене сде-

лано было окошко, в которое подавали кушанье. После обеда отъезжал государь отдыхать на яхту. Оттуда для прогулки отправлялся на Петербургский остров, ходил по рядам в Гостином дворе, приценялся к товарам, пересматривал, чтобы все было порядочно… В летнее и осеннее время по проведенной першпективе (Невскому проспекту. – *Е. А.)* и по прочим улицам государь Петр Великий ходил пешком: летом в кафтане, в бархатном черном картузе, а осенью – в сертуке суконном серо-немецком, в белой овчинной калмыцкой шапке навыворот. Есть ли кто, встретясь с ним, снимал шапку и проходил, не останавливаясь, то и государь, поклонясь, то же делал. А ежели кто останавливался, то государь тотчас подходил к нему и, взяв за полу, спрашивал: „Что ты?“ Услышав же, что он остановился для Его величества, государь ударял его тихо по голове рукою, говоря: „Не останавливайся, поди, куда идешь!“».

Действительно, известно, что Петр сознательно избегал повсеместных проявлений того особого полубожественного почитания личности русского царя, которым окружались с незапамятных времен его предшественники на троне. Причем создается впечатление, что Петр делал это умышленно, демонстративно нарушая принятый и освященный веками этикет. При этом было бы неправильно думать, что подобным пренебрежением обычаями он стремился разрушить почитание верховной власти, поставить под сомнение ее полноту и священность для подданных. В его отношении к величию и значению власти самодержца прослеживается иной, основанный на принципах рационализма подход, о чем будет подробно сказано чуть ниже.

Столь поражающая наблюдателей манера поведения Петра одним казалась капризом, причудой, другим – особенно в народной среде – верным признаком его «подмененности», ложности. А между тем непоседливый, активный в своих проявлениях царь выбирал единственно удобный, естественный для него образ жизни, невозможный при соблюдении традиционных ритуальных норм. Невозможно представить общение Петра со своими подданными на улицах Петербурга, если бы они при его появлении, согласно традиции, валились бы в грязь и боялись поднять головы.

Сохранился указ 1722 года, служивший, по-видимому, дополнением к Уставу воинскому. В нем говорилось: «Почтение своему государю подданные хотя и вяще протчим воздавать должны, аднакож церемонии оному не всегда чинить надлежит, но о иных спрашиваетца, чинить ли; иные же весьма в случае отставить яко следует: когда в войске командует и во время приближения неприятеля под караул подымут, знаменами укроютца и тем да-

дут знать неприятелю о его персоне и протчее тому подобное, в сей случай сие *не токмо не удобно, но и вредительно есть»*. Перечисляя иные виды приветствия императора, Петр пишет, что необходимо предварительно спрашивать у него, ибо «выступление солдат всех с ружьем в строй не всегда потребно, ибо иногда желает, чтоб не весьма голосен его проезд был, иногда же частого ради сего употребления оному наскучит».

В истории нашей страны мы знаем весьма мало властителей, которым когда-либо мог «наскучить» пышный ритуал полубожественного почитания и поклонения. Конечно, необыкновенное поведение царя – «работника на троне» – не могло не вызвать к его личности глубокой симпатии потомков, чаще сталкивавшихся как раз с иной манерой поведения, иным образом жизни позднейших правителей, лишенных подчас даже малой толики гения, присущего Петру. Но в чем же суть, смысл такого поведения царя?

Для начала не будем излишне обольщаться демократизмом первого императора. Не все так просто и однозначно. В довоенном фильме «Петр Первый» есть один замечательный по своей выразительности эпизод. Иностранный дипломат, впервые попавший на петровскую ассамблею, поражен, увидев Петра за столом в окружении шкиперов и купцов. Он вопрошает стоящего рядом П. П. Шафирова: «Говорят, царь прост?» На это вице-канцлер с улыбкой отвечает: «Государь прост в *обращении»*.

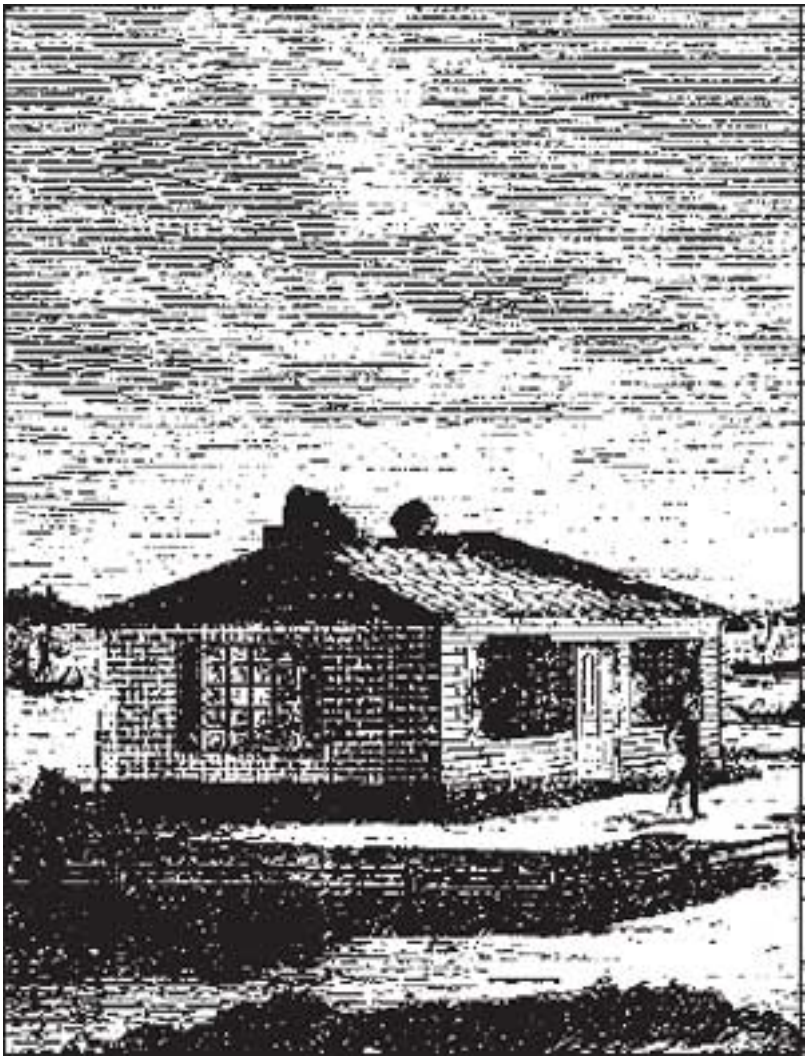
Общеизвестно, что при дворе Петра существовал, выражаясь «высоким штилем», культ Бахуса, а проще говоря – безобразное пьянство. Официальные, религиозные и иные празднества нередко сопровождались многодневными попойками, в которых принимали участие все крупнейшие деятели государства. «Служение Бахусу» считалось своеобразной доблестью, которой было принято кичиться, ожидая одобрения царя. Вот одно из типичных писем на эту тему. Князь В. В. Долгорукий в 1711 году пишет из Торна заболевшему Петру «На день виктории Левенгауптской (то есть победы при Лесной в 1708 году. – *Е. А.)* здоровье ваше так пили мощно, все пьяны были. Такие были фейерверки, как не видали… А вам, чаю, завидно, что за лекарством нельзя пьяным быть, однакож мню, хотя не все, а кто-нибудь пьяны были. Изволь к нам об этом описать». Сам Петр немало способствовал такому отношению к безобразным попойкам, ставшим характерными для жизни двора и абсолютно не свойственными ни жизни двора его преемников, ни тем более его предшественников, исключая, пожалуй, опричный двор Ивана Грозного, где безобразные вакханалии имели подчас кровавый оттенок пьяного палачества. Конечно, ничего подобного не было при Петре. Любопытно его письмо Ф. М. Апраксину, которое он написал 16 марта 1703 года, на

следующий день после грандиозной попойки в доме адмирала: «Я как поехал от вас не знаю, понеже был зело удоволен Бахусовым даром. Того для всех прошу, естьли какую кому нанес досаду, прощения, а паче от тех, которые при прощании были, и да не памятует всяк сей случай».

Объяснений этому, по современным нормам прискорбному, явлению много. Это и политическое действо, нацеленное на снижение авторитета и святости церкви, которую во всем стремилось подменить государство; это и известные традиции карнавальной, святочной культуры – кутежи все же не были обыденностью, а в большинстве своем были связаны с праздниками, маскарадами; это, наконец, и не особенно высокий уровень бытовой культуры и представлений об отдыхе. Но в данном случае наше внимание привлекает другое. Юст Юль, вынужденный часто бывать на таких собраниях и против своей воли пить, писал: «На всех пирах лишь только соберутся гости, прежде, чем они примутся пить, царь уже велит поставить у дверей двойную стражу, чтобы не выпускать никого, не исключая и тех, кого рвет. Но при этом сам царь редко выпивает более одной или, в крайнем случае, двух бутылок вина, так что я редко видел его пьяным в стельку. Между тем остальных гостей он заставляет напиваться до того, что они ничего не видят и не слышат, и тут царь принимается с ними болтать, стараясь выведать, что у каждого на уме. Ссоры и брань между пьяными тоже по сердцу царю, так как из их взаимных укоров ему открываются их воровство, мошенничество, хитрости». В другом месте Юль отмечал: «Царь охотно допускает в свое общество разных лиц, и тут-то на обязанности шутов лежит напаивать в его присутствии офицеров и других служащих, с тем чтобы из их пьяных разговоров друг с другом и перебранки он мог незаметно узнавать об их мошеннических проделках и потом отнимать у них возможность воровать или наказывать их».

Что и говорить, такая манера общения явно не укладывается в образ поведения великого царя, известный нам из других источников. Думаю, что здесь нет противоречия. Петр был убежден, что во имя государственных целей можно пренебречь многими моральными нормами. На этом был построен институт фискальства и шире – культура доносов, процветавшая при Петре. Тем более мораль частного, «партикулярного» человека не походила, по мысли царя, на мораль властителя, живущего во имя высших целей государства. Мысли из записной книжки Петра иллюстрируют это. Петр так прокомментировал выражение «Не воздавай неприятелю, когда и лукавство мыслит, ибо совестию больше возвратитца, нежели возмездием»: «Истинно есть вышеписанные слова, когда по прошествии дела, но в настоящем весьма

инако, ибо боротца надлежит, а когда пройдет, не воздавать. Но сие партикулярным персонам надлежит, *а властителем весьма инако,* ибо должны всегда мстить и возвращать обиженное от неприятеля своему отечеству». Иначе говоря, то, что простой человек просить может, невозможно для властителя.



Домик Петра Великого в Петербурге.

Но это лишь одна сторона петровского демократизма. Гораздо важнее другая, имевшая далеко идущие последствия. Тот же Юль записал 10 декабря 1709 года: «После полудня я отправился на Адмиралтейскую верфь, чтобы присутствовать при поднятии штевней на 50-пушечном корабле, но в тот день был поднят один форштевень, так как стрелы оказались слишком слабы для подъема форштевня. Царь, как главный корабельный мастер (должность, за которую он получает жалованье), распоряжался всем, участвовал вместе с другими в работах и, где нужно было, рубил топором, коим владеет искуснее, нежели все прочие присутствовавшие там плотники. Бывшие на верфи офицеры и другие лица ежеминутно пили и кричали.

В боярах, обращенных в шутов, недостатка не было, напротив, их собралось здесь большое множество. Достойно замечания, что, сделав все нужные распоряжения для поднятия форштевня, царь снял перед стоявшим тут генерал-адмиралом шапку, спросил его, начинать ли, и только по получении утвердительного ответа снова надел ее, а затем принялся за свою работу. Такое почтение и послушание царь выказывает не только адмиралу, но и всем старшим по службе лицам, ибо сам он покамест лишь шаутбенахт. Пожалуй, это может показаться смешным, но, по моему мнению, в основании такого образа действий лежит здравое начало: царь собственным примером хочет показать прочим русским, как в служебных делах они должны быть почтительны и послушливы в отношении своего начальства».

Мало того, что Петр служил, работал как плотник, он являлся еще и «подданным» шутовского «князя-кесаря» Ф. Ю. Ромодановского, которому писал доношения, челобитные, обращался к нему, как подданный к властителю. Сразу же заметим, что Ромодановский и другие воспринимали это однозначно, как игру, и письма-просьбы Петра понимали как царские указы, подлежащие обязательному исполнению.

Тут, конечно, приходит на память Симеон Бекбулатович – вассальный касимовский хан, которому Иван Грозный «передал» престол и писал под именем «Ивашки» уничижительные челобитные. «Отдав» марионетке престол, Иван стремился таким образом развязать себе руки для нового цикла кровавых расправ с реальными и воображаемыми противниками. Петр, хотя и уважал Ивана, все же играл в другие игры. Суть их состояла в исполнении «службы». «Служба» – для Петра синтетическое понятие, вобравшее в себя и четкое осознание обязанностей каждого перед государством и государем, и ревностное и честное их исполнение, даже если это сопряжено с риском для здоровья и жизни, и безусловное подчинение воле вышестоящего начальника (что заметил Юль в приведенном выше отрывке), и право на награду за самоотверженный труд или воинский подвиг (об этом сохранились его письма Ромодановскому с благодарностью за присвоение очередного звания).

Некоторые прозорливые современники осознавали это, правильно интерпретируя поведение царя как метод воспитания своих подданных, прием пропаганды нового образа жизни.

Автор записок о Петре, секретарь прусского посольства И. Фоккеродт, писал, что сам царь «не имеет никакого преимущества перед другими, а подобно своим товарищам с ружья, даже с барабана и будет выслуживаться постепенно: для такой цели он в этом случае слагал самодержавную власть в руки князя Ромода-

новского, который должен повышать его в мины наравне с другими солдатами по его заслугам и без малейшего потворства. Так, пока жив был вышепомянутый князь, именно до 1718 года. Петр разыгрывал такую комедию, что получил от него повышение в генералы и адмиралы, которые должности ему угодно было возложить на себя. Это объявление имело то действие, что дворяне из самых знатных фамилий, хотя и не покидая и предрассудка о достоинстве своего происхождения... однакож оставались с ним на службе и стыдились заявлять такие притязания, которые могли показать, будто бы они думают быть лучше их государя». Наблюдения Фоккеродта основательны: еще в 1705 году английский посол Ч. Уитворт писал: «Царь, находясь при своей армии, до сих пор не является ее начальником, он состоит только капитаном бомбардирской роты и несет все обязанности этого звания. Это, вероятно, делается с целью подать пример высшему дворянству, чтобы и оно трудом домогалось знакомства с военным делом, не воображая, как, по-видимому, воображало себе прежде, что можно родиться полководцем, как родишься дворянином или князем».

Практически о том же сообщает в своих записках и токарь царя Андрей Нартов. Характеризуя отношение Петра к Ромодановскому на людях, он пишет: «При выездах садился Петр Великий в карете против князя-кесаря, а не рядом с ним, показывая подданным пример, какое оказывает почтение и повиновение к высшей особе. Чин вице-адмирала от князя-кесаря объявлен был царю Петру Алексеевичу, яко бывшему контр-адмиралу, в Сенате, где князь-кесарь сидел посреди всех сенаторов на троне и давал аудиенцию государю при прочтении письменной реляции подвигов его, и образец прочим, что воинские достоинства получаются единственно по заслугам, а не породою и счастьем». Принципиально важно заметить, что Петр понимал службу не просто как добросовестное исполнение обязанностей и подчинение вышестоящему, а как Служение государству. Именно в этом он видел смысл и главную цель своей жизни и жизни своих подданных. О роли этого фактора при оценке личности Петра, пожалуй, лучше других сказал Н. И. Павленко: «Пестрота черт характера Петра тем не менее не противоречила представлениям современников и потомков о цельности его натуры. Монолитность образу придавала идея служения государству, в которую глубоко уверовал царь и которой он подчинил свою деятельность, проявлялась ли она в форме необузданной деспотичности или безграничной самоотверженности, происходила ли она в сфере военно-дипломатической или гражданской».

Это наблюдение позволяет дать объяснение тем поступкам и действиям Петра, которые подчас, казалось бы, явно противоречат его характеру, как человека импульсивного, живого, нетерпеливого. Особенно отчетливо это проявлялось в дипломатической деятельности. Достаточно вспомнить историю его отношений с неверными союзниками – датским королем Фредериком IV, польским королем и курфюрстом Саксонии Августом II – историю, в которой Петр, выдающийся дипломат, проявляя редкое терпение, такт, обуздывая свои порывы, сумел достичь важнейшей цели: восстановить после 1706 года Северный союз против Швеции. Прибывший в 1709 году датский посланник Юст Юль стремился добиться для Дании помощи со стороны России, для чего вел неоднократно переговоры с Петром.

Предоставим слово самому Юлю: «Ввиду затруднений, с какими… сопряжен порой доступ к царю, я воспользовался нынешним обедом, за которым сидел с ним рядом, чтобы, согласно приказанию моего всемилостивейшего государя и короля, переговорить с ним о разных вещах. Во время этой беседы царь весьма благосклонно и охотно слушал меня и отвечал на все, что я ему говорил. Однако известное лицо, стоявшее с нами, предостерегло меня и заверило, что само оно слышало, как царь сказал по-русски генерал-адмиралу, что в настоящее время ему очень не хочется говорить со мною о делах. Но так как поручение моего короля требовало, чтобы я снесся с царем, не упуская времени, то я продолжал разговор, и он снова стал слушать меня с прежнею сосредоточенностью и вниманием. Тут, зная положительно (получив, как сказано выше, заверения), что в данную минуту ему докучны мои речи, я с величайшим удивлением убеждался, до какой степени он умеет владеть своим лицом и как ни малейшей миной, ни равно своими приемами он не выдает своего неудовольствия либо скуки».

Удивляться такому поведению импульсивного Петра, вероятно, не следует: царь – весь внимание, так как дело касается интересов государства – того, что было для него превыше всего. Человек необычайно способный, трудолюбивый, он наслаждался работой, особенно той, которая приносила реальные результаты, была видна всем. В самых разных сферах деятельности он был заметен. Как писал англичанин на русской службе, Джон Перри, «о нем можно сказать, что он сам вполне солдат и знает, что требуется от барабанщика, равно как и от генерала. Кроме того, он инженер, пушкарь, делатель потешных огней, кораблестроитель, токарь, боцман, оружейный мастер, кузнец и прочее; при всем этом он часто сам работает собственноручно и сам наблюдает, чтобы в самых мелких вещах, как и в более важных распоря-

жениях, все было исполнено согласно его мысли». Несомненно, личный пример служения государству, который Петр самозабвенно демонстрировал на глазах тысяч людей на стапелях верфи, лесах стройки, мостике корабля или на поле боя, был необычайно эффективен, заразителен для одних и обязывал других. Петр был искренне убежден, что царствование – это его такая служба России, что, царствуя, он исполняет свой долг перед государством. Своим примером он призывал и всех своих подданных исполнять свои обязанности так же самоотверженно. Нартов передает: «В бытность в Олонце при питии марциальных вод его величество, прогуливаясь, сказал лейб-медику Арешкину (Арескин. – *Е.* А.): „Врачую тело свое водами, а подданных – примерами“». Теоретиком абсолютизма архиепископом Феофаном Прокоповичем была выдвинута целая концепция «образцовой, высшей обязанности» царя на его «службе». Самодержец, согласно идее Феофана, поставлен на вершину «чинов», является высшим «чином», в который его определил сам Бог, поручив ему нелегкую «службу» управления подданными. Такая божественно-бюрократическая концепция полностью отвечает идеям создателя «Табели о рангах». Размышляя о данных от Бога «чинах», Феофан в известной проповеди «Слово в день Александра Невского» (1718 год) исходит из общих положений о службе: «…всякий чин от бога есть… то самое нуждднейшее и богу приятное дело, его же чин требует: мой мне, твой тебе и тако о прочих. Царь ли еси? Царствуй убо, наблюдая да в народе будет беспечалие, а во властях правосудие и како от неприятелей цело сохранити отечество. Сенатор ли еси? Весь в том пребывай, како полезныя советы и суд не мздоприимный, не на лица зрящий, прямый же и правильный произносити. Воин ли еси?..» и т. д.

Подробнее обязанности монарха были изложены в известных положениях «Правды воли монаршей»: «Царей должность есть… содержать подданных своих в беспечалии и промышлять им всякое лучшее наставление к благочестию, так и честному жительству, да будут же подданнии в беспечалии; должен царь пещися да будет истинное в государстве правосудие на охранение обидимых от обидящих подданых себе; також и да будет крепкое и искусное воинство на защищение всего отечества от неприятелей. А чтобы было и всякое лучшее наставление, должен царь смотреть, чтоб были искуснии учители как духовний, так и гражданстии довольное число. О таковых своих должностях много имеют государи учения… От сих и прочих писаний явно есть царского сана долженство, еже есть сохраняти, защищати, во всяком беспечалии содержати, наставляти и исправляти подданных своих».

Очень четко обозначил Петр свои обязанности в речи 1719 года, обращенной к дворянству после казни царевича Алексея: «…первые и главные обязанности монарха, призванного богом к управлению целыми государствами и народами, состоят в защите от внешних врагов и в сохранении внутреннего мира между подданными посредством скорого и праведного воздания каждому по справедливости. Долг монарха самому вести войска свои в бой и наказывать зло в лице людей, наиболее высоко стоящих по рождению или по богатству, совершенно так же, как и в лице последнего мужика».

Разумеется, для успешного осуществления этих основных обязанностей монарха он должен, по мысли Феофана, иметь абсолютную власть, а именно: «власть законодательную крайне действительную, крайный суд износящую… *а самую ни каковым же законом не подлежащую»*. Попытки обосновать обязанности монарха и достаточно точно сформулировать пределы, точнее, беспредельность его власти – результат новых веяний, которые коснулись политической культуры России в конце XVII – начале XVIII века.

Мысли Феофана о «службе» и власти монарха не были оригинальными, они стали производными идей, которыми жила правовая и философская мысль Западной Европы того времени. Именно об этом и следует несколько подробнее сказать. Из многих привычных символов Петровской эпохи нужно особо выделить корабль под парусами со шкипером на мостике – сразу вспоминается Пушкин:

Сей шкипер был тот шкипер славный.
Кем наша двигнулась земля,
Кто придал мощно бег державный
Рулю родного корабля.

Почему корабль? Думаю, что и для Петра это тоже было не только транспортное средство для перевозки грузов по водной поверхности. Корабль – вечная любовь Петра – был для него символом организованной, рассчитанной до дюйма структуры, материальным воплощением человеческой мысли, сложного движения по воле разумного человека. Более того, корабль для Петра – своеобразная модель идеального общества, лучшая форма организации, опирающейся на знание законов природы в извечной борьбе человека со слепой стихией.

За этим символом целый пласт культуры, мир интеллектуальных ценностей эпохи рационализма, европейского XVII века, преемника Возрождения века XVI и предшественника Просвещения XVIII века. Плеяда выдающихся мыслителей оформила круг идей,

создала атмосферу, которой дышали поэты, художники, ученые, государственные деятели. Среди властителей умов – Бэкон, Спиноза, Локк, Гассенди, Гоббс, Лейбниц. Эти идеи стали активно проникать в Россию вместе с реформами Петра, и имена великих философов века рационализма не были чужды русскому уху.

Что же это за идеи? Упрощая, можно выделить несколько наиболее важных. Человек XVII века, как никогда раньше, ощутил силу опытного знания, в котором увидел средство достижения господства над природой. В этой борьбе особое место отводилось организации человеческого общества, конкретнее – государству. Оно мыслилось как установление, возникшее по воле свободных людей, заключивших, ради собственной безопасности, *договор*, по которому они передавали свои права государству. Государство, таким образом, оказывалось чисто человеческим установлением, человек мог его совершенствовать в зависимости от общих целей, которые он ставил перед собой. Государство, считал Гоббс, строят как дом (как корабль, добавим мы, следуя заданному образу). Эту мысль часто повторяли в разных вариантах, ибо она была оружием, вытеснявшим средневековую идею неизменности и богоданности государственных форм.

Производной от этой идеи была другая: государство есть идеальный инструмент, универсальный институт воспитания людей, превращения их в сознательных, добродетельных, полезных обществу граждан. Рычагами государства служат законы и организация. Право, как и само государство, есть творение человека, и, совершенствуя законы, добиваясь с помощью учреждений их реализации, можно добиться процветания, достичь всеобщего счастья, всеобщего блага – туманной, но всегда влекущей людей цели.

Человечеству, вышедшему из обскурантистского сумрака Средневековья, казалось, что, наконец, найден ключ к счастью – стоит правильно сформулировать законы, усовершенствовать организацию, добиться беспрекословного, всеобщего и точного исполнения начинаний государства. Неслучайным было усиление влияния в обществе дуализма – учения, при котором Богу отводилась роль первотолчка. Далее же, считали дуалисты, природа и человек развиваются по собственным, естественным законам, которые предстоит только обнаружить и записать. Отсюда эта поразительная для нас оптимистическая, наивная вера людей XVII—XVIII веков в неограниченные силы разумного человека, возводящего по чертежам, на началах опытного знания, свой дом, корабль, город, государство. У этого времени был и свой герой: Робинзон Крузо, не столько литературный образ, сколько символ века рационализма, показавший всему миру, что человек может

преодолеть все невзгоды и несчастья, веря в свои силы, опираясь на опытное знание.

Важно также отметить, что в оценке общественных явлений и институтов преобладал механицизм, точнее – механистический детерминизм. Выдающиеся успехи математики и естественных наук создали иллюзию, что можно трактовать жизнь во всех ее проявлениях как процесс механический. С равным рвением такой подход применялся к физиологии, психологии, обществу, государству, ибо согласно учению Декарта о всеобщей математике (mathesis universalis) все науки рассматривались как разновидность математики – единственно достоверного и, что представлялось особенно важным тогда, лишенного мистики знания.

Без учета всех этих идей можно понять неверно и замыслы Петра, и его жизненную концепцию. Конечно, было бы большим преувеличением думать, что Петр владел всей суммой философских знаний эпохи. Он не был философом, даже, вероятно, не имел философского склада ума. Но нельзя сбрасывать со счетов широкое распространение (пусть даже в популярной, упрощенной форме) этих идей в общественном сознании, их роль в складывании духовной атмосферы, в которой жили мыслящие люди того времени. Нельзя забывать и того, что Петр был знаком с Лейбницем, возможно – с Локком, наконец, нужно учитывать тот пристальный интерес, который проявлял царь-реформатор к работам юристов и государствоведов Г. Гроция, С. Пуфендорфа. Книга последнего «О должности человека и гражданина» была при Петре переведена на русский язык и очень высоко им ценилась. Важно, что в этих авторитетных трудах философские идеи века рационализма преломлялись применительно к государству. Не случайна и переписка Лейбница с Петром, где затрагивалась проблема государственных реформ и где Лейбниц дает образ государства в виде часового механизма, все колесики которого действуют в идеальном сцеплении. Не приходится сомневаться, что этот образ был близок мировосприятию Петра – истинного сына своего века.

В его подходе к жизни, людям мы видим многие черты, получившие преобладающее развитие в то время: предельный рационализм, практицизм. Петр был типичным технократом. Проявляя интерес ко многим отраслям знаний, он явно отдавал предпочтение точным наукам, знаниям, имевшим прикладное, практическое значение. Кроме математики, механики, кораблестроения Петр знал и другие науки: фортификацию, архитектуру, баллистику, черчение и т. д., не говоря уже о «рукодельстве» – ремеслах. Многие из этих дисциплин входили в своеобразный «джентльменский набор» образованного человека Петровской эпохи, были

обязательными для дворянина точно так же, как владение шпагой, пистолетом, лошадью. В указе о переводе нужнейших в России книг Петр перечисляет те «художества», которые требуют особого внимания. Среди них упомянуты «математическое», «механическое», «ботаническое», «архитектур милитарис, цивилис», а также «анатомическое» и «хирургическое» «художества». Особым уважением Петра пользовалась медицина, точнее – хирургия. Ею Петр увлекался с давних пор, наблюдая, а потом и сам делая довольно сложные операции, степень риска которых мог по-настоящему оценить лишь сам пациент. Любовь Петра к медицине больше, чем плавание в неверной стихии моря или оглушающий рев пушек, испытываемых царем, приводила в трепет его приближенных, ибо Петр считал себя непререкаемым авторитетом в этой, как, впрочем, и в других, отрасли знаний. Он внимательно следил за здоровьем своих придворных и родственников, незамедлительно предлагая свои услуги, тем более что футляр с хирургическими инструментами всегда носил с собой, а вырванные зубы аккуратно складывал в особый мешочек. Примечательна запись в дневнике Берхгольца за ноябрь 1724 года: «Герцогиня Мекленбургская (Екатерина Ивановна, племянница Петра. – *Е.* А.) находится в большом страхе, что император скоро примется за ее больную ногу: известно, что он считает себя великим хирургом и охотно сам берется за всякого рода операции над больными. Так в прошлом году он собственноручно и вполне удачно сделал вышеупомянутому Тамсену (точнее, Таммесу. – *Е. А.)* большую операцию в паху, причем пациент был в смертельном страхе, потому что операцию эту представляли ему весьма опасною».

Когда операция оказывалась неудачной, Петр с неменьшим знанием дела препарировал труп своего пациента в анатомическом театре, ибо был неплохим патологоанатомом. Примером этого увлечения Петра может служить история коллекции Фридриха Рюйша, находящейся в Кунсткамере и до сих пор вызывающей экзальтированный интерес многих гостей Петербурга.

С этим собранием известного голландского врача и анатома Петр познакомился еще в 1698 году в Амстердаме и неоднократно пытался выведать у мэтра секрет изобретенного им препарирования человеческих органов, при котором они долгое время не теряли натурального вида и цвета. Однако Рюйш соглашался уступить свой секрет вместе со знаменитой коллекцией уродов только за огромную сумму. Лишь в 1717 году Петр сумел за 30 тысяч гульденов приобрести коллекцию и узнать столь важный для него секрет.

Рационализм проявлялся и в том, как Петр относился к переводам необходимых книг. В указе «труждающимся в переводе эко-

номических книг» от 16 сентября 1724 года он писал: «Понеже немцы обыкли многими рассказами негодными книги свои наполнять только для того, чтоб велики казались, чего кроме самого дела и краткого пред всякою вещию разговора, переводить не надлежит, но и вышереченной разговор, чтоб не праздной ради красоты, но для вразумления и наставления о том чтущему был, чего ради о хлебопашестве трактат выправил, вычерня негодное, и для примеру посылаю, дабы по сему книги перевожены были без лишних разказоф, которые время только тратят и у чтущих охоту отъемлют». Образцом рационалистического подхода Петра может служить, конечно, исправленный его рукой алфавит, из которого выброшено все, что казалось Петру затрудняющим письмо, что устарело или было несовершенно.

Искусство Петр оценивал тоже с позиций технократа. Произведения искусства должны были, по мысли царя, служить либо украшением, либо символом, наглядным пособием, дающим людям знания или назидательные примеры для их морального совершенствования. В остальных случаях Петр проявлял полное равнодушие к художественным сокровищам Парижа, Дрездена, Вены, Лондона. Пожалуй, лишь фейерверки и всевозможные «огненные потехи» были подлинной эстетической страстью Петра, возможно, в них он находил редкое сочетание прекрасного с полезным. Может быть, следует поверить автору известных «Анекдотов о Петре Великом» Я. Штеллину, передававшему со слов прусского посланника Мардефельда о том, как, взирая на фейерверк, Петр сказал прусскому посланнику: «Мне нужно увеселительным огнем приучать мой народ к огню в сражении. Я опытом узнал, что тот и в сражении меньше боится огня, кто больше привык к увеселительным огням».

Согласно другому рассказу, Петр мечтал о таком устройстве Летнего сада, чтобы гуляющие «находили в нем что-нибудь поучительное». С этой целью были оборудованы фонтаны с фигурами – персонажами Эзоповых басен, а подле каждого фонтана поставили «столб с белою жестью, на которой четким русским письмом написана была каждая баснь с толкованием». Не в продолжение ли этой традиции рядом с каждой скульптурой Летнего сада укреплены таблички с пояснениями, а столь любимый детьми памятник Крылову стоит именно здесь, где некогда петровские современники разглядывали фонтаны на мотивы басен великого предшественника русского баснописца?

В литературе не раз ставился вопрос о том, был ли Петр религиозен. И большинство исследователей не пришли к определенному ответу – столь противоречивым является дошедший до нас исторический материал. Действительно, с одной стороны, мы

видим: несомненная веротерпимость (исключая традиционное негативное отношение к евреям, исповедующим иудаизм), дружба с различными иноверцами, интерес к мировым религиям, естественнонаучным проблемам, отказ от ритуальных норм древнерусского «благочестия» как важнейшей черты самодержца, крайне отрицательное отношение к суевериям, корыстолюбию церковников, презрение к монашеству как форме существования, кощунственное шутовство Всепьянейшего собора и, наконец, самое важное – реформа церкви, приведшая к ее окончательному подчинению власти государства. Все это создало Петру устойчивую в широких массах народа репутацию «табашного безбожника», «антихриста», имя которого с проклятием поминалось многими поколениями старообрядцев. Достойна примечания история с недавним обнаружением в таежной глухомани Сибири поселения старообрядцев Лыковых, помнивших и повторявших из всей истории имена только двух своих заклятых врагов – Никона и Петра, о которых они говорили так, как будто те не умерли два с половиной – три столетия тому назад, а были их современниками.

С другой стороны, читая тысячи писем Петра, отчетливо видишь, что имя Божие в них – не дань традициям или привычке, бытующей и сейчас среди атеистов («слава богу», «дай бог…» и т. д.), но свидетельство несомненного религиозного чувства. Разумеется, при этом я заведомо отбрасываю слова, формулировки, ритуальные выражения, употребляемые исключительно в пропагандистских, политических целях. Важнее другое. Антицерковная политика Петра никогда не становилась антирелигиозной, а в церковной же его политике нет ни малейшей тенденции к протестантизму. Нельзя не заметить и полной пассивности и уклончивости Петра, когда деятели католицизма предлагали ему реализовать старую идею Флорентийской унии об объединении церквей. То же предлагали и протестантские епископы. Они знали, что делали, ибо в принципе это вполне отвечало идеям царя о скорейшем и теснейшем сближении России с Западом. При всей склонности Петра к шутовству на религиозной почве он отнюдь не пренебрегал обязанностями православного христианина. Примечательна и запись в его блокноте, которая фиксирует один из аргументов спора (возможно, мысленного) царя с атеистами: «Против отеистов. Буде мнят, законы смышленные, то для чего животное одно другое ест, и мы. На что такое бедство им зделано». Речь здесь, по-видимому, идет о тезисе, утверждающем разумное начало природы.

Согласно этому тезису, ее виды возникали в соответствии с внутренними, присущими самой природе рациональными зако-

нами, не имеющими ничего общего с божественными законами. Аргументом против этого широко распространенного рационалистического тезиса, полагает Петр, является несовместимость разумности («смышлености», по терминологии царя) природы с царящей в ней жестокой борьбой за выживание, которая, по мысли Петра, разрушает внебожественную гармонию природы. Именно эта мысль и служит для него веским доказательством неправоты атеистов, отрицающих Бога – творца и повелителя природы, который в концепции Петра выступает грозным Яхве-деспотом, по образу и подобию которого, возможно, мыслил себя царь.

Думаю, что в целом у царя не было сложностей с Богом. Он исходил из ряда принципов, которые примиряли его веру с разумом. Он считал, что нет смысла морить солдат в походах и не давать им мяса во время поста – им нужны силы для победы России, а значит, и православия. Известно, как подозрительно относился Петр к различного рода чудесам, мощам. Сохранился указ Синоду от 1 января 1723 года о том, чтобы «серебряный с изображением образа мученика Христофора ковчег, о котором его величеству Синодом докладовано, перелить в какой пристойно церковный сосуд, а содержавшуюся во оном под именем мощей слоновую кость положить в синодальную кунштт-камору и написать на оную трактат с таким объявлением, как наперед сего когда от духовных инквизиций не было, употреблялись сицевым (таким. – *Е.* А.) и сим подобныя суперетиции (подделки. – *Е. А.),* который и от приходящих в Россию греков производимы и привозимы были, что ныне уже синодальным тщением истребляются».

Нетрудно представить себе петровские «сентенции» церковникам, хранившим слоновую кость вместо мощей святого. Примечательна и история с экскурсией Петра в музей Лютера в Виттенберге. Осмотрев место захоронения великого реформатора и его библиотеку, Петр с сопровождающими «были в его палате, где он жил и за печатью на стене в той палате указывали капли чернил, и сказывали, что, когда он, сидя в той палате, писал и в то время пришел к нему диавол, тогда будто он в диавола бросил чернильницу, и те чернила будто тут на стене доныне остались, которыя сам государь смотрел и нашел, что оныя чернильныя бразки новы и сыроваты; потом просили тамошние духовные люди, дабы государь подписал в той палате что-нибудь своею рукою на память своего бытия и по тому их прошению государь подписал мелом сие: *чернила новыя и совершенно сие неправда».*

Но, говоря о подобных, довольно характерных для Петра проявлениях рационализма, не следует впадать в крайность, преподносить их как свидетельство его атеизма. Примечателен и не

лишен правдоподобия рассказ Нартова о посещении новгородского собора Святой Софии Петром и Яковом Брюсом – известным книжником, точнее, чернокнижником, алхимиком, о чьем безверии и связи с дьяволом говорили многие современники. Стоя с царем возле рак святых, Брюс рассказывал Петру о причинах нетленности лежащих в них тел. Нартов пишет: «Но как Брюс относил сие к климату, к свойству земли, в которой прежде погребены были, к бальзамированию телес и к воздержанной жизни, и сухоядению или пощению (от слова „пост“. – *Е.* А.), то Петр Великий, приступя, наконец, к мощам святого Никиты, архиепископа Новгородского, открыл их, поднял их из раки, посадил, развел руки, паки сложив их, положил, потом спросил: „Что скажешь теперь, Яков Данилович? От чего сие происходит, что сгибы костей так движутся, яко бы у живого, и не разрушаются, и что вид лица, аки бы недавно скончавшегося?“ Граф Брюс, увидя чудо сие, весьма дивился и в изумлении отвечал: „Не знаю сего, а ведаю то, что Бог всемогущ и премудр“».

Может быть, Брюс действительно несколько растерялся и сразу не нашелся, что сказать Петру, который, согласно Нартову, при этом поучительно заметил: «Сему-то верю и я и вижу, что светские науки далеко еще отстают от таинственного познания величества творца, которого молю, да вразумит меня по духу».

Представим себе эту фантасмагорическую ситуацию, когда, стоя у переворошенной священной раки с сидящим в ней мертвецом, самодержец всероссийский и ученый генерал-фельдцейхмейстер ведут философскую беседу о пределах познания мира. И эта сцена поражает своей кощунственностью (ибо нельзя забывать, что происходит она не в Кунсткамере, а в одной из православных святынь, у нетленного праха святого, которому поклоняются поколения верующих) и одновременно тем, как точно она отражает лишенную мистики и суеверия веру Петра, основания которой он ищет как раз в бессилии науки объяснить явления, источником которых, следовательно, может быть, по мнению Петра, только Бог.

Примечательна и другая сторона «рационалистической» веры царя. Он явно идентифицировал понятие Бога, высшего существа, с роком, «некоей силой, управляющей нами», судьбой, бороться с которой бессмысленно. При этом он далек от христианского смирения. В письме грузинскому царю Арчилу II от 20 мая 1711 года, сообщая о смерти его сына Александра, он разворачивает свою аргументацию так: «Но что же может вам помощи в сем невозвратном уроне? Точию яко мужу разумну, представляем во отраду три вещи, то есть великодушие, разсуждение и терпение, ибо сия обида не от человека, которому б заплатить или отмстить

можем, но от всемагучего Бога, которой сей непреходимый предел уставил».

Вообще создается впечатление, что строй мыслей Петра был далек от религиозного: события, которые он наблюдал и в которых участвовал, вызывали у него (в соответствии с языком культуры европейского XVII века – времени классицизма) не библейские, а античные образы, причем образность сравнений была не натужна, а естественна и точна. Так, в одном из писем с победного поля под Полтавой он сравнивает гибель шведской армии с гибелью возгордившегося и не управившегося с солнечной колесницей сына бога Солнца – Гелиоса Фаэтона, в другом – сравнивает уходящего от него противника с бегущей от преследователя нимфой Эхо.

Примечательны запомнившиеся царю сны, которые он сразу же записывал или приказывал записать своему секретарю. Они, отражая раскрепощенное сознание этого человека, ярко показывают особо символичный склад его мышления. Сны эти состоят как бы из блоков аллегорий, имевших широкое хождение в культуре того времени, и их можно было бы использовать как описание какого-либо праздничного фейерверка, аллегоричной групповой скульптуры, предназначенной для очередного календарного праздника: «1715 г., января с 28-го на 29-е число: будучи на Москве, в ночи видел сон: господин полковник (то есть сам Петр. – *Е.* А.) ходил на берегу, при реке большой и с ним три рыбака, и волновалася река, и большия прибивала волны. И идет волна, и назад отступала, и так били волны, что покрывало их. И назад отступала, а оне не отступили. И так меньше и уступила вода в старое состояние свое».

А вот сон 1723 года: «Его величество на 26-е число апреля видел сон: якобы орел сидел на дереве, а под него подлез или подполз какой зверь немалой наподобие каркадила или дракона, на которого орел тотчас бросился и с затылка у оного голову отъел, а имянно переел половину шеи и умертвил и потом, как много сошлось людей смотреть то, подполз такой же другой зверь, у которого тот же орел отъел и совсем голову и то яко бы было явно всем». Может ли кто из современных читателей вспомнить столь яркий аллегоричный сон? – охота кошки за мышами в счет нейдет.

Идея рационализма в полной мере распространялась и на государство, которое должно было в первую очередь подчиняться действию начал разума, логики, порядка. Петр, исходя из этих начал, жил, показывая пример служения, службы, и в соответствии с духом времени формулировал идею обязанностей монарха перед подданными. Особенно отчетливо это выразилось в ма-

нифесте о приглашении иностранцев на русскую службу от 16 апреля 1702 года. И хотя манифест остался неизвестен русскому современнику Петра и предназначался «на экспорт», идеи его примечательны для мировоззрения Петра. Вкратце они сводятся к следующему: Бог определил царя обладать землями и государством и «таким образом правительствовати, дабы всяк и каждый из наших верных подданных чювствовати мог, како наше единое намерение есть о их благосостоянии и приращении усердно пещися». Поэтому Петр считал своим первейшим долгом заботиться о безопасности государства, расширении торговли – главного источника благосостояния. Кроме этих дежурных для идеального монарха обязанностей Петр «ввернул» в манифест и самую близкую для него в то время идею коренного преобразования страны на европейских началах. Именно эту задачу «сочинения российского народа» он считал важнейшей, посвятив ее решению всего себя.

Но, восхищаясь столь редкой для правителя простотой, работоспособностью, целеустремленностью и самоотверженностью Петра, нельзя забывать при этом о двух принципиальных нюансах: во-первых, круг обязанностей монарха по «служению» народу определялся самим монархом и варьировался по его усмотрению, не будучи закрепленным в законодательстве; во-вторых, «служба» царя и служба его подданных существенно различались между собой. Ведь для последних служба государству, вне зависимости от их желания, сливалась со службой царю, шире – самодержавию. Иначе говоря, своим каждодневным трудом Петр показывал подданным пример, как нужно служить ему, российскому самодержцу. Не случайно он однажды произнес тост, так хорошо запомнившийся очевидцу: «Здравствуй (то есть „Да здравствует!“ – *Е.* А.) тот, кто любит Бога, меня и Отечество!» Другой мемуарист (англичанин Перри) подметил: «Царь обращает особенное внимание на то, чтобы его подданные сделались способными служить ему во всех этих делах. Для этой цели он не жалеет трудов и постоянно сам работает в среде этих людей…» Конечно, здесь не следует все упрощать. Да, служение Отечеству, России – важнейший элемент политической культуры петровского времени. Его питали известные традиции борьбы за независимость, за существование, немыслимое без национальной государственности. Но все же основной, определяющей была иная, идущая из древности традиция – отождествления власти и личности царя с государством. Апофеоз же этих идей наступил при Петре, что отразилось в полной мере в правовых нормах. В воинской присяге, утвержденной при Петре, нет понятия России, Отечества, земли, а есть только понятие «царя-государя», а само государство

упоминается как «Его царского величества государство и земли». Но даже этих слов нет в присяге служащих, включенной в Генеральный регламент. Присяга давалась «своему природному и истинному царю и государю, всепресветлейшему и державнейшему Петру Первому, царю и Всероссийскому самодержцу и прочая, и прочая, и прочая». Затем шла клятва в верности «высоким законным наследникам, которые по изволению и самодержавной Его царского величества власти определены и впредь определяемы и к восприятию престола удостоены будут, и Ее величества государыне царице Екатерине Алексеевне верным, добрым и послушным рабом и подданным быть и все, к высокому его царского величества самодержавству, силе и власти принадлежащие права и прерогативы (или преимущества), узаконенные и впредь узаконяемые по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять и в том живота своего в потребном случае не щадить». Вполне традиционная идея самодержавия получила при Петре новые импульсы, когда была предпринята попытка рационалистически обосновать абсолютную власть. Необходимость этого была обусловлена тем, что обществу петровского времени было уже недостаточно сознания богоданности царской власти как единственного аргумента для ее почитания. Нужны были иные, новые, убедительные, точнее – рационалистические принципы ее обоснования. Поэтому Феофан Прокопович ввел в русскую политическую культуру понятия, взятые у теории договорного права, согласно которому люди, чтобы не самоуничтожиться, должны были передать себя повелителю, обязанному их защищать, но взамен получавшему над ними полную власть, которая выразилась в образе разумного, видящего за далекие горизонты монарха – Отца Отечества, народа. В «Правде воли монаршей» Феофан доходит до парадоксального на первый взгляд, но логичного для системы патернализма вывода о том, что если государь всем своим подданным «Отец», то тем самым он «по высочайшей власти своей» и своему родному отцу «Отец».

Любопытно объясняет токарь Петра А. Нартов частые расправы царя над своими провинившимися сановниками: «Я часто видел, как государь за вины знатных чинов людей здесь (то есть в токарне. – *Е.* А.) дубиною потчивал, как они после сего с веселым видом в другие комнаты выходили и со стороны государевой, чтоб посторонние сего не приметили, в тот же день к столу удостаиваны были». И далее самое главное: «Но все такое исправление чинилось не как от императора подданному, а как от отца сыну, в один день наказан и пожалован». Близок к этому и рассказ Штеллина о том, как на поломанном мосту царь избил дубинкой ехавшего с ним в одноколке обер-полицмейстера Петербурга А. Девьера,

приговаривая: «Впредь будешь ты лучше стараться, чтоб улицы и мосты были в надлежащей исправности, и сам будешь за этим смотреть». «Между тем, – продолжает Штеллин, – мост был починен, и гнев государя прошел. Он сел в одноколку и сказал генерал-полицмейстеру весьма милостиво, как бы ничего между ними не случилось: „Садись, брат!“».

Петру, несомненно, присущи многие черты харизматического лидера. Его власть основана не столько на традиционной богоданности, но, главным образом, на признании исключительности его качеств, их демонстративно-педагогической «образцовости» в исполнении «должности». Феофан, обращаясь к царю, но глядя при этом на огромную толпу, слушающую проповедь, патетически восклицал: «Кто тако, якоже ты изучил и делом показал еси артикул сей, еже ходити по долженству своего звания? Мнози царие тако царствуют, яко простой народ дознатися не может, что есть дело царское. Ты един показал еси дело сего превысокого сана быти собрание всех трудов и попечений, разве что и преизлишня твоего звания являети нам в царе и просто воина, и многодельного мастера, и многоименитаго делателя? И где бы довело повелевати подданным должная, ты повеление твое собственными труды твоими и предваряешь и утверждаешь».

Вместе с тем Петр был неприхотлив, прост в быту, жил в скромном домике, затем – в тогдашних, весьма непритязательных, Летнем и Зимнем дворцах. Получая жалованье генерала и корабельного мастера, он не ел дома с золотой посуды, а его коронованная супруга прилежно штопала ему чулки. Передает стиль жизни Петра и в то же время исполнение усвоенной им роли рассказ Штеллина о том, как царь, проработав целый день в кузнице, получил за выкованные им железные полосы 18 алтын (не взяв 18 золотых, предложенных хозяином кузни). При этом он сказал: «На эти деньги куплю я себе новые башмаки, в которых мне теперь нужда». «При сем, – отмечает Штеллин, – Его величество указал на свои башмаки, которые были уже починиваны и опять протопалисъ, взял 18 алтын, поехал в ряды и в самом деле купил себе новые башмаки. Нося сии башмаки, часто показывал их в собраниях и при том обыкновенно говаривал: „Вот башмаки, которые выработал я себе тяжелою работою“».

О его негативном отношении ко многим традиционным формам почитания самодержца, как и о его постоянной ориентированности на реформы, еще будет подробно рассказано в книге. Он был действительно в чем-то революционен, стремился к радикальному преобразованию, коренной ломке общества. Правда, остается открытым вопрос о цели этой ломки. В петровской России такая ломка привела в конечном счете к закреплению и

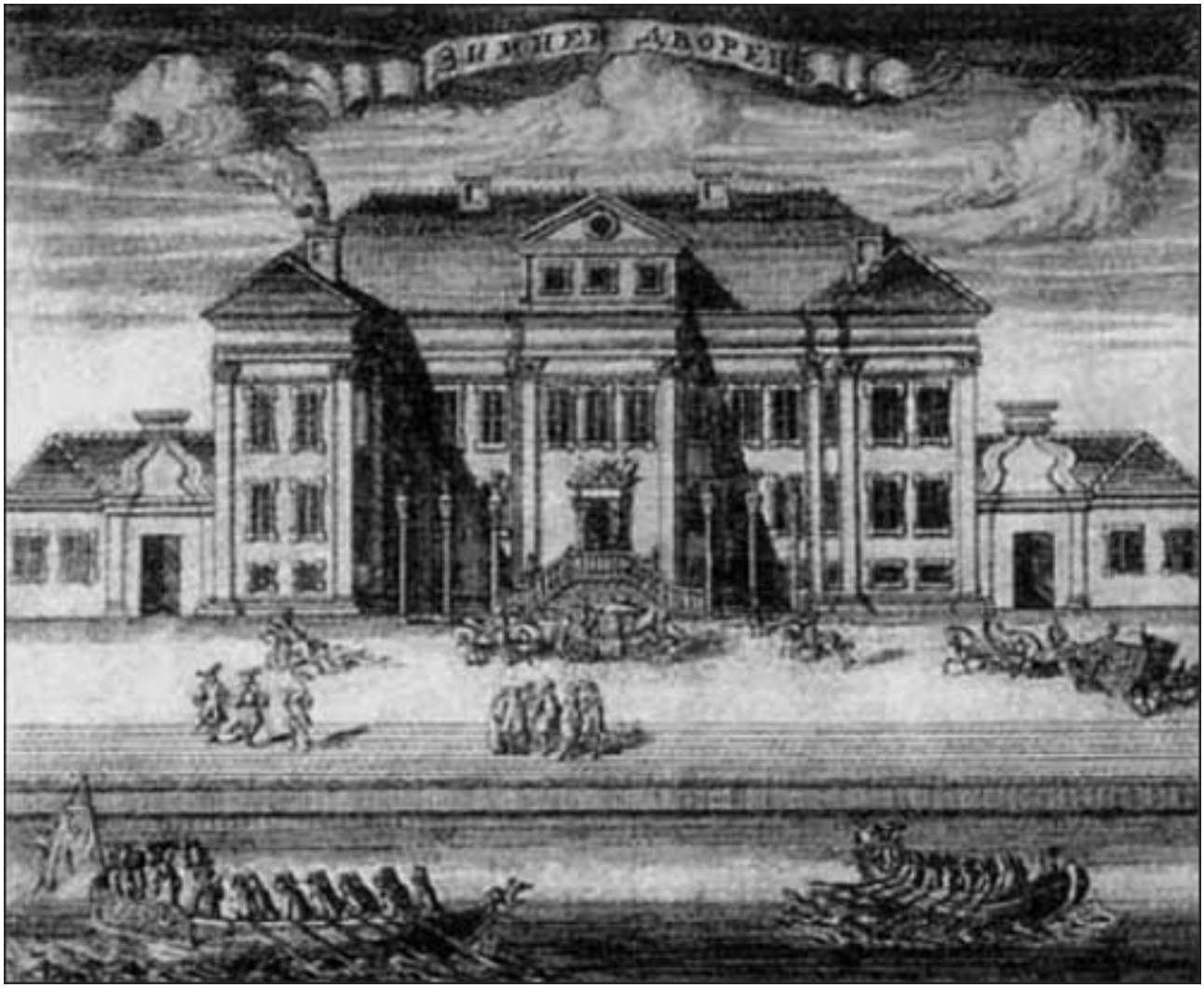
упрочению вполне традиционных общественных отношений и институтов.

Воспевание личности царя-реформатора, подчеркивание его особых личных достоинств – характернейшая черта публицистики петровского времени. Она неизбежно влекла за собой создание подлинного культа личности преобразователя России, якобы только ему обязанной всем достигнутым, возведенной только его усилиями на недосягаемую прежде высоту. Как писал современник Петра Иван Неплюев, «на что в России ни взгляни, все его началом имеем, и чтобы впредь ни делалось, от сего источника черпать будут».

Петровские публицисты (Феофан, Шафиров) подчеркнуто прославляли личные достоинства Петра, особо отмечая, «что не обрящется не токмо в нынешних нашей памяти веках, но ниже в гисториях прежних веков, его величеству равного, в котором бы едином толико монарху надлежащих добродетелей собрано было и которой бы не во многие лета в своем государстве, толь многие славные дела, не токмо начал, но и от большей части в действо произвел и народ свой, который в таких делах до его государствования отчасти мало, отчасти же и ничего не был искусен, не токмо обучил, но и прославил». Уже при жизни Петра сравнивали с выдающимися деятелями русской и мировой истории: Александром Невским, Александром Македонским, Цезарем и т. д.

Мысли идеологов обращаются к опыту Римской империи. В день празднования Ништадтского мира 30 октября 1721 года Сенат подает прошение, в котором подчеркивает особую роль царя в «произведении» России и просит принять новый, невиданный в России титул: «Всемилостивейший государь! Понеже труды Вашего Величества *в произведении нашего отечества и подданного вашего всероссийского народа* всему свету известны, того ради, хотя мы ведаем, что Ваше величество, яко самодержцу, вся [власть] принадлежит, однакож в показание и знак нашего истинного признания, что весь подданной ваш народ ничем иным, кроме единых ваших неусыпных попечений и трудов об оном, и со ущербом дражайшего здравия вашего положенных, на такую степень благополучия и славы произведен есть, помыслили мы, с прикладу древних, особливо ж римского и греческого народов, дерзновение восприять, в день торжества и объявления заключенного оными Вашего величества трудами всей России толь славного и благополучного мира, по прочтении трактата онаго в церкви, по нашем всеподданнейшем благодарении за исходотайствование оного мира, принесть свое прошение к Вам публично, дабы изволили принять от нас, яко от верных своих подданных, во благодарение титул *Отца Отечествия, Императора Всероссий-*

ского, Петра Великого, как обыкновению от Римского Сената за знатные дела императоров их такие титулы публично им в дар приношены и на статуах для памяти в вечные годы подписываны».



Неизвестный гравер. Первый Зимний дворец Петра I. 1716—1717 гг.

Обращение к опыту Рима здесь не случайно. Ориентация на императорский Рим, на Рим – столицу мира вообще, прослеживается в символике императорской России, да и на более раннем этапе. Это проявляется, как отмечал в своих работах Г. В. Виллинбахов, и в названии новой столицы по имени святого Петра – Санкт-Петербург, и в названии патронального собора, и в гербе города, повторяющем перекрещенные ключи с государственного флага Ватикана.

Важно при этом заметить, что в соответствии с принципами харизмы титул «Отца Отечества» был привилегией только Петра, не являясь обязательным атрибутом российских императоров. И хотя впоследствии преемники первого императора восхвалялись

за несуществующие личные достоинства и «щедроты» к российскому народу, официально они его не имели. Правда, уподобляясь своему великому отцу, Елизавета называлась «Матерью Отечества», но никаких возвышающих душу образов и сравнений у современников ее это не вызывало.

Реформы, тяжелый труд в мирное и военное время воспринимались Петром как постоянная учеба, школа, в которой русский народ постигал знания, неведомые ему ранее. В манифесте 1702 года, которым иностранные специалисты приглашались приехать в Россию, отмечалось, что одна из важнейших задач самодержавия – «к вящему обучению народа доходить тако учредити, дабы наши подданные коль долее, толь веще ко всякому обществу и обходительству со всеми иными христианскими и во нравех обученными народы удобны сочинены быть могли».

Северная война тоже устойчиво связывалась с понятием учения. Получив известие о заключении Ништадтского мира, Петр воспринял это событие как получение аттестата об окончании (правда, с опозданием) своеобразной школы. В письме В. В. Долгорукому по поводу заключения мира он пишет: «Все ученики науки в семь лет оканчивают обыкновенно, но наша школа троекратное время была (21 год), однакож, слава богу, так хорошо окончилась, как лучше быть невозможно». Известно и его выражение «Аз есмь в чину учимых и учащих мя требую». Действительно, концепция жизни – учебы, обучения – типична для рационалистического восприятия мира, типична она и для Петра, человека необычайно любознательного, активного и способного. Но в школе, в которую он превратил страну, место Учителя, знающего, что нужно ученикам, он отводил себе. В обстановке бурных преобразований, когда цели их, кроме самых общих, не были отчетливо видны и понятны всем и встречали открытое, а чаще скрытое сопротивление, в сознании Петра укреплялась идея разумного Учителя, с которым он идентифицировал себя, и неразумных, часто упорствующих в своей косности и лени детей-подданных, которых можно приучить к учению и добрым делам только с помощью насилия, из-под палки, ибо другого они не понимают. Об этом Петр говорил не раз. Отвечая голштинскому герцогу, восхищавшемуся токарными «работами» Петра, царь, по словам Берхгольца, «уверял, что кабинетные его занятия – игрушка по сравнению с трудами, понесенными им в первые годы при введении регулярного войска и особенно при заведении флота, что тогда он должен был разом знакомить своих подданных, которые, по его словам, прежде предавались, как известно, праздности, и с наукою, и с храбростью, и с верностью, и с честью, очень мало им знакомою».

Еще более откровенно Петр выразил свои мысли в указе Мануфактур-коллегии 5 ноября 1723 года по поводу трудностей в распространении мануфактурного производства в стране: «Что мало охотников и то правда, понеже наш народ, *яко дети неучения ради*, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера *не приневолены бывают*, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят, что явно из всех нынешних дел не все ль неволею сделано, и уже за многое благодарение слышится, от чего уже плод произошел».

Мысль о насилии, принуждении как универсальном способе решения внутренних проблем не нова в истории России. Но Петр, пожалуй, первый, кто с такой последовательностью, систематичностью использовал насилие для достижения высших государственных целей, как он их понимал.

Среди новелл, составляющих воспоминания Андрея Нартова, есть одна, привлекающая особое внимание. Нартов передает целостную концепцию власти самодержца, как ее понимал царь (естественно – в передаче Нартова): «Петр Великий, беседуя в токарной с Брюсом и Остерманом, с жаром говорил им: „Говорят чужестранцы, что я повелеваю рабами, как невольниками. Я повелеваю подданными, повинующимися моим указам. Сии указы содержат в себе добро, а не вред государству. *Английская вольность здесь не у места, как к стене горох.*

Надлежит знать народ, как оным управлять. Усматривающий вред и придумывающий добро говорить может прямо мне без боязни. Свидетели тому – вы. Полезное слушать рад я и от последняго подданнаго; руки, ноги, язык не скованы. Доступ до меня свободен – лишь бы не отягощали меня только бездельством и не отнимали бы времени напрасно, которого всякий час мне дорог. Недоброходы и злодеи мои и отечеству не могут быть довольны; узда им – закон. *Тот свободен, кто не творит зла и послушен добру“*».

Хотя «Анекдоты» Нартова содержат много недостоверного, но этот заслуживает доверия, ибо подтверждается другими документами и отражает умонастроение Петра. Идея патернализма определяет все: он, Петр, единственный, кто знает, что нужно народу, и его указы, как содержащие лишь безусловное добро, обязательны к исполнению всеми подданными. Недовольные законами, изданными царем, – «злодеи мои и отечеству». Примечательно и убеждение царя, что в России, в отличие от Англии, такой насильственный путь приведения страны к добру – единственный. Причем этот гимн режиму единовластия (а в сущности – завуалированной тирании, при которой закон имеет единственным источником волю властителя) обосновывается все теми же перечис-

ленными выше обязанностями монарха, призванного Богом к власти, а значит, имеющего право повелевать и знающего, в силу Божественной воли, что есть благо.

Как записал в свой дневник Берхгольц, его повелитель, герцог Карл-Фридрих, решил угодить Петру в дни торжеств по поводу Ништадтского мира и построил триумфальную арку, украсив ее с правой стороны изображением «Ивана Васильевича I (Ивана IV. – *Е. А.)* в старинной короне, положившего основание нынешнему величию России, с надписью „Incepit“ *(начал).* С левой же стороны, в такую же величину и в новой императорской короне изображен был теперешний император, возведший Россию на верх славы, с надписью „Perfecit“ *(усовершенствовал)».* Другой придворный голштинского герцога, граф Брюммер (будущий воспитатель Петра III), рассказывал Штеллину о весьма положительной реакции царя на эту аналогию и историческую связь. Петр якобы сказал: «Этот государь (указав на царя Ивана Васильевича) – мой предшественник и пример. Я всегда принимал его за образец в благоразумии и храбрости, но не мог еще с ним сравняться. Только глупцы, которые не знают обстоятельства в его времени, свойства его народа и великих его заслуг, называют его тираном». Думаю, что вряд ли мемуаристы далеко уклоняются от истины, касаясь политических симпатий царя. Они очевидны и вытекают из его философии власти. То соображение, что Петр мало знал о своем предшественнике – Иване Грозном – и потому восхищался им, значения в данном случае не имеет: ведь нам известно, что глубокие знания о кровавой тирании Ивана, накопленные поколениями историков, не смогли тем не менее поколебать устойчивых политических симпатий к средневековому тирану Сталину – этому «душегубцу и мужикоборцу» новейших времен.

Концепция принуждения основывалась не только на вполне традиционной идее патернализма, но, вероятно, и на особенностях личности Петра. В его отношении к людям было много того, что можно назвать жестокостью, нетерпимостью, душевной глухотой. Человек с его слабостями, проблемами, личностью, индивидуальностью как бы не существовал для него. Создается впечатление, что на людей он часто смотрел как на орудия, материал для создания того, что было им задумано для блага государства, империи. Думаю, что Петру должны были быть близки мысли Ивана Грозного, корившего Курбского и ему подобных за непослушание на том основании, что Бог подданных ему «дал в роб Ѣоту». Конечно, следует отметить, что для Ивана понятие «робота» идентично понятию «рабство», а «работные», все без изъятия, – отданные в рабство подданные. Но вместе с тем в отношении Петра и Ивана к подданным было много общего. Довольно стран-

ная шутка и сомнительная аллегория встречаются в письме царя из-под Шлиссельбурга от 19 апреля 1703 года Т. Н. Стрешневу, ведавшему набором солдат в армию: «Как ваша милость сие получишь, изволь не помедля еще солдат сверх кои отпущены, тысячи три или больше прислать в добавку, понеже при сей школе много учеников умирает, того для *не добро голову чесать, когда зубы выломаны из гребня».*

Очень выразительным кажется и письмо в Петрозаводск по поводу болезни личного врача Петра доктора Арескина, который многие годы входил в ближайшее окружение царя. 2 декабря 1718 года Петр писал В. Геннину – местному начальнику: «Господин полковник. Письмо твое ноября от 25-го дня до нас дошло, в котором пишешь, что доктор Арескин уже кончаеца, о котором мы зело сожалеем, и ежели (о чем боже сохрани) жизнь ево уже прекратилась, то объяви доктору Поликалу, дабы ево распорол и осмотрил внутренне члены, какою он болезнию был болен и не дано ль ему какой отравы. И осмотря, к нам пишите. А потом и тело ево отправьте сюды, в Санкт-Питербурх. *Петр».* Поразительная предусмотрительность царя обусловлена тем, что он заподозрил отравление Арескина, сторонника Якова Стюарта – претендента на английский престол, склонявшего Петра поддержать «якобитов». Вполне допустимо, что Петр подумал о заговоре, в чем-то угрожавшем ему. Но в данном случае наше внимание обращает на себя холодный прагматизм, жутковатая деловитость в отношении достаточно близкого ему человека. С такой же деловитостью в 1709 году он поучал Апраксина, как допрашивать больного государственного преступника: «О протопопе Троицком извольте учинить по своему рассмотрению. Ежели будет вам время, то извольте ево взять к Москве и, хотя за болезнию ево пытать нельзя, однакож выпытывать возможно и не поднимаючи, а имянно, чтоб бить, разложа плетьми или батогами и при том спрашивать». Было бы неверно думать о некоей патологии царя – Петр не проявлял палаческих склонностей. Он жил в жестокий век, дети которого бежали, как на праздник, к эшафоту, и войска с трудом сдерживали толпу, стремившуюся поближе насладиться зрелищем мучительной казни очередного преступника. Да, век был суров, но, как справедливо сказал поэт А. Кушнер, «что ни век, то век железный», и нельзя не заметить, что в отношении Петра к людям многое шло от самой личности, от свойств души этого сурового, жестокого и бесцеремонного к окружающим человека. Мемуаристы отмечают, как, например, сидя рядом с бургомистром вольного города Гданьска на торжественном богослужении, данном в честь высокого гостя в центральном соборе, Петр вдруг содрал с головы бургомистра парик и нахлобучил его

на свою голову. После окончания службы он с благодарностью вернул парик ошеломленному хозяину. Все было предельно просто: оказывается, во время мессы царю стало холодно от гулявших по собору сквозняков. И он сделал то же, что не раз проделывал со своими спутниками и слугами.

Чтение указа об основании Санкт-Петербурга Петром Великим в 1703 г. Неизвестный мастер. Литография по рисунку П. Иванова.

Несомненно, Петр был человеком сильных чувств и в их проявлениях резок, порывист. Эти чувства подчас охватывали его целиком. Даже его деловые письма иногда передают эту страстность. Вот только один пример: 6 февраля 1710 года Петр получил долго ожидаемое подтверждение из Стамбула о том, что турки

отменили военные приготовления против России и тем самым развязали ему руки для действий в Прибалтике. 7 февраля Петр пишет А. Кикину: «Вчерашнего дни от давного времени *с великою жаждою* ожидаемого курьера из Константинополя получили… и теперь уже *в одну сторону очи и мысль имеем*». И таких экспрессивных, выразительных писем в эпистолярном наследии Петра немало.

После сказанного нетрудно понять, каким страшным, не знавшим границ мог быть гнев Петра. Примечательно, что в состоянии сильного раздражения у него вдруг начинался припадок, приводивший окружающих в состояние ужаса.

Вот как описывает такой случай Ю. Юль, вместе с канцлером Головкиным участвовавший в январе 1710 года в торжественной церемонии вступления русской армии – победительницы при Полтаве – в Москву: «Мы проехали таким образом порядочный конец, как вдруг мимо нас во весь опор проскакал царь. Лицо его было чрезвычайно бледно, искажено и уродливо. Он делал различные страшные гримасы и движения головою, ртом, руками, плечами, кистями рук и ступнями. Тут мы оба вышли из кареты и увидали, как царь, подъехав к одному простому солдату, несшему шведское знамя, стал безжалостно рубить его обнаженным мечом и осыпать ударами, быть может за то, что тот шел не так, как хотел царь. Затем царь остановил свою лошадь, но все продолжал делать описанные страшные гримасы, вертел головою, кривил рот, заводил глаза, подергивал руками и плечами и дрыгал взад и вперед ногами. Все окружавшие его в ту минуту важнейшие сановники были испуганы этим, и никто не смел к нему подойти, так как все видели, что царь сердит и чем-то раздосадован… Описанные выше страшные движения и жесты царя доктора зовут конвульсиями. Они случаются с ним часто, преимущественно, когда он сердит, получил дурные вести, вообще, когда чем-нибудь недоволен или погружен в глубокую задумчивость. Нередко подобные подергивания в мускулах рук находят на него за столом, когда он ест, и если при этом он держит в руках вилку и ножик, то тычет ими по направлению к своему лицу, вселяя в присутствующих страх, как бы он не порезал или не поколол себе лица. Говорят, что судороги происходят у него от яда, который он будто бы проглотил когда-то, однако вернее и справедливее предположить, что причиной их является болезнь и острота крови и что эти ужасные на вид движения – топание, дрыгание и кивание – вызываются известным припадком сродни апоплексическому удару».

Отметим для полноты картины следующее. Мартов, хорошо знавший быт Петра, дает другую версию причин конвульсивных

движений, поражавших время от времени царя, а именно – тяжелые детские воспоминания об ужасе стрелецкого бунта 15 мая 1682 года, когда десятилетний мальчик стал свидетелем кровавой расправы с близкими ему людьми. Нартов записал: «О бунтах стрелецких некогда промолвил государь: „От воспоминания бунтовавших стрельцов, гидр отечества, все уды (члены. – *Е.* А.) во мне трепещут, помысля о том, заснуть не могу. Такова-то была сия кровожаждущая саранча!“ Государь по истине имел иногда в нощное время такие конвульсии в теле, что клал с собою деньщика Мурзина, за плечи которого держась, засыпал, что я сам видел. Днем же нередко вскидывал голову кверху…»

Случай расправы с солдатом в 1710 году достаточно типичен. Спустя десять лет, в 1720 году, на очередном параде, другой современник, В. А. Нащокин, наблюдал почти то же самое: «Когда оных пленных вели и… сам государь, будучи в мундире гвардии, учреждал конвой и как итить с пленными до крепости, а лейб-гвардии Семеновского полка капитан старшей Петр Иванов сын Вельяминов в то учреждение своим представлением вмешался, котораго государь при всей той оказии бил тростью». Вряд ли нужно было бы фокусировать внимание читателя на этих неприглядных сценах расправы с людьми, которые не могут ответить, если бы палка не была своеобразным символом системы насилия, культивируемого Петром. Вероятно, об успехах «дубинной» педагогики говорить не приходится. Нартов вспоминал размышления царя на этот счет: «Государь, точа человеческую фигуру в токарной махине и будучи весел, что работа удачно идет, спросил механика Нартова: „Каково точу я?“ И когда Нартов отвечал: „Хорошо“, то сказал его величество (со вздохом, добавили бы мы на месте Нартова. – *Е.А):* „Таково-то, Андрей, кости точу я долотом изрядно, а не могу обточить дубиною упрямцов“». В другом случае «государь, – пишет Нартов, – возвратясь из Сената и, видя встречающую и прыгающую около себя собачку, сел и гладил ее, а при том говорил: „Когда б послушны были в добре так упрямцы, как послушна мне Лизета (любимая его собачка), тогда не гладил бы я их дубиною. Моя собачка слушает без побой, знать в ней более догадки, а в тех заматерелое упрямство“».

Письма Петра к чиновникам, командирам полны требований проявить дисциплину, инициативу, быстроту – то, что в данный момент было нужно для пользы дела. Почти каждое такое требование сопровождалось угрозой насилия, расправы. Приведу примеры. Вот типичный указ о строительстве судов для армии 30 мая 1722 года: «Смотреть того, чтоб делали как суды, так и такелаж не образом только, но делом, чтоб были крепки и добрым мастерством и сие *не токмо волею, но и неволею делать,* а ослушников

штрафовать сперва деньгами, а в другой раз и наказанием». В письме А. Меншикову от 6 февраля 1711 года он, недовольный и опечаленный волокитой губернаторов, обещал при этом утолить свои печали привычным для себя способом: «А доныне Бог ведает, в какой печали пребываю, ибо губернаторы зело раку последуют в происхождении своих дел, которым последний срок в четверг на первой неделе, а потом буду *не словом, но руками с оными поступать»*.

Часто встречается в указах Петра своеобразная «формула угрозы»: «...тогда *не мините не только жестокий ответ дать, но и истязаны будете»*. Весьма суровые указы Петр посылал сенаторам, не особенно церемонясь с высшими сановниками России. И они знали, что угрозы эти не останутся на бумаге. Примечателен в этом смысле указ Сенату от 2 июля 1713 года, в котором – весь Петр: «Господа Сенат! Понеже уведомлены мы, что вы по доносам фискальским ни единого главного дела не вершили, но все проманеваете время до времени, забывая бога и души свои, того ради сие последнее, о сем пишу к Вам. Ежели пяти или шти дел главных, буде более не успеете (о которых вам будут фискалы доносить) до ноября первого числа не вершите и преступником (которые для своих польз интерес государственной портят) не учините *смертную казнь, не щадя никово в том и ежели инако в том поступите, то вам сие будет. Петр»*.

Многочисленные призывы и угрозы не могли заставить людей делать так, как этого требовал Петр: точно, быстро, инициативно. Мало кто из его сподвижников чувствовал себя уверенно, когда приходилось действовать без указки царя, самостоятельно, на свой страх и риск. Это было неизбежно, ибо Петр, по точным словам В. О. Ключевского, «надеялся грозою власти вызвать самодеятельность в порабощенном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение как необходимое условие общественной самодеятельности, хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства – это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра два века и доселе неразрешенная». Характерным для многих петровских сподвижников было ощущение беспомощности, отчаяния, когда они не имели точных распоряжений царя или, сгибаясь под страшным грузом ответственности, не получали его одобрения. Обращает на себя внимание письмо президента Адмиралтейской коллегии Ф. М. Апраксина от 31 декабря 1716 года к секретарю Петра Макарову «В надеянии вашем прошу, для Бога, не оставь нас безизвестна, извольте ль быть к нам, *истинно во всех делах как слепые*

бродим и не знаем, что делать, стали везде великая растройка, а где прибегнуть и что впредь делать не знаем, денег ниоткуда не везут, все дела становятся». И это пишет один из влиятельнейших людей того времени, человек, облеченный доверием грозного царя!

Читая такие письма, Петр имел все основания полагать, что без него все дела встанут и что он единственный, кто знает, как и что нужно делать. Вместе с этим чувством исключительности Петром, далеким от самолюбования и пустого тщеславия, должно было владеть другое чувство – чувство одиночества, сознание того, что его боятся, но не понимают, делают вид, что трудятся, но ждут, когда он отвернется, умрет, наконец. Это было неизбежным и трагическим следствием всякой авторитарности, насилия, естественным образом порождавших леность раба, воровство чиновника и прочие пороки общества.

К концу жизни, лишившись сына Петра – наследника и надежды, – царь мог воскликнуть, как некогда в письме уничтоженному им же царевичу Алексею: «…ибо я есмь человек и смерти подлежу, то кому вышеписанное с помощию вышнего насаждение и уже некоторое и возращенное оставлю?» Да, он был смертным человеком, и судьбе было угодно обречь его на тяжкую смерть. В ней было много символичного и неясного; как и в судьбе России, которой предстояло жить без Петра… Однако обратимся сначала к событиям Северной войны, к началу той жестокой школы жизни, пройдя которую, молодой русский царь стал императором Петром Великим.

«Нарвская конфузия»

С бастионов шведской крепости Нарвы 9 сентября 1700 года можно было наблюдать движущиеся с северо-востока войска и обозы – это почти 40-тысячная армия Петра приближалась к шведской крепости на пограничной с Россией реке Нарове. Так для России началась Великая Северная война, и никто тогда не мог предположить, что она продлится более двух десятилетий (до 1721 года), что война эта кончится лишь тогда, когда родится, подрастет и даже повзрослеет по обе стороны Балтики новое поколение, для которого память о «злосчастной» Нарве станет преданием.

Ну а в те осенние дни вряд ли Петр мог предположить, что Нарва 1700 года будет рубежом и в его жизни, и в жизни огромной страны, повелителем которой он стал. Вместе со своими военачальниками он проводил рекогносцировку местности, намечая, где строить палисады (тыны), возводить валы, чтобы в осажден-

ную твердыню не проскочила и мышь. Уверенно и спокойно работали люди: готовилась длительная осада этой мощной крепости – ключевого пункта обороны на стыке двух заморских провинций Шведского королевства – Ингрии и Эстляндии. Молодой царь, руководивший работами, не был новичком в этом деле, и осада Нарвы после Азова казалась ему, вероятно, привычным делом, успех которого очевиден. Для такой уверенности были все основания: Петр уже прошел, и вполне достойно, боевую школу на далеких от Нарвы южных рубежах – там, где судьбой было определено ему начать свою удивительную «карьеру».

Конечно, он ничего не знал о военном гении молодого шведского короля Карла XII, явно недооценивал могущество Шведского королевства, с которым предстояла такая долгая война. Впрочем, состояние войны станет привычным для Петра: из 52 лет его жизни Россия воевала 37 лет!

В 1700 году только что закончилась тянувшаяся 14 лет война с Турцией и ее вассалом – Крымским ханством. Конечно, Русско-турецкая война 1686—1700 годов не была столь грандиозна, как Северная, но и на ней тоже лилась кровь, погибали тысячи людей. В определенном смысле война с Турцией и Крымом была для России вынужденной, вызванной не столько острыми внутренними проблемами, сколько общей международной ситуацией, той системой международных отношений, в которую была включена Россия.

В 70-80-х годах XVII века натиск османской Турции на земли Австрии (Империи), Речи Посполитой и России значительно усилился. Сражения русских и украинских войск с турками под Чигирином в 1677—1679 годах не дали решительного перевеса ни одной из сторон, но все же сдержали турецкую экспансию на север. Австрия и Польша находились в более опасном положении: турки стояли на южной границе Речи Посполитой – в Каменце-Подольском; столицу же Империи спас от османов только подвиг австро-польского войска Яна Собеского.

Заинтересованная в активизации антитурецких сил Австрия добивалась примирения Речи Посполитой и России – заклятых врагов, которые, закончив в 1618 году тяжелейший конфликт, еще дважды – в 1632—1634 и 1654—1666 годах – его возобновляли. Эти войны были малоуспешными для России, и все территориальные потери времен Смуты не возмещены. Поэтому, соглашаясь на мировую с Речью, русская дипломатия требовала возвращения Смоленской земли и признания присоединения к России Левобережной Украины с Киевом, за что русская сторона обещала выплатить 146 тысяч рублей и начать войну с Турцией. 6 мая 1686 года на этих условиях и был подписан «вечный» мир с Польшей.

Он подвел итог длительному периоду ожесточенной борьбы поляков и русских и обозначил тот краткий миг равновесия сил в русско-польских отношениях, после которого чаша России начала все сильнее и сильнее перевешивать. Но тогда этого отмеченного судьбой перелома никто не почувствовал, и естественным следствием мира с Польшей стала война с Турцией и Крымом, избежать которой Россия уже не могла.

Взятие Нарвы в 1704 г. Картина профессора Коцебу. Гравюра Паннемакера.

Русские войска под командованием В. В. Голицына дважды, в 1687 и 1689 годах, совершали походы против Крымского ханства, но оба оказались неудачными и славы русскому оружию не принесли. Выжженные степи, бездарное командование, умелые действия кочевников – эти и многие другие обстоятельства сделали отступление из-под невзятых укреплений Перекопа подлинным бегством, сопровождаемым огромными потерями. Но вопреки очевидности правительство Софьи отказывалось признать неудачи в войне с Крымом. Указ 1689 года расценивал второй Крымский поход как несомненный успех войск Василия Голицына: «И, видя на себя хан крымский вас бояр и воевод, и полков ваших всяких их великих государей крепкое и мужественное и храброе наступление, пришел в страх и ужас…» В. В. Голицын получил за мнимую победу «кубок золоченой с кровлею (крышкой. – *Е.* А.), кафтан золотный на соболях, денежные придачи 300 рублев, да в

вотчину Суздальского уезда – село Решму».

Однако не прошло и нескольких недель, как поход Голицына – любимца Софьи – получил совершенно другую оценку. Она была дана в указе, который исходил из окружения нового властителя России – 17-летнего Петра, отнявшего в августе 1689 года власть у Софьи: «Да он же князь Василей 197 году (1689 г. – *Е.* А.) посылан с их великих государей ратными людьми для промыслу на крымские юрты и, пришед к Перекопу, промыслу никакова не учинил, и, постояв самое малое время, отступил и тем своим нерадением их великих государей казне учинил великие убытки, а государству разорение, и людем великую тягость».

Тем не менее новое правительство молодого царя унаследовало старые внешнеполитические проблемы. Надо сказать, что оно не спешило их решать: ситуация в Европе оставалась запутанной, Турция и Крым на какое-то время прекратили военные действия, масса внутренних более важных тогда для молодого царя дел долгое время занимала его ум, пока наконец в 1695 году, подчиняясь требованиям союзников, не было решено возобновить войну. И хотя крымское направление похода официально оставалось главным, основной удар был нанесен непосредственно по владениям Турции в Северном Причерноморье – в устье Днепра и в устье Дона.

Петр принял такое решение, конечно, в первую очередь потому, что не хотел повторять судьбу своего незадачливого предшественника – Василия Голицына. Но все же главным в замысле нового похода было стремление установить контроль над устьями Днепра и Дона, что позволяло закрепиться на побережьях Черного и Азовского морей, являвшихся тогда внутренними турецкими морями, и одновременно контролировать течение этих рек. Именно такое направление стратегических ударов стало основным в длительных русско-турецких войнах за Северное Причерноморье в послепетровские времена. Набег же на Крым мог принести лишь временные выгоды. Поэтому главной целью первого Азовского похода 1695 года стали турецкие крепости Кази-Керман и Арслан-Ордек в устье Днепра и крепость Азов в устье Дона. Основной удар Петр решил нанести по Азову, поскольку к осадному корпусу было легче доставлять войска и припасы из контролируемых Россией верховьев Дона и Воронежа.

Осада Азова началась в июле 1695 года и продолжалась почти четыре месяца, но без успеха. Тому было много причин. Тут и слабая подготовка войск, отсутствие единоначалия, нехватка хороших инженеров, способных грамотно провести осадные и предштурмовые работы, и какая-то общая неразбериха, суета, неоправданные жертвы. Чего стоят только взрыв мин, который на-

нес урон не укреплениям Азова, а самим осаждавшим, и два неудачных штурма, когда активность одних штурмующих отрядов сочеталась с нерешительностью и пассивностью других, что привело к огромным потерям. Русские войска не смогли также воспрепятствовать и свободному подвозу в крепость подкреплений с моря. В итоге пришлось дать приказ об отступлении. Началось оно поздней осенью, проходило по голой степи, стужа и голод косили людей и животных, так что вернувшееся в Россию воинство Петра мало чем отличалось от того, что пришло несколькими годами раньше с Василием Голицыным. Период между первым и вторым походами Петра на Азов был весьма важным для будущего. Он показал, что у молодого царя, который в первом походе лишь наблюдал за бездарными действиями генералов, есть воля, ум, талант государственного деятеля, желание изменить неблагоприятную ситуацию и заставить во имя этого напряженно работать тысячи и тысячи людей. 30 ноября 1695 года, только что прибыв в Москву, Петр написал архангелогородскому воеводе Ф. М. Апраксину: «По возвращении от невзятия Азова, с консилии господ генералов, указано мне к будущей войне делать галеи (галеры. – *Е. А.),* для чего удобно, мню, быть шхиптимерманом (корабельным плотником. – *Е. А.),* всем от вас сюды, понеже они сие зимнее время туне будут препровождать, а здесь могут тем временем великую пользу к войне учинить…»

Не прошло и четырех месяцев, как Петр писал 23 марта 1696 года князю Федору Юрьевичу Ромодановскому: «А о здешнем возвещаю, что галеры и иныя суда, *по указу вашему* (так. – *Е.А.),* строятся, да ныне же зачали делать на прошлых неделях два галиаса».

Эти два письма свидетельствуют: Россия начала строить военно-морской флот. За короткое время тысячи крестьян были согнаны в дремучие тогда воронежские леса и принялись валить строевой лес, затем свозить и сплавлять его по первой воде в Воронеж, где на основанной Петром верфи под руководством английских и голландских мастеров закипела работа. И далее две поразительные даты, разделенные лишь двумя месяцами: 2 апреля 1696 года, когда первая галера сошла со стапеля в воды реки Воронеж, и 27 мая того же года, когда Азовское море увидело русский военно-морской флаг – флот из 22 галер, сопровождаемых массой мелких судов, впервые вышел в открытое море. Все это было похоже на волшебную сказку, особенно если вспомнить время, когда это произошло. Мечта Петра о море начала сбываться.

Но затем начались будни, причем довольно суровые. Молодой русский флот, плохо укомплектованный и немобильный, столкновения с турецким явно избегал, так что попытки турок доста-

вить припасы и людей в Азов были решительно пресечены не галерами, а главным образом казаками, которые на своих легких лодках захватили несколько транспортных судов и отогнали крупные турецкие корабли в открытое море. В целом же осада, благодаря присутствию морских сил, пошла успешнее, чем в прошлом году. Петр удачно блокировал устье Дона: на обоих берегах были построены форты, вооруженные пушками, – своеобразный «замок» на устье, делавший невозможным беспрепятственный вход вражеских судов в Дон к осажденному Азову.

Высадившаяся тем временем с кораблей армия под командой «генералисима» А. С. Шеина вновь, как и в прошлом году, заняла траншеи и апроши (рвы, подходы), которые так и не были разрушены турками, легкомысленно полагавшими, что русский царь надолго запомнит «невзятие Азова» и забудет дорогу к его стенам.

Осада крепости проходила по старому образцу, причем минные подкопы делать боялись, как и пытать судьбу на штурмовых лестницах. Была начата гигантская, но бессмысленная с военной точки зрения работа – возведение вокруг крепости вала такой величины, чтобы он оказался выше турецкого крепостного вала и засыпал бы ров крепости. Этот крайне архаичный для XVIII века вид осады напоминал, как писал историк Н. Устрялов, летописную осаду князем Владимиром Херсонеса в X веке. Неизвестно, сколько бы тянулась осада, если бы не новая, более умелая расстановка орудий, прицельным огнем разрушавших турецкие укрепления, «промысел» запорожцев и донцов, захвативших вал крепости, наконец, эффективная блокада Азова с моря. Видя все это, турки начали переговоры о сдаче, и в середине июля 1696 года русские войска вошли в Азов.

Это событие повлекло за собой два следствия: одно – дипломатическое, другое – стратегическое. Азовский успех дал России право громко требовать от своих союзников соответственных усилий в войне с Турцией. Обращаясь к одному из союзников – дожу Венеции – Петр в грамоте от 7 августа 1696 года призывал: «…дабы и ваше светлейшество против того ж общаго неприятеля, в нынешнее согласное и удобное время, войска свои сухим и водяным путем в их бусурманские жилища посылали, и, в надежде той же божией поспешествующей силы, с нашим царским величеством и с протчими союзниками нашими обще воевали того неприятеля крепчайшим усердием, чтоб оный неприятель, в поврежденней уже своей будучи бусурманской силе и наипаче в таком своем изнеможении против общих наших оружей християнских, отовсюду изнурен и отягощен и в попрание могл быть приведен».

Вряд ли призывы Петра к малоактивным тогда союзникам были только чистой риторикой, желанием поднять низкий международный престиж России. Взятие Азова не было просто «поиском» – походом с возвращением, подобно Крымским походам. Одно из первых после взятия Азова писем в Москву Петр заканчивает словами: «Писано в завоеванном *нашем* граде Азове», подчеркивая тем самым, что намерен укрепиться у моря навсегда. Более того, Петр рассматривал взятие Азова и закрепление там лишь как начало реализации долговременных стратегических планов, имевших глубокую политическую и военную перспективу. Надо сказать, что длямногих и в России, и за рубежом это, по-видимому, оказалось совершенно неожиданным.

Сразу же после того, как над бастионами крепости был поднят российский флаг, Петр начал реконструировать ее согласно новейшим достижениям фортификационной науки. Его указания выполняли специально приглашенные для этого иностранцы – военные инженеры. День и ночь армия-победительница восстанавливала и достраивала азовские укрепления. Примечательным было и освящение города, а также двух православных церквей, переделанных из мечетей. Это должно было символизировать намерение России надолго остатьсяв Приазовье. Сам же Петр с галерным флотом отправилсявдоль морского побережьяна поиски удобной гавани. Окрестности мыса Таган-Рог показались царю и его свите самыми подходящими. Здесь было задумано заложить крепость, город и гавань Таганрог – решение необычайной важности, ибо это означало, что построенные в Воронеже корабли понадобятсяПетру не только длядоставки войск к Азову, но и в целом дляобороны Приазовья, ради чего Петр и начал создавать базу военно-морских сил на Азовском море.

Серьезность этих невиданных и грандиозных длятогдашней России планов Петр подтвердил сразу же после празднованияв Москве азовской победы. 20 октября 1696 года он послал в Боярскую думу запрос: «Статьи удобныя, который к взятой крепости (или фартецыи) от турок Азова». Считаянеобходимым срочно восстановить и заселить Азов, Петр пишет, что столь успешным событием – выходом к морю – нужно воспользоваться, «понеже времяесть, и фортуна сквозь нас бежит, котораяникогда так к нам блиско на юг не бывала: блажен, иже иметца за власы ея. И аще потребно есть сия, то ничто же лутче мню быть, еже (как. – *Е. А.*) воевать морем, понеже зело блиско есть и удобно многократ паче, нежели сухим путем, о чем пространно писати остовляю многих ради чесных искуснейших лиц, иже сами свидетели есть оному».

И далее самое главное: «К сему же потребен есть флот или караван морской, в 40 или вяще судов состоящей, о чем надобно

положить не испустявремени: сколко каких судов, и со много ли дворов и торгов, и где делать?» В самодержавном государстве такой «запрос» автоматически влек за собой соответствующий указ, появившийся 4 ноября 1696 года: «Государь царь и великий князь Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержец, указал: с патриарших и со архиейрейских, и с монастырских – с осми тысяч дворов сделать корабль, с помещиковых и вотчинниковых – с десяти тысяч корабль, за кем с большаго числа до ста дворов, а за кем меньши ста дворов – с тех с двора по полтине; и потому великого государя указу то дело ведал боярин Петр Васильевич Шереметев». Этот указ означал организацию «кумпанств» – компаний, в которые принудительно объединялись помещики, духовенство, горожане для финансирования строительства кораблей.

К весне 1698 года эти «кумпанства», заранее наняв подрядчиков, мастеров и заготовив лес, должны были спустить на воды Воронежа 56 кораблей, не считая тех десяти, которые Петр брался построить на средства царской казны.

Планы Петра не выглядели утопией, ибо опыт строительства галер в 1695—1696 годах оказался вполне удачен, человеческие и природные же ресурсы страны тогда представлялись неисчерпаемыми. Правда, не хватало корабельных мастеров и моряков, поэтому молодых дворян в большом количестве стали посылать на учебу за границу, а оттуда приглашать опытных кораблестроителей и моряков. Вероятно, венецианский дож, получив в июле 1696 года грамоту царя Петра, счел странной причудой сухопутного властителя следующую просьбу «Да мы ж, Великий государь, Наше царское величество, желаем, чтоб Ваша вельможность, для пользы той же общей християнской войны, на тех помянутых креста святаго и християнских неприятелей прислали к нам, Великому государю, Нашему царскому величеству, тринадцать человек добрых судовых мастеров, которые б умели делать и строить всякие морские воинские суды, а мы, великий государь, наше царское величество, изволим ту вашу доброхотность иметь у себя в почитании».

Однако начатое играючи дело быстро приобрело серьезный размах. Кроме венецианцев на верфях Воронежа работали голландцы, шведы, англичане, датчане. Один за другим со стапелей стали сходить корабли, галеры, различные морские суда. Силами двадцати тысяч солдат в Таганроге стали возводиться крепость и гавань. 35 тысяч крестьян юга России были брошены на другую грандиозную стройку: сооружение Волго-Донского канала, значение которого (в случае, если бы его тогда построили) трудно переоценить с точки зрения упрочения военных и экономических

позиций России на юге.

В совокупности все эти меры с несомненностью свидетельствовали о серьезном намерении Петра закрепиться на Азовском море. В сущности, Азову и Таганрогу Петр предназначал на юге такую же роль, какую еще предстояло сыграть на севере Петербургу и Кронштадту. Дипломатическим обеспечением, гарантией Азовского плацдарма стал союзный договор России, Австрии и Венеции, заключенный 29 января 1697 года и носивший ярко выраженный антитурецкий, наступательный характер. Об этом свидетельствует начало договора: «Артикул 1. Понеже особое сего союза наступательнаго намерение есть, дабы страны союзныя всего християнства к добру общаго неприятеля, турков и татар, войною гонили, так силою сего союза всякой из союзников обовязуется, что свои войска, силы, караваны и что сверх того, каким ни есть имянем, к войне наступательной ведению, и к преломлению неприятельских сил и к разрыванию, или належати, или чинити, что возмогут со своей стороны заранее приготовляти и теми ж сухим путем и морем на общаго неприятеля силами, сколько возможно будет, превеликими находити и воевати...»

В ряд таких же действий русского правительства, казалось бы, следует поставить и Великое посольство, которое, судя по заранее разосланным грамотам, намеревалось посетить Австрию, Бранденбург (Пруссию), Ватикан, Венецию, Голландию и Англию. Посольство, возглавляемое Ф. Лефортом, Ф. Головиным и П. Возницыным, выехало из Москвы в марте 1697 года. В литературе нет единого мнения об истинных причинах, толкнувших Петра на организацию этой грандиозной дипломатической акции. Большинство исследователей считает, что посольство, направленное в Западную Европу формально для сколачивания широкого антитурецкого союза, на самом деле было прикрытием учебно-ознакомительной поездки на Запад русского царя, который скрывался среди сопровождающих посольство лиц под именем урядника Петра Михайлова.

И все же Великое посольство было не просто прикрытием туристской любознательности царя. Оно было предпринято с целью глубокой дипломатической разведки, непосильной тогдашней русской дипломатии, малочисленной и инертной. Великое посольство должно было выявить реальный баланс сил в Европе, с тем чтобы учесть его при разработке будущей политики России. Необходимость такого дипломатического поиска остро ощущалась в России. Петр, как показали последующие события, был деятелем активной политики имперского размаха. Он только что начал свою карьеру, сделав решительный шаг в Приазовье, выжал из ситуации, созданной еще его предшественниками, макси-

мум того, что можно было представить по тогдашним временам. Теперь, после азовской победы, он не мог не думать о будущем, о следующем шаге.

Офицер и солдаты артиллерийского полка петровского времени. С рисунка, находящегося в «Описании одежд и вооружения русских войск».

Как известно, три главных направления доминировали в русской политике XVII, да и XVIII века – польское, шведское и турецкое. Следующий шаг в южном (турецком) направлении означал не что иное, как большую войну со всеми сухопутными и морскими силами могущественной тогда Османской империи на берегах Азовского и Черного морей. И Петр знал, куда он в этом случае двинет свои корабли и полки. Когда в 1698 году зашла речь об условиях мира с османами, он писал австрийскому императору Леопольду: «...всемерно надлежит, дабы при завоеванном крепость, названная Керчь, во одержание Царского величества уступлена была, понеже, когда сие получится, то босурман не может как Царскаго величества, такожде и Цесарскаго величества, к стороне войну воздвигнути, имея близ себя неприятеля».

Достаточно бросить взгляд на карту, чтобы понять, что Керчь – следующая цель Петра; это истинный «ключ-город» Черного моря. Однако вести большую войну с османами можно было лишь в союзе с Австрией, Венецией, Польшей, ибо судьба Северного Причерноморья могла быть решена только в столкновении крупных армий. Зондаж австрийских намерений, произведенный Великим посольством в Европе, показал, что после обострения ситуации вокруг испанского наследства договор 29 января 1697 года – просто лист бумаги, ибо австрийцы в это время (в 1698—1699 годах) думали лишь о заключении сепаратного мира с Турцией. О Польше как союзнице тоже не могло идти речи: тяжелое «бескоролевье» стало уделом этой страны с 17 июня 1696 года, когда умер король Ян III Собеский.

Тут важно подчеркнуть, что «польское» направление политики никогда не снималось с повестки дня русского правительства, и с началом «бескоролевья» Польша приковала внимание Петра. Россия не намеревалась оставаться посторонним наблюдателем внутрипольских дел и начала активную борьбу против выдвинутого частью шляхты кандидата в короли Ф.Л. де Конде – ставленника Версаля. В грамоте Петра временно исполнявшему функции верховного властителя Польши кардиналу-примасу Радзиевскому от 31 мая 1697 года содержалась неприкрытая угроза «повредить вечный мир» в случае прихода к власти представителя союзной туркам Франции. Далее следовала довольно жесткая рекомендация, кого следует, а кого не следует выбирать в короли полякам: «Того ради, мы, великий государь, Наше царское величество, имея ко государем вашим, королем полским постоянную дружбу, также и к вам, паном раде и Речи Посполитой, такого короля со французеской и с турской стороны быти не желаем, а желаем быти у вас на престоле королевства Полскаго и великаго княжества Литовского королем… какова народу ни есть, толко б не с противной стороны».

Так было впервые нарушено зыбкое равновесие «вечного мира», и впоследствии язык ультиматумов стал весьма распространенным в отношениях России со своим ближайшим соседом.

Тогда же в подкрепление слов были предприняты действия, ставшие впоследствии также вполне традиционными: осенью 1697 года по указу Петра 60-тысячный корпус боярина Михаила Ромодановского перешел польскую границу и сыграл свою решающую роль при избрании на польский престол желательного России кандидата – саксонского курфюрста Фридриха-Августа I, ставшего Августом II Сильным, королем польским. Впоследствии Петр в послании английской королеве Анне писал об этом эпизоде: «Сия армия отдана была в его [Августа] команду как скоро он

туда прибыл, дабы привесть его в состояние наказать своих неприятелей; сверх того *противной ему стороне угрожали мы огнем и мечом,* что устрашив многих из оной, принудило признать его своим государем и таким образом вспоможением нашим утвердился он на престоле». Думается, что ставка на саксонского кандидата была следствием не каких-то особых симпатий Петра к Саксонии, а лишь нежеланием видеть на престоле Польши ставленника Франции, что привело бы к усилению в сопредельных России землях влияния Людовика *XIV* – противника опасного и могущественного.

Нельзя забывать, что распоряжения о концентрации войск на границе с Польшей и вмешательстве в польские дела отдавались Петром тогда, когда он, изменив план движения Великого посольства, отправился в Пруссию на переговоры с курфюрстом Фридрихом III. Между этими фактами – вмешательством в польские дела и поездкой в Пруссию, – несомненно существовала связь, ибо Пруссия, жаждавшая усиления за счет своих соседей (Польши и Швеции), видела в России своего потенциального союзника – стоит только вспомнить всю историю русско-прусских отношений в XVII—XVIII веках. Еще во второй половине XVII века Пруссия пыталась подтолкнуть Россию на выступления против Польши, а также не раз предлагала напасть на прибалтийские провинции Швеции, с тем чтобы Россия могла вернуть Ингрию и Карелию. Ситуация не изменилась и к моменту «бескоролевья» в Польше. Известно, что во время обсуждения Фридрихом и Петром прусско-русского договора фигурировал пункт о совместных действиях против некоей третьей стороны, под которой явно подразумевалась Польша (в случае победы в ней сторонников Конде). Однако итоги выборов в Польше осенью 1697 года были весьма благоприятными для России, и после победы саксонской «партии» об антипольском варианте внешней политики России не могло идти и речи. Возможно, что именно после победы Августа, ставшего ставленником России, и выплыл на поверхность последний альтернативный вариант внешней политики России – антишведский – как наиболее перспективный для интересов страны в тот момент. Тогда он казался наиболее благоприятным для осуществления. Дело в том, что международная обстановка в Европе к концу XVII века становилась все напряженнее. В Лондоне, Париже, Вене и других европейских столицах ждали сведений из Мадрида о состоянии здоровья испанского короля Карла II, не имевшего наследников. Призрак войны «за Испанское наследство» витал над Европой.

Петр, только оказавшись за границей, по-настоящему оценил значение назревающего конфликта по поводу Испанского наслед-

ства и потому стал внимательно следить за развитием ситуации. В письме А. А. Виниусу из Англии от 29 марта 1698 года он писал, показывая свое глубокое понимание обстановки и способность ориентироваться в международной политике: «Здесь вестей никаких иных нет, только пророчество мое близ збытия (что я писал о миру), потому что король француской готовит паки флот в Бресте подлинно; а куды, нихто не знает. К тому ж вчерась получили из Вены ведомость через грамотки, что король Гишпанский умре, о чем подлинного ожидаем вскоре поттверждения (оно не было получено: Карл умер лишь в октябре 1700 года. – *Е.А.),* а о болезни ево подлинная ведомость была, что на последнее(й) ступени жития своего. А что по его смерти (естьли то правда) будет, о том ваша мил ось сам знаешь».

В этих условиях и могли возникнуть вполне реальные надежды Петра на то, что спешно вооружавшиеся тогда противники – Англия и Франция со своими союзниками – не смогут вмешаться в конфликт на Балтике или, проще говоря, помочь Швеции, на которую с давних времен великие державы смотрели как на свою северную союзницу. Возможно, именно складывавшиеся благоприятные обстоятельства выступления против Швеции и обсуждались во время свидания царя в Раве-Русской с Августом II, когда Петр, возвращаясь из Вены летом 1698 года, остановился в Польше. Он сразу же нашел общий язык с обязанным ему престолом Августом, ибо тот, чувствуя зыбкость своих позиций в Польше, стремился укрепить их с помощью победоносной войны со Швецией в союзе с русским царем и другими противниками Швеции. А таких противников было достаточно.

Чтобы понять это, нужно сделать небольшой экскурс в историю XVI—XVII веков. Неприятель, против которого вознамерились обнажить свои мечи Петр и Август, был в то время истинным властелином Севера. С середины XVI века почти целое столетие Швеция вела длительные войны со всеми соседями: Россией, Речью Посполитой, Данией и Бранденбургом (Пруссией). Эти войны заканчивались с почти неизменным успехом шведов и привели к постепенному распространению шведских владений вдоль берегов Балтийского моря, сделав его, в сущности, внутренним шведским морем. Позже под власть шведов попали и значительные пространства побережья Северного моря. Начало образования Шведской империи было положено во времена короля Эрика XIV, захватившего в 1561 году Ревель и Северную Эстонию. Тявзинский мирный договор с Россией 1595 года закрепил за шведами Ливонию и обеспечил беспрепятственную шведскую колонизацию Финляндии. Выгодно использовав затяжной русско-польский конфликт начала XVII века, Швеция, ведомая выдающимся

королем-полководцем Густавом III Адольфом, сумела в 1610-1620-х годах отнять у России ее прибалтийские территории (Карельский уезд, Ингрию – ижорские и новгородские земли), а затем у Речи Посполитой – Ригу и Лифляндию, что было закреплено Столбовским миром 1617 года с Россией и Альтмаркским перемирием 1629 года с Речью Посполитой.

Вестфальский мир 1648 года – итог Тридцатилетней войны – был подлинным триумфом Швеции: к ней отошли северогерманские территории Западной и Восточной Померании. Последняя волна шведской экспансии в ходе войн с Данией (1640—1650 гг.) и в Северной войне с Польшей и Россией 1655—1660 годов принесла Стокгольму не менее богатую добычу юг Скандинавского полуострова (Сконе), Восточную Норвегию, а также общее упрочение шведского владычества на южном побережье Балтики. Целым рядом мирных договоров 1658—1661 годов было признано бесспорное первенство Швеции в Прибалтике и Северной Европе вообще. Во второй половине XVII века империя шведов оформилась окончательно, достигнув зенита своего могущества. Поэтому неудивительно, что накануне Северной войны 1700—1721 годов не было в Европе более миролюбивого государства, чем Швеция, постоянно ратовавшая за сохранение мира, который гарантировал ей неотторжимость владений, протянувшихся от Северного моря почти до Баренцева. Иного мнения были ее соседи. Дания, одна из недружественных соседок шведов, охотно пошла с весны 1697 года на сближение с Россией, ибо имела серьезные претензии к Швеции, соперничество с которой не затихало полтора столетия. Особенно отчетливо противоречия сторон проявились в голштинском вопросе. Пограничное с Данией северогерманское герцогство Голштейн-Готторп (Голштиния) к концу XVII века полностью подпало под власть шведов, чувствовавших себя на его территории как у себя дома и тем самым угрожавших южным границам Дании. Угроза эта усилилась в конце 1690-х годов, когда Швеция ввела в герцогство войска.

Цели России в начавшихся переговорах с Саксонией и Данией были сформулированы вполне определенно: вернуть отнятые шведами, согласно Столбовскому миру 1617 года, ижорские и карельские земли и получить, как писалось тогда, «твердое основание на Балтийском море». Черновики проектов союзных соглашений, как правило, более откровенны, чем подписанные чистовики, становившиеся государственными актами вечного хранения. Вот как выглядит преамбула союзного русско-саксонского договора, подписанного 11 ноября 1699 года: «Понеже мы при самом персональном разговоре с наяснейшим и великоможнейшим Августом Вторым, божиею милостию королем Польским,

намеряли иметь войну обще против короны Свейской *замногия их неправды*, обеим государствам нашим учиненныя, и, того ради, постановя и договоря от общаго совету, той назначенной войне силою и действом сих последующих статей при помощи Божией быти соизволяем». А вот черновик этой преамбулы: «Понеже Его царское величество при персональном разговоре с его королевским величеством Полским, объявил коим образом он желает те земли паки возвратить, которые корона свейская при начале сего столетняго времени (XVII века. – *Е.* А.) при случае тогда на Москве учинившегося внутреннего несогласия, из-под царской области и повелительства отвлекла, и после того времени чрез *вредительные договоры* за собою содержати трудилась, и к тому намерению Е. ц. в. Королевского величества Полского союзу и вспоможения желал». Как мы видим из сопоставления документов, окончательный текст договора словами «многия их неправды» затушевывает данную в черновике оценку всех русско-шведских соглашений XVII века как несправедливых и вынужденных, «вредительных» для России, ибо такое откровенное признание могло дезавуировать и другие действовавшие в это время международные соглашения России с иными странами.

В ходе переговоров 1698—1700 годов все же не удалось создать сплошной фронт противников Швеции. Пруссия, зависимая от общеевропейской ситуации, не чувствуя за собой достаточной силы, в союз не вступила и ожидала развития событий как сторонний наблюдатель. Речь Посполитая же, верная своим политическим принципам, не поддержала своего короля, не достигнув к тому же необходимого для войны внутреннего единства, нарушенного тяжелым «бескоролевьем».

Переговоры сторон велись, имея в виду дальнюю цель – раздел Шведской империи. Еще задолго до того, как был повергнут шведский лев, делилась его шкура. Инициатором таких проектов стал И. Р. фон Паткуль – влиятельный лифляндский дворянин, ярый противник шведского владычества в Восточной Прибалтике, грозившего дворянскому землевладению Лифляндии редукцией (конфискацией) земель, уже осуществленной в собственно Швеции. Позже приговоренный шведами к смертной казни Паткуль бежал и, став неофициальным советником Августа II, подал королю в конце 1698 года несколько проектов, учитывающих возможное развитие военных действий против Швеции и условия раздела ее владений. Нельзя не заметить в этих проектах столь характерного для расчетов Паткуля цинизма, интриганства и явного антирусского оттенка: «В переговорах с царем надобно постоянно твердить, что предначертанный союз есть следствие сделанного им самим предложения о войне с Швециею, что после свидания с

ним его королевское величество, основательно обдумав дело, приготовил необходимые для успеха средства и теперь согласен содействовать справедливому требованию его от Швеции удовлетворения, с тем чтобы вести войну не иначе как при пособии с его стороны. Это послужит к тому, что в трактат внесено будет обязательство царя помогать его королевскому величеству деньгами и войском, в особенности пехотою, очень способною работать в траншеях и гибнуть под выстрелами неприятеля, чем сберегутся войска его королевского величества, которые можно будет употреблять только для прикрытия апрошей. Кроме того, трактатом необходимо в известных случаях крепко связать руки этому могущественному союзнику, чтобы он не съел пред нашими глазами обжаренного нами куска, то есть чтобы не овладел Лифляндиею. Надобно определить в трактате положительно, что должно ему принадлежать; для сего представить ему всю нелепость доводов, которыми предки его доказывали свое право на Лифляндию и объяснить историею и географиею, на какие земли могли они простирать справедливые притязания, то есть *не далее Ингерманландии и Карелии.* Посему в случае непреклонного намерения царя овладеть Нарвою, тот, кто назначен будет вести с ним переговоры, должен в трактат включить статью в таком смысле, чтобы впоследствии, когда возникнет спор, кому она должна принадлежать, Англия и Голландия для пользы торговли, Дания и Бранденбург также по уважительным причинам могли общим судом объявить ее принадлежностью Лифляндии. Если же царь удержит Нарву за собою и таким образом приобретет в Лифляндии крепкий пункт, то, переступив естественный рубеж, реку (Нарову. – *Е.* А.), соединяющую Пейпус (Чудское озеро. – *Е.* А.) с Балтийским морем, он легко овладеет Ревелем, потом всею Эстляндиею, наконец, со временем, и Лифляндиею».

Как видим, в будущей войне России Паткулем отводилась незавидная роль поставщика пушечного мяса, а Петру – своеобразного могучего медведя с железным кольцом в носу, пляшущего под дудку поводыря. Как потом показала жизнь, Паткуль и многие другие не очень четко представляли себе, с кем они имеют дело. Забегая вперед, отметим, что то, чего так боялся Паткуль, полностью осуществилось: Россия заняла и Эстляндию, и Лифляндию.

Договор России и Саксонии, подписанный в Преображенском 11 ноября 1699 года, был вторым соглашением, легшим в основу Северного союза; первым было Дрезденское соглашение Саксонии с Данией от 14 сентября того же года. Дорога к войне была открыта.

Символично, что много лет спустя, празднуя в Москве заключение Ништадтского мира 1721 года, Петр собственноручно поджег

Преображенский дворец, в котором прошло его детство, но из которого в 1699 году вырвался невидимый огонь войны.

Договор предусматривал особо, что Россия вступит в войну сразу же по заключении мира с Османской империей, Петр не желал рисковать, ведя боевые действия на два фронта: «…обещаем мы, Великий государь, Наше царское величество, по своему высокому слову или обещанию, к своему посланному в Константинополь послу скорой указ послать, дабы коим образом то учинитися ни может, хотя б в тех местах Нашему царскому величеств, то и с убытком учинить было, о том трудитися, дабы Нашему царскому величеству с Портою Оттоманскою еще до окончания году, или по последней мере до будущего апреля месяца, либо постоянной мир или довольно продолженное перемирие получить возможно, в котором случае мы, Великий государь, наше царское величество, обнадеживаем к будущему воинскому походу с Шведом також мир разорвать и особливо свое действо воинское в провинциях Ижерской и Корельской всею силою весть так, чтоб всякая страна свое дело на своем месте справедливо чинила и никто из обоих нас прежде никаких мирных предложений слушать и принимать не хощет, разве что и другая страна на то позволит».

Со своей стороны Август обещал занять Лифляндию и Эстляндию исключительно как бы в помощь Петру: «А дабы особливо нашему царскому величеству от лифляндского и эстляндского свейскаго войска не быть обеспокоену, и того ради обещает Его королевское величество тамо такое сильное отвращение чинить, что наше царское величество с той страны не токмо едино безопасны будем, но и тако, что во время нужды его королевского величества с нашим царским величеством и соединится возможет».

На самом же деле Август вынашивал далеко идущие (и секретные от России) планы в отношении Лифляндии. Формально Лифляндия должна была отойти к Речи Посполитой на правах лена с сохранением своего внутреннего дворянского управления и с правом держать вооруженные силы. Соглашение между Августом и Паткулем – представителем немецкого лифляндского рыцарства, заключенное в августе 1699 года, было предъявлено кардиналу-примасу Речи Посполитой, с тем чтобы подвигнуть Речь Посполитую на выступление против шведов вместе с саксонцами – подданными своего короля. Однако священный глава Речи Посполитой не ведал о самом главном – секретные пункты договора 1699 года предусматривали, что лифляндцы признают над собой верховную власть Августа и его потомков независимо от того, будут они польскими королями или нет. Иначе говоря, Ав-

густ получал Лифляндию в наследное владение, делавшее его независимым от Польши.

Следует отметить, что в описываемое время шведское правительство только что вступившего в 1697 году на престол 15-летнего Карла XII было обеспокоено слухами о сколачивании антишведской коалиции и стремилось всеми силами предотвратить войну с Россией. Вообще, в отношении России Швеция во второй половине XVII века вела политику, сочетавшую непреклонную жесткость в вопросе об изменении границ и необыкновенную мягкость и терпимость во всем остальном. Известно, что после Столбовского мира 1618 года не раз русская сторона поднимала вопрос об изменении границ, но каждый раз ответ шведов был отрицателен. Вот как, по описанию Н. Бантыша-Каменского, протекали переговоры на пограничной реке Меузе в 1676 году «…но за спорами ничего не решено. Тщетно российские дипломаты предлагали, дабы, во удовольствие за многочисленные от шведов нестерпимые досады и безчестья, и за умалением чести государевой в ошибках титулов его, возвращены были корельские и ижорские города, шведские послы решительно сказали, что ниже одной деревни не поступят, хотя бы и до войны дело дошло и в томде воля Божия. Вскоре они потом тайно с съезду уехали…» На самом же деле шведы, имея многочисленные внешнеполитические проблемы в Германии и на датских границах, стремились по возможности не доводить конфликт с Россией до войны. Именно поэтому, когда в начале 1697 года русское правительство обратилось к шведам с просьбой продать для Азовского флота шестьсот орудий, шведский король, заботясь, чтобы конфликт России с Турцией не затухал как можно дольше, «по соседственной своей к России дружбе» просто подарил Петру триста железных орудий. Вступив на престол, Карл XII сразу же выслал посольство в Москву с обещанием «все договоры с Россиею свято хранить». Петр, со своей стороны, особенно после Равы-Русской, стремился также показать свое – в данном случае фальшивое – миролюбие. Петровские дипломаты, ведя переговоры со шведами, приложили максимум усилий, чтобы освободить своего государя от клятвы в верности прежним договорам со Швецией. Это делалось для того, чтобы с началом войны не было оснований обвинить Петра в клятвопреступлении. Это было тем более необходимо, что в момент русско-шведских переговоров Петр уже заключил в Преображенском с представителем Августа соглашение о войне против Швеции.

Но шведы все же были встревожены. Чтобы успокоить и отвлечь их, Петр направил в Стокгольм посольство князя Якова Хилкова, который был 19 августа 1700 года принят королем в

лагере под Ландскроной. Посол вручил Карлу грамоту Петра с дежурными заверениями в дружбе. Судьбе было угодно, чтобы в тот же день – 19 августа – и, возможно, в тот же час в Москве было официально объявлено о разрыве со Швецией и начале войны. Собственно, война Северного союза со Швецией уже началась: 2 февраля 1700 года саксонские войска Августа II без объявления войны вторглись в Лифляндию и попытались сразу же (и неудачно) захватить Ригу. Через месяц датский король Фредерик IV вторгся в Голштейн-Готторпское герцогство, воспользовавшись тем, что шведы, вопреки прежним договорам, ввели туда свои войска. И в том и в другом случае военные действия союзников оказались неудачными. Август не сумел овладеть Ригой, и ему пришлось начать правильную осаду ее крепостных сооружений. Датчане также надолго засели под стенами голштинской крепости Ренебург. И вот тогда лев под тремя коронами будто проснулся: шведская эскадра летом 1700 года бомбардировала Копенгаген, а затем 14 июля король Карл высадился на датском берегу и окружил датскую столицу. Датчане запросили мира. Недалеко от Любека, в замке Травендаль, начались и быстро закончились мирные переговоры: Дания вышла из войны, отделавшись лишь легким испугом и даже не потеряв основы своего могущества – флота. Столь мягкими условиями мира с противником, ранее не знавшим к датчанам пощады, Фредерик был обязан морским державам, заинтересованным в мире на севере, – Англии и Голландии, которые вскоре наняли за 4 миллиона талеров 18-тысячную датскую армию, и она отправилась на поля сражений войны «за Испанское наследство». Впрочем, справедливости ради отметим, что в Европе было принято сдавать армии в аренду, и в 1702 году Петр в духе своего времени предлагал голландцам нанять контингент русских войск и 4 тысячи матросов для войны с Францией.

Выведя Данию из войны, Карл решил так же быстро расправиться и с другими участниками Северного союза. События поздней осени 1700 года разворачивались по тем временам стремительно. Август, узнав о Травендале, опасался, что шведский король двинется прямо в Дрезден, в столицу Саксонии, и поступит с ним гораздо хуже, чем с Фредериком. Поэтому накануне высадки шведов в Лифляндии саксонцы сняли осаду с Риги, которая до этого шла крайне неудачно, ибо захватить с ходу крепость не удалось, а к длительной осаде и штурмам армия Августа оказалась неподготовленной. В итоге при появлении шведов саксонцы отступили.

В ноябре Карл высадился в Перноу (Пярну) и форсированным маршем двинулся к Нарве, 18 ноября он был уже на подходе к

осадному лагерю русских. 19 ноября, воспользовавшись пассивностью сидящих в палисаде русских войск и плохой погодой, он успешно атаковал вчетверо превосходящую армию противника. На следующий день русская армия капитулировала и, сложив знамена и оружие, отошла на правый берег Наровы. Врагу досталась вся артиллерия, были взяты в плен почти все русские генералы. В поражении, которое потерпели союзники, была известная закономерность. С самого начала они заняли пассивную, выжидательную позицию в развязанной ими войне, сидя под стенами осажденных ими крепостей. Инициатива оказалась в руках Карла XII, чьи военно-стратегические способности были явно недооценены его противниками. К тому же у союзников не было планов совместных действий на случай попыток шведов деблокировать осажденные крепости. Наконец, пассивность, столь несвойственная Петру, объяснялась той подчиненной ролью, которая была предназначена ему в союзе с Августом: в неудобное для себя время он отправился не в Ингрию, непосредственно примыкавшую к русским владениям, а к Нарве, чтобы выполнить второстепенную задачу по отвлечению шведских сил от Риги. Это не позволяло ему действовать самостоятельно и активно в собственных интересах. Впрочем, русская армия под Нарвой не была готова к тем действиям, которых от нее следовало ожидать. Это стало очевидно ночью 19 ноября 1700 года и было следствием не только ошибочной стратегии и тактики, но и пороков всей государственной системы, частью которой была армия.

«Искать неприятеля опровергнуть»

Петр не увидел поражения своей армии – его уже не было в лагере под стенами Нарвы: буквально накануне сражения он уехал в Новгород, захватив с собой своего фаворита Алексашку Меншикова и главнокомандующего армией Ф. А. Головина. Конечно, то обстоятельство, что царь бросил армию накануне решающего сражения, не украшает великого полководца. Но этот поступок не был свидетельством трусости или слабодушия. В нем проявился присущий Петру жесткий рационализм, трезвое признание надвигающегося неминуемого поражения, желание выжить, чтобы с удвоенной энергией продолжить борьбу. Впоследствии, много лет спустя после Нарвского сражения, Петр, заполняя свой знаменитый «Журнал, или Поденную записку», пришел к мысли не только о неизбежности тогда, в 1700 году, поражения, закономерности этого позора, но и даже о той несомненной пользе, которую принесла злосчастная Нарва всему начатому делу: «И тако шведы над нашим войском викторию получили, что есть

бесспорно; но надлежит разуметь, над каким войском оную учинили? Ибо только один старый полк Лефортовский был (который перед тем называли Шепелева); два полка гвардии только были на двух атаках у Азова, а полевых боев, а наипаче с регулярными войсками, никогда не видали. Прочие ж полки, кроме некоторых полковников, как офицеры, так и рядовые самым были рекруты, как выше помянуто, к тому ж за поздним временем великой голод был, понеже за великими грязьми провианта привозить было невозможно, и единым словом сказать все то дело, яко младенческое играние было, а искусство ниже вида; то какое удивление такому старому, обученному и практикованному войску над такими неискусными сыскать викторию? Правда, сия победа в то время зело была печально чувственная и яко отчаянная всякие впредь надежды и за великий гнев божий почитаемая. Но ныне, когда о том подумать, воистину не гнев, но милость Божию исповедати долженствуем, ибо ежели бы нам тогда над шведами виктория досталась, будучи в таком неискусстве во всех делах, как воинских, так и политических, то в какую бы беду после нас оное щастие вринуть могло, которое оных же шведов, уже давно во всем обученных и славных в Европе (которых называли французы бичами немецкими) под Полтавою так жестоко низринул, что всю их максиму низ к верху обратило, но когда сие нещастие (или лучше сказать – великое щастие) получили, тогда неволя леность отогнала, и ко трудолюбию и искусству день и ночь принудила с которым опасением искусством как час от часа сия война ведена, то явно будет из следующей при сем истории». Конечно, мысль о пользе поражения на начальном этапе войны, вдали от жизненно важных центров страны пришла потом, а в первые дни после «нарвской конфузии» он думал о другом: как бы сохранить то, что осталось, и не поддаться панике и отчаянию, ибо действительно победа шведов была тогда «печально чувственной» для Петра. В письме в Псков командующему кавалерией Б. П. Шереметеву 5 декабря 1700 года он со скрытой угрозой писал: «Her! Понеже не (с)лет (не следует. – *Е. А.)* есть при несчастии всего лишатися, того ради вам повелеваем при взятом и начатом деле быть, то есть над конницею Новгородскою и Черкаскою (запорожцы. – *Е.А.),* с которыми, как мы и прежде наказывали (но в ту пору мало было людей), ближних мест беречь (для последующего времени) и итить в даль, для лутчаго вреда неприятелю. Да и отговариваться нечем, понеже людей довольно, также реки и болота замерзли, неприятелю невозможно захватить. О чем паки пишу не чини отговорки ничем, а буде болезнию, и та получена меж беглецами, которых товарищ, майор Л., на смерть осужден. Протчее же в волю всемогущему предаю. *Piter. Из Новгорода, декабря в 5 день*

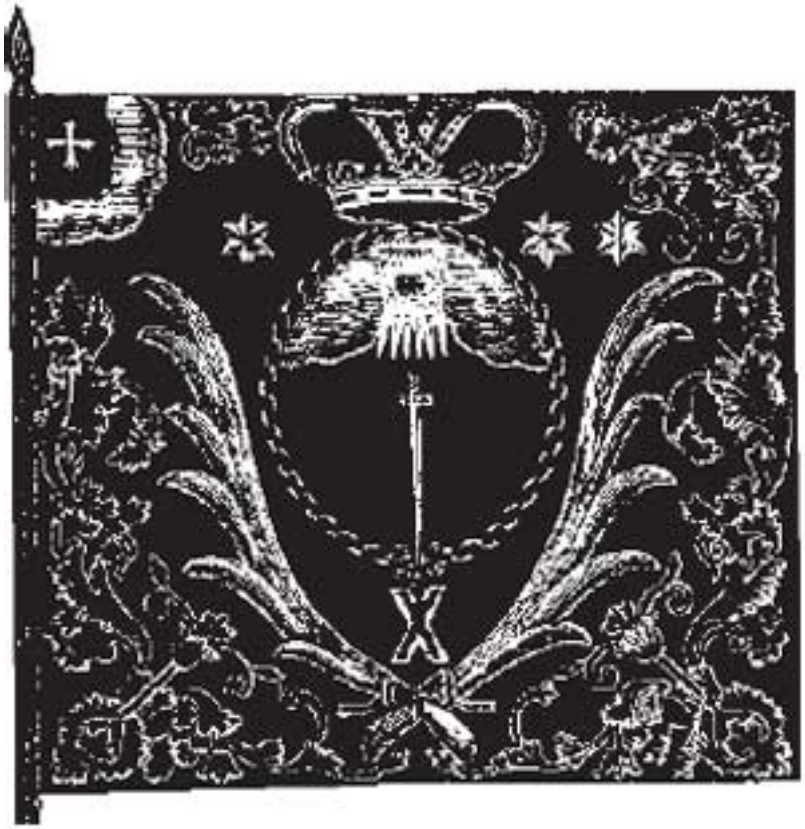
1700».

Использование сохранившейся части дворянской конницы, которой командовал Шереметев, для набегов на шведские владения в Прибалтике – это была лишь часть планов Петра, которая касалась непосредственно военных действий. Серьезнее были внутренние дела: после Нарвы Петр отчетливо осознал, что русская армия оказалась не готова к борьбе со своим противником – шведской армией Карла XII. Для многих читателей допетровская армия ассоциируется прежде всего с необученной массой дворянской конницы и полками строптивых стрельцов. Такое представление ошибочно. Данные Разрядного приказа, ведавшего в XVII веке большей частью вооруженных сил, свидетельствуют, что стрельцов в середине XVII века было 16 полков (16 900 человек), а дворянская конница составляла 9700 человек. В то же время существовало 38 солдатских полков (59 200 человек) и 25 рейтарских полков (29 800). Иначе говоря, в середине XVII века из 115 тысяч человек (не считая иррегулярных частей казаков, татар, калмыков и т. д.) более трех четвертей, 76%, составляли полки пехоты и конницы «нового строя».

В 1680 году соотношение «новоманирных» полков с дворянской конницей и стрельцами было следующее: солдат – 61 300, рейтаров – 30 500, всего – 91 800; дворянской конницы – 15 800, стрельцов – 20 000, всего – 35 800, то есть соотношение сохранилось. Начало образования полков «нового строя» относится к 1630 году, когда анализ предшествующего опыта показал необходимость формирования войсковых соединений, обученных европейским способам ведения войны. Первыми полками «новоманирного строя» (то есть обученными новым образцам, новому манеру) стали полки Александра Лесли и других командиров-иностранцев. Вскоре были образованы и обучены с помощью приглашенных из-за границы инструкторов еще три полка. Они сразу же получили боевое крещение в так называемой Смоленской войне с Польшей (1632—1634 гг.). Играли большую роль «новоманирные» полки и позже. Естественно, возникает вопрос: зачем же оказалась необходима после Нарвы реформа армии? Дело в том, что поражение под Нарвой стояло в одном ряду с поражениями, которые преследовали русскую армию во второй половине XVII века, и Петр отчетливо это понял. Впоследствии в предисловии к «Уставу воинскому» 1716 года, обозревая военную историю с начала образования «новоанирных» полков и создания «Учения и хитрости ратного строю» – первого воинского устава времен Алексея Михайловича, – он отмечал, что на смену успехам в войнах первой половины XVII века с Польшей и Швецией пришли неудачи в Русско-турецкой войне (так называемые Чигиринские походы

1677 года), в Крымских походах 1687 и 1689 годов, неудачей закончился первый Азовский поход против турецкой крепости Азов в 1695 году: «Понеже всем есть известно, коим образом отец наш, блаженныя и вечнодостойныя памяти, в 1647 году (ошибка Петра, правильно: в 1633—1634 годах, то есть во времена царствования его деда, Михаила Федоровича. – *Е.* А.) начал регулярное войско употреблять и Устав воинский издан был. Итако, войско в таком добром порядке учреждено было, что славные дела в Польше показаны, и едва не все Польское королевство завоевано было. Так крупно и с шведами война ведена была. Но потом оное не токмо умножено при растущем в науке свете, но едва и не весьма оставлено, и тако что последовало потом? не точию с регулярными народы, но и с варвары, что ни против кого стоять могли, яко о том свежая память есть (что чинилось при Чигирине и Крымских походах, умалчивая старее) и не только тогда, но и гораздо недавно, как с турками при Азове, так и с начала сея войны при Нарве». Петр понял причину хронических поражений армии, увидел, что необходимо изменить саму основу, на которой зиждилась военная организация. В своей основе полки «новоманирного строя» являлись разновидностью поместного войска, новым побегом на старом дереве. Как известно, поместное войско, получившее особое развитие с XVI века, служило, как тогда говорили, «с земли», то есть с тех земельных владений (поместий), которые представлялись служилому человеку во временное (на срок службы) держание. По первому призыву государя служилый человек, помещик, был обязан – под страхом конфискации поместья – явиться на смотр или войну полностью вооруженным и экипированным. Помещики, владевшие населенными имениями, должны были привести с собой отряд вспомогательных сил из холопов, то есть явиться, как писали тогда, «конно, людно и оружно». Так вот, поместная система содержания воинского контингента полностью распространялась и на солдат «новоманирных» полков, которые набирались из служилых людей разных категорий, в том числе из дворян. Офицеры и солдаты «новоманирных» полков служили «с земли», пользовались поместными правами, то есть были помещиками. Во второй половине XVII века поместная форма землевладения под воздействием многих факторов, и прежде всего развития крепостного права, эволюционировала в сторону сближения поместья – временного держания – с вотчиной – родовой, наследственной собственностью. Развитие этой тенденции завершилось экономическим и законодательным слиянием вотчины и поместья в неотчуждаемую помещичью собственность – основу помещичьего землевладения. В военном смысле эта эволюция означала утрату поместной систе-

мой, как основным видом обеспечения воинского труда, своей гибкости, эффективности. Служение «с земли», ввиду закрепления поместий за владельцем, превратилось в фикцию. Все это вело к соответствующему упадку вооруженных сил, который становился очевидным многим.



Знамя Преображенского полка в 1701 г. *С рисунка, находящегося в «Описании одежд и вооружения русских войск».*

У Петра не было сомнений, каким путем нужно идти. В упомянутом предисловии к «Уставу воинскому» 1716 года после описания хронических неудач в войнах второй половины XVII века он отмечает: «Но потом, когда войско распорядили, то какие великие прогрессы с помощию Вышняго учинили, над каким славным и регулярным народом. И тако всяк может рассудить, что не от чего иного то последовало, токмо от добраго порядку, ибо всебеспорядочный варварской обычай смеху есть достойный и никакого добра из онаго ожидать возможно. Того ради, будучи в сем деле самовидцы обоим, за благо изобрели сию книгу Воинский устав учинить, дабы всякой чин знал свою должность и обязан был своим званием, и неведением не отговаривался, еже чрез собственный наш труд собрано и умножено».

Именно в отсутствии «распоряжения» – четкой организации, «регулярства» (понятие, охватывающее и выражающее смысл и цель реформы армии) – Петр видел причину неудач русской ар-

мии в XVII веке, а также под Нарвой. Следует отметить, что на путь «регулярства» он встал задолго до войны со шведами. Как известно, в 1687 году 15-летний Петр создал два «потешных» соединения, которые стали полками – Преображенским и Семеновским (по названию дворцовых сел, где они размещались), в которых служили дворянские дети и царские слуги. Без сомнения, для Петра и его сподвижников служба в «потешных» стала той бесценной воинской школой, которая дала юному царю первоначальное военное образование и развила те природные данные, которые сделали его выдающимся полководцем и реформатором военного дела. По методам и приемам подготовки «потешные» полки, основанные на «регулярной», базе, стали прообразом той армии, которую начал создавать Петр накануне и особенно в первоначальный период войны со Швецией.

Сигналом к созданию регулярных полков как основных послужил роспуск в 1699 году стрелецких полков после подавления их последнего бунта в 1698 году. В указах Петра и других постановлениях правительства за 1699 год отчетливо прослеживается целая программа создания новой армии на принципах, существенно отличных от тех, на которых строилась армия XVII века. Для формирования новых полков было выбрано два способа: прием желающих – волонтеров, – как тогда говорили, в «вольницу», а также набор «даточных». В «вольницу» принимались все желающие, исключая крестьян, тянущих тягло, то есть платящих государственные налоги. В числе вольных могли оказаться, согласно указам царя, «дети боярские, и из недорослей, и казачьих, и стрелецких детей, и братью, и племянников, и захребетников, и из иных всяких чинов, и из наемных работных людей, которые ходят на судах, опричь отставных московских полков стрельцов, а с пашни тяглых крестьян отнюдь не имать». «Даточные» – это в своей основе те вооруженные холопы, которые ранее вместе со своими хозяевами-помещиками выходили на смотр или войну в соответствии с устанавливаемыми пропорциями, например помещик должен был выставить вооруженными не менее чем по одному воину с каждых двадцати дворов своего поместья. Теперь набор вольных и «даточных» (эта вообще-то привычная для XVII века практика) приобрел иной характер, будучи изменен в корне: волонтеры не определялись в солдатские полки старого, поместного типа, а «даточные» уже не служили, как раньше, во вспомогательных войсках – все они становились «правильными» солдатами регулярных полков. Их обучали по новым уставам и полностью содержали на средства государства, причем они становились пожизненными военнослужащими, которых не распускали после войны по домам.

С 1705 года правительство делает следующий шаг: прекращает прием в «вольницу» и переходит к набору так называемых «рекрут» непосредственно с крестьянского населения, чего не было раньше. Это было вызвано острой нехваткой людей в армии, потребности которой уже не могли удовлетворяться за счет волонтеров и «даточных». Источник был поистине неисчерпаем. Как оказалось впоследствии, в 1705 году была создана необычайно устойчивая система обеспечения вооруженных сил людьми, система, которая просуществовала практически без изменений до 1874 года, то есть почти 170 лет! Причина такой устойчивости заключалась в том, что рекрутская система полностью отвечала особенностям социальной и экономической структуры страны. Рекрутская повинность и крепостнические отношения – это две стороны одной медали. На армию, где дворянин – офицер, а вчерашний крестьянин – солдат, крепостническая система накладывала, несмотря на принципиальное различие поместья и армейского полка, свой неизгладимый отпечаток. Важно отметить, что рекрутская повинность не была индивидуальной, подобно всеобщей воинской повинности, а имела архаичный общинный характер, включая круговую поруку, очередность и т. д. Естественно, что, отражая крепостнические отношения в стране, рекрутчина – а именно так называлась повинность в народе – просуществовала до тех пор, пока не начали рушиться все остальные институты крепостного строя.

Как и крепостничество, рекрутчина вызывала постоянное сопротивление в народе. Крестьяне, ставшие рекрутами, навсегда прощались с родными, и о них горевали, как об умерших. Документы свидетельствуют, что для этого были основания. Тяжелейшие испытания начинались с первых шагов рекрута. Чтобы воспрепятствовать побегам, рекрутов заковывали в колодки, как преступников. «Станции» – места сосредоточения рекрутов перед отправкой в армию, в которых их содержали месяцами, – мало отличались от тюрем.

Чтобы предотвратить побеги, власти шли на разные ухищрения. Одним из них была традиционная круговая порука: все жители деревни или родственники несли ответственность за отправленного рекрута своим имуществом и даже свободой.

Если рекрутская система комплектования сложилась в течение пяти лет, то устройство всей армии вырабатывалось примерно лет десять, вплоть до Полтавы, когда Петр окончательно убедился в правильности выбранных им решений. Основу армии составляла пехота. Наряду с пехотными полками были созданы гренадерские полки, солдаты которых, помимо обычного вооружения, были оснащены гранатами. Не меньшие изменения претерпела ка-

валерия. Она состояла из драгунских полков, укомплектованных кавалеристами, которые были обучены ведению боя в пешем строю. В 1720 году Россия могла выставить 79 тысяч штыков пехоты и 42 тысячи сабель кавалерии.

Гордостью русской армии стала быстро восстановленная после нарвского поражения артиллерия, делившаяся на полковую, полевую (108 орудий) и осадную (360 тяжелых орудий). К артиллерии были приписаны и созданные Петром инженерные части. Кроме того, в России появились гарнизонные войска, размещенные в многочисленных крепостях. В 1720 году их было не меньше 68 тысяч человек. Наряду с использованием традиционных для дореформенной армии иррегулярных (то есть нестроевых) сил казаков, татар, башкир и других «инородцев», численность которых достигала 40—70 тысяч сабель, в 1720-х годах была создана так называемая «ландмилиция» (территориальные войска, набираемые на время) из живших на юге однодворцев. Они сторожили опасные южные границы. Детально и глубоко была разработана Петром система организации и управления армией. В течение первой четверти XVIII века были созданы центральные учреждения, ведавшие нуждами армии: Военный, Адмиралтейский, Провиантский приказы, на смену которым в 1718—1719 годах пришли Военная и Адмиралтейская коллегии. Высшей тактической единицей, как и раньше, оставался полк. Полки объединялись в бригады, бригады – в дивизии.

Действия армии направлялись ее мозгом – полевым (главным, генеральным) штабом во главе с команующим, обычно – генерал-фельдмаршалом. Было введено, согласно европейской практике, командование отдельными родами войск: пехотой командовал генерал от инфантерии, кавалерией – генерал от кавалерии, артиллерией – генерал-фельдцейхмейстер. Непременным атрибутом управления армией было функционирование Военного совета – совещания всех высших генералов по важнейшим вопросам ведения военных действий.

Адмирал Крюйс. С голландской гравюры Кнюйна.

Анализируя причины нарвского поражения, Петр отметил в своем «Журнале»: «Искусство ниже вида», то есть крайне неудовлетворительное состояние боевой подготовки войск и искусства ведения военных действий. Действительно, почему, зная о приближении шведов, русская армия не вышла из палисадов, построенных вокруг осажденной Нарвы, и не встретила противника в полевом сражении, где численное превосходство было на стороне русских войск? Дело не в нерешительности командования, а в том, что русские войска XVII века не привыкли воевать в поле, стремились зацепиться за какую-нибудь высоту, укрепив ее, или вести сражения за подвижной стеной «гуляй-города», или, попросту, укрепленного обоза. Тем самым инициатива изначально передавалась в руки противника. Именно так, по старинке, действовали русские военачальники и под Нарвой. Петр быстро понял порочность и бесперспективность такой военной концепции. При нем происходит стремительная перестройка стратегических и тактических основ русского военного искусства. Главной целью военных действий для Петра становится не взятие крепостей противника (как это было раньше), а нанесение поражения армии противника в непосредственном быстротечном контакте – бою, сражении. При этом Петр, взвешивая все слабые и сильные стороны и противника, и свои, умел поступать осторожно, наверняка, с огромным запасом прочности, как это было, например,

под Полтавой. Движение масс пехоты согласовывалось с действиями артиллерии и конницы, при этом сама кавалерия драгунского типа (то есть обученная пешему строю) обладала возможностью действовать самостоятельно, осуществлять операции стратегического масштаба.

Петр придерживался принципа: «Нужно есть сочинять армию свою, смотря неприятельской силы, или онаго намерения, дабы его во всех делах упреждать и всячески *искать неприятеля опровергнуть»*.

Соответственно новым стратегическим и тактическим принципам была изменена концепция подготовки войск к боевым действиям. На смену прежним смотрам раз в год, редким учебным стрельбам приходит постоянная военная подготовка, которая не заканчивалась с превращением рекрута в «правильного» солдата. Эта подготовка была ориентирована на активные военные действия. В ней мы видим сочетание одиночного и группового обучения с доведением до необходимого автоматизма различного рода перестроений роты, батальона, полка, что обеспечивало мобильность и эффективность маневрирования на поле боя. Здесь и обучение согласованному и меткому ведению огня, умелому сочетанию его со штыковыми ударами. Здесь и четкое управление боем со стороны офицеров, которое было построено на сочетании беспрекословной исполнительности и необходимой самостоятельности. Как реально выглядела такая подготовка, можно увидеть на страницах петровского «Учреждения к бою», где обобщались результаты нескольких лет боевой практики Петра и его армии: «Понеже известно есть, что старых солдат не надлежит уже той экцерциции больше обучати, которая для рекрута учинена, ибо они тот градус уже миновали, но надлежит непрестанно тому обучать, как в бою поступать, то есть справною и не спешною стрельбою, добрым прицеливанием, справными швенкелями, отступлением и наступлением, тянутьем линий, захватываньем и неприятеля фланки, сикундированием едины другим и прочие обороты и подвиги воинские, чему всему мать есть безконфузство, ибо кто его не блюдет, тот всегда без прекословия потеряет, ибо сие едино войски возвышает и низвергает, чего всякому офицеру паче живота своего хранить достоин. Ибо ежели он свой живот, нерадением дела своего или бегством спасти похочет, то после на безчестной виселице оное погубит, и для того надлежит, чтоб каждый капитан и протчие офицеры каждый своею ротою командовали, а не на майора смотрели во всем, а сами ничего не делали, ибо каждому баталионом командующему надлежит перед баталионом по тех мест быть, пока до мест приведет, отколь стрелять, и потом тотчас ехать назад и приказывать

о первом залпе только, протчую же стрельбу каждый капитан (или командующий ротой) да управляет; командующему же баталионом надлежит подле самой задней шеренги ездить непрестанно от конца до конца своего баталиона и смотреть, дабы все исправно было и для того удобнее всем штаб-офицерам на лошадях быть».

Из приведенного отрывка хорошо видно, что в основе тактического обучения войск Петра лежали не одни чисто технические приемы, но и воспитание ответственности, инициативы, сознательной дисциплины, то есть всего того, без чего не может существовать армия. Особое значение в этих условиях приобретали воинские уставы, регламенты – одним словом, кодекс военного права. Петр уделял их составлению много внимания, видя в них основу жизни армии, да и всего общества. На смену «Учению и хитрости ратного строю» Алексея Михайловича в начале XVIII века пришли новые уставы: «Строевое положение», «Учреждение к бою» и др. В 1716 году был издан знаменитый «Устав воинский», которым определялись не только организация и устройство армии, обязанности военнослужащих, основы строевой и полевой службы, но и военно-уголовные, административные законы. Можно говорить о сильном влиянии на «Устав воинский» военного законодательства Швеции, Франции, Австрии, Дании, переработанного, дополненного в соответствии с условиями России, в зависимости от опыта Петра как полководца, организатора военного дела. Принятая при Петре присяга, как и другие военные законы, четко определяла принципы службы, шире – служения петровского солдата. Это последовательно проводимая иерархия, строгое подчинение воинской дисциплине и приказу вышестоящего, богобоязнь и законопослушание. Никогда ранее в России с такой полнотой, последовательностью и целеустремленностью эти принципы не формулировались и не проводились в жизнь. Военное законодательство не привлекало бы столько внимания, если бы оно было отражением взглядов Петра только на войсковую структуру и отношения в армии. В военных законах петровской поры нашли яркое выражение общегосударственные идеи Петра, отразилась его идеологическая концепция. В этом смысле Петр следовал известной традиции, существовавшей в Европе. Справедливыми кажутся наблюдения П. О. Бобровского о совпадении идей Петра с идеями шведского короля Густава III Адольфа (1594—1632 гг.), выдающегося полководца и реформатора. Речь идет о стремлении обоих уйти от примитивной жестокости как единственной формы обращения с солдатом, о желании не превращать этого солдата в марширующую машину, воспитывать с помощью армии добрые нравы, просвещать, бороться с нелепы-

ми суевериями. В полной мере влияние этих, несомненно передовых, идей нашло выражение в петровском «Уставе воинском», составленном под сильным влиянием военных законов Густава-Адольфа. Иерархичность, субординация – становой хребет отношений в армии. Но не только это. Командир – не просто старший по чину, которому надлежит беспрекословно подчиняться. Он – олицетворение чего-то большего, чем воинское начальство. Сам он должен удовлетворять весьма высоким требованиям, как профессиональным, так и общечеловеческим. Глава 10-я «Устава воинского», называемая «О генерале-фельдмаршале и о всяком аншефте», утверждает как закон следующее:

«Генерал-фельдмаршал, или аншефт – есть командующий главный генерал в войске. Его ордер и повеление в войске должны все почитать, понеже вся армия и настоящее намерение от государя своего ему вручено. Его чин такой, чтоб был не точию муж великаго искусства и храбрости, но и добраго кондуита (сиречь всякой годности) котораго бы квалитеты (или качества) с добродеянием и благочестивою справедливостью связаны были. Ибо храбрость его неприятелю страх творит, искусство его подвизает людей на него твердо уповать и о виктории и благосостоянии весьма обнадеживанным быть. Добрые его кондуиты возбуждают послушание и умножают сильно ауторитет или власть его с учтивостью, которую отдавать ему все должны. Прозорливый его кондуит л заботливое попечение содерживает всю армию и творит ее счастливу в бою. Добродеяние его и справедливость привлекают к себе все сердца всея армии, как офицеров, так к рядовых. Зане ему надлежит жалобы их и доношения добровольно слушать, добрыя их дела похвалить, а за оныя воздавать, за худыя же накрепко и со усердием наказывать, чтоб он всякому возлюблен и страшен был». Выразительна и символична не только последняя фраза, но и весь текст. Хотя речь в нем идет об армии, но он далеко уводит нас от плаца и казармы. Суть в том, что Петр видел в армии, армейской структуре, армейских отношениях образец для всего общества. Петр испытывал искреннее желание «поправить» общество, распространив на него так легко формулируемые в виде артикулов и так легко осуществляемые на армейском плацу нормы армейской жизни. Четкая организация армии, ясно очерченный круг обязанностей начальников и подчиненных, отношения чинопочитания на основе строгой дисциплины и единомыслия – все это, казалось, так легко перенести на все общество. Вот почему приведенный выше документ следует рассматривать не только как чисто военный. В сущности, он содержит требования, обязательные для применения к любому начальствующему лицу. А недостатки, пороки? Конечно, они были, и

Петр выделяет из них два главных. Первым является банальное «сребролюбие», под которым понималось взяточничество, вымогательство и другие незаконные формы обогащения должностного лица: «И понеже корень всему злу есть сребролюбие, того для всяк командующий аншефт должен блюсти себя от лихоимства и не точию блюсти, но и других от онаго жестоко унимать и довольствоваться определенным, ибо многие интересы государственные чрез сие зло потеряны бывают. Ибо такой командир, который лакомство великое имеет немного лучше изменника почтен быти может, понеже онаго неприятель (хотя оный и верен) посторонним образом подарить и с прямаго пути свести легко может. Того ради, всякому командиру надлежит сие непрестанно в памяти иметь и от онаго блюстися, ибо может таковым богатством легко смерть или безчестное житие купить».

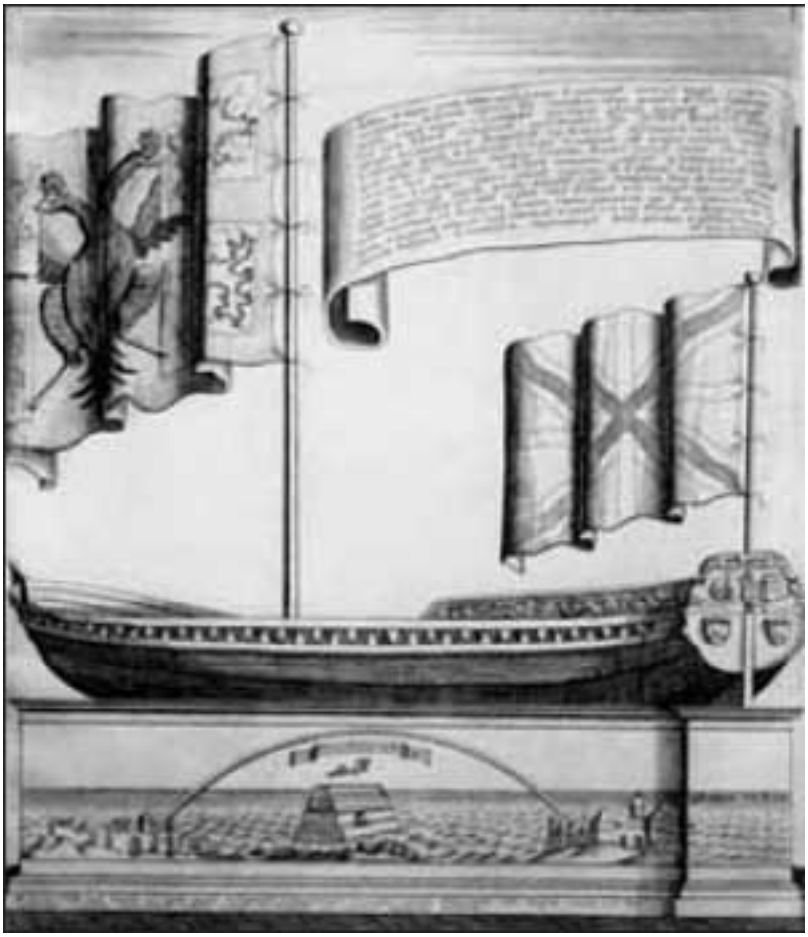
Вторым пороком, по мысли Петра, является «похлебство», то есть поблажка, попустительство: «Еще же другое зло случается равное вышеописанному, то есть похлебство, ибо оное многое не только за худое дело, но за добродетель вменяют, ставя в милосердие, еже винных легко судить или по случаю иных и весьма свободных от суда иметь, дабы тем от людей любовь получить. Но таковый храмину свою на песке созидает без твердого основания и всегда готова к падению. Понеже ничто так людей ко злу не приводит, как слабая команда, которой пример суть дети в воле, без наказания и страха возращенные, которые обыкновенно в беды впадают, но случается после, что и родителям пагубу приносят. Тако и в войске командующие суть отцом оных, которых надлежит любить, снабдевать, а за прегрешения наказывать. А когда послабит, то тем по времяни вне послушания оных приведет и из добрых злых сочинит и нерадетельных и в своем звании оплошных, и тако сам себе гроб ископает, и государству бедство приключит, чего такожде всякому командующему весьма отгребатися и яко смертнаго страха опасатися надлежит».

Из приведенной цитаты хорошо видно, что как существенный порок осуждается не попустительство из корыстных или каких-либо иных неблаговидных целей, а вообще всякое попустительство, ибо «ничто так людей ко злу не приводит, как слабая команда».

И опять же в подобных нормах военного кодекса отчетливо видны общие принципы подхода Петра ко всякому исполнению человеком, состоящим на службе, своего долга. Суть этих принципов – беспрекословное подчинение начальнику и строгое соблюдение предписанного сверху порядка.

Создание регулярной армии было частью задачи, которую ставил перед собой Петр, получив нарвский урок. Заняв Ингрию уже

в первые годы войны, он сразу оценил значение ее водных бассейнов и путей и соответственно выдающуюся роль, которую может сыграть здесь военно-морская сила. Важно и то, что Петр не мыслил без флота могущества своего государства, не представлял без кораблей своей жизни. Создание флота было для него первейшим долгом после создания армии, естественным продолжением дела, некогда начатого его отцом, царем Алексеем Михайловичем, при котором в Дединове на Оке был спущен на воду первый русский корабль «Орел». Все эти чувства хорошо отражены в преамбуле Морского устава 1720 года: «Учиня Устаф Воинской Сухова пути, ныне, с помощию божиею, приступаем к Морскому, которое також прежде сего начинаемо было, а именно, при блаженной и вечно достойной памяти отца нашего для мореплавания на Касписком море, но тогда чего ради тому не исполнитца и на нас сие бремя вышняго правителя возложить изволила, оное оставляем непостижимым судьбам его. И понеже сие дело необходимо нужное есть государству (по оной присловице что всякой потентат, которой едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а которой и флот имеет, обе руки имеет), того ради сей Воинской Морской устаф учинили…»



Ботик Петра Великого. Левый борт. А. Ф. Зубов по рисунку И. П. Зарудного. 1722 г.

Строительство, содержание и использование военно-морских сил было всегда весьма сложным и дорогостоящим общегосударственным делом, которое, применительно к России конца XVII – начала XVIII века, можно сравнить, без особой натяжки, с современными космическими программами. Мало было построить или купить стоивший целое состояние корабль, нужно было иметь разветвленную инфраструктуру, обеспечивавшую флот всем необходимым, начиная с гвоздей и кончая опытными флотоводцами. Множество заводов – лесопильных, парусных, канатных, металлургических и иных – работали на нужды флота. Гавани и портовые сооружения, учебные заведения, цейхгаузы и, наконец, мощная кораблестроительная промышленность – все это только и могло по-настоящему вдохнуть жизнь в понятие «военно-морской флот». Необходимо отдать должное Петру, прекрасно это осознававшему, обладавшему редкостным организаторским талантом и энергией. Без преувеличения можно сказать, что морское дело, начиная с проектирования корабля и заканчивая высокой наукой мореплавания и морского боя, было его любимым делом. Беря плотницкий топор или секстант, Петр, по-видимому, находил в этих занятиях отдохновение души; ощущал надежную ясность и простоту корабельных конструкций, послушное подчинение его воле громады, несущей на себе сотни людей и десятки пушек, так похожей на страну, у руля которой ему было суждено стоять.

Строительство петровского флота, как известно, началось в Воронеже в 1695—1696 годах. Здесь после неудачи первого Азовского похода были собраны значительные силы нанятых в Голландии, Англии и Венеции корабельных мастеров, русских плотников и рабочих, которые в крайне сжатые сроки построили большое количество галер и других судов. Уже 3 мая 1696 года Петр с гордостью сообщал в Москву Андрею Виниусу: «Сегодня с осмью галерами в путь свой пошли, где я от господина адмирала (Лефорта. – *Е. А.)* учинен есмь камандором». Всего на воронежских верфях до 1702 года было построено 28 кораблей, 23 галеры и много мелких судов. Строительство кораблей продолжалось и позже, вплоть до отдачи туркам Азова и Таганрога в 1712 году, когда часть кораблей Азовского флота была уничтожена, а часть – продана туркам. Но к этому времени Азовский флот не был единственным флотом России. Уже десять лет на берегах рек Балтийского бассейна активно строились корабли.

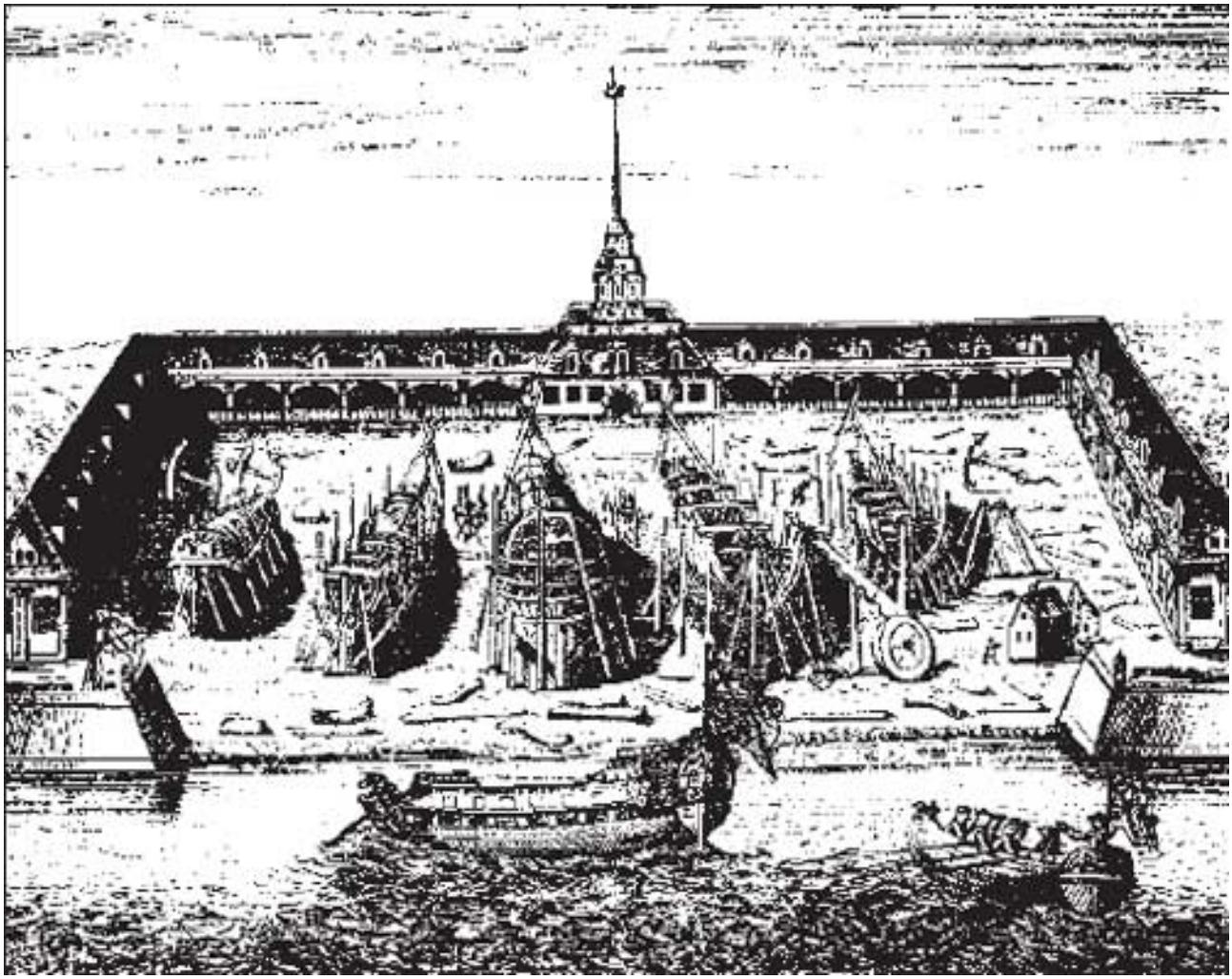
Как и в Воронеже, опыт которого был, конечно, учтен, строительство флота на Балтике велось форсированными темпами.

Начало ему было положено в 1702 году основанием верфи на реке Сясь. В 1703 году на Свири возникла знаменитая Олонецкая верфь, одна из самых крупных, с которой успешно соперничала лишь основанная чуть позже Петербургская верфь. Всего в петровский период было построено не менее 1104 кораблей и иных судов, причем львиная доля – на Петербургской и Олонецкой верфях – 386 судов, из которых 45 линейных кораблей. Эти цифры отражают колоссальные успехи кораблестроения за 20 с небольшим лет. По мнению историков кораблестроения, сам Петр был незаурядным кораблестроителем, предложившим много новых технических решений, начиная с проектирования и заканчивая использованием морских судов. Любопытно, что, стремясь добиться непрерывной работы верфей в течение года, Петр предложил спускать корабли даже зимой – в специально подготовленную для этого прорубь. С годами рос опыт царя-кораблестроителя. Начав с проектирования и строительства яхт и шняв, Петр закончил проектом и закладкой 100-пушечного корабля. Образцовым стал спроектированный им 64-пушечный корабль «Ингерманланд», построенный Р. Козинцем в 1715 году. Одновременно со строительством кораблей в Петербурге и Кронштадте создавались мощные военно-морские базы, дополненные базой в Эстляндии (Рогервик; ныне Палтийски). В Кронштадте строилась уникальная система каналов и шлюзов, которая позволяла беспрепятственно ремонтировать, вооружать и даже хранить в межсезонье на берегу огромные корабли.

Петр не ограничивался строительством кораблей. Они также покупались за границей и перегонялись в Петербург. Так, за 1711—1714 годы было куплено и переведено в Россию 16 линейных кораблей. Петровское время стало расцветом галерного флота, известного с античных времен. Петр правильно оценил его значение для борьбы с противником в мелководных шхерах Финского и Ботнического заливов. Здесь особенно пригодился опыт венецианских кораблестроителей, накопленный в течение столетий морских войн в Адриатике и на Эгейском море.

Ко времени Гангутского сражения 1714 года Петр в основном выполнил задачу по созданию морского щита Петербурга – флот насчитывал 22 корабля, 5 фрегатов и множество мелких судов. Назвать этот флот совершенным, конечно, нельзя: корабли были весьма разнотипны, строились из сырого леса (и потому оказывались недолговечными), плохо маневрировали, экипажи были слабо подготовлены. Не случайно во время Гангутской операции вся тяжесть военных действий на море легла на галерный флот, избегавший, благодаря своей подвижности и мелкой осадке, встреч с крупными соединениями шведского линейного флота.

Опыт кораблестроения, перспективы военных действий на просторах Балтики непосредственно у берегов Швеции – следствие вытеснения шведов из Финского залива, – как и общие военно-морские амбиции Петра привели к принятию приблизительно в 1714—1715 годах целостной программы увеличения и качественного обновления флота. И эта программа была не только выполнена, но и перевыполнена к концу царствования Петра: число кораблей с 1715 по 1724 год увеличилось с 27 до 34, а фрегатов – с 7 до 15. Мощь орудийного залпа флота возросла при этом почти вдвое: всего на борту кораблей вместо прежних 1250 орудий стало 2226. Усиление огневой мощи было связано с появлением на вооружении нового поколения крупных кораблей, среди которых выделялись 96-пушечный «Фридрихштадт», 90-пушечные «Лесное» и «Гангут», а также три корабля, имевшие по 88 пушек. Для сравнения отмечу, что среднее количество орудий на кораблях русского флота в 1715 году не превышало 54. То, что флот России превосходил шведский, стало очевидно уже во второй половине Северной войны. Но, забегая вперед, скажем, что после того, как наметился перелом в пользу России, Петр не собирался сворачивать военно-морское строительство. Ему, как опытному флотоводцу, было ясно, что русскому флоту далеко до флота «владычицы морей» Великобритании, союзника Швеции: трижды (в 1719—1721 годах) эскадра адмирала Норриса запирала русский флот в гавани. Не исключено, что ответом на это стала закладка Петром в 1723 году 100-пушечного корабля, получившего впоследствии название «Петр I и II». По-видимому, этот гигантский по тем временам корабль (историки кораблестроения характеризуют его как первый в мире корабль такого типа) должен был начать собой новое поколение кораблей, которым явно была тесна Балтика.



Адмиралтейство. С гравюры 1716 г.

Индустриализация по-петровски

Бесспорно, что успехи армии Петра на полях сражений были бы невозможны без серьезных преобразований в экономике тогдашней России: победное оружие Нотебурга, Полтавы, Гангута выковывалось в кузницах Урала, Тулы, Петровских заводов. Несомненно и то, что в годы царствования Петра в области экономики была осуществлена коренная реформа, имевшая далеко идущие последствия. Можно без преувеличения утверждать, что в первой четверти XVIII века в России произошел резкий экономический скачок, равный по значению и последствиям индустриализации советского периода. Промышленное строительство Петровской эпохи проходило в невиданных для того времени темпах: за 1695—1725 годы возникло не менее двухсот мануфактур разного профиля, то есть в десять раз больше, чем было их в конце XVII века, и это при еще более впечатляющем росте объема продукции.

Характернейшая особенность экономического бума в России начала XVIII века заключалась в определяющей роли самодержавного государства в экономике, его активном и глубоком проникновении во все сферы хозяйственной жизни. Такая роль была обусловлена многими факторами.

Господствовавшая тогда в Европе экономическая концепция меркантилизма исходила из того, что основой богатства государства и необходимым условием его существования является накопление денег за счет активной торговли, вывоза товаров на чужие рынки и воспрепятствования ввозу товаров на свой. Уже одно это само по себе предполагало вмешательство государства в сферу экономики. Поощрение одних – «полезных», «нужных» видов производства, промыслов и товаров неизбежно влекло за собой сокращение, ограничение или даже запрещение других – «неполезных» и «ненужных» с точки зрения государства. Концепция меркантилизма предусматривала управление экономикой в соответствии с теми представлениями о богатстве страны и благосостоянии подданных, которые были у политиков, вдохновленных экономистами, сулившими обществу процветание. Такой подход подразумевал довольно четкое определение властями путей и средств достижения «общего блага». Среди этих средств были и поощрение, и принуждение, и регулирование экономической жизни подданных. Петр, мечтавший о могуществе своего государства, не был равнодушен к идеям меркантилизма и его составной части – протекционизма – поощрения промышленности, производящей товары в первую очередь для внешнего рынка. Идеи принуждения в экономической политике совпадали с общими идеями «насильственного прогресса», которые практиковал в ходе своих реформ Петр.

Но важнее другое: в российских условиях не только и не столько концепция меркантилизма обусловила выбор направления экономической политики, характерной для начала XVIII века. Сильнейшим стимулятором активного, невиданного прежде вмешательства государства в экономическую сферу стало неудачное начало Северной войны, не принесшее ни трофеев, ни новых, богатых, экономически развитых территорий. Под Нарвой была потеряна вся артиллерия, стало ясно, что нужно чуть ли не заново создавать боеспособную армию. Многочисленные мануфактуры, преимущественно оборонного значения, стали строить не руководствуясь абстрактными представлениями о необходимости поощрения промышленности или расчетом получить доходы, а оказавшись перед лицом жестко детерминированной необходимости обеспечить армию и флот оружием, боеприпасами, обмундированием. Тонкий ручеек поставок через Архангелогородский

порт не мог удовлетворить растущие потребности страны в разнообразных товарах. К тому же, начав войну со Швецией, Россия лишилась основного источника поставок скандинавского высокосортного железа, шедшего на изготовление оружия, и вообще оказалась фактически в экономической изоляции.

Именно возникшая после «нарвской конфузии» 1700 года экстремальная ситуация предопределила характер, темпы и специфику промышленного бума, развернувшегося лихорадочного строительства. Исходя из четко осознанных интересов обороны, государство Петра выступило инициатором необходимой в тех условиях индустриализации. Обладая огромными финансовыми и материальными ресурсами, правом неограниченного пользования землей, ее недрами и водой, государство взяло на себя регулирование всего, что связано с производством, начиная от размещения предприятий и заканчивая номенклатурой необходимой продукции. То же происходило и с торговлей. В системе созданной при Петре государственной промышленности и торговли возникли и последовательно отрабатывались принципы и приемы административного управления экономикой, чего ранее в таких грандиозных масштабах российская история не знала. Конечно, уже в XVII веке существовали государственные монополии, и приказы занимали важнейшее место в развитии промыслов, торговли и промышленности, но для допетровской России такие глобальные масштабы и глубина проникновения государства в сферу экономики ни в коей мере не характерны.

В годы Северной войны государственное предпринимательство развивалось в двух направлениях: во-первых, активизировалось производство в старых промышленных районах за счет расширения существовавших и строительства новых предприятий, и, во-вторых, создавались новые районы промышленного производства.

Важно отметить, что строились прежде всего предприятия мануфактурного типа – наиболее передовые в то время. Применение разнообразных инструментов и орудий, разделение труда, довольно развитая специализация профессий обеспечивали достаточно высокую по тем временам производительность труда на мануфактурах по сравнению с ремесленными мастерскими. Строго говоря, мануфактурное производство появилось задолго до петровской индустриализации и уже в XVII веке поставляло различные товары на внутренний рынок. Однако подлинный перелом в промышленности страны наступил только с началом петровских преобразований.

Оба пути развития государственного предпринимательства – активизация старых промышленных районов и создание новых

– особенно отчетливо прослеживаются на примере металлургии – основы военного могущества. Казна вложила огромные средства в расширение производства железа, пушек, оружия в районах традиционного производства – в Карелии, в Воронежско-Тамбовском крае, в Центре. Здесь в сжатые сроки строились новые заводы, расширялись старые, нередко отобранные у тех предпринимателей, которые были не в состоянии оперативно справиться с огромными заказами казны.

Отчетливо видно, что если Липецкие металлургические заводы были «привязаны» к строительству флота в Воронеже, то потребности военно-морского строительства в Петербурге и Приладожье удовлетворялись за счет Олонецких заводов, работавших хотя и на плохой руде, но зато находившихся вблизи театра военных действий.

Особую роль сыграл Урал, где в крайне сжатые сроки был построен целый металлургический комплекс. Нельзя представлять себе Урал допетровского времени как страну дикую, безлюдную и неосвоенную. К концу XVII века там было немало мелких промыслов и кузниц, были известны и многие крупнейшие месторождения, предпринимались и попытки, правда, неудачные, строительства мануфактур. Иначе пошло дело, когда, подчиняясь воле Петра, за промышленное развитие Урала взялось государство. Уже летом 1696 года Сибирский приказ предписал воеводе Верхотурья заняться поиском железной руды. Инициативным исполнителем воли Петра стал начальник-судья Сибирского приказа А. А. Виниус, который сам участвовал в обследовании богатств Урала. Наиболее подходящим было признано богатейшее месторождение железной руды на берегу Тагила – так называемая Магнитная гора, а «среди горы пуповина чистого магнита». Вернувшись из-за границы в августе 1698 года, Петр почти сразу же распорядился приступить к строительству там металлургического завода. «А для того заводу указал великий государь взять добрых и нужных мастеров, доменного с подмастерьем, в молотовую два или три человека, да мехового доброго мастера, да которой бы был искусен лить пушки и гранаты большие и малые, а иного чтоб сталь и уклад делал, одного человека угольника. А тех мастеров взять з железных тульских, каширских, Ярославца Малого, с Ыгоцких, с Павловских заводов, и тех мастеров по зимнему пути сего 207 (1698. – Е. А.) году послать на Верхотурье, и там угодные места велел осмотреть. А приставить к тому делу с Верхотурья добраго сына боярского и грамотного, которого бы с такое дело стало».

В этом указе отчетливо прослеживаются методы создания новых мануфактур при Петре, когда активно использовался опыт действовавших предприятий, а лучшие мастера переселялись

под ведение местной администрации на новое место. Кроме того, петровские резиденты в Западной Европе активно приглашали иностранных горных специалистов и металлургов, охотно ехавших в Россию из Германии, Англии и других стран.

Основание завода на Урале было делом трудным, и первый чугун пошел из первой домны Невьянского завода лишь 15 декабря 1701 года. Это было выдающееся событие: рождение знаменитой уральской промышленности, без которой трудно представить себе экономику России. 8 января 1702 года из этого чугуна было изготовлено первое железо, не имевшее себе равных по своим физическим свойствам ни в России, ни за границей.

Чуть раньше был основан Каменский, в 1702 году – Уктусский, а в 1704 году – Алпатьевский заводы. С 1702 по 1707 год, наряду с действовавшими, были построены новые металлургические заводы в Олонецком крае, в Устюжне, на Белоозере, а также в Воронежском крае (Липецкие заводы). Не менее одиннадцати заводов, основанных казной, буквально за пять лет резко изменили обстановку в тяжелой промышленности, обеспечив страну железом. Мощная металлургическая база позволила расширить и металлообрабатывающее производство, точнее – оружейную промышленность. В Туле, славившейся своими оружейниками, в 1712 году был основан большой оружейный завод, а в 1721 году появился такой же – Сестрорецкий.

Петр энергично взялся и за создание мануфактур в легкой промышленности. В 1696—1697 годах переводчик Посольского приказа А. Кревет основал в Преображенском, на берегу Яузы (с использованием силы ее воды), казенный Хамовный двор – мануфактуру по производству парусины, потребность в которой с началом строительства флота была огромной. Как всегда, Петр спешил. 2 мая 1697 года он послал Кревету из Либавы коротенькую и выразительную записку: «Рак! не забывай мельницы, да ткачей, а мы поедем отсель сегодни в Кюнинсберг морем». Кревету было поручено построить лесопильную мельницу и нанять на Хамовный двор ткачей из-за границы. Нанимались и русские ткачи из московской Кадашевской слободы, где ткацкий промысел имел давнюю традицию. К началу XVIII века Хамовный двор уже работал на полную мощность, поставляя Адмиралтейству парусину. К 1719 году Хамовный двор представлял собой огромное предприятие, на котором работало свыше 1200 специалистов и рабочих.

В начале XVIII века в Москве был построен Канатный двор – мануфактура по изготовлению корабельных снастей, а также Кожевенный и Портупейный дворы, обеспечивающие армию амуницией и седлами. Тогда же казной было освоено и производство шляп для армии. Для этого построили в Москве Шляпный двор,

который действовал до 1710 года, когда шляпы были исключены из обмундирования русской армии и заменены треуголками. В начале века лихорадочно возводились, преимущественно в Москве и Петербурге, и другие казенные мануфактуры: бумажная, пуговичная, чулочная, суконная, полотняная. Особое место среди них занимал Суконный двор в Москве – первое крупное текстильное производство «для дела немецких сукон», шедших в подавляющем большинстве на нужды армии, которой требовались десятки тысяч камзолов, кафтанов и епанчей. Текстильные мануфактуры в Москве, Казани, Липецке работали как на импортной, так и на отечественной шерсти, для чего с 1710-х годов были организованы в южных уездах овчарные заводы. Наиболее значительная полотняная мануфактура – Екатерингофская – действовала в Петербурге. Казна была инициатором и других производств – стекольных, зеркальных, силикатных, кожевенных, шпалерных и т. д.

В организации промышленности, особенно в первые годы XVIII века, государство с максимальной полнотой использовало все свои преимущества. Централизованное управление позволяло оперативно и рационально определить район размещения, масштабы производства, способы обеспечения его всем необходимым. Местным властям предписывалось всемерно содействовать строительству предприятий в кратчайший срок. Строительство заводов (особенно металлургических) требовало огромных средств, которыми не располагал ни один частный предприниматель или ростовщик. Эти средства легко нашлись в казне, еще не истощенной войной и сумевшей постепенно усилить давление налогового пресса на податное население.

В образовании и деятельности первых крупных государственных мануфактур, какого бы профиля они ни были, прослеживаются сходные черты. Предприятия основывались с оптимальным приближением к источникам сырья, на их строительстве использовали дешевый труд местного населения, из него же набирали низкооплачиваемых неквалифицированных рабочих. Для организации производства привлекали опытных специалистов – как русских, так и иностранцев. Сходство было и в обеспечении мануфактур техникой, сырьем, часть которого закупалась за границей, и в сбыте готовой продукции, которая в значительной степени шла на нужды казны, для чего, собственно, и создавалась мануфактурная промышленность при подготовке и в начале Северной войны.

Создание собственной промышленности государство сочетало с организацией собственной торговли – главным образом для получения прибыли с ходовых товаров внутри страны и вывоза

за рубеж таких товаров, которые бы дали государству деньги на покупку кораблей, оружия, сырья для промышленности. Государство захватывало торговлю самым примитивным, но очень эффективным способом – введением монополии на заготовку и сбыт определенных товаров как внутри страны, так и вне ее. Одной из первых была введена монополия на соль. Указом от 1 января 1705 года провозглашалось: «На Москве и в городах, у всяких чинов людей, соль описав, продавать из казны, а у продажи быть выборным головам и целовальникам добрым, за выборами, а над ними смотреть бурмистрам, а впредь соль ставить в казну подрядом, кто похочет. А почему по подряду по истинной цене на месте станет, продавать вдвое…» Установление монополии на этот один из важнейших продуктов, как видим из указа, означало для потребителей увеличение его цены вдвое, то есть государство хотело не просто прибрать к рукам прибыльную отрасль, но и получить добавочную стопроцентную прибыль. По данным Н. И. Павленко, введение государственной монополии на табак в том же 1705 году привело к росту прибыли государства на 800%. Особое значение приобрела монополия на продажу товаров за границу. Введение «заповедных» товаров практиковалось и в XVII веке, но при Петре оно охватило практически все виды товаров, которые русские купцы продавали иностранцам в Архангельске или сами везли за границу через другие порты и пограничные города. Среди товаров, взятых в казенную торговлю, были: юфть, пенька, лен, льняное семя, хлеб, щетина, смола, поташ, смольчуг, икра и рыбий клей, мачтовое дерево, лосины, ревень, сера-живица, сало, воск, парусное полотно, железо. Монопольную политику петровского правительства не следует упрощать. Наряду с товарами, остававшимися издревле в монополии государства, и товарами, при Петре попавшими на длительное время в число «заповедных», было немало таких, монополия на которые объявлялась ненадолго, а затем отменялась. Ряд товаров казна продавала, не запрещая это делать и купцам, но оставаясь при этом особо привилегированным «купцом» с правом первоочередности скупки сырья и реализации товаров на рынке. Сырье часто поступало в виде натуральных налогов с крестьян (пенька, лен и др.), готовая продукция поставлялась частными предпринимателями в казну по установленным государством ценам (сейчас бы это назвали госзаказом). Иногда купцам запрещалось делать закупки до полного удовлетворения запросов казны, иногда «заповедными» – то есть закрытыми для купцов – объявлялись некоторые районы, производящие сырье.

Участие казны в торговле, приобретшее при Петре огромный размах, неизбежно вело к ограничению, регламентации торговой

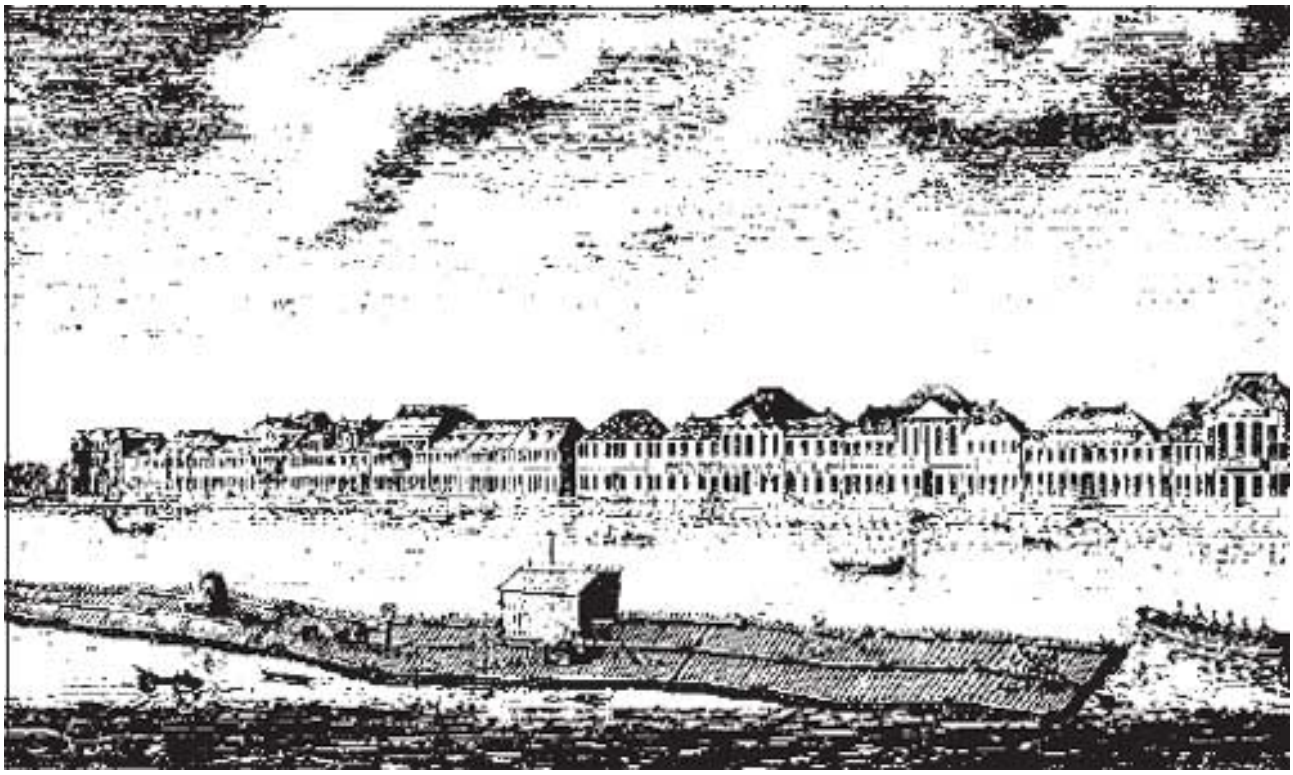
деятельности русских купцов, имело следствием расстройство, дезорганизацию товарооборота, удушение свободного, основанного на рыночной конъюнктуре предпринимательства. Само собой разумеется, что государственные чиновники сами не торговали – торговля отдавалась на откуп одному или нескольким купцам; продажа товаров, таким образом, монополизировалась конкретным откупщиком, выплачивавшим в казну (сразу или по частям) сумму денег, которую он, конечно, стремился с лихвой вернуть себе за счет потребителя или поставщика сырья, тем самым ущемляя своих возможных при свободном рынке конкурентов.

Основные товары, шедшие на экспорт, попадали в руки иностранцев, имевших обширные деловые связи на Западе. В переписке Петра и Сената часто встречаются имена иностранных монополистов по продаже русских товаров на европейских рынках и закупке нужных России товаров. При всем своем патриотизме Петр был вынужден идти на это, – отсутствие русского торгового мореплавания, налаженных связей на европейском рынке, опыта торговли, острая потребность в деньгах вынуждали прибегать к западным посредникам, не остававшимся, конечно, внакладе. Петровская эпоха была вообще тяжелейшим временем для русского купечества не только из-за негативных последствий введения монополий на ряд товаров, торговля которыми столетия давала возможность многим торговым домам, фамилиям купцов обогащаться. В годы Северной войны возросло количество различных служб купечества, отрывавших его от торговли и принуждавших выполнять (под свою материальную ответственность) обязанности в городском управлении, «у приема казенных денег», «у винной и соляной продажи», в таможнях. Введение новых налогов автоматически означало, что у купечества появлялась новая служебная обязанность – «состоять при сборах» этого налога. К этому нужно добавить, что налоги – прямые и косвенные – возрастали в ходе Северной войны не только в деревне, но и в городе. Горожане – купцы и ремесленники – поставляли подводы, лошадей, провиант, в их домах годами жили на постое солдаты и офицеры. К тому же все выплаты и повинности раскладывались в посадах «по животам», то есть в соответствии с благосостоянием каждого жителя. Это означало, что основная тяжесть платежей падала на плечи наиболее состоятельных купцов, что, конечно, мало способствовало росту купеческих капиталов.

Государственные монополии, налоги и повинности – это были силовые средства, примененные петровским государством для получения максимально крупных сумм денег для решения своих задач. Такую же цель преследовали и другие действия Петра в

области торгового предпринимательства, которые следует рассматривать как крайне негативные и разрушительные для торговли и купечества. Чего только стоит насильственное сколачивание компаний, установление твердых закупочных (как правило, заниженных) цен на товары, поставляемые купцами и промышленниками в казну. Эти товары могли затем реализовываться государством на внутреннем или внешнем рынке по так же волюнтаристски установленным завышенным ценам.

В 1713 году был издан указ, внесший на многие годы смятение в умы русских предпринимателей. Он запрещал вывозить в Архангельск из внутренних районов главные товары русского экспорта – пеньку, юфть, щетину, поташ и т. д. Эти товары должны были направляться в Петербург – новый порт на Балтике. Понятны расчеты и желания инициатора этого указа – Петра. Он исходил из очевидных для него представлений: Петербург – географически и климатически – более удобен для торговли с Европой, он ближе и для западноевропейских купцов, чем стоящий за три моря Архангельск. Однако волевое решение Петра, основанное на логике и искреннем желании поскорее сделать Петербург «вторым Амстердамом», не встретило поддержки в среде русского, да и иностранного купечества, торговавшего с Россией, ибо это решение ломало традиционные направления грузопотоков. С предпринимательством в Архангельске были связаны определенные преимущества, традиции, разрушать которые, во избежание потери доходов, было опасно.



Петербург при Петре Великом. Набережная. С гравюры А. Ф. Зубова.

Да, путь от Москвы до Архангельска был дольше, чем путь до Петербурга, но он проходил по проторенной, обжитой дороге, по полноводным рекам, на берегах которых жили люди, работавшие на северную торговлю. Да, Петербург был в два раза ближе к Европе, чем Архангельск, но что ждало купца, преодолевшего тяжелый, неблагоустроенный путь в стоящую среди болот новую столицу? Отсутствие жилья и торговых помещений, дороговизна жизни, нехватка рабочих рук, посредников, складских и перевалочных пунктов – всей инфраструктуры, без которой не может существовать торговля, – вот что ожидало купца в «парадизе», где хорошо было только царю.

Далее. Шел 1713 год. Балтийское море контролировалось шведами. Русский флот не только сопровождать, конвоировать корабли, но даже выходить из Кронштадта в открытое море боялся. Да и западные шкиперы предпочитали риску нежелательной встречи в Балтике со шведским капером риск встречи со льдами в Белом море на пути к Архангельску. А шведы, разумеется, не намеревались предоставить своему врагу возможность свободного плавания по Балтийскому морю. Но Петр был неумолим. И хотя он в дальнейшем несколько смягчил ограничения, налагаемые на архангелогородскую торговлю, все же льготные, «парниковые» условия для Петербурга сохранялись длительное время и были закреплены в 1721 году указом, согласно которому пошлины на товары, продававшиеся в Архангельске, были на треть выше пошлин на те же товары при продаже в Петербурге.

Разумеется, Петербург со временем действительно стал первым портовым городом России. Но это произошло много позже Ништадтского мира 1721 года, после событий, превративших отсталую страну в могучую Российскую империю. Но в той конкретной обстановке 1713 года указ Петра был серьезным ударом по торговле и благосостоянию русского купечества, а также населения всего Русского Севера. В 1726 году в одной из правительственных записок было откровенно сказано: «Тягость в переводе и в пресечении купечества к городу Архангельскому паче всех чувствуют поморские крестьяне… понеже и в доброе время у них хлеба мало родится, и крестьяне тамошние больше кормились извозом у города, на Вологде и в Ярославле, и в других тамошних местах всякою работою, и тем подати оплачивали, отчего ныне всего лишены». Примерно в то же время посадские Вологды сообщали в своей челобитной: «Им, вологжанам, посадским людям, в 1722 году от пресечения к городу Архангельскому торгов, отпуску на Вологде судов и снастей погибло многое число и учинилось

великое разорение».

Но этими мерами поощрения петербургской торговли Петр не ограничился. Он решил создать петербургское купечество теми же средствами, какие использовал в своей политике весьма часто, то есть принуждением, насилием. После 1711 года было опубликовано несколько указов о принудительном переселении в Петербург нескольких тысяч купцов и ремесленников из крупных и мелких городов России. В указе 1717 года, подтверждающем подобные постановления, говорилось, что купцов, «ныне выбрав, выслать их с женами, и с детьми в Санктпетербург безсрочно; а выбирать их в городах земским бурмистрам и выборным людям меж собою самим, как из первостатейных, так и средних людей добрых и пожиточных, которые б имели у себя торги и промыслы, или заводы какие свободные, а не убогие были б, не малосемейные, и тот выбор учинить им без всякого послабления, не обходя и не норовя никому ни для чего…». Всякие попытки обойти закон пресекались. Указ предписывал «некондиционных» переселенцев заменить другими: «…а которые купецкие и ремесленные люди из губерний в Санкт-Петербург на житье высланы и против челобитья их, по розыскам, явились одни из них старые, а другие – скудные и одинокие, а первостатейные обойдены, и вместо тех выбрав иных – добрых, по тому ж выслать в Санкт-Петербург немедленно». Принудительное переселение Петр практиковал и в отношении других слоев населения. Нужно ли подробно останавливаться на том, что не менее 40 тысяч крестьян со всей страны ежегодно били сваи и строили дома и укрепления новой столицы, умирая в своих землянках от тяжелого труда, недоедания и болезней. Переселялись и дворяне, обязанные построить дома в Петербурге. Но для купечества переселение было особенно болезненным, разорительным делом: торговля опиралась на связи, деловые отношения, каждый торговый дом имел свой профиль и район торговли. С переселением эти связи рвались, конъюнктура торговой деятельности на новом месте менялась в худшую сторону.

Все, что описано здесь, – лишь часть политики нещадной эксплуатации купеческого капитала самодержавным государством, стремившимся за счет купечества и его профессионального дела – торговли – быстро добыть деньги и товары для исполнения своих грандиозных планов. Монополии, службы, повинности, переселение, искусственные ограничения торговой деятельности разного рода – все это не прошло даром для русских купцов: исторические материалы свидетельствуют о значительном разорении наиболее состоятельной группы купечества – так называемой «гостиной сотни» – «гостей».

Исследование А. И. Аксенова по генеалогии московского купечества убедительно свидетельствует, что «вплоть до конца XVII века шло некоторое увеличение количества гостей, а в первые полтора десятилетия XVIII века – резкое сокращение». Если в 1705 году «среди гостей насчитывалось 27 фамилий (собственно гостей было, естественно, больше, поскольку в ряде родов было несколько представителей в этом звании), то в 1713 году в качестве „наличных“ московских „гостей“ числилось только 10».

Причины «оскудения» самой состоятельной прослойки русского купечества – в ликвидации традиционных видов торгов и промыслов после введения многочисленных государственных монополий, а также быстрый рост налогов. Как считает исследователь, за редким исключением именно в Петровскую эпоху богатейшие московские дома-фирмы были разорены, по «гостям» в этот период «был нанесен сокрушительный удар. Даже те немногие из них, потомки которых как будто заняли прочное положение, испытали это на себе. Поэтому, несмотря на внешнее благополучие, роды Филатьевых, Чирьевых и другие медленно, но неуклонно приходили в упадок в середине XVIII века». Этот вывод повторяет наблюдения, сделанные ранее Н. И. Павленко по всей совокупности «гостиной сотни»: к 1715 году из 226 человек только 104 сохранили торги и промыслы, причем 17 представителей верхушки торгового мира «изменили сословную принадлежность, прекратив занятия торговлей и промыслами: одни оказались в денщиках, другие – в подьячих, пятеро угодило в солдаты, а шесть человек обрели пристанище в монастырских кельях». Важно и то, что Павленко указывает глубинные истоки происшедшего: основой богатства купцов был ссудный и ростовщический капитал, находившийся в постоянном обороте. У очень состоятельного купца деньги находились в непрерывном движении, так что «за фасадом процветания торговых фирм скрывалось их неустойчивое положение, обусловленное огромным удельным весом в оборотах ссудного и ростовщического капиталов». Иначе говоря, такой капитал был необычайно «хрупок», зависим от изменений обстановки, конъюнктуры торговли. Грубое вмешательство петровского государства в сферу торговли в значительной степени разрушило и без того неустойчивое равновесие финансового стержня частной торговли, что и привело к упадку цвета купечества России. Не было, таким образом, преувеличения в утверждении авторов регламента Главного магистрата 1721 года, писавших, что русские «купецкие и ремесленные тяглые люди во всех городах обретаются не токмо в каком призрении, но паче ото всяких обид, нападков и отягощений несносных едва не все разорены, от чего оных весьма умалилось и уже то есть не без важнаго государ-

ственного вреда».

Да, обеднение и упадок некогда богатейших купеческих фирм, разорение городов, бегство их жителей – это и была та высокая цена, которую заплатили русские купцы, горожане за успех Северной войны, финансируя ее расходы, лишаясь своих барышей вследствие жесткой монопольной политики и различных ограничений, вошедших в практику экономической политики Петра с начала XVIII века. Справедливости ради следует отметить, что стоимость победы в Северной войне горожане поделили с сельским населением страны поровну. Именно на плечи русского крестьянства пала вся тяжесть войны. И победа, как часто бывало в истории, стала возможна только благодаря сверхусилиям народа.

Даже один перечень различных повинностей крестьян-плательщиков времен Северной войны производит впечатление на нас, давно привыкших к незаметному росту налогов через систему цен. Повинности эти были нескольких видов: 1) людские (рекруты); 2) отработочные; 3) подводные; 4) лошадные; 5) постойные; 6) натуральные (провиантом, фуражом и т. д.); 7) денежные.

Петербург. Гостиный двор. С гравюры 1716 г.

Денежные налоги делились на постоянные и экстраординарные. Размеры (оклады) постоянных налогов оставались стабильными долгие годы. Они формировались из нескольких групп налогов. «Приказные» налоги – это идущие на нужды центральных ведомств. Древнейшие «ямские и полоняничные деньги Ямского приказа» дополнялись «деньгами Военного приказа на жалованье драгунам», «корабельными деньгами Адмиралтейского приказа», а также «рекрутными деньгами Земского приказа». В начале 10-х годов XVIII века появились постоянные налоги на строительство новой столицы: «деньги к санкт-петербургскому городовому делу на кирпичное дело», «на известное зжение», «деньги на припасы и на дело судов». Значительную группу постоянных денежных налогов составляли сословные налоги, то есть те, которые платили отдельные сословия. Так, монастырские крестьяне с 1707 года были обложены «деньгами Монастырского приказа на жалованье драгунам», а также «деньгами на подъем каменщиков и кирпичников». Свои налоги платили дворцовые и черносошные крестьяне.

«Приказные», петербургские и сословные постоянные налоги дополнялись местными платежами, отличавшимися в каждой губернии, провинции и даже уезде. Если объединить их по назначению, то это – сборы на местную администрацию, гарнизоны, содержание почты, дорог, мостов и т. д.

Несмотря на пугающее разнообразие постоянных денежных платежей, можно с уверенностью сказать, что если бы существовали только эти налоги, крестьяне петровской поры жили бы вполне сносно. Но суть проблемы состояла в том, что постоянные и даже чрезвычайные денежные налоги составляли лишь незначительную часть от общей массы государственных повинностей. Наиболее тяжелыми были экстраординарные повинности, как правило, смешанные: денежно-натуральные, денежно-отработочные, подводно-денежно-отработочные и т. д. Характерной чертой таких повинностей были приплаты деньгами, без чего не обходились отправки провианта, рекрутов, работников, лошадей. Сбор и отправка провианта – одна из самых тяжелых экстраординарных повинностей – не прекращались ни на один год. Было несколько видов провианта, который назывался по месту назначения: «петербургский», «рижский», «померанский», «брянский», «азовский», «воронежский», «адмиралтейский» и т. д. Провиантская повинность в каждом регионе страны определялась по-разному. В одних местах (преимущественно хлебных) провиант взимался натурой, в других собирались «провиантские деньги», в третьих повинность была смешанной – натурально-денежной.

Провиантская повинность хотя и повторялась ежегодно, тем не менее не была постоянной. Каждый год величина поставляемого провианта, его ассортимент (один год брали муку, другой – крупу, сухари) менялись. Нестабильность провиантских платежей обусловливали и меняющиеся в зависимости от конъюнктуры цены. Помимо поставок провианта или платежей «провиантских денег» крестьяне могли получить указ о платеже «денег к прежнему в прибавок». Особенно тяжелым бременем ложилась провиантская повинность на тех крестьян, в чьих деревнях размещалась армия, которую они, в сущности, кормили и содержали на своих дворах. Так, в 1713 году населению Киевской губернии, где стояла армия Б. П. Шереметева, поставки провианта обошлись в три раза дороже, чем населению тех губерний, где армия не зимовала.

Значительные денежные приплаты сопровождали сборы рекрутов и лошадей для армии. Ежегодные рекрутские наборы начинаются с 1705 года. Первый указ о сборе рекрутов от 20 февраля 1705 года предписывал брать одного рекрута с каждых двадцати дворов, причем только «с пятнадцати до двадцати лет холостых, а ниже пятнадцати и выше двадцати не имать». Эти же двадцать дворов должны были сдать деньги на «корм, и одежду, и обувь, кафтаны серые, и шубы, и шапки, и кушаки, и чулки, и черики». При этом крестьяне, поставившие рекрута, несли за него коллективную ответственность и в случае его смерти или бегства должны были поставить взамен нового.

За непоставку в срок рекрута или нарушение правил сдачи налагались крупные штрафы. Рекрутские наборы, начатые в 1705 году, следовали один за другим не только ежегодно, но и не раз в году. Два набора 1705 года дали армии 44 500 рекрутов, а набор конных рекрутов – около 10 тысяч. Почти 20 тысяч человек дали наборы 1706 года, 12 400 – набор 1707 года, набор 1708 года – 11 200 человек и т. д. К концу Северной войны в соответствии с имперскими целями даже возобладала тенденция к росту армии: набор 1719 года дал 14 000 рекрутов, 1721 года – еще 19 700, а в 1722 году было взято 25 500 рекрутов, в 1723 году – 10 000, а в 1724 году – 20 500 рекрутов *стали* под ружье. Получается, что только рекрутами с 1705 по 1725 год было взято не менее 400 тысяч человек. Притом что в стране в это время было 5-6 миллионов душ мужского пола, это означало (даже с учетом ежегодного прироста, не превышающего 1%), что солдатский мундир при Петре был вынужден надеть каждый десятый-двенадцатый крестьянин, причем в рекруты, естественно, брали наиболее здоровых, а значит, работоспособных. Не менее тяжелой была для крестьянства отработочная повинность. Малые и большие стройки развернулись по всей стране: дороги, каналы, мосты, крепости, здания, редуты и многие

другие объекты обеспечивались рабочей силой почти исключительно за счет отработочной повинности. Лишь к концу царствования Петр и его сподвижники, убедившись в низкой эффективности принудительного труда, перешли на подрядную систему, когда на собранные с крестьян деньги «за работных людей» стали нанимать крестьян-отходников. А до этого на долгие месяцы десятки тысяч крестьян бывали оторваны от своего дома и поля. Бегство крестьян и посадских, причем в массовых масштабах, стало характерной чертой петровского времени. Нет необходимости доказывать, что только крайнее, безысходное отчаяние могло толкать крестьянство, привязанное образом жизни, привычками, традициями к земле, которая его кормит, на бегство семьями, целыми деревнями. В петровское время бегство стало повсеместным: в одних случаях крестьяне временно уходили в леса, пока не уезжали из деревень сборщики налогов или солдаты, в других случаях побеги были связаны с поисками работы или пристанища, где можно было укрыться от рекрутчины и повинностей.

Многие документы с несомненностью свидетельствуют, что налоговый пресс в сочетании с неурожаем и другими несчастьями выталкивал на дорогу целые крестьянские семьи, искавшие спасения от своего помещика, сборщика налогов на дворцовых, государственных и иных землях, преимущественно – на пустующих, окраинных. «В прошлых годах, – писал архимандрит Троице-Сергиева монастыря в 1712 году, – бежали из монастырских их вотчин Переяславского, Ростовского, Суздальского и иных уездов многие крестьяне с женами и детьми, и со всеми крестьянскими животы, покиня свои тяглые дворы и жеребья впусте, а сбежав, живут в Алатырском уезде на покидных мордовских землях». Подобные жалобы, часто с указанием мест, в которых укрывались беглые, присылались в Сенат и другие учреждения сотнями. Они отражали общую, крайне неблагополучную картину времен Северной войны.

Усиление налогового гнета неизбежно вело не только к росту побегов крестьян, но и к усилению социальных противоречий, выливавшихся в неповиновение властям, а нередко – в вооруженное сопротивление. Характерной чертой жизни провинции петровского времени были разбои, творимые весьма часто, причем довольно крупными отрядами во главе с атаманами. «В прошлом, государь, 1710 году, – писали выборные крестьяне Самеровских деревень Петербургской губернии, – в Самеровском присутствии и в других уездах ходили воры и разбойники великими станицами человек по сту и по полутораста и больше и многий села и деревни выжгли и всяких разных чинов людей многих пристрелили и прижгли, и воровской атаман Савватий Вахрушенок, со-

бравшись со многими товарищи, пришед близ Самерова версты с три вотчинниково село Романовское выжгли дворов с пятьдесят и больше, и из того села пришед под самое Самерово об реку, деревню Хахилеву разбили и животы у всех корелян пограбили, и в Самерово приступали и с самеровскими жителями бились часов пять и больше и насилу от них, воров, отбились…»

Нельзя не отметить, что среди нападавших на села и деревни было немало попросту деклассированных элементов, убийц и садистов, пытавших женщин и детей. Однако не они составляли большинство. Многолюдство «разбойных команд» – прямое следствие ухудшения положения крестьян, искавших спасения от повинностей, рекрутчины, многочисленных карательных отрядов, рассылаемых по стране властями.

Примечательно и типично сообщение о случае в Старицком уезде Московской губернии. Придя в сельцо Обувково летом 1710 года, разбойники «преловили работавших на полях 4 крестьян и, положа их на плахи, ломали им руки и ноги пополам, и потом троих из них, привязав к дереву, разстреляли из фузей до смерти, а четвертаго покинули живого, говоря: за то, де, вас побиваем до смерти, что помещик ваш бьет челом о сыщиках и ездит с ними сам, но сколько, де, ему не ездить, а будет у нас в руках; тело его обрежем, да по полю собакам размечем». Разграбления, поджоги помещичьих усадеб, убийства и пытки их обитателей были, несомненно, свидетельством не только мести, но и более серьезных, социальных противоречий.

С особой силой они проявились в Булавинском восстании, вспыхнувшем как раз в наиболее тяжелый период отступления русской армии в Белоруссии и на Украине. Восстание, которое начал в октябре 1707 года донской атаман Кондратий Булавин, отразило в себе всю остроту социальной ситуации, возникшей в стране к концу первого, самого тяжелого периода Северной войны. Верхнее течение Дона и его притоков издавна было местом поселения беглых крестьян из центральных районов России. Как верховья питали тихий Дон водой, так и эти беглые мужики составляли неисчерпаемый источник казачества на Дону. Казачество, как бы зажиточно оно ни жило, обладало развитым корпоративным сознанием, исходным элементом которого было представление о праве любого человека найти себе убежище на земле вольного Дона, стать казаком. Всякое нарушение этого исконного права Москвой встречало ожесточенное сопротивление казачьей демократической республики.

К 1707 году поток беглых из центра настолько усилился, что правительство, получая многочисленные жалобы владельцев беглецов и донесения окраинных городов об усилении разбоев и

передвижениях масс беглых, предприняло в общем-то обычную для тех времен полицейскую акцию: отправило летом 1707 года отряды «сыщика» князя Ю. В. Долгорукого, которому было предписано освидетельствовать и вывезти беглых крестьян с Дона в Россию под конвоем. Долгорукий действовал согласно указу, но с особой жестокостью. Его отряды, как писал Булавин кубанским казакам, «многия станицы огнем выжгли и многих старожилых казаков кнутом били, губы и носы резали и младенцев по деревьям вешали, также женска пола и девичья брали к себе для блудного помышления на постели». По-видимому, действия Долгорукого имели большой общественный резонанс и стали той искрой в пороховом погребе, которая и привела к взрыву в ночь на 9 октября Булавин с двумя сотнями человек окружил место ночлега Долгорукого и перебил весь его отряд. Вскоре были уничтожены и другие отряды сыщиков, а стоящие во главе их офицеры казнены. После непродолжительного перерыва в феврале 1708 года восстание запылало с новой силой. Эту силу ему придавала связь, установленная между булавинцами и Запорожской Сечью, а также весьма эффективная пропаганда среди крестьян Тамбовского, Воронежского, Борисоглебского и иных южнорусских уездов. Булавин рассылал в ближние и дальние места «прелестные» письма с призывом к крестьянам, ко всем страждущим от властей и официальной веры присоединиться к повстанцам. Воззвания призывали не подчиняться властям, «перевесть» бояр, воевод, подьячих, помещиков.

Петр оказался в очень сложном положении, ибо его армия под непрерывным давлением шведов отступала через Белоруссию и Украину и возникла реальная опасность оказаться между двух огней. Поэтому царь с начала апреля 1708 года предпринял самые активные действия по локализации восстания и его удушению. Командиром карательного отряда был назначен В. В. Долгорукий – брат убитого Булавиным «сыщика». Выбор этот был не случаен, хотя Петр предупреждал его о необходимости осторожного обращения с народом, «дабы, как есть простой народ, оне того не помнили, что ты станешь мстить смерть брата своего, что уже ныне не без молвы меж них». Реально же Долгорукий мог удовлетворить свое чувство мести, не преступая данной ему инструкции от 12 апреля 1708 года: «Понеже сии воры все на лошадях и зело лехкая конница, того для невозможно будет оных с регулярною конницею и пехотою достичь, и для того только за ними таких же посылать по разсуждению. Самому же ходить по тем городкам и деревням (из которых главной Пристанной городок на Хапре), которыя пристают к ворофству, и оныя жечь без остатку, а людей рубить, а заводчикоф на колесы и колья, дабы сим удобнее ото-

рвать охоту к приставанью... воровства у людей, ибо сия сарынь кроме жесточи не может унята быть».

Для подавления восстания были переброшены не только части, находившиеся в распоряжении киевского и азовского губернаторов, но и драгуны с фронта, а также решено было поднять дворянское ополчение на Москве. Примечательно, что настаивавший перед царем о сборе ополчения Долгорукий видел в этом залог успеха не только по военным, но и социальным причинам. 2 июня 1708 года он писал из Острожска Петру: «Прошу, государь, о том, чтоб ваше величество подтвердил своим государским указом, чтобы судьи по доношению моему послали указы, чтобы царедворцы ехали ко мне немедленно, а они, государь, зело нужны на етех воров и на противников. Известно тебе, государю, самому, каковы донские казаки: нерегулярное войско, а царедворцы на них зело способны будут, они сами се, у них люди свои будут, хоть бы казаков против их вчетверо было. И на царедворцов мошно надеетца, на шведов они плохи, а на этот народ зело способны».

К этому моменту восстание достигло апогея: Булавин вступил в столицу Донского края – Черкасск – и был избран на кругу войсковым атаманом. Судя по рассылаемым им грамотам, он рассчитывал на присоединение к восстанию запорожских и кубанских казаков. После бурных дебатов запорожцы прислали к Булавину крупный отряд, принявший участие в военных действиях.

После успехов Булавина в Черкасске стало ясно, что угроза нависла над Азовом и Таганрогом. Летом же повстанцами была, по существу, перерезана Волга. П. М. Апраксин писал Петру «Доношу Вашему величиству: от последних чисел майя не имели на Волге свободного проезду от детей вселукавого диявола, воровских казаков, как те воры Булавина злодейственного сонмища, пришед з Дону Сиротинской станицы и других городков, с ними ж беглые стрелцы и салдаты, собрався человек с тысечю, майя 13 пришли на Волгу и город Дмитровской на Камышинке взяли без бою, те камышенские своровали, не противились, зложились заодно». Последнее обстоятельство – ненадежность местных гарнизонов, сочувствовавших повстанцам, – очень беспокоило Петра. С тревогой он спрашивал губернатора Азовской губернии И. А. Толстого: «...нет ли какой блазни (соблазна. – *Е.А.)* у вас меж салдаты, также (от чево, Боже, сохрани), ежели Черкаской не удержитца, имеешь ли надежду на своих солдат?»

Падение Азова и Таганрога было бы для Петра катастрофой, которая могла изменить всю ситуацию на юге России: 6 июля 1708 года булавинцы подступили к Азову, а 8 июля Карл XII, одержав победу над русской армией под Головчином, вступил в Моги-

лев, намереваясь перейти Днепр и двигаться на Украину. Предусмотреть заранее, как поведут себя крымские татары и Османская империя по мере приближения шведов и захвата булавинцами Азова, было невозможно. У Петра были все основания опасаться установления связи между всеми его противниками.

Но в сражении под Азовом казаки потерпели поражение, причем решающую роль сыграла в этом корабельная артиллерия, наносившая большой урон повстанцам. Они отступили, и, воспользовавшись поражением, недовольная Булавиным казачья верхушка начала мятеж в Черкасске. Во время разгоревшегося возле дома Булавина боя атаман погиб при неясных обстоятельствах (или от руки противника, или же, оказавшись в безвыходном положении, – от собственной).

Тогда же правительство решило объявить народу, в среде которого ходили упорные слухи о восстании, происшедшем на Дону, уже как о событии с победным исходом. В этом нельзя не видеть известную традицию политической культуры нашей страны, когда власти, не желая «сеять панику», «огорчать» или «смущать» народ, умалчивали о происходивших драматических событиях вплоть до их благополучного разрешения, чтобы затем громом победного салюта развеять сомнения и соблазны. Так, получив сообщение о гибели Булавина, князь Матвей Гагарин писал в протоколе заседания боярской комиссии, правившей дела на Москве: «Должно быти благодарение принести Богу и пушечной стрельбе быть должно для того, дабы о том уведомилися многий для нынешнего случая ведали, зане сие воровство произошло в слухи многим людям». Но через два дня бояре передумали без указа Петра устраивать фейерверк и решили ограничиться публикацией в «Ведомостях», выдержанной в том же успокоительном духе. Читатели из нее узнали всю многомесячную историю с начала и до благополучного конца: «Донской казак, вор и богоотступник Кондрашка Булавин, умыслил во украинских городех и в донских казаках учинить бунт, собрал к себе несколько воров и единомысленников, и посылал прелестные письма во многие городы и села, призывая к своему воровскому единомыслию, и многие таковые ж воры, и все донские казаки, иные по нужде, а иные по прелести его к нему пристали. И собравшемся многолюдством, ходили по городы и в села, для разорения и призывания иных в свое единомыслие, и того ради царское величество указал послать свои войска, под командою господина Долгорукова, дабы того вора Булавина поймать, и злый их воровский совет разорить. И ныне по писмам из полков, и городов, подлинно ведомость получена: что они воры булавинцы (не во едином месте) многие, и главнейший его товарыщ вор Стенка Драной ко многом своем

собрании убит, и единомысленников их не малое число побито. Также и под Саратовом и Азовом посланные его воровские его товарищи с немалым собранием побиты, и, видя, он, Булавин, что не может от войска царского величества уйти, убил сам себя до смерти. А единомысленники его многие побиты, иные же переловлены и сидят окованы. А донские казаки всех городков принесли повинные. И ныне милостию Божиею то Булавина и единомысленников его воровство прииде во искоренение. А в которых числех и где, и сколко их воров побито и переловлено, и то объявлено будет впредь. На Москве, лета господня 1708, июля в 20 день».

Как часто бывало, власти в своих победных реляциях опережали события, выдавая желаемое за действительное. И хотя непосредственная угроза Азову исчезла, восстание не затихало. Его возглавили атаманы Булавина – Н. Голый, С. Беспалый, И. Павлов и И. Некрасов, которые перенесли действие на Волгу, овладев Царицыном и осадив Саратов. Однако к осени 1708 года каратели получили перевес в силах на всех направлениях, восстание было потоплено в крови, по Дону поплыли плоты с повешенными – жестокая традиция устрашения сохранялась по-прежнему.

Восстание Булавина отразило явное неблагополучие в социальных отношениях, являвшееся следствием усиления податного давления, и было самым крупным звеном в цепи подобных выступлений. Как написал бы иной романист, Россия петровских времен озарялась не только победным огнем пушек Полтавы и Гангута, но и пожарами помещичьих имений и воеводских дворов.

«Человеку трудно за очи все разуметь и править»

Подготовка и начало Северной войны, создание новой армии, строительство флота – все это привело к резкому усилению активности правительственных ведомств, увеличению объема их работы. Старый приказной аппарат, унаследованный Петром от предшественников, не справлялся с усложнившимися задачами управления. Так, поначалу строительство флота курировал Судный Московский приказ, не имевший никакого отношения к военно-морским делам. Поэтому по мере расширения масштабов военно-морского строительства возникли новые учреждения: Адмиралтейский и Военно-морской приказы. Для более рационального управления армией Рейтарский и Иноземский приказы слили в единый Военный приказ. Стрелецкий приказ ликвидировали, зато создали два новых – Преображенский и Семеновский,

ведавших новыми полками.

Война требовала денег. Чтобы получить их, правительство стремилось централизовать сбор налогов и их распределение, ввести новые косвенные налоги, установить контроль доходов церкви. Для этого были созданы новые, преимущественно финансовые учреждения: Ратуша, Ижорские канцелярии, Монастырский приказ во главе со светским лицом – боярином Иваном Мусиным-Пушкиным. Необходимость активизации поисков руд для промышленности привела к образованию Рудокопного приказа.

Вместе с тем в принципах образования и деятельности приказов, созданных накануне и в начале Северной войны, нельзя усмотреть существенных перемен по сравнению с приказной системой предшествующей поры. Централизация и специализация управления в этот период еще не носила систематического и всеобъемлющего характера. Несмотря на то, что было создано, казалось бы, главное военное ведомство – Военный приказ, существовало еще не менее десятка учреждений, обладавших функциями военно-сухопутного управления. Сходные ситуации сложились и в других отраслях управления.

Основная идея всех преобразований того времени состояла не в том, чтобы создать принципиально новый, в корне отличный от старого, государственный аппарат, а в том, чтобы с помощью старых институтов и их комбинаций обеспечить решение важнейшей задачи – победы в Северной войне. И для достижения победы Петру было неважно, как соотносятся компетенции разных ведомств или как они называются. Но все же новое – столь характерное для реформ Петра – проникало и в сферу управления, причем оно подчас весьма причудливо смешивалось со старым. Непривычным, в частности, было появление «канцелярий» – так назывались новые учреждения приказного типа. Первой и важнейшей из них стала Ближняя канцелярия (1701 год), основной целью работы которой было сосредоточение документов приказов, контроль и ревизия их финансовой деятельности.

Термин «канцелярия» стал применяться и к отделениям московских приказов, которые располагались в новой столице, Петербурге, и решали оперативные управленческие задачи. Важно отметить, что с годами значение канцелярий-отделений усиливалось, и «центр тяжести» управления из остававшихся в Москве приказов постепенно перемещался в петербургские филиалы. Происходило это в первую очередь потому, что в Петербурге, рядом с царем, находились сами руководители приказов: Адмиралтейского – Ф. М. Апраксин, Артиллерийского – Я. В. Брюс, Посольского – Г. И. Головкин и т. д. Примечательно в этом смысле пись-

мо канцлера Головкина служащим Посольского приказа, в котором с исчерпывающей полнотой выражена мысль о необратимости происшедшего изменения в статусе старого учреждения: «Вы в Москве оставлены только для приему из губерний положенных денег и для исправления дел по присланным от нас письмам, а главное правление дел – в Государственной Посольской канцелярии прилучается здесь, в Санкт-Петербурге, и вам никаких новых дел делать и ни из которых канцелярий ведомостей принимать и ответов чинить не приказано». Так некогда могущественное ведомство XVII века утратило всю свою власть. Подобным образом сузился и круг деятельности оставшихся в Москве Военного, Адмиралтейского, Военно-морского и иных приказов. Уже в первые годы Северной войны стало ясно, что обороты механизма государственного управления, в особенности местного, не поспевали за нарастающей скоростью маховика самодержавной инициативы. Недостатки управления отразились на обеспечении центральных ведомств деньгами, а армии – рекрутами, провиантом, лошадьми и т. п. В условиях увеличившихся трудностей военного времени было очевидно, что прежняя система управления «приказы – уезды» в силу своей архаичности не выдерживает возрастающей нагрузки. Поэтому уже в первые годы войны на первый план выдвинулась проблема приведения в соответствие высшего и низшего звеньев управления.

17 декабря 1707 года был издан указ об образовании губерний: «Росписать города частьми (кроме тех, которые во 100 верстах от Москвы) к Киеву, Смоленску, к Азову, к Казани и к Архангельскому». Позже список губерний был уточнен: к упомянутым в указе присоединились две губернии – Ингерманландская (Петербургская) и Сибирская, из Казанской выделились Нижегородская и Астраханская. К образованию губерний Петр шел давно: уже в 1701 году был создан особый административный округ, приписанный к Азову и Воронежу. В 1702—1703 годах произошло выделение Ингерманландии как самостоятельной административной единицы, организованной из отвоеванной территории шведской Ингрии, а также части уездов, которыми ведал Новгородский приказ. Во главе нового округа был поставлен губернатор А. Д. Меншиков. Принципиальной особенностью нового устройства Ингерманландии было то, что она не подпала под власть ни одного из приказов, имела собственные финансы, население ее не подчинялось суду центральных приказов. Отчетливо выраженная финансовая, судебная и административная экстерриториальность и стала основой статуса новых административных образований – губерний, возникших в ходе областной реформы 1707—1710 годов. Суть новой губернской системы состояла в пе-

редаче многих функций приказов губернаторам, сосредоточении у них информации о населении, финансах и т. д. Важным следствием реформы стала ликвидация части приказов, главным образом территориальных (ведавших окраинными областями), а также и некоторых отраслевых. Ряд приказов (Ратуша, Поместный, Земский и др.) превратились в отделения Московской губернской канцелярии, ибо распространение их власти ограничивалось в основном наиболее густонаселенными уездами центра России, которые теперь вошли в Московскую губернию. В тех же случаях, когда власть приказов распространялась на большую территорию, их функции переходили к губернским канцеляриям. При этом важно заметить, что основные приказы, ведавшие обороной (Военный, Адмиралтейский и Посольский), сохранили свою власть. Были восстановлены компетенции и такого общероссийского приказа, как Поместный.

Светлейший князь Александр Данилович Меншиков. А. Афанасьев. Гравюра. 1810 г.

Не все одобряли идею Петра децентрализовать управление, передав всю полноту власти губернаторам. Так, известный «прибыльщик», изобретатель налогов и пошлин А. А. Курбатов писал

царю по поводу создания губерний: «Ей, государь, не многая бывает и будет польза в разном правлении». Но Петра было трудно смутить. Он был убежден, что система приказного управления себя дискредитировала полностью, и особенно в финансово-податном смысле. Отвечая Курбатову, Петр замечал: «А что напоминаешь, что в разных руках не будет лучше, о том уже мы довольно разсуждали, ныняшняго порядка не нашли хуже, где каждому крестьянину близ дватцати отписей надлежит взять, хотя по полушке, итого пять копеек (имеются в виду квитанции об уплате в разные приказы податей. – *Е. А.).* К тому же, (одному. – *Е.А.)* человеку трудно за очи все разуметь и править».

Мысль о приведении в порядок финансового хозяйства как главного направления реформы видна и в записи «Журнала» Петра Великого. В конце 1709 – начале 1710 года царь, «будучи в Москве, трудился во управлении гражданских дел, и изволил для лучшаго порядка расположить государственные расходы как на армию и адмиралтейство, так и на прочие расходы по губерниям, чтобы всякий знал, откуда определенное число получать мог, такожде полкам, которые назывались прежде прозвищами полковников своих, указал звания иметь по городам».

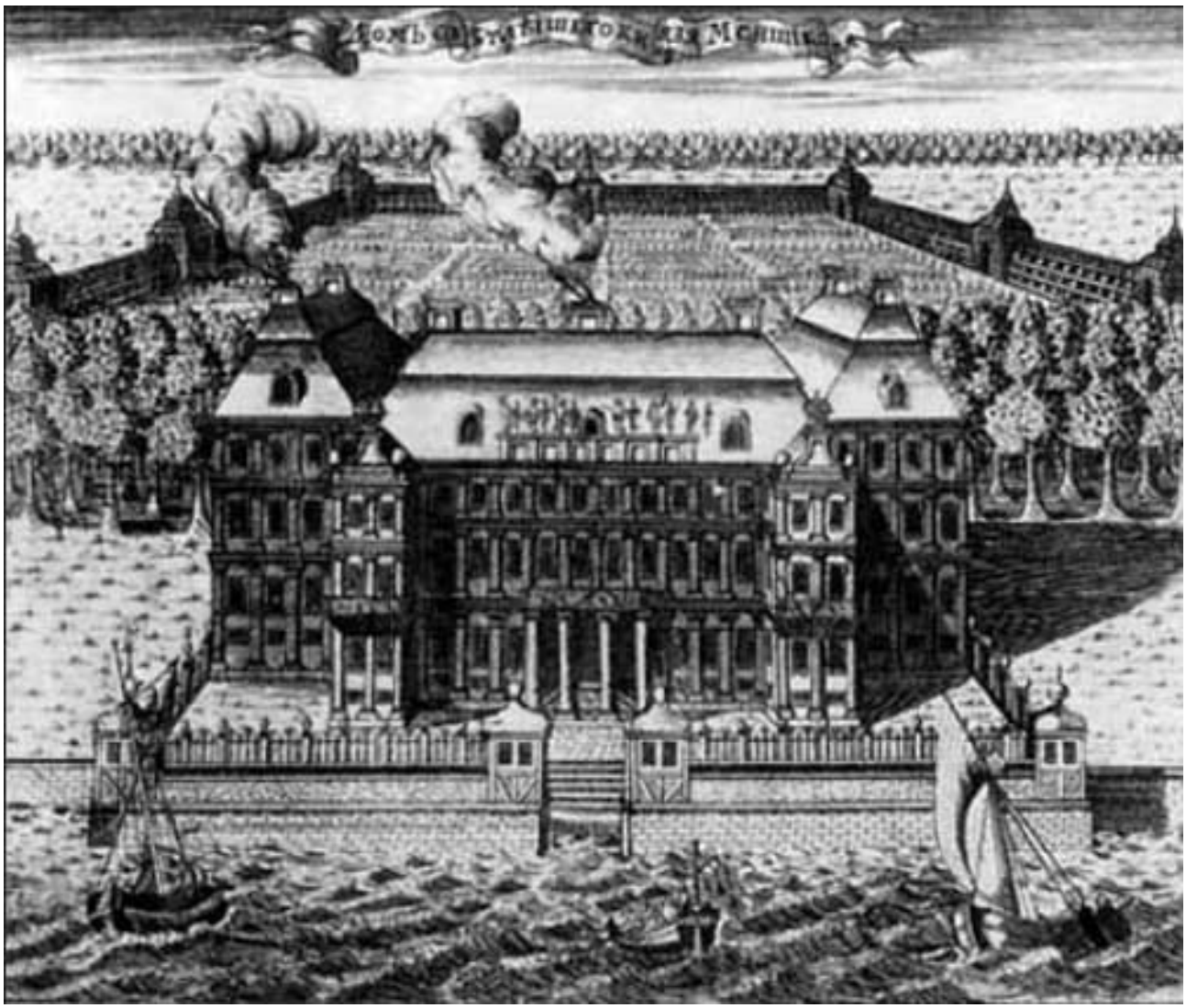
Задумывая областную реформу, Петр был убежден, что это не может привести к ослаблению центральной власти. Наоборот, известная децентрализация должна была усилить, сосредоточить административную, судебную, а главное, финансовую власть в руках представителя царя – чиновника высокого ранга, каким был губернатор. Он был наделен несравненно большей властью, чем прежний воевода. В итоге губернская реформа стала как бы лесами и для возведения следующего этажа бюрократического здания самодержавного управления.

Во главе губерний были поставлены «принципалы» – ближайшие сподвижники и доверенные люди Петра, обладавшие огромной деспотической властью и работавшие над решением задач, которые ставил перед ними лично Петр. В Петербурге сидел А. Д. Меншиков, в Москве – Т. Н. Стрешнев, Азовской губернией руководил Ф. М. Апраксин, а Казанской – его брат П. М. Апраксин. Губернатором Сибирской губернии стал М. П. Гагарин.

Назначение губернаторами доверенных лиц не означало, что реформа была лишь разновидностью командировки высокопоставленных эмиссаров для «поправления» дел на местах. Реформа привела к резкому усилению административного аппарата, созданию на местах разветвленной сети бюрократических учреждений с большим штатом чиновников – новой инфраструктуры. При губернаторе, власть которого охватывала сразу несколько старых уездов – огромную, по сути, территорию, – были помощни-

ки, ведавшие военным делом (обер-комендант), сборами с населения (обер-комиссар), правосудием (ландрихт). Уездом руководил не прежний воевода, а «новоманирный» комендант, обладавший также значительной военно-административной и судебной властью. Громоздкость губернии привела к созданию промежуточной территориальной единицы: в 1712—1715 годах появились в губерниях провинции, которыми ведали обер-коменданты. Так, прежняя двухчленка «приказ – уезд» превратилась в четырехчленку «приказ (канцелярия) – губерния – провинция – уезд». Вместе с обер-комендантом пришли и новые штаты чиновников, которыми руководили комиссары, ведавшие сбором налогов, управлявшие населением. Особенностью нового устройства местного управления была не только его разветвленность, неизвестная ранее, но и единообразность, строгая иерархичность. В ходе реформы было окончательно покончено с прежней практикой назначения на должность местного чиновника как на «кормление», дававшее возможность быстро обогатиться, а затем, вместе со своими родственниками и людьми, назначенными в тот же уезд, отбыть в столицу и ожидать назначения на новое «теплое» место. Было бы нелепо полагать, что усложнение управления являлось для Петра самоцелью. Нужды вооруженных сил – вот что прежде всего должна была обеспечить реформированная система местного управления. Целью губернской реформы было стремление упорядочить финансы. При создании губерний на основании старых финансовых отчетов были определены бюджеты новых административных округов, намечены приоритетные статьи расходов, которые должны были финансировать губернии из своих бюджетов. Это были расходы четырех главных приказов, ведавших военными и дипломатическими делами и сохранившихся после реформы местного управления: Военного, Адмиралтейского, Артиллерийского и Посольского. Именно их нуждам надлежало уделять особое внимание. Распределение расходов на войну между губерниями было важной, но не единственной задачей реформы местного управления. Петр стремился как можно детальнее конкретизировать участие администрации в обеспечении войны, «вмонтировать» военное начало в систему управления. 1 февраля 1711 года Петр распорядился: «Приехав к Москве, разделить по губерниям полки: первое в армии будущия, потом в гарнизонах по данным табелям, потом флот, Посольскую канцелярию и Артиллерию; сие все расположить из доходов, которые прошлаго года средния положены на губернии». Тем самым между отдельными армейскими полками и губерниями устанавливалась прямая связь. Для этого полки сменили названия, производные от имен командиров, на географические: так, Чернышев полк

стал Московским полком, Болобанов – Ярославским, Ностицев – Нижегородским, Головкин – Нарвским и т. д. При каждом полку, где бы он ни находился, должен был состоять комиссар от «его» губернии, который был обязан следить за исправностью и комплектностью мундира, припасов, наличием людей и лошадей, выдавать жалованье солдатам и офицерам. Губернские комиссары были нижним звеном созданного тогда же кригс-комиссариата, во главе которого при действующей армии был поставлен обер-штерн-кригс-комиссар – начальник Кригс-комиссариатской конторы при Сенате, образованном весной 1711 года.



А. Ростовцев. Дом светлейшего князя Меншикова. 1716 г.

Между этими двумя событиями – завершением областной реформы и созданием Сената как высшего правительственного органа, – несомненно, существует связь, ибо Сенат с самого начала своей деятельности стал высшей инстанцией для губерний, тесно связанных с ним главным образом по вопросам снабжения армии и флота всем необходимым. Конечно, создание Сената – факт

примечательный в истории государственного строительства времен Северной войны, когда все усилия (в том числе организационные) направлялись на достижение победы, и реорганизация местного и центрального управления должна была обеспечить предпосылки для этой победы. Опыт первых лет показал, что при всех положительных моментах губернской системы в ней существовало немало серьезных изъянов. Старые болезни – волокита, медлительность – оставались характерными и для новой системы. Сталкиваясь с многочисленными фактами нерасторопности губернаторов, Петр в указе от 1 февраля 1711 года распорядился «объявить губернаторам, что указы о рижском гарнизоне (имеется в виду посылка из губерний рекрутов в рижский гарнизон. – Е. А.) посланы августа 18 числа, а в армию 1200 человек в рекруты о том послан указ сентября 17. И понеже и последнему указу уже пол 5 месяца, и исправиться было мочно: и для того, ежели в две недели кто не исправится… то наказаны будут яко изменники и предатели отечества».

Суровость петровских указов была, конечно, мощным стимулом для усердия губернаторов, но было также ясно, что дело не только в нерасторопности губернаторов, но в структурных недостатках управления, отсутствии координации их действий в едином центре, куда бы сходилась вся информация о работе губернской системы и откуда бы губернаторы, не дожидаясь указаний часто отсутствовавшего царя, получали распоряжения. Это и стало непосредственной причиной создания Сената. Вместе с тем в факте образования Сената (как и разветвленного губернского управления) прослеживаются общие тенденции бюрократизации, без которой Петр не мыслил управления, как и политического режима самодержавия в целом.

Созданию Сената как чисто бюрократического высшего правительственного учреждения предшествовали важные события. Придя к власти в 1689 году, Петр унаследовал традиционную систему управления XVII века – с Боярской думой и приказами как центральными учреждениями. По своей сути это были составные части системы управления сословно-представительной монархии, сложившейся в XVI – начале XVII века. Главным звеном этой системы были местные выборные органы, направлявшие своих представителей на Земские соборы. На их заседаниях присутствовали выборные от крестьян, дворян, духовенства – всей «земли», исключая крепостных крестьян и холопов. С середины XVII века по невыясненным причинам институт Земских соборов пришел в упадок. Возможно, этому способствовали усиление крепостничества с середины XVII века, выход страны из кризиса, во время которого центральная власть не могла обходиться без помощи и

поддержки «земли», представители которой съезжались в Москву на Земские соборы и одобряли акции власти. Во второй половине XVII века усилившееся самодержавие уже не нуждалось в одобрении и могло проводить свои указы в жизнь, опираясь преимущественно на силу своего аппарата, а не на общественные структуры.

К моменту прихода Петра к власти Земские соборы были уже изрядно забыты. Однако некоторые институты прежней системы действовали. Речь идет прежде всего о Боярской думе – высшем совещательном учреждении, состоявшем преимущественно из родовитой знати и родственников царя. По мере усиления самодержавия Боярская дума, как узкий сословный совет, утрачивала свое значение, чтобы в начале XVIII века исчезнуть в потоке перемен. Здесь нет преувеличения – никакого указа о ликвидации Боярской думы не сохранилось, а скорее всего, его даже и не было. Петр поставил Думу в безвыходное положение, прекратив пожалования в думные чины. Это означало, что Боярская дума – совет старцев – стала без пополнения попросту вымирать: если в 1698—1699 годах старцев было 112, то к 1712 году осталось лишь 49. Сведения о заседаниях Думы обрываются где-то около 1704 года, хотя уже с 1701 года ее функции как высшего правительственного органа стала выполнять так называемая «Консилия министров» – совет начальников важнейших правительственных ведомств, среди которых было немало небояр. «Консилия» заседала в помещении упомянутой Ближней канцелярии. Став постоянным правительственным органом, «Консилия министров» сосредоточила в своих руках всю власть на время отсутствия в Москве царя, находившегося преимущественно на театре военных действий. Конкретно – она занималась управлением приказов и канцелярий, организовывала обеспечение армии всем необходимым, ведала финансовыми вопросами и строительством.

Любопытно, что в деятельности «Консилии» мы отчетливо видим черты все усиливающейся бюрократизации управления – тенденции, которая явственно наметилась еще в XVII веке. Она проявлялась в стабилизации состава «Консилии», установлении режима работы, строгом распределении обязанностей и ответственности ее отдельных членов. Эта тенденция проявилась и во введении различных форм делопроизводственных бумаг, журналов, протоколов, отчетности, чего не знала Боярская дума. Именно стремлением добиться эффективности и ответственности «Консилии» бюрократическим путем объясняется знаменитый указ Петра от 7 октября 1707 года на имя Федора Ромодановского: «Изволь объявить при съезде в Полате всем министром, которые

в конзилию съезжаютца, чтоб они всякие дела, о которых советуют, записывали и каждой бы министр своею рукою подписывали, что зело нужно, надобно и без того отнюдь никакого дела не определяли, ибо сим всякого дурость явлена будет».

Образование Сената в 1711 году и было следующим шагом в организации бюрократического аппарата управления. Новое учреждение создавалось как высший орган управления, которому подчинялись все канцелярии и приказы, а также губернии и губернаторы. Формальной причиной создания Сената был предстоящий отъезд царя на войну с Турцией весной 1711 года. Однако из петровских указов видно, что Сенат создавался не как временная комиссия, подобная «Консилии», а как постоянное высшее правительственное учреждение. Указ 2 марта 1711 года определил направления работы Сената на длительную перспективу, целую программу мероприятий, которые поручались новому учреждению. Среди них – ведение торговлей, откупами, правосудием, смотрами дворян и других служилых людей. Особое внимание Петра занимали финансы. В этот же указ включен широко известный афоризм Петра: «Деньги – артерия войны». Указы Петра ориентировали сенаторов на иные, чем прежде, принципы и формы работы. Так, указ от 5 марта 1711 года вводил, в сущности, принцип коллегиальности, при котором соблюдалось равенство при решении дел, и без общего согласия указ в действие не вступал: «…голосы иметь равные и у всяких указов потписывать всем своими руками. И что хотя один не потпишет и засвидетельствует неправо, тому быти приговору, то и прочие не действенны суть. Однакож, надлежит тому, хто оспорит, тое протестацию дать за своею рукою на письме».

Впервые в государственном учреждении, подобно армии, вводилась личная присяга. В ней особо подчеркивалось, что чиновник обещается «честно и чисто, неленостно, но паче ревностно исполнять звание свое», имея в виду следующее: «…во-первых, верность моему государю и всему государству; второе – правду и правый суд, как между народом, так и в деле государственном; третие – в збирании казны и людей, и протчего всего, чего государя моего и государства сего интересы требуют, какое оныя звание не имеют, – все то истинно исполнять до последней своей издания силы».

Сразу же после образования Сенат, в отличие от Боярской думы и «Консилии министров», получил канцелярию, состоявшую из многочисленных отделов – «столов», наполненных подьячими. Более того, с годами Сенат, превратившись в огромное по тем временам учреждение, «оброс» различными вспомогательными конторами и канцеляриями.

И хотя подобное высшее правительственное учреждение создавалось впервые и по своей бюрократической сути коренным образом отличалось от Боярский думы и «Консилии», оно все же несло на себе многие черты старой, архаичной организации управления, характерной для системы центральных учреждений – приказов. Покончить со следами архаизма, построить новый бюрократический аппарат, соответствующий созданному режиму неограниченной личной власти самодержца, – вот что стало очередной задачей Петра в области внутренней политики накануне завершения Северной войны.

На дорогах войны: от Нарвы к Полтаве

Экономические, военные, административные и иные преобразования, так поспешно, даже лихорадочно проводившиеся Петром сразу же после нарвского поражения, должны были дать свои плоды на поле боя. Иначе их смысл терялся. Но судьба войны решалась не только количеством пушек и ядер, провианта и рекрутов, и даже денег. Война – это и успех длинных переходов, и бесценный опыт быстротечных кавалерийских стычек и долгих осад. Война – это многолетний поединок талантов полководцев, гибкости дипломатов, это – испытание стойкости солдат и верности союзников. Война – это и случай, бегущая мимо фортуна, которую нельзя упустить. Все это довелось испытать Петру в течение тех девяти лет, которые разделяли «нарвскую конфузию» и «полтавскую викторию».

Сразу после Нарвы наиболее остро обозначилась проблема взаимоотношений с единственным оставшимся союзником. Петр стремился во что бы то ни стало сохранить союзные отношения с Августом и не допустить выхода Саксонии из войны, – в одиночку бороться с Карлом было крайне опасно. Кроме того, отправляясь в феврале 1701 года в Биржи (Биржай) на свидание с Августом, он рассчитывал втянуть в войну и Речь Посполитую, которая с недоверием посматривала на внешнеполитические авантюры своего нового короля и враждебно относилась к Петру – его незадачливому союзнику. Петру удалось добиться своей главной цели: Август подписал 26 февраля 1701 года договор. Однако он предусматривал значительные жертвы со стороны России во имя сохранения союзных отношений: Петр обещал предоставить в полное распоряжение Августа 15—20 тысяч солдат и 100 тысяч рублей, а также гарантировал передачу Польше Эстляндии и Лифляндии.

Итак, союзники решили продолжать прерванные неудачами военные действия в намеченных заранее районах: Россия – в Ингрии и Карелии, а саксонцы – в Лифляндии и Эстляндии. Однако

свой план Августу осуществить не удалось. Карл XII, перезимовав в Дерпте и получив подкрепление из Швеции, двинулся к Риге и 27 июня 1701 года разбил саксонские войска фельдмаршала Штенау, которым пришлось покинуть Лифляндию. Русский вспомогательный корпус А. И. Репнина помощи союзнику не оказал и тоже отступил к Пскову – главной квартире русской армии.

И вот здесь, в потоке навсегда ушедших в прошлое событий мы можем не заметить поворота, мимо которого промчался пресловутый локомотив истории. Одержав блестящую победу под Нарвой и Ригой, Карл, таким образом, полностью выполнил свою задачу – изгнал неприятеля из прибалтийских владений шведской короны. И тут перед ним, несомненно, возникла дилемма: или двигаться на Псков, вслед за Репниным, чтобы добить Петра и принудить его к миру, или повернуть в Польшу – вслед за Августом. Если бы Карл избрал первый вариант, Петр оказался бы в очень сложном, если не сказать в драматическом, положении перед лицом 25-тысячной армии шведов. Но Карл двинулся в Польшу. Думаю, что в выборе направления Карл исходил из простой логики бойца, сражающегося на два фронта и решившего вначале победить наиболее сильного и поэтому опасного противника, а потом уж взяться за слабейшего. Нельзя сбрасывать со счета и два других фактора: первый – сильная личная неприязнь Карла к роскошествующему, коварному и беспринципному Августу, второй – необходимость дальнейшего расширения и укрепления Шведской империи. Но для успеха в войне на польской земле нужно было, по мнению Карла, свергнуть Августа, однако сначала предстояло победить его. Именно для этого Карл летом 1701 года перешел свой Рубикон и двинул полки не на Псков, а по дороге на Вильно. Этот шаг не был случаен: в Великом Литовском княжестве – части Речи Посполитой – было много явных и скрытых противников Августа II, не принимавших его как польского короля, равно как и его политику союза с Россией.

Карл XII при переправе через Днепр. Гравюра А. Зубчанинова с картины Седерштрома.

Решительность Карла встревожила и саксонцев, и поляков. Они пытались вступить с Карлом в переговоры, но тщетно. Август прибег к самому сильному, по его мнению, средству для достижения договоренности (конечно, в этот момент он мало думал о верности соглашению в Биржах) – отправил в лагерь Карла XII свою любовницу – графиню Марию Аврору Кёнигсмарк, необыкновенную красавицу, обладавшую к тому же таким умом, что даже ироничный Вольтер считал ее самой выдающейся женщиной XVII и XVIII веков. Очаровав потомка викингов, Мария Аврора должна была склонить его к миру. Но король не смог оценить ее достоинств, ибо попросту не захотел видеться с графиней. Делегацию польского сейма он принял и прямо заявил, что не желает говорить о мире, пока Август будет польским королем.

Польша оказалась перед выбором: либо принять условия шведов, либо защищать свою независимость и встать на сторону Августа. И опять, как это часто бывало в польской истории, в час испытаний она не оказалась единой. Как написал бы романист прошлого века, Польша «вновь вверглась в пучину усобиц».

Август стал все чаще смотреть на север, где не умолкая гремели пушки – это Петр усваивал первые уроки той школы, которую он «закончит» лишь спустя 21 год. Следует отметить, что в начале Северной войны Петр и в политике, и в военных действиях силь-

но зависел от своего союзника – Августа – и не предпринимал без его согласия сколь-нибудь серьезных действий. Напомним: само «нарвское» начало войны было очевидной данью союзническим отношениям, ибо согласно первоначальному договору с Саксонией районом действий России должны были стать Ингрия и Карелия, а не Нарва – эстляндская крепость. Впоследствии, вспоминая начало войны, Петр писал: «Мы склонились, по неотступным побуждениям министра его (Августа. – *Е.* А.) генерала Ланга, осадить Нарву в неспособное время, при конце осени, в том единственном намерении, чтоб сделать диверсию и привлечь неприятельское оружие против нас». Такой же характер диверсий носили и военные действия 1701—1702 годов. Русские войска, имея базой Псков, осуществляли «промыслы» – рейды против стоявшей в южной Эстонии группировки генерала В. А. Шлиппенбаха. Целью рейдов было разорение Эстляндии и Лифляндии – базы шведской армии (уничтожение жилья, посевов, угон скота, людей), а также уничтожение живой силы противника в навязанных ему сражениях.

О начале «промыслов» в Лифляндии в «Журнале» Петра Великого мы читаем: «В том же 1701 году посланными ото Пскова партиями неприятелю гораздо докучали и землю Лифляндскую разоряли (понеже более опасались наступления от неприятеля, нежели сами наступали) между которыми партиями и сия нарочитая учинена. Сентября в 4 день генерал Шереметев посылал изо Пскова сына своего Михаила Шереметева, который, переправясь за реку Выбовку (Выханду. – *Е.* А.) у Ряпиной мызы (Ряпина. – *Е.* А.), нашел неприятелей 600 человек под командою майора Розена и оных побил и вышеописанного майора, до 80 человек солдат, 3 штандарта и две пушки с аммуницией и с довольным числом мелкаго ружья и обоз взял, и никто из неприятелей не ушел, кроме одного прапорщика».

Еще более впечатляющ был «поиск» под самим Дерптом, в 50 верстах от которого, у деревни Эрестфер, сам Шереметев атаковал Шлиппенбаха и 1 января 1702 года нанес ему поражение, как и позже, летом, при мызе Гуммельсгоф (Хуммули). Успешно действовал и Яков Римский-Корсаков, который с четырьмя тысячами солдат истребил шведский отряд в двести человек при мызе Ревке (Рыуге). В это же время Петр Апраксин нанес несколько чувствительных поражений группе генерала Кронгиорта, оставленной контролировать Ингрию и Карелию. В августе 1702 года Шереметев взял «на акорд» (по соглашению) крепость Мариенбург (Алуксне) в южной Лифляндии. Во время сдачи этой крепости произошел, согласно записи «Журнала» Петра Великого, такой инцидент: «Комендант майор Тиль да *два* капитана вышли в наш обоз

для отдания города по акорду, по которому акорду наши в город пошли, а городские жители стали выходить вон; в то же время от артиллерии капитан Вулф да штик-юнкер, вшед в пороховой погреб (куда штик-юнкер и жену свою неволею с собою взял), и порох зажгли, где сами себя подорвали, от чего много их и наших побито, за что как гарнизон, так и жители по договору не отпущены, но взяты в полон».

К этому добавим, что среди мирных жителей, поголовно объявленных рабами в тот злополучный день, была и Марта Скавронская – будущая императрица Екатерина I. Опять мимо нас промелькнула историческая развилка: что если бы цитата из «Журнала» начиналась так: «Комендант майор Тиль да *три* капитана вышли в наш обоз для отдания города по акорду…» – то есть капитан Вулф не осуществил бы свою безумную затею, а вышел бы в русский обоз вместе с комендантом, крепость осталась невредима, мирные жители не стали бы добычей солдат, а ушли в Ригу и, возможно, дальше – в Швецию? Судьба Марты, конечно, была бы другой. А была бы другой судьба России после Петра?

Борис Петрович Шереметев. С гравированного портрета П.-Антипьева.

«Промысловый» характер войны в 1701—1702 годах имел большое значение для армии Петра. Были одержаны первые, хотя и весьма скромные, победы. Они были важны для подъема морального духа войск, крепко помнивших злосчастную Нарву. Кроме того, была разорена Лифляндия – эта богатейшая житница Швеции. «Сверх сих побед, – пишет жизнеописатель Петра Иван Голиков, – нерегулярныя наши войска поделали в Лифляндии великия разорения: они по одной рижской дороге пожгли мыз и деревень более 600, и многое число побрано скота и всякого имущества». Не приходится сомневаться, что мирное население Лифляндии и Эстляндии испытало все ужасы военного нашествия. В сентябре 1702 года Петр, подводя итоги действиям Шереметева, писал Ф. М. Апраксину: «Борис Петрович в Лифляндах гостил изрядно, довольно и взял нарочитых 2, да малых 6 городов, а имянно: Смелтин, Ракоборк, Лаюс, Адзель, Дербин, Трикат, да Волмер и Мариенберх (ныне – Смилтене, Раквере, Лайузе, Атзели, Дзербенс, Триката, Валмиера, Алуксне. – *Е.* А.); полону с 12 000 душ, кроме служивых, которым и артиллерии посылаю роспись при сем письме».

В письмах Августу Петр сообщал, что прежние «промыслы» в Лифляндии будет продолжать, а кроме того, планирует «ныне и к литовским рубежам другим приступить, и промыслы чинить над неприятелем повелели». Действительно, Шереметев получил 5 августа указ: «Довольным людством итить на генерала (Шлиппенбаха. – *Е.* А.) и естьли бог даст счастие, подалее пойтить, и чтоб землю их, как возможно далее к Колывани (Нарве. – *Е.* А.) разорить».

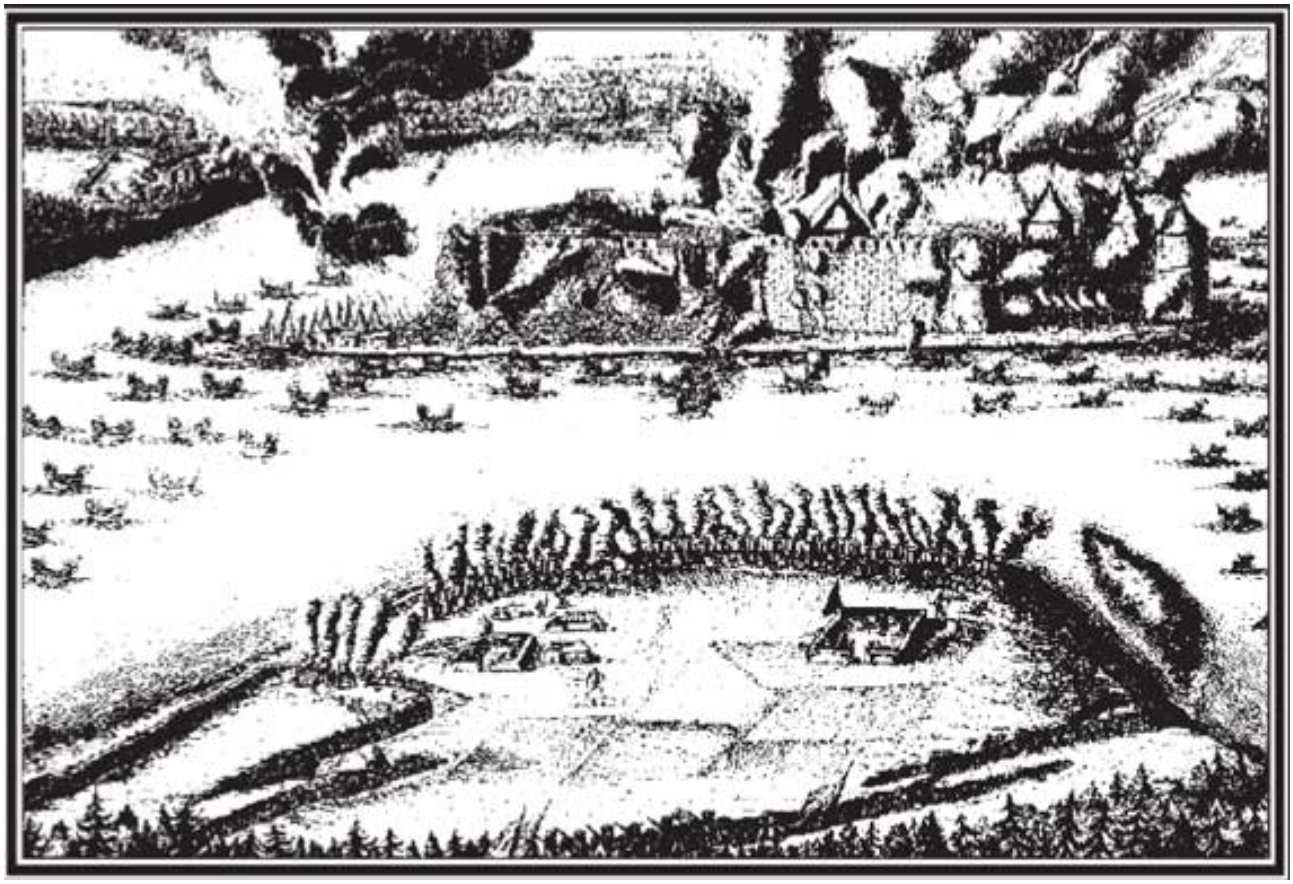
На самом же деле Петр втайне от шведов и даже своего союзника готовил операцию севернее Лифляндии, а именно в Ингрии. В январе 1702 года Петр дал наказ главнокомандующему армией Шереметеву, в котором речь шла уже не о походах в Лифляндию, а о совсем другом направлении: «1. Проведать о короле (Карле XII. – *Е.* А.), где и сколько с ним (а по ведомостям больши нет как 18 000), также и о Краниорте, где и сколько с ним; 2. В Канцах и Орешке сколько людей; 3. Река Нева покрыта ль льдом или прошла, и когда вскрываетца; 4. Намерение есть при помощи божией по льду Орешик доставить, и чтоб для того дела больше Преображенскова, Семенофскова и дву драгунских из Новагорода не брать, да ладаских в прибавку, и для того надобно подвот сколко возможно собрать к Новугороду, а именно те 3000, которыя разпущены и велено кормить в ближних местех; 5. А для сикурсу их, оставя во Пскове осаду, з достальными итить господину фельд-

маршалку со фсеми войсками конными и пешими (которых будет с 13 тысяч) на Самру и тут стаф, смотреть на обороты неприятелския и чтоб з божию помощию на выручку не допустить к Арешку и Канцам; 6. В Печерах оставить 1000 ч. городовых, кои поплоше, а изо Гдова вывесть стройных, для того что недолека от большова войска то месьта; 7. Послать для языка к Орешьку или к Канцам, чтоб достать самова доброва языка ис которова города; 8. Все сие приготовление зело хранить тайно, как возможно, чтоб нихто не дознался».

Продравшись сквозь орфографические и грамматические ошибки Петра, мы легко представим себе замысел царя и поймем, почему он так беспокоился о сохранении секретности плана. Петр задумал, проведя тщательную разведку, силами четырех полков захватить зимним временем Нотебург (Орешек) и Ниеншанц (Ниен, или Канцы). Остальная армия должна была наблюдать за шведами и не дать им прийти на помощь к своим невским крепостям. Более того, Петр пытался создать впечатление, что все его внимание сосредоточено на «промыслах» в Лифляндии. 17 августа он писал Шереметеву: «...чтоб ни было, только нам время, слава Богу, есть, и для того извольте вы еще довольное время там побыть и, как возможно, землю разорить или что иное знатное при божией помощи учинить, дабы неприятелю пристанища и сикурсу своим городам (на Неве. – *Е. А.)* подать было невозможно».

Задуманное же Петром не было очередным «промыслом». Это был план завоевания шведской Ингрии. Осуществление его позволяло разорвать коммуникации шведской группировки в Лифляндии и группировки генерала Кронгиорта, контролировавшей Ингрию, Карелию и Финляндию, а занятие Ниеншанца и Нотебурга позволяло взять под контроль главную водную артерию – Неву – на всем ее протяжении от устья до истока. Планировавшаяся в 1701—1702 годах операция была началом более грандиозного плана закрепления в устье Невы, подобного тому, что было на Азовском море. Однако идею стремительного захвата крепостей в начале 1702 года осуществить по каким-то причинам не удалось: возможно, шведы узнали о подготовке русских, возможно, Нева вскрылась раньше времени. Как бы то ни было, от своих намерений Петр не отказался. Летом 1702 года в Ладоге стали сосредоточивать в огромном количестве запасы вещей, которые могли пригодиться лишь для штурма крепостей, – лестницы, лопаты, мотыги, мешки с шерстью для защиты от пуль. Воодушевляла Петра к решительным действиям в Ингрии и международная обстановка. 5 августа Петр по поводу операций по разорению Лифляндии писал Шереметеву: «Война у голанцов и про-

чих с французом зачалась (война „за Испанское наследство“. – *Е. А.*). Изволь ваша милость разсудить нынешней случай, как увяз швед в Польше, что ему не только сего лета, но, чаю, ни будущаго возвратиться не возможно; также изволь размыслить, какое дальнее [расстояние] от вас до Варшавы, как возможно им оттоль с войском поспеть, хотя б и похотели». Тем более этот вывод распространялся на театр предстоящих крупных военных действий в Ингрии.



Взятие Нотебурга 11 октября 1702 года. Уменьшенная копия с гравюры А. Шхонебека
1703 г. 1770-е гг., с доски, изготовленной в 1712—1713 гг.

Следует отметить, что план наступления на Ингрию был оригинальным и неожиданным для Кронгиорта, сосредоточившего все внимание на защите левого берега Невы от войск П. М. Апраксина. Петр, отправившись в Архангельск под видом подготовки города к обороне от шведской морской диверсии, на самом деле предпринял нечто другое. 19 августа 1702 года он писал Августу «от пристани с моря, именуемой Нюхчи», о том, что «мы обретаемся близ границы неприятельские и намерены, конечно, з Божиею помощию, некоторое начинание учинить». Нюхча (Нюхоцкая пристань) на Белом море находилась в 170 верстах от Повенца, расположенного на северном побережье озера Онега. По про-

ложенной в течение месяца дороге посуху, используя традиции русских волоков, было перетащено на плечах крестьян и солдат тринадцать морских судов, а том числе две яхты, которые уже 26 августа спущены были в Онегу.

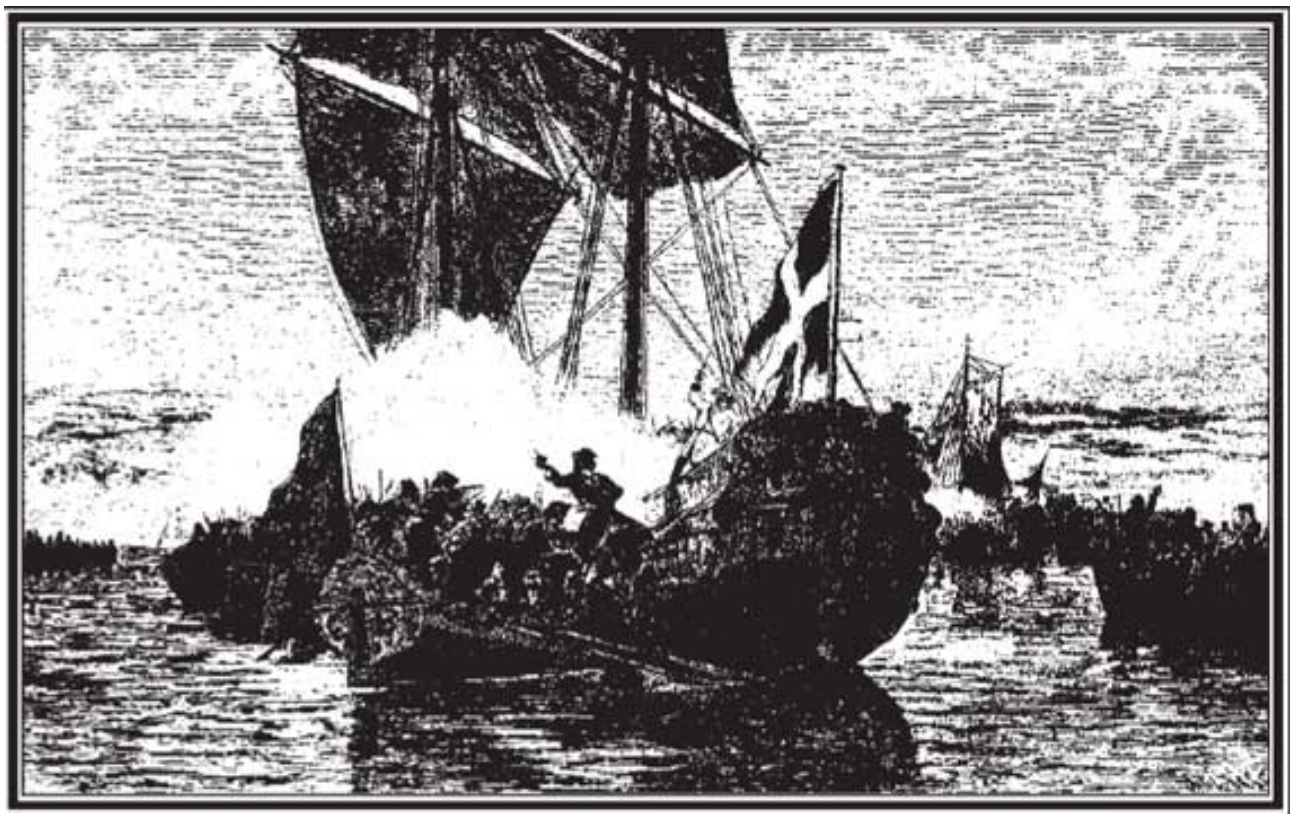
Со Свири Петр отправил Шереметеву указ срочно покинуть Лифляндию и Псков и «не мешкав быть к нам», ибо «зело нужно, и без того инако быти не может». Такой же указ получил и Аникита Репнин, чьи полки были расквартированы в Новгороде. 26 сентября основные силы русских подошли к Нотебургу. «Журнал» Петра так отражает первый день осады: «В 27 день по утру о 7 часах пришло и все войско наше под Нотенбург (или Орешек) и стало в лагерь на мысу от города ниже по реке Неве верстах в двух, и уставило обоз свой. Того же дни в городе на башне после обеда, когда уже подлинно узнали осаду, поставили королевское знамя в знак осады своей и желая помощи от своих». Но повторение Нарвы было невозможно – Карл XII был в тысячах верст от Нотебурга, да и осаждающие уже давно извлекли необходимые уроки. Осада продолжалась всего две недели, и после длительной артподготовки 11 октября начался штурм. Шведы, отбив несколько натисков, сдались.

Петр по достоинству оценил сопротивление, оказанное 35-тысячной армии гарнизоном численностью не более 500 человек, и, как говорит «Журнал», «в 14 день гарнизон по договору с распущенными знаменами, барабанным боем и с пулями во рту (так было принято при выходе гарнизона. – *Е.* А.) с четырьмя железными пушками сквозь учиненную брешь вышел и на данных судах отпущен со всеми своими вещьми к Шанцам».

Победа была восторженно встречена Петром. В одном из писем он назвал ее чудом. В другом письме – А. А. Виниусу от 13 октября, сразу же после штурма, царь писал: «Объявляю вашей милости, что, помощию победыдавца Бога, крепость сия, по жестокому и чрезвычайно трудном приступе (которой начался в 4 часа по полуночи, а кончился по четырех часах по полудни), здалась на акорт, по которому камендант Шлиппенбах со всем гарнизоном выпущен… Правда, что зело жесток сей орех был, аднако, слава богу, счасливо разгрызен. Алътиллерия наша зело чюдесно дело свое исправила». Действительно, взятие этой сильнейшей в Ингрии и Карелии крепости трудно переоценить, как и ее ключевое значение в системе шведской обороны края. Именно поэтому (как записано в «Журнале» Петра Великого) сразу же «тогда переименована сия крепость Шлюсенбургом, что сие имя потом с помощию Божиею действительно сталось, ибо сим ключем оттворились ворота в неприятельскую землю». И далее: «По взятии же той Шлюсенбургской крепости еще той же осени оная укреплена

новыми болверками кругом всего города, к которой работе приставлены были ради надзирания из знатных персон». Так Петр поступал после взятия всех крепостей, которые хотел удержать. Современники почти сразу же оценили значение взятия Нотебурга для будущего. А. Виниус в своем письме Петру от 12 мая 1703 года в стиле традиционных панегирических речей так воспел взятие крепости: «Тем же, мой милостивейший, велика есть сиа викториа, многих ради последующих случаев полезных: мало не от самыя Москвы руководствует на вся потребы вода… Хвала буди неиспытанным божиим судьбам, иже, верю, яко за предстательством святаго российскаго проповедника и апостола Андрея, иже и Варяжских дойде предел, во знак своего креста ныне (о дивное чюдо!), по желанию вашему государскому от пристани океанской (то есть от Архангельска. – *Е.А.)* до Азова, а от Слотенбурха до Астрахани совершил есть, украсил и совершил есть замкнение по число четырех частей вселенских четыре дивныя пристанища, на которых во удивление всех народов водрузишася славныя ваша государскиа победительныя павильоны, и северный Нептуйус привлече во своею компанию к Перскому, Турецкаго и Варяжскаго тритонов (соответственно – символы Северного Ледовитого океана, Каспийского, Азовского и Балтийского морей. – *Е.* А.), иже в трубы своя, по своим морям шествуя, вашу государскую фаму (славу. – *Е.* А.) повсюду разносят». Если мы выразим то же сухим языком учебных пособий, то в приветствии Виниуса речь идет о «широких перспективах хозяйственного освоения региона при условии использования речного судоходства в народнохозяйственных целях», о превращении сухопутной Москвы в пресловутый «порт пяти морей». Весной следующего, 1703, года наступила очередь Ниена (Ниеншанца) – довольно слабой крепости в устье реки Охты, впадающей в Неву. 1 мая, прежде чем начался штурм, осажденная крепость сдалась, а 7 мая была одержана небольшая, но памятная в истории Северной войны победа. Произошло же это так. 6 мая от стоящей на взморье шведской эскадры вице-адмирала Г. Нуммерса, как сообщает «Журнал» Петра Великого, «пришли 2 шведския судна – шнява и большой бот, – и стали перед устьем на якорь, для того, что опоздали и в устье войти не могли. По которым ведомостям майя в 6 день капитан от бомбардиров (Петр. – *Е.* А) и порутчик Меншиков (понеже иных на море знающих никого не было), в 30 лодках от обоих полков гвардии, которые того ж вечера на устье прибыли и скрылись за островом, что лежит против деревни Калинкиной к морю; а 7 числа пред светом половина лодок поплыли тихою греблею возле Васильевского острова под стеною онаго леса и заехали оных от моря, а другая половина с верьху на них пустилась. Тогда неприятель тот

час стал на парусах и вступил в бой, пробиваясь назад к своей ескадре (также и на море стоящая ескадра стала на парусах же для выручки оных), но узкости ради глубины не могли скоро отойти лавирами и хотя неприятель жестоко стрелял из пушек по наших, однакож наши, несмотря на то, с одною мушкетною стрельбою, и гранаты (понеже пушек не было), оные оба судна абордировали и взяли».



Первое морское сражение в устье Невы в 1703 г.

Закладка Петербурга 16 мая 1703 года выглядела скромным событием по сравнению с празднованием 30 мая этой «никогда прежде бывшей морской победы». Петр и Меншиков удостоились высшего и, впрочем, единственного тогда ордена Андрея Первозванного, остальные участники сражения также были щедро награждены. Петр написал о победе в Москву и в ответ получил уверения, что ничего подобного в истории России не было. Так, боярин Б. А. Голицын писал царю: «Не возмни, государь, яко ласкаю, но суще от серца, но слезами пишу: хотя от начала света всех собрать летописцев, нигде не найдешь, как такою отвагаю и смелым сердцем учинено, как сие тобою». Старый льстец знал, что делал, проливая слезы умиления: царь, поздравляя своих сановников со взятием бота и шнявы и называя это «никогда бываемою викториею», распорядился поискать аналогичные события в истории. Их, конечно, не нашли! Все эти характеристики итогов боя в устье Невы – более чем сильное преувеличение, как и текст

медали, выбитой по этому случаю: «Небываемое бывает». Такие победы были обычным делом для донских и особенно запорожских казаков, бороздивших Азовское и Черное моря и стаей нападавших на своих легких «чайках» на любое зазевавшееся турецкое судно, военное или купеческое. Но, видимо, такая явная переоценка событий 7 мая была необходима Петру для воодушевления людей, да и себя самого, и служила известной компенсацией не особо блестящих успехов на воде, особенно если вспомнить прилагаемые Петром усилия и его сердечное пристрастие к морю и кораблям.

Медаль в память основания Санкт-Петербурга в 1703 г.
Копия С. Юдина с медали работы Г. Ф. Мюллера. Вторая половина XVIII в.

В самом деле, флот, построенный в Воронеже, не участвовал ни в одной стычке с турецким флотом; яхты, с огромными усилиями посуху за 170 верст перетащенные из Белого моря в Онегу, тоже не пригодились: из-за встречного ветра их пришлось бросить в Сермаксе, а самим идти к Ладоге пешком. Позже, при осаде Нотебурга, они не смогли воспрепятствовать прорыву двух шведских судов с подкреплением гарнизону Нотебурга, обложенного со всех сторон. После этого понятен восторг по поводу «морской победы» на реке Неве.

Взятие Ниеншанца было лишь началом закрепления России в устье Невы. На военном совете крепость была признана неудоб-

ной, слишком маленькой, плохо обороняемой и расположенной далеко от моря. Поэтому решили ее не укреплять, а строить новую. 16 мая 1703 года такая крепость была основана на острове Луст-Эланд и названа Санкт-Петербурхом. Часть армии во главе с Шереметевым двинулась к Копорью. К Яму (современный Кингисепп) – другой крепости Ингрии – подошел отряд генерала фон Вердена. «Оба места, – как записано в „Журнале“ Петра, – с малым супротивлением сдались (понеже были малолюдны и малы) и гарнизоны отпущены в Нарву».

Заняв Ям, русское командование, как и в случае с Нотебургом, тотчас начало вести вокруг него обширные фортификационные работы, совершенствуя укрепления крепости, названной теперь Ямбург. Петр предпринял также и другие действия, чтобы закрепиться в Ингрии. Во-первых, после сражения на реке Сестре шведский отряд Кронгиорта, пытавшийся перехватить инициативу в Ингрии, был отброшен к Кексгольму. Во-вторых, в Лодейном Поле с основанной в 1702 году верфи один за другим начали спускать первые корабли будущего Балтийского флота. Наконец, в-третьих, в начале октября 1703 года, когда шведская эскадра под командованием адмирала Г. Нуммерса ушла из устья Невы на зимнюю стоянку в Выборг, Петр на яхте осмотрел остров Котлин и распорядился «в море делать крепость». Уехав на зиму в Воронеж, царь прислал оттуда (как сообщает «Журнал») «модель крепости, которую делать в море у Котлина острова, послал со оною губернатора Меншикова (понеже оный при вымеривании того места был), который той же зимы оную и построил, и нарекли оной имя Кроншлот».

Так, в сущности, за год была занята Ингрия, или, как ее стали называть, Ингерманландия. Петр крепко взялся за ее главную коммуникацию – Неву, от истоков до устья. Победы в Ингрии несомненно свидетельствовали о возросшем воинском мастерстве русской армии, крепнущем стратегическом таланте ее подлинного командующего – Петра. Вместе с тем не следует переоценивать эти победы, ибо подтвердились самые худшие опасения шведского военного инженера Э. Дальберга, инспектировавшего в 1681 году крепости Ингрии и пришедшего к выводу о почти полной непригодности их к обороне. Так, дав уничижительную характеристику сооружениям Нюена (Ниеншанца), он писал в отчете Карлу XII, что, «если не удержать Нюен, то ни Кексгольм, ни Нотебург не помогут защитить Карелию и Кексгольмский лен и даже сам Выборг. А русские, благодаря большой численности своего войска, легко могут навсегда осесть в этом месте между этими важными реками (Охтой и Невой. – *Е.* А.) и таким образом, не дай Бог, получат выход к Балтийскому морю, о котором они

мечтали с незапамятных времен». За целое двадцатилетие шведы фактически ничего не предприняли для укрепления крепостей в Ингрии, да и по всей Восточной Прибалтике, и Эрик Дальберг оказался Кассандрой, чьим пророчествам не поверили.

В середине мая 1704 года с бастионов Нарвы шведы вновь увидели движущиеся с северо-востока войска – это русская армия, как бы завершив огромный круг во времени и пространстве, три с половиной года спустя вновь подходила к Нарве и Ивангороду. Но это была уже другая армия, о которой можно было, вспоминая нарвскую катастрофу, сказать, что за одного битого двух небитых дают. В конце мая город был блокирован, а 8 июня шведы попались на военную хитрость. Петр, узнав, что на выручку Нарве от Ревеля движется отряд генерала Шлиппенбаха, скрытно отправил на ревельскую дорогу несколько полков пехоты, специально переодетых в синее (преимущественный цвет формы шведской армии). Показавшись на виду крепости, они выманили часть нарвского гарнизона на вылазку и окружили вместе с осаждающими вышедший на помощь лжешведам отряд.

В полном восторге Петр писал А. Кикину 16 июня 1704 года, тонко уловив психологическую подоплеку происшедшего под стенами Нарвы: «Я иного не знаю, что писать, точию что недавно пред сим учинилось как умных дураки обманули. И сие разсуждая, не могу больше двух дел выразуметь: первое, что Бог вразумил, другое, что пред их очами гора гордости стояла, чрез которую не могли сего подлога видеть».

Не знаю, соответствует ли подобный маскарад с воинской формой и знаменами этике тогдашней войны, но для барона Горна – коменданта Нарвы – это стало скверным предзнаменованием. 17 июля шведы могли наблюдать со стен крепости новый взрыв восторга в лагере осаждающих. Это через Чудское озеро вверх по Нарове подошли яхты, доставившие из взятого Шереметевым Дерпта целую коллекцию трофейных знамен. Тогда же была, наконец, доставлена осадная артиллерия и начался непрерывный обстрел Нарвы – десять дней подряд «по вся дни: пушечная от утра даже до вечера каждого дни, а из мортир и ночи не переставая», что привело к разрушению двух бастионов, пожарам в городе.

6 августа в Нарву был отпущен комендант Дерпта полковник Скитте, которого просили убедить Горна сдать крепость, но Горн не внял ни его советам, ни ультиматуму командующего русской армией фельдмаршала Огильви. Тогда в ночь с 8 на 9 августа с отправки в ров солдат – штрафников с лестницами – и условного залпа мортир начался штурм Нарвы, очень быстрый, очень успешный и очень кровопролитный, ибо с трудом удалось оста-

новить страшную резню мирных жителей, начатую солдатами, ворвавшимися в крепость.

Подводя черту эпопее «от Нарвы до Нарвы», Петр писал 14 августа Ф. М. Апраксину: «Я не могу оставить без возвещения, что всемилостивейший Господь каковым счастием сию отаку окончити благоволил, где пред четырьмя леты оскорбил, тут ныне веселыми победители учинил, ибо сию преславную крепость, чрез лестницы, шпагою в три четверти часа получили. Хотя неприятель подкопом крепко наших подорвал, однакож солдат тем устрашити не мог. Потом неприятель в другую старую крепость вбежал и бил шамад, дабы окорд или хотя б пардон получить, но солдаты наши слышать того не хотели, тотчас и в оную ворвались, потом и в замок, где неприятелю доброй трактамент был, что и младенцев немного оставили».

Взяв Нарву и Дерпт, Петр вступил в Эстляндию, которая вместе с Лифляндией должна была по существующим соглашениям перейти к Польше. Специальным манифестом Петр подтвердил безусловное право Польши на эти земли, а свои завоевания объяснял необходимостью подорвать шведское владычество в Восточной Прибалтике. В подтверждение этих намерений накануне осады Нарвы Шереметев осуществил глубокий «поиск» в Эстляндию.

Регулярные части взяли и сожгли Везенберг (Раквере), Вейсенштейн (Пайде), Фаллин (Вильянди), Обер-Пален, Руин (Руине), а части казаков, татар, калмыков и башкир превратили в пустыню сельские районы центральной и южной Эстонии, уничтожая деревни, посевы, угоняя в рабство людей, а также скот.

Будучи трезвым политиком, Петр прекрасно понимал, что успехи его армии в 1701—1704 годах мало чего стоят до тех пор, пока существует и побеждает в Польше армия Карла XII. Судьба Ингрии и Карелии, Шлиссельбурга, Петербурга, флота, выхода к морю решалась в то время в Польше. Думаю, что Петр был согласен с мыслью Паткуля, взятого в 1702 году на русскую службу и писавшего руководителю Посольского приказа Ф. А. Головину «Уверяю, ваше превосходительство, что ни взятие Нарвы, ни победы в Лифляндии не заключают в себе ничего решительного; пока шведский король будет господствовать в Польше, до тех пор он будет господином войны и мира».

Чтобы Карл как можно глубже «увяз» в Польше и тем самым позволил выиграть время и подготовить способную к борьбе с ним армию, Петр приложил все усилия к заключению русско-польского союза против шведов, оказывая постоянную помощь Августу и его сторонникам оружием, деньгами, войсками.

В этот момент, когда первый этап войны (1700—1704 годы) для России успешно заканчивался, Петр продемонстрировал качества незаурядного дипломата, терпеливого, настойчивого политика, умело использовавшего свои первые военные успехи и явные промахи противника. А их было много: Карл вел себя в Польше как завоеватель, навязывая Речи Посполитой свою волю. Здесь, как и в других обстоятельствах, Карл XII проявил себя как своеобразный антидипломат, откровенно презирающий всякие внешнеполитические победы, достигаемые с помощью языка, а не оружия. Совершенно равнодушен он был и к столь важной в длительных конфликтах экономической стороне дела. Он полагал, что с противником может быть только один разговор – о том, на каких условиях тот сдается на милость победителя. За время своего правления он, казалось, сделал все, чтобы поставить Швецию в изоляцию и разрушить ее международные связи. Он не понимал, что дипломатия – дело не менее сложное и эффективное, чем победа на поле боя.

В подходе к дипломатии – этому «ремеслу королей» – между Карлом и Петром была принципиальная разница. Русский царь очень рано понял, что в области международных отношений России нужна реформа. Речь шла об изменении традиционных форм русской дипломатии, отказе от посольств как своеобразных дипломатических караванов в пользу постоянных представительств, укомплектованных знающими страну аккредитования и международную обстановку дипломатами. Петр понял, что нужно отказаться от устаревших норм протокола, ради соблюдения которых русские послы могли провалить жизненно важные для страны переговоры. Реформировать дипломатическую службу оказалось сравнительно нетрудно. Труднее было реформировать принципы внешней политики. Петр отчетливо понял направление, в котором надлежало их перестраивать. «Им было вполне осознано изолированное положение России, пытавшейся бороться за место под солнцем, имея в противниках не отдельные страны или простую сумму их, как полагали допетровские политики, а сложившуюся систему государств. Он первый понял, осознал со всей очевидностью, что, пока Россия не войдет в „концерт“ европейских стран, не установит союзнических и иных связей с ними, равноправия не будет. Государство останется „вне закона“, то есть не сможет апеллировать к нормам международного права, но будет вынуждено по-прежнему отстаивать свои интересы в одиночку. Именно в этой преданности идее проведения коалиционной, совместной линии внешней политики нам и видится исток неуклонного бескомпромиссного стремления Петра создать и любой ценой сохранить союзную межгосударствен-

ную систему». К этому высказыванию В. Е. Возгрина – специалиста по истории внешней политики России – следует добавить, что Петр отчетливо осознавал и то, что войти в европейский «концерт», утвердить себя под солнцем можно лишь силой. Только военное могущество делало равным новичка, пытавшегося потеснить старожилов мировой политики, только военные победы делали действительными договоры и соглашения.

Любопытно, что сам Петр в октябре 1708 года писал Головкину, что ему некогда заниматься многочисленными посольскими делами, так как «непрестанную суету имею о исправлении полков по баталии, которая вещь есть надежнее всех посланнических дел».

В первый год войны посланник в Вене П. А. Голицын с отчаянием писал в Москву: «Главный министр граф Кауниц и говорить со мною не хочет, да и на других нельзя полагаться: они только смеются над нами… Всякими способами надобно домогаться получить над неприятелем победу. Сохрани боже, если нынешнее лето так пройдет. Хотя и вечный мир учиним, а вечный стыд чем загладить? Непременно нужна нашему государю хотя малая виктория, которой имя его по-прежнему во всей Европе славилось. Тогда можно и мир заключать, а теперь войскам нашим и управлению войсковому только смеются». После «нарвской виктории» ситуация изменилась, но говорить о равенстве сил в 1704 году было бы преждевременно. И тогда, да и позже, Петр не скрывал своего нежелания столкнуться с Карлом на поле боя, хотя прекрасно понимал значение победоносного генерального сражения. В инструкции дипломатам, отправлявшимся на переговоры с поляками, он писал об Августе: «Его величество, как видим, спешит дело совершать и чтоб счастливым полевым боем окончать, но сие дело в ведении точию Вышего суть, нам же, яко человеком, надлежит ближняя смотреть; кратко реши, что искание генерального бою зело суть опасно, ибо в один час может все дело опровержено быть». Впрочем, Августа особенно уговаривать не приходилось, он сам в бой не рвался и, по словам русского посланника Г. Ф. Долгорукого, «разсуждение и совет его царского величества за благо изволил восприять и намерение свое объявить, что его величество всеми мерами искать будет неприятелю тесноты и урону, как возможно, а генерального бою и сам его королевское величество быть не соизволяет, понеже еще не видит такого случаю, чтоб был неприятелю силен». Карл же, пользуясь своим военным могуществом, вел свою линию политики властно и бескомпромиссно. Он, поражая поляков своей прямолинейностью, надменностью, неуступчивостью, разорял страну тяжелыми контрибуциями, унижал национальное достоинство

поляков массовыми экзекуциями. «Этот король – чистый солдат, – пишет в своих мемуарах Константен де Турвиль, участник похода Карла XII в Россию. – Его качества, без сомнения, велики и блистательны, но та негибкость, которая определяла его характер, выказывая, в частности, его внутреннюю суть в манере поведения, выявлялась в совершенной грубости и резкости, с которыми трудно свыкнуться». После этого стоит ли удивляться тому, что Карл шел напролом, не считаясь с традициями Речи Посполитой, решительно требуя детронации Августа и провозглашения нового короля. Не сумев воспользоваться сильными антирусскими и антисаксонскими настроениями шляхты, существовавшими еще со времен избрания Августа королем в 1697 году, Карл 12 июля 1704 года силой оружия вынудил меньшую часть сенаторов и дворян «избрать» в короли познанского воеводу Станислава Лещинского. Избрание Лещинского, проведенное с нарушением обычаев, характерных для Речи Посполитой, привело к усилению Сандомирской конфедерации – всепольского ополчения сторонников Августа. Они объявили войну Швеции, признали Варшавскую конфедерацию Станислава рокошем, то есть сборищем людей, поставивших себя, свои семейства и имения вне закона. Триумфом Петра стало заключение 19 августа 1704 года в Нарве русско-польского антишведского союза. Таким образом, Карл своими действиями добился того, что так долго не удавалось Петру, – союза Польши с Россией. Со своей стороны Петр направлял в Польшу, в распоряжение Августа, 12 тысяч солдат и выплачивал субсидию в 200 тысяч рублей, для чего на 1705 год все русское крестьянство было обложено довольно тяжелым дополнительным денежным сбором. Логика борьбы неизбежно влекла и самого Петра на равнины Польши, где Карл продолжал безуспешную «охоту» за Августом, умело уходившим от генерального сражения. Петр не мог не понимать, что рано или поздно их встреча с Карлом должна состояться и в ней будет решена судьба Восточной Прибалтики, да, возможно, и всего, что было важно и дорого для Петра и Карла. Именно поэтому с осени 1704 года русские войска стали накапливаться в Полоцке – пункте, стратегически удобном для действий как в прибалтийском, так и в варшавском направлении.

12 июня 1705 года в армию приехал Петр. Так, летом 1705 года все главные действующие лица драмы Северной войны – Петр, Карл, Август и Станислав – оказались в пределах досягаемости друг для друга. Кто бы мог подумать, что не пройдет и полутора лет, как трое из этой четверки – Карл, Август и Станислав – будут, мирно беседуя, сидеть за общим столом. Правда, из трех королей один станет уже экс-королем… Однако об этом подробнее будет сказано ниже, а пока Петр собирал силы в Полоцке и затем пере-

бросил их в Гродно. Карл из Варшавы внимательно наблюдал за этими маневрами и ничего не предпринимал.

Наступила зима, Петр уехал в Россию, и тут шведы неожиданно перешли в наступление. Меншиков, находившийся при армии, задолго до подхода шведов получил сведения о начале их движения на Гродно. В письме Петру он успокаивал царя: «Однакож ваша милось не извольте сумневаться, понеже мы здесь во всякой готовности и полки наши сюда сбираются и вскоре со всем управимся». Но скорее Меншикова и Огильви «управился» Карл, сумевший в лютый мороз за две недели пройти 360 верст и внезапно появиться перед Гродно. Точным маневром он прервал коммуникации русской армии с Россией так, что Петр даже не смог проехать в Гродно, а курьеры с указами, чтобы попасть в Гродно, переодевались в крестьянское платье. Выпад Карла был настолько неожиданным для русского командования, что кавалерия генерала Ренна оказалась отрезанной от основной группы войск под командованием Огильви. Находившийся в Гродно Август чудом вырвался из западни, в которой оказалась вся русская армия, к тому же не имевшая достаточно продовольствия. Петр попросил помощи у Августа, тот отправил к Гродно 20-тысячный саксонский корпус генерала Шуленбурга, но в начале февраля 1706 года в Гродно пришла страшная весть: шведский генерал Рейншильд, численность корпуса которого уступала противнику почти в два раза, наголову разбил под Фрауштадтом Шуленбурга и практически уничтожил входившие в саксонский корпус русские полки.

Ситуация в Гродно стала драматической. Лишь 24 марта, воспользовавшись ледоходом на Немане (что мешало шведам форсировать реку у города), Огильви и Меншиков вывели армию из западни. Она начала отступать к Киеву. На этом периоде войны хорошо видно, что Петр еще не ощущал необходимой для полководца уверенности и еще не желал личной встречи с Карлом на поле боя.

Упустив поспешно отходившие русские войска, Карл немедленно устремился прямо на Дрезден, столицу Саксонии – владения Августа. Этим он поставил польского короля в безвыходное положение: саксонская армия, в отличие от русской, не имела стратегического простора для отступления. 13 октября 1706 года в замке Альтранштадт, что недалеко от Лейпцига, саксонские представители заключили со шведами мир на очень тяжелых и унизительных для Августа условиях: он отказывался от польской короны в пользу Станислава Лещинского и был вынужден по требованию Карла даже поздравить своего заклятого врага с победой; он разрывал также союз с Россией, выдавал шведам, как

пленных, всех русских солдат, находившихся в его распоряжении, и передавал им, как преступника, русского посланника при своем дворе Паткуля, впоследствии казненного шведами.

Договор – прямой результат сражения при Фрауштадте, в корне менявший положение в Польше, держался в глубокой тайне. Через пять дней после его заключения русско-саксонско-польские войска под командованием самого Августа и Меншикова одержали победу при Калише над шведским генералом Мардефельдом, причем в плен попал и сам генерал, и более 2500 его солдат и офицеров. Меншиков, идя навстречу просьбе Августа, отдал пленных шведов саксонцам, а те отпустили их, в силу уже действующего договора, к шведам.

Король польский Август II.

В истории Альтранштадтского договора есть любопытный подтекст. Тому, что такой договор стал возможен и состоялся, удивляться не приходится. Карл представлял по тем временам огромную силу, которой побаивались и в Вене, и в Берлине, и даже в столицах морских держав, стоявших всегда в тени кулис театра политики на севере. Саксония, потерпевшая поражение при Фрауштадте, оказавшись без поддержки России и Речи Посполитой, не смогла бы долго сопротивляться Карлу XII. Надо заметить, что Петр также не отказывался при случае заключить сепаратный

мир со шведами: с 1703 по 1709 год он постоянно зондировал почву для заключения такого соглашения, причем в случае успеха вряд ли особенно задумался бы об интересах Августа. Альтранштадт был воспринят царем как аморальный поступок союзника главным образом потому, что, заключив мир со шведами, Август повел двойную игру, утаив от Петра происшедший поворот и не дав России возможность перестроить политику.

Важно подчеркнуть здесь личностный аспект отношений русского царя и польского короля. Для Петра Август был не просто союзником, а коронованным другом, с которым его объединяло нечто большее, чем только борьба со шведами. Ни одному из своих коронованных «коллег» Петр не писал таких сердечных писем, как Августу – «возлюбленному брате». В одном из посланий, понимая условность дипломатической лексики и строгость официального формуляра, он подчеркивал в скобках: «Мой господине и брате любезнейший (и друже истинною, а не политикою)». Эти дружеские отношения (как писал Петр, «особливая братцкая любовь») возникли, по-видимому, сразу, при первой встрече летом 1698 года в Раве-Русской, когда Петр, начинающий политик, воодушевленный поездкой по Европе, исполненный честолюбивых планов, впервые встретился с Августом – почти своим ровесником, европейски образованным человеком, красавцем, волокитой, только что ставшим польским королем и тоже мечтавшим о славе своего Отечества. Очевидно, Август, в отличие от Карла XII, был на редкость обаятельным человеком, таким рисует его в своих мемуарах и Константен де Турвиль: «…спокойный и приветливый внешний вид, вкрадчивый и нежный взгляд, приятный тембр голоса, который своей мягкостью очаровывал сердца сопровождавших, – одним словом, все то, что составляет в совокупности образ обворожительного государя, чего совершенно не было в Карле». Не случайно многие историки считают именно эту встречу решающей в переориентации политики России с южного направления на северное. И кто знает, к чему бы привела такая же встреча русского царя и польского короля, если бы на месте Августа был его предшественник Ян Собеский – увитый лаврами побед над турками старик, одержимый идеей крестовых походов против мусульман, человек другой эпохи, другого мышления и других традиций.

Много лет спустя при составлении «Журнала» Петр включил в него отрывок, в котором звучит уже давно остывшее чувство горечи и возмущения: «…склонился он [Август] тот мир содержать, однакож пошел в Варшаву, и там был благодарный молебен за оную благополучную Калишскую баталию, потом пошел ко Кракову, не объявя об учинении своего мира ни польским магна-

там, ни министру российскому при нем бывшему. И прибыл во Дрезден в декабре месяце, а 16 декабря король Август был у короля шведскаго в Лейпциге и обедали явно за одним столом король шведский, король Август и Станислав и, сидя за столом, оказывали между себя внешния удовольствия и имел король Август с королем шведским немалое время тайные разговоры. И потом король шведский был у короля Августа и во Дрездене, и имели уже между собою свидания».

Петр получил это ошеломляющее известие по дороге на Москву и тотчас устремился в Польшу, ибо он был человеком дела, а не эмоций. Нужно было начинать все сначала и, главное, не дать развалиться единственному союзу, который у него оставался, – союзу с Речью Посполитой. «Декабря в 10 день государь путь свой восприял из Петербурга в Нарву, а оттоль намерен был ехать к Москве, но тогда получена вышепомянутая ведомость от генерала Меншикова чрез нарочнаго куриера, что король польский Август, учиня, как выше помянуто, тайно партикулярный мир со шведами, уехал ко шведскому королю в Саксонию и по тем ведомостям государь для того пошел в Польшу, дабы оставшую без главы Речь Посполитую удержать при себе, понеже тот мир учинен без ведома оной».

Одновременно Петр стремился смягчить дипломатическими средствами силу удара, нанесенного делу Северного союза. В послании Анне, королеве Англии, он призывал к противодействию этому миру и осуждению Августа как нарушителя международных норм. Пример этого Петр видел в том, что Август распорядился выдать в качестве пленных 1600 русских солдат, оставшихся в Саксонии после неудачного Фрауштадтского сражения, а также в передаче шведам русского посланника Паткуля, что Август сделал, пишет Петр, «позабыв свою честь против народных прав и против обыкновения самых варваров… не опасаясь от бога наказания». И конечно, самое главное, что Петра возмущало, – пренебрежение Августа интересами союзника, ибо Август «заключил безчестный мир с королем шведским и Лещинским, оставляя сему последнему все свои права и корону польскую, отдаваясь совершенно в руки своего неприятеля, не сообщив нам о том ничего и не уведомив нас, чтоб мы старались о нашей безопасности. Такую-то мы получили награду за бесчисленные ему оказанные нами милости и благодеяния, а что наиболее показывает его неблагодарность, то есть ратификация сего мира, которую он учинил за несколько дней прежде сражения (у Калиша. – *Е.* А.), дав нам уверение наблюдать ненарушимо существующие между нами договоры, так как сие можно видеть из его писем».

Конечно, Петр не только осуждал своего вероломного друга, но и испытывал досаду на себя: Альтранштадт стал серьезным провалом русской дипломатии, не сумевшей, несмотря на полученные данные о возможности заключения саксонско-шведского соглашения, предотвратить его. В итоге Россия осталась фактически в одиночестве пред лицом грозного противника. Станислав, за которым еще вчера шла всего лишь кучка людей, сегодня стал полноправным королем, его признали иностранные государства, и Карл при наступлении на Россию мог оставить его в тылу. После Альтранштадта Петр пытался найти замену Августу. Он предлагал польский трон многим: вождю венгерского восстания Ф. Ракоци, герцогу Мальборо, Якубу Собескому, Евгению Савойскому и др. Но желающих не нашлось, шляхта стала переходить на сторону Станислава I.

Почва в Польше заколебалась под ногами Петра. И тогда он стал лихорадочно искать посредников, чтобы заключить со шведами мир при условии сохранения за Россией Ингрии. Для этого он обращался к англичанам, французам, австрийцам, голландцам. Но Карл не слушал никого. Он был согласен на мир лишь на условиях фактической капитуляции России: требовал возвращения всех занятых территорий и выплаты огромной контрибуции. При этом в свойственной ему бескомпромиссной манере Карл настаивал, чтобы Петр признал Станислава I, и заявлял, что он «скорее пожертвует последним жителем своего государства, чем согласится оставить Петербург в руках царских».

Поиски дипломатического решения проблемы оказались тщетными – Австрия и другие страны, вовлеченные в войну «за Испанское наследство», увидев шведов в Дрездене, побоялись, что Карл вмешается в общеевропейский конфликт, и поэтому не хотели раздражать его посредничеством. Вооруженная борьба с Карлом в одиночку стала для Петра неизбежностью. И он начал интенсивную подготовку к предстоящему столкновению.

Пожалуй, самым важным из всего, что сделал Петр после Альтранштадта, было решение, принятое в декабре 1706 года на военном совете в местечке Жолкиев под Львовом. После обсуждения обстановки в Польше было решено не давать противнику сражения на польской территории, «понеже ежели б какое несчастие учинилось, то бы трудно иметь ретираду, и для того положено дать баталию при своих границах, когда того необходимая нужда требовать будет, а в Польше на переправах и партиями, также оголожение провианта и фуражу, томить неприятеля». Этот план реализовывался и на Украине, вплоть до Полтавы.

Следует заметить, что вообще-то Карл был своеобразным политиком и полководцем. Кампании в Польше показали, что, совер-

шив стремительный марш в подчас тяжелейших условиях, он мог наголову разгромить неприятеля, а затем целыми месяцами, стоя на одном месте, спокойно наблюдать, как разбитый им враг накапливал и перегруппировывал силы. Затем следовал новый стремительный победоносный выпад – и вновь наступала пауза. В борьбе с таким полководцем большое значение имела мобильность армии, попросту говоря, крепкие ноги, что часто демонстрировали и Август, и Петр.

После Альтранштадта пауза длилась почти год. В конце лета 1707 года Карл вывел войска из Саксонии в Польшу и простоял там до декабря, а в самом конце декабря внезапно, невзирая на морозы, двинулся в Литву.

26 января 1708 года он стремительно ворвался в Гродно. Царь лишь за два часа до этого поспешно оставил город. Можно понять волнение русского командования, ибо было неясно, куда пойдет Карл – в Лифляндию, на Псков, Москву или на Украину. Карл повернул на юго-восток, и… наступила пауза на пять месяцев: король стоял под Минском, а затем в июне двинулся к Березине. Недалеко от местечка Головчино он форсировал реку и здесь впервые столкнулся с основной армией Петра, которой командовал Шереметев.

Это была уже не та армия, с которой Карл познакомился под Нарвой. Она прошла суровую школу походов и сражений в Польше и Восточной Прибалтике. Военная реформа дала свои первые результаты, вырос общий уровень военного искусства, подготовки солдат и офицеров, появился опыт крупномасштабных операций. Да и численностью своей 135-тысячная русская армия вдвое превосходила шведскую. И тем не менее бой у Головчина 3 июля 1708 года, который был первым крупным полевым сражением с основной армией Карла, закончился поражением русских. Заметив, что русская армия, прикрывавшая могилевское направление, растянута на несколько верст, Карл стремительно ударил в центр ее расположения, где стояла дивизия А. И. Репнина, и после упорного боя сбил русские полки с их позиций, что повлекло за собой отступление всей русской армии. Через пять дней Карл был в Могилеве.

Петр распорядился «начать розыск» над генералом Репниным. Он писал Меншикову 9 июля: «Понеже в прошедшей оказии под Головчиным дивизии генерала князя Репнина многие полки пришли в конфузию и, не исправя должности своей, и покинув пушки, непорядочно отступили, а иные и не бився, а которые и бились, и те казацким, а не салдатцским боем, и про сие злое поведение вышереченному (то есть Меншикову. – *Е.* А.) накрепко розыскать, наченши с первого до последнего со всякою правдою, не

маня, ниже посягая, но истинною, как стать пред судом божиим, ибо должен будет над сим розыском присягу чинить». Военный суд разжаловал Репнина в рядовые. Генеральское звание будет возвращено ему после сражения у села Доброго, где Репнин проявит большую самоотверженность.

Но самое главное – из поражения под Головчином были извлечены уроки, которые пригодились позже. По поводу этого боя Петр писал: «…я зело благодарю бога, что наши прежде генеральной баталии виделись с неприятелем хорошенько и что от сей его армеи одна наша треть так выдержала и отошла».

28 августа произошло сражение при Добром. Группировка войск генерала М. Голицына атаковала шведов и нанесла им поражение, и лишь вмешательство их основных сил во главе с королем вынудило Голицына отступить. Описывая это сражение, Петр не мог скрыть своей радости – он видел, что в действиях его войск произошли такие качественные перемены, которые воодушевляли на будущее, но оно все же казалось весьма смутным.

Он писал Ф. Апраксину 31 августа: «…и по двухчасном непрестанном огню оных сбили и с три тысячи трупом, кроме раненых, положили, знамены и прочия побрали. Потом король шведской сам на сикурс оным пришел, однакож наши отошли от них, кроме разорения строю (то есть в порядке. – *Е.* А.). Надежно вашей милости пишу, что я, как почал служить, такого огня и порядочного действа от наших солдат не слыхал и не видал (дай боже впредь так!). И такова еще в сей войне король шведской ни от кого сам не видал. Боже, не отьими милость свою от нас впредь».

Впервые за многие месяцы напряжения Петр почувствовал облегчение и к нему вернулся присущий ему юмор. В письме Екатерине в тот же день он писал: «Письмо от вас я получил, на которое, не подивите, что долго не ответствовал, понеже пред очми непрестанно неприятные гости, на которых уже нам скучило смотреть. Того ради, мы вчерашнего утра резервовались и на правое крыло караля шведского с осмью баталионами напали и по двочасном огню оного с помошшию божиею с поля збили, знамена и протчая побрали. Правда, что я как стал служить, такой игрушки не видал. Аднакож сей танец в очах горячего Карлуса изрядно стонцевали…».

После Доброго, казалось бы, ничего не изменилось: русские попрежнему отступали, но их сопротивление все же сыграло свою роль – Карл все больше уклонялся к югу от кратчайшего пути к Москве через Смоленск. Следует подчеркнуть, что отступление русской армии не было бегством. Отступая, армия постоянно тревожила шведов налетами конницы, заваливала дороги, оказывала сопротивление на переправах и, самое главное, создавала пе-

ред неприятелем мертвую зону: деревни сжигались, хлеб, фураж и скот вывозились или уничтожались (это называлось «оголодить оные места»), население отсылалось в леса. 8 сентября Петр с тревогой писал Меншикову: «О здешнем объявляю, что сей пас недоброй ситуации: людей по деревням, скота и хлеба зело много и для отдаления лесов нейдут; и для того мы с нуждою оных высылаем, а достальное берем. А жечь оставляем вам. Зело прошу: извольте гараздо о том око иметь и крепко приказать, чтоб все при отступлении пожечь, понеже зело много».

Не удался Карлу и быстрый маневр с целью выхода на калужскую дорогу, а в конце сентября думать о походе на Москву в эту кампанию уже не пришлось: 28 сентября отделившаяся от основной армии группа войск под командованием Петра у деревни Лесной (недалеко от города Пропойска) нагнала и разбила корпус генерала Левенгаупта, шедший с огромным обозом из Лифляндии на подмогу Карлу. Петр давно и пристально следил за Левенгауптом, ибо направление движения его корпуса раскрывало намерение Карла двигаться не в Прибалтику, а в Россию или на юг.

Теперь настал момент, когда этот корпус нужно было ликвидировать.

Победа русских была весома: шведы потеряли 6-7 тысяч человек и почти весь обоз. Сражение на небольшой поляне площадью в одну квадратную версту было очень долгим и упорным. Шведы выдержали десять атак русских. К вечеру сражение затихло, и обе стороны ожидали помощи. «Журнал» Петра Великого писался очевидцем, скорее всего им самим, и поэтому передает ощущение человека, перед мысленным взором которого встает потрясающая картина: «…и на оном поле всеми людьми на обе стороны в главный бой вступили, который несколько часов продолжался, где неприятеля с поля паки сбили ж, который ушел к своему обозу, а наши стали на боевом месте, где взято 8 пушек и несколько знамен; и понеже на обе стороны солдаты так устали, что более не возможно биться было, и тогда неприятель у своего обоза, а наши на боевом месте сели и довольное время отдыхали, разстоянием линей одна от другой в половине пушечнаго выстрела полковой пушки или ближе… (сей случай зело дивно было видеть, будто бы неприятели между собою были так кротки и близко друг от друга сидя отдыхали)».

Этот страшный отдых на пропитанной кровью поляне продолжался недолго – к Петру подошла подмога, отряд Р. Х. Боура, и «потом наши паки неприятеля атаковали, где превеликий жестокий был бой и перво несколько залпов выпалили, а потом с байонетами и шпагами прямо на неприятеля пошли и помощию победодавца Бога неприятеля совсем с поля сбили и достальные

пушки и обоз взяли и совершенную викторию получили, при котором окончании превеликая началась вьюга со снегом, и потом тотчас ночь наступила, и тако оставшийся неприятель случай к уходу получил, а наши, где кого та вьюга застала, тут и ночевали...».

Остановимся на минуту. Удивительно, как в глазах очевидцев необычайных событий природа вдруг становится частью этих событий, даже их участником, дружественным или враждебным. В моменты величайших испытаний человек вдруг замечает ее таинственный, исполненный знамениями и смыслом лик. В самом деле, кто в другой, обычной ситуации запомнил бы начавшийся снегопад и быстро опустившиеся при свете костров осенние сумерки? Точно так же удивляет описание украинской зимы 1708—1709 года пленными шведами-мемуаристами, видевшими в ее ужасах причины грядущего поражения под Полтавой. Эта зима изображается воинами шведского короля так, как если бы они родились на Апеннинах и описывали зиму под Верхоянском: тут и замерзающий на лету плевок, и падающие от адского холода птицы, тут и раскалывающиеся от мороза деревья и земля, и прочие ужасы, слухи о которых столь распространены были на Западе о России – стране вечного холода, медведей и тьмы.

Но вернемся к «Журналу» Петра. Его автор поясняет нам смысл известного, но непонятного выражения о сражении под Лесной как о «матери Полтавской победы»: «Сия у нас победа может первая назваться, понеже под регулярным войском никогда такой не бывало, к тому ж еще гораздо меньшим числом будучи пред неприятелем, и по истинне оная виною всех благополучных последований России, понеже тут первая проба солдатская была и людей, конечно, ободрила и *мать Полтавской баталии,* как ободрением людей, так и временем, ибо *по девятимесячном времени* оно младенца щастие произнесла, егда совершеннаго ради любопытства кто желает исчислить *от 28 дня сентября 1708 до 27 июня 1709 года».*

Спустя лишь месяц после Лесной, как произошло событие, потрясшее Петра. 28 октября, когда Петр направлялся из Смоленска на Украину, он получил от Меншикова сенсационное известие: гетман Иван Мазепа изменил России и перешел на сторону шведов. Мы излишне упростим дело, если будем видеть в Мазепе человека, чуть ли не родившегося изменником, морального урода, давным-давно вступившего на путь предательства. Все гораздо сложнее, ибо в истории Мазепы, как в капле воды, отразились проблемы и трагедия всей Украины.

Сначала об «измене» Мазепы как политическом преступлении. Петровская пропаганда сделала все, чтобы представить поступок

Мазепы как неслыханное, небывалое прежде государственное преступление. Но стоит нам обратиться к истории Украины после ее вхождения в состав России, как мы встретим множество подобных случаев. Так, преемник Богдана Хмельницкого гетман Иван Выговский после смерти Хмельницкого разорвал отношения с Россией, вступил в контакт с Крымом и Польшей и в 1659 году вместе с татарами разгромил войска воеводы Трубецкого под Конотопом. Пришедший ему на смену сын Хмельницкого, Юрий, вернулся в подданство России и, участвуя в войне с Польшей, в самый решительный момент, когда поляки и татары осенью 1660 года окружили армию В. П. Шереметева под Чудновом, не пришел к ней на помощь и заключил с поляками Слободищенский трактат, по которому Украина подчинилась Польше. В итоге армия Шереметева была вынуждена капитулировать. После раскола Украины на Левобережную и Правобережную и установления системы двойного гетманства гетман Правобережья Петр Дорошенко стал вассалом Турции, а затем вступил в соглашение с гетманом Левобережной Украины Иваном Брюховецким, который, в свою очередь, долго служа Москве и получив даже чин боярина, восстал в 1668 году против власти России. Потом Дорошенко, став на какое-то время гетманом единой Украины, повел свою армию на русские войска. В 1687 году гетман Иван Самойлович, недовольный сближением России и Польши, обличается русским правительством в изменнических связях с татарами и, признанный виновником неудачного Крымского похода, свергается. Дав взятку в 10 тысяч рублей фавориту Софьи В. В. Голицыну, гетманской булавой овладевает Иван Мазепа.

Так что у Петра, представлявшего точку зрения России, были все основания сказать в 1723 году в ответ на просьбы украинцев разрешить выбрать нового гетмана на смену умершему И. Скоропадскому: «Понеже всем есть известно, что от времени Богдана Хмельницкого, которой пришел в подданство блаженныя памяти отцу нашему, даже до покойного Скоропатского, все гетманы являлись изменниками и какое великое бедство государство наше терпело, а наипаче Малая Росия от того». Но надо при этом отметить, что царь не совсем точен: после Переяславской рады 1654 года Богдан Хмельницкий возобновил союз с враждебным России Крымом и вступил в переговоры о протекторате со шведским королем Карлом X, несмотря на решительные требования России прервать отношения со Швецией, воевавшей тогда с Россией.

Основная причина этих «измен» состояла, конечно, не в личностях гетманов или свойствах национального характера украинцев, а в особенностях политического и социально-экономическо-

го развития Украины в рамках Российского государства. За сто лет после знаменательной Переяславской рады Украина проделала путь от «Статей Богдана Хмельницкого», в которых закреплялась уникальная политическая система, включавшая многие элементы демократического устройства и широкой автономии, к фактической ликвидации автономии и гетманства, к превращению страны в обыкновенную губернию Российской империи, населенную помещиками и крепостными крестьянами. Подчинение Украины самодержавной и крепостнической России не было процессом гладким и безболезненным. Время, о котором мы говорим, – часть этого исторического пути Украины.

В годы царствования Петра произошло немало событий, которые вполне соответствуют проявившимся ранее процессам. Петр с присущим ему деспотизмом, к тому же в спешке войны, мало считался с особенностями политического устройства Украины, видя в гетмане лишь привилегированного подданного, послушного исполнителя своей воли. Распоряжаясь материальными и людскими ресурсами Украины согласно задачам, которые он решал в ходе войны со шведами, царь не задумывался над тем, соответствуют ли эти задачи интересам украинского народа. Нельзя при этом забывать, что Украина имела в это время таких опасных соседей, как крымский хан, турецкий султан и Речь Посполитая, в борьбе с которыми украинский народ нередко истекал кровью. Тяжелыми, вызывающими недовольство были и многочисленные крепостные работы, рытье каналов, постои и повинности, связанные с содержанием и движением по Украине войск. В одном из писем Головкину в декабре 1706 года осторожный Мазепа писал: «На Украине у нас, слава Господу Богу, все тихо и тихомирно, отчасти токмо между народом роптание происходит с обиды и разорения от войск великороссийских». Оскорбляло национальные чувства украинских казаков и зачастую бесцеремонное обращение с ними чиновников и офицеров – как русских, так и иностранцев на русской службе. Попытки Паткуля муштровать вольных казаков на манер рекрутов в «немецком» строю, бесцеремонное поведение всесильного фаворита Меншикова, пытавшегося помыкать старшиной и даже подчинить себе гетмана, – все это порождало недовольство и рядового казачества, и старшины, и самого гетмана.

Было еще несколько обстоятельств, оказавших серьезное влияние на ситуацию 1708 года. Как известно, Правобережная Украина, находившаяся под властью Польши, в 1680-х годах начала борьбу за воссоединение с Левобережьем под эгидой России. Во главе движения встали С. Палей-Гурко, Самусь, Искра и другие, превратившие его фактически в народную войну. Захватив глав-

ные центры Правобережья – Белую Церковь и Немиров, – повстанцы много раз обращались за помощью и к Мазепе, и к Петру. Однако царь, исходя из своих интересов, поддерживал тесные сношения с Польшей и поэтому запрещал Мазепе помогать восставшим. Русский посол в Польше Григорий Долгорукий писал в декабре 1702 года Ф. А. Головину: «Извольте приложить свои труды к польским непотребным бунтам, сколько возможно, чтоб чрез гетмана Мазепу показать полякам, что их польское зло его царскому величеству непотребно».

На этом основании русское правительство требовало от Мазепы склонить восставших к капитуляции перед поляками. В марте 1703 года, отвечая на очередной указ царя по этому поводу, Мазепа писал: «Не могу брать на душу греха, чтобы приветными уверениями склонять Палея, Самуся и Искру к послушанию, а потом отдать их полякам в неволю. Не могу заверять их, что они останутся целы и невредимы, как в своем здоровье, так и в пожитках. Поляки не только над козаками, но и над всем русским народом, находящимся у них под властию, поступают по-тирански. Это показали недавние дела их в Поднестровщине и в Побужье, где они, отмщая за бывший мятеж народный, многих казнили, иных вешали, других бросали на гвозди или сажали на кол». В 1703—1704 годах поляки потопили восстание в крови, а Палей был захвачен опасавшимся его влияния и популярности Мазепой и сослан в Сибирь. Представители Речи Посполитой и в Биржах в 1701 году, и позже неоднократно требовали передачи им Белой Церкви и закрепления Правобережья за Польшей. В 1707 году, когда Карл перешел в решительное наступление, Петр в Жолкиеве дал полякам согласие на закрепление раздела Украины. Это, конечно, шло вразрез с интересами украинцев, ибо Днепр для них был не границей, отделяющей одну Украину от другой, а ее становым хребтом. При этом судьба Правобережья решалась без всякого участия украинцев и Мазепы, который, всегда послушный воле царя, робко пытался смягчить условия фактической капитуляции Правобережья. В письме канцлеру Головкину 23 октября 1707 года он писал: «Конечно, всякая вещь приватная должна уступать общей пользе. Нам трудно знать внутренние намерения великого государя, по которым он, ради союза с Польшею, готов ей делать такую уступку, но мы не ожидаем никакого добра от поляков в близком с ними соседстве. Если уж такова воля великого монарха, что отдавать в польскую область Белую Церковь и другие украинские места, то, по крайней мере, пусть бы министры царского величества с министрами польскими утвердили и постановили, чтобы поляки не интересовались городами и местами, находящимися близко Днепра, – Каневом, Черка-

сами, Чигириным и прочими…» Чуть позже, в 1713 году, Правобережье было все-таки отдано полякам. Раскол Украины был закреплен, и влияние его отразилось на всей последующей украинской истории.

Другое обстоятельство касалось процессов, происходивших в самой «гетманщине» – Левобережной Украине. В условиях военного времени и реформ, усиливших централизацию и самодержавную власть царя, в кругах украинской старшины возникли серьезные опасения, что Петр, реформатор России, не остановившийся перед уничтожением патриаршества, не остановится и перед ликвидацией гетманства, что коренным образом изменит политическую структуру Украины. Наглядный пример Слободской Украины – Южной России, где казачьи полки полностью зависели от местной администрации, – был всегда перед глазами. Оснований для таких опасений было достаточно. Как писал, обобщая известные факты, Н. И. Костомаров, «дело шло о переменах в козацком строе управления гетманщины, к этому действительно стремился Петр, хотевший переделать все свое государство на новый лад». Царь до сих пор не трогал малороссийских порядков только из уважения к советам Мазепы, который находил несвоевременным касаться в этом отношении гетманщины, хотя в принципе всегда заявлял пред царем одобрение его преобразовательным планам, чем и поддерживал к себе расположение Петра. Примечательно в этом смысле и одно из писем канцлера Головкина Мазепе: «Зело потребно, чтоб ваше сиятельство с полками регименгу своего походом своим ускорил и с нами, как возможно, случится, ибо мы еще не обычны как с народом малороссийским обходиться, хотя всячески оный охраняем».

Все эти проблемы, опасения и тревоги во сто крат обострились, когда Украина стала ареной войны, когда казалось, что отступающая русская армия вот-вот покинет Украину. Не случайно в письме старшине после перехода к Карлу Мазепа писал: «А между тем бессильная и невоинственная московская рать, бегающая от непобедимых войск шведских, спасается только истреблением наших селений и захватыванием наших городов».

Полтавское сражение 1709 года, резко повернувшее колесо истории, часто затмевает нам предполтавские события, мешает адекватному восприятию поведения людей того времени. Ситуация была неясная, Петр был готов к худшему – Москва поспешно укреплялась, минировались прибалтийские крепости. Наверно, многие на Украине, и прежде всего Мазепа, задавали себе вопрос: а что произойдет, если Петр покинет Украину или командующий русской армией Б. П. Шереметев окажется в отчаянном положении своего предка В. П. Шереметева, капитулировавшего в 1660

году под Чудновом?

А между тем Мазепе было чего опасаться в случае поражения Петра, ибо гетман всегда был послушнейшим слугой царя, издавна положившим в основу своего поведения принцип: «Где его царскому величеству угодно будет меня держать, там нехай и буду». Такая позиция, ставшая вообще характерной для старшины со времен Самойловича, вызывала недовольство казачества. Вот один из многих примеров.

В 1705 году Петр выдал Мазепе для казни сотника Киевского полка Мандрика, говорившего то, о чем знали и что обсуждали все. Местный городовой атаман донес, что этот сотник, едучи с ним на одной повозке, говорил: «Не буде у нас на Украине добра, поки сей гетман живый буде, бо сей гетман – одно з царем розумеет; царь на Москве своих губит и в ссылку засылает, а гетман розными способами до умаления Украину приводит и теперь, як сам слышишь, скилька добрых молодцов без всякой помочи и надежды пропало, для того-то он часто на Москву бегае, щоб там науку брать, яким то способом сей народ сгубити».

Вряд ли несчастный сотник когда-либо читал письма в Москву, в которых старый гетман сам поучал Петра, как владеть Украиной: «Пусть Великий государь не слишком дает веру малороссийскому народу (чуть выше он писал: „наш народ глуп и непостоянен“. – *Е.* А.), пусть изволит, не отлагая, прислать в Украину доброе войско из солдат храбрых и обученных, чтоб держать народ малороссийский в послушании и верном подданстве. Нужно, однако, с нашим народом обращаться человеколюбиво и ласково, потому что *если такой свободолюбивый, но простой народ озлобить, то уже потом трудно будет суровостью приводить его к верности.* Я, гетман и кавалер, хочу служить верно до конца живота моего Его царскому пресветлому величеству, как обещал перед святым евангелием и непрестанно пекусь о содержании Украины без поколебания…»

Полтавский бой. С гравюры А. Шхонебека.

В 1707—1708 годах наступил военный и политический кризис, и Мазепа, учитывая все обстоятельства, понимал, что в случае поражения Петра для него, ставленника царя, придут последние дни. Эти соображения и привели гетмана к мысли об измене Петру. Вступив в контакт со Станиславом I, Мазепа связался затем и со шведским королем. Наконец, в конце октября 1708 года, он, боясь разоблачения, решается бежать к Карлу. Однако поднять Украину ему не удается. Для этого были как частные, так и общие причины. Выступление Мазепы оказалось совершенно неподготовленным. Опасаясь подозрений царя, он выслал без возражений большую часть своих войск на другие участки военных действий – в Белоруссию – и тем практически обезоружил себя. Вот почему он перешел к шведам всего с четырьмя тысячами сабель, то есть с теми, что у него тогда были. Лишь много позже к нему присоединились запорожцы, и его силы выросли до десяти тысяч сабель. Необходимо отдать должное и Петру, проявившему в этот момент удивительную волю, целеустремленность, собранность. Он тотчас же принял два решения, имевших огромные последствия. Главное, по мысли Петра, – предотвратить расширение бунта и переход на сторону Мазепы украинской армии, находившейся в Белоруссии, и, кроме того, избрать нового гетмана. Обо всем этом Петр тотчас написал Меншикову: «Письмо ваше о нечаянном никогда злом случае измены гетманской мы получили с великим удивлением (еще бы, за два месяца до этого Петр дал

Мазепе особую грамоту, в которой писал: „…обнадеживаем тебя, верного подданного нашего, гетмана и кавалера, что мы, великий государь, наше царское величество, как прежде, так и ныне, за непоколебимую верность твою верного подданного нашего к нам, великому государю, никогда в милости не оставим и верить никаким клеветникам…“ – *Е.* А.). И ныне надлежит трудитца, как бы тому злу забежать и дабы не допустить войску казацкому, при Десне бывшему, переправливаться за реку по прелести гетманской. Того ради, пошли немедленно к тем местам, где они, несколько полков драгун, которые бы то им помешали. А полковникам и старшине вели, сколько возможно, ласково призвать и говорить им, чтоб они тотчас ехали сюды для обрания нового гетмана. И буде полковник Миргородцкой где в близости обретаетца, то прикажи ево, сыскав, к нам прислать, обнадежа ево милостию нашею, потому, что он великой неприятель был Мазепе. Також и вы немедленно приезжайте».

В тот же день особым указом с украинского народа были сняты налоги и повинности военного времени, якобы назначенные в свою пользу Мазепой. Через четыре дня после получения известия об измене Мазепы городок Батурин – резиденция Мазепы – был взят, сожжен, а часть жителей вырезана. 7 ноября старшина, собранная по указу Петра в Глухове, выбрала в гетманы указанного царем кандидата – Ивана Скоропадского. 8 ноября Мазепе было объявлено церковное проклятье. 10 ноября его ближайшие сподвижники, захваченные в Батурине, были публично казнены. Позже была разгромлена примкнувшая к Мазепе Сечь. Но все же главная причина того, что восстания не произошло, состояла в том, что к этому времени демократический строй казацкой республики выродился, старшина уже давно превратилась в привилегированное сословие, наделенное землями, богатством, властью, оторванное от широких масс казачества и крестьянства. Мазепа не был популярен в народной среде, как когда-то Богдан Хмельницкий или Семен Палей. До своего бегства к шведам он ничего не сделал, чтобы сплотить, повести за собой народ, который жил уже полстолетия в составе России и, устрашенный расправой с Батурином, угрозами царских манифестов, ужасами войны, не доверяющий неведомо откуда появившемуся жестокому заморскому завоевателю, молчал в ответ на призывы экс-гетмана. Все это позволило Петру написать в одном из писем об Украине: «Сей край как был, так и есть», хотя чувство недоверия к старшине и новому гетману оставалось у него очень сильным. Приняв решение о генеральном сражении под Полтавой, Петр сообщил об этом всем воинским начальникам, кроме гетмана Скоропадского, чтобы «не пронеслось», то есть не было утечки

информации. Позже, уже после Полтавы, к гетману был приставлен ближний стольник А. П. Измайлов, в указе которому поручалось: «Будучи при гетмане Скоропадском, смотреть накрепко, чтоб как в нем, гетмане, так и в старшине, и в полковниках никакой шатости к измене и к возмущению народа, также и подсылок к ним с турской, с татарской, с польской, с швецкой сторон и от изменника Мазепы и от единомышленников его и от изменников же донских казаков и тем подобным для склонения их к такой же измене не было. И розведать того накрепко всякими способы. И буде о том подлинно уведает, и то престерегать, и до того не допускать, для чего под командою его велено быть пехотным полкам, которые преж сего при прежнем гетмане до измены его были».

Однако вернемся к осени 1708 года. Тогда звезда Карла стояла очень высоко, и Мазепе казалось, что не все потеряно. Поэтому он убедил короля не уходить на зиму с Украины, обещая поднять ее население против русского владычества. Однако там шведов ожидали не теплые зимние квартиры, а разоренные перед их приходом деревни и укрепленные городки, которые приходилось брать с большими жертвами.

В это время Петр вновь попытался вступить со шведами в переговоры, ставя прежние умеренные условия: Ингрия с Петербургом и Нарва за уплату значительной компенсации. Однако Карл речей о мире слушать не желал, он рвался в бой, рискуя жизнью, участвовал в мелких стычках, которые ему непрерывно навязывались русским командованием.

Силы шведов таяли. К мирному населению Украины Карл был так же жесток и неумолим: тяжелые поборы, штрафы, телесные наказания, при сопротивлении население городков и деревень поголовно вырезалось. Соответственно росло и партизанское движение против шведов. В декабре 1708 года Мазепа, увидев, что его положение шатко, а украинцы играют роль подручных шведов и те с ними не считаются, решился переметнуться назад. Приехавший от него полковник Апостол сообщил, что Мазепа готов искупить вину и надеется получить прощение, выдав при удобном случае Карла головой. Предложение было принято, но связь с Мазепой прервалась.

Весной 1709 года силы шведов были сосредоточены в районе Полтавы, к осаде которой они приступили в начале мая. Взятие Полтавы обеспечивало Карлу сильный опорный пункт на Левобережье, открывало дорогу на Харьков и Белгород, а также Крым и Очаков, хотя не лишена основания и мысль, что Карл надеялся осадой Полтавы заставить Петра вступить в сражение в открытом поле – в надежде на несомненную победу.

Расчет оказался верным. После семинедельной осады комендант Полтавы А. С. Келин сообщил Петру, что обороняющиеся находятся на пределе сил и возможностей. Петр не мог допустить сдачи Полтавы. Он приказал Келину держаться до подхода основной армии – желание Карла стало и его желанием. 8 июня он писал Г. Ф. Долгорукому: «Объявляем вам, что мы здесь намерены неприятеля всеми силами атаковать с Божиею помощью и в то время надлежит вам також со всеми конными войсками регулярными и нерегулярными в другую сторону напасть и потщиться добрую диверсию и ущерб, по возможности, неприятелю учинить».

Полтавская битва. 1714 г. А. Ф. Зубов.

20 июня 1709 года русская армия форсировала реку Ворсклу и встала в нескольких верстах от Полтавы. За спиной у нее был крутой берег реки, справа – глубокая лощина, слева – густой лес. Войска возвели укрепленный лагерь, перед ними тянулось довольно узкое поле, выходящее к Полтаве. Поперек этого поля Петр приказал возвести несколько земляных укреплений – редутов, огня которых миновать при подходе к лагерю было невозможно.

В короткую ночь с 26 на 27 июня 1709 года шведская армия вышла из лагеря в поле и построилась в боевом порядке. Раненного в стычке незадолго перед этим короля вынесли на носилках,

и армия приветствовала его. Главнокомандующий фельдмаршал Реншильд, повинуясь приказу короля, дал команду о наступлении. Шведы четырьмя колоннами двинулись вперед.

Это был исторический момент. На поле боя вышла одна из лучших в тогдашней Европе армий, не утратившая со времен Густава-Адольфа своих прекрасных боевых качеств, всего того, что выгодно отличает национальную армию, укомплектованную из свободного крестьянства, от армии наемников, которые, впрочем, тоже были в армии Карла. Во главе 30 тысяч солдат, прошедших горнило девятилетней войны, стояли опытные офицеры. Лучшие шведские генералы – Реншильд, Стенбок, Левенгаупт, Розен, Горн, Фиельд, Спар, принц Виртембергский, Гамильтон, Штакельберг – были в тот день на Полтавском поле. Наконец, во главе армии стоял великий полководец – король, не ведавший до сего дня поражений.

Можно представить себе волнение Петра. Он не любил генеральных сражений, знал, как часто в них волею случая решается судьба кампании, войны, страны. В декабре 1708 года он писал Ф. М. Апраксину: «…не чаю, чтоб без генеральной баталии сия зима прошла (понеже к весне не без опасения есть), а сия игра в Божьих руках, и хто ведает, кому счастье будет?..»

Вместе с тем он понимал, что иного пути, как через поле генерального сражения, нет, – таковы обстоятельства, таков противник. И уже в конце 1708 года Петр был готов к такой битве. Он учитывал, что русская армия после Головчина, Доброго, Лесной получила достаточный боевой опыт, что противник изрядно потрепан в ходе маневрирования и постоянных стычек на Украине, что прежнюю тактику борьбы на переправах применять теперь будет невозможно. Наконец, он опасался, что к весне на помощь королю придет из Померании корпус генерала Красау и армия Станислава I. В письме членам военного совета он излагает необходимость изменения тактики и поиска сражения: «Понеже всегда советовано удалятися от генеральной баталии, что и чинено чрез все лето, чуствительно же великой урон неприятелю учинен. Ныне же по всем видом едва или и весьма невозможно без генеральной баталии обойтитца при наступающей зимы, где ни рек, ни болот не будет, но фсе глатка. Також совершенно есть, что Красоф и Станислаф с поляки идут в случение к шведу. Того ради, подобает прежде, нежели случатца сии и усилят неприятеля, обмыслить, что делать, ибо конечно неотложно надлежит сею зимою, взяф Бога в помощь, что-нибудь генерально учинить, не допуская весны, ибо тогда худова, а не лучшего ждать. Для того ныне проситца совету на сие…»

Вряд ли целесообразно детально описывать знаменитое сражение, прославленное пером Пушкина. Уже на второй странице читатель, не имеющий специальной подготовки, запутывается в подробностях того, кто куда пошел и где что сделал. Подозреваю, что и не всякий автор, подробно воспроизводящий на бумаге все фазы боя, сам в состоянии все запомнить и без запинки повторить. Поэтому обратимся к письму Петра, написанному сразу же после сражения Ф. Ю. Ромодановскому. В нем царь излагает ход сражения и его результаты: «Доносим вам о зело превеликой и нечаемой виктории, которую Господь Бог нам чрез неописанную храбрость наших солдат даровати изволил с малою войск наших кровию таковым образом. Сего дни, на самом утре, жаркий неприятель нашу конницу со всею армеею конною и пешею атаковал, которая, хотя по достоинству держалась, однакож, принуждена была уступить, токмо с великим убытком неприятелю. Потом неприятель стал во фрунт против нашего лагеру, против которого тотчас всю пехоту ис транжамента (укрепления. – *Е.* А.) вывели и пред очи неприятелю поставили, а конница на обеих фланках. Что неприятель, увидя, тотчас пошел отаковать нас, против которого наши встречю пошли, и тако оного встретили, что тотчас с поля збили. Знамен, пушек множество взяли… (далее Петр перечисляет пленных генералов. – *Е.А.)И* единым словом сказать: вся неприятельская армея Фаэтонов конец восприяла (а о короле еще не можем ведать, с нами ль или с отцы нашими обретается)…».

К этому нужно добавить, что шведы, начавшие сражение, сразу же были вынуждены решать проблемы, которые им навязывал Петр. Вначале это было упомянутое Петром кавалерийское столкновение, затем, отогнав кавалерию Меншикова, шведам надо было преодолевать находившиеся непосредственно перед центром их наступающих сил редуты, обороняемые русской пехотой. О редутах из-за плохой разведки шведы даже не знали и поначалу приняли их за основные силы русских. Преодоление редутов, из которых велся перекрестный огонь, потребовало от шведов довольно сложных маневров, при которых одна из их колонн оторвалась от основных сил и была уничтожена кавалерией Меншикова. Затем наступавшие полки Левенгаупта попали под огонь русской артиллерии у лагеря. Вообще артиллерия в сражении сыграла важную роль (при полном ее отсутствии у шведов). Можно сказать, что сражение прошло под гул сотни русских орудий, которые на всех этапах боя наносили противнику большие потери. Все это замедлило наступление шведов и позволило Петру беспрепятственно вывести армию из укрепленного лагеря. Выйдя в поле, она, согласно линейной тактике, построилась побатальонно в две линии. При этом она имела численное превосходство (32

тысячи против 20 тысяч шведов).

Войска были построены Петром необычно – вторая линия батальонов находилась на значительном удалении от первой, вне досягаемости огня противника. Это создавало опасный разрыв в построении, но позволяло избежать лишних потерь. В решающий момент свежие батальоны сыграли свою роль. С началом общего сражения шведы стремительно атаковали дивизию Репнина и прорвали первую линию, опрокинув один из батальонов. Петр, внимательно наблюдавший за боем, принял команду над стоявшим во второй линии свежим батальоном и немедленно повел его к месту прорыва. Здесь начался упорный рукопашный бой, вскоре распространившийся вдоль всей линии. Наступила кульминация сражения. Русские батальоны первой линии выдержали удар, а затем перешли в наступление.

Остановимся на минуту. В трех последних столетиях судьба страны решалась в трех генеральных сражениях: под Полтавой, Бородином и в Сталинграде. И, несмотря на колоссальные различия этих сражений, в них есть что-то неуловимо общее – инициатива у противника, ведущего наступление, и в кульминационный момент битвы судьбу сражения решает стойкость русского солдата, способного выдержать колоссальное давление и не дрогнуть.

Так произошло и на Полтавском поле. Давление продолжалось не более двух часов, и шведы, опасаясь охвата с флангов, начали отступать. В «Журнале» Петра об этом говорится таким образом: «…и тако о 9 часу пред полуднем генеральная баталия началась прежде между нашего леваго, а неприятельского праваго крыл, а потом и во весь фрунт обеих войск, в которой хотя и зело жестоко во огне оба войска бились, однакож то все далее двух часов не продолжалось, ибо непобедимые господа шведы скоро хребет показали и от наших войск с такою храбростию вся неприятельская армия (с малым уроном наших войск, еже наивящще удивительно есть), кавалерия и инфантерия весьма опровергнута, так что шведское войско ни единожды потом не остановилось, но без остановки от наших шпагами и байонетами колоты и даже до обретающагося леса, где оные пред баталиею строились, гнали…»

Дальше леса русские войска не преследовали неприятеля, и «по окончании сего щастливаго бою государь обедал в обозе своем в палатках или шатрах и при том все наши генералы, штапы и обер-офицеры, такожде и шведские пленные генералы были; во время той баталии первый шведский министр граф Пипер, увидя, что ему спастися не возможно, сам приехал к Полтаву купно с секретарями королевскими Цедергельмом и Дибеном, и потом он, Пипер, приведен был в помянутую же ставку к государю, и с

протчими пленниками трактован тут же за столом, где сидел шведский фельдмаршал Рейншильд и протчие генералы. Между тем же государь, выхваляя мужество и храбрость фельдмаршала Рейншильда в воинских делах, пожаловал ему шпагу свою и позволил ее носить. Того же числа в вечеру за достальным неприятелем вслед посланы генерал-порутчик и полковник от гвардии князь Голицын с гвардиею, да генерал-порутчик Боур с драгунскими полками, назавтра ж в 28 день июня князь Меншиков туда же послан».

Анализируя ситуацию, многие исследователи недоумевают: почему Петр сразу же не начал преследование противника? Это становится понятным, если вспомнить, что, создавая регулярную армию, Петр был последовательным сторонником линейной тактики. Согласно ее принципам, главная задача армии в сражении – сбить противника с поля боя, «занять боевое место». Покидать же границы поля боя для преследования противника не рекомендовалось из-за угрозы сломать построение пехоты, смешать войска в дефилеях и потерять над ними управление. К этому нужно прибавить, что сражению предшествовала бессонная ночь, а затем страшное напряжение битвы сменилось смертельной усталостью людей и животных. Не случайно в «Обстоятельной реляции» о битве было сказано, что конница преследовала шведов не более полутора миль (то есть около 10 км. – *Е.* А.), «а именно, пока лошади ради утомления итти могли». Сам же Петр писал И. А. Мусину-Пушкину 13 августа 1709 года: «Я от полтавской игрушки здесь с лишком две недели был болен, но ныне, слава Богу, оздравел…» Нет никаких оснований подозревать Петра в несочувствии древним традициям (и естественному желанию прошедших сквозь смерть и огонь людей) отмечать победу чаркой водки сразу же на поле боя. Не исключено (заметим в качестве шутки), что именно во время этого застолья, на котором Петр так великодушно «трактовал» своих пленников – «учителей», возникла идея найти и пригласить за импровизированный земляной стол самого главного «учителя» – короля Карла, для чего послали Голицына, Боура, а потом Меншикова. Следует отметить, что Карл повел себя тоже по-джентльменски, поздравив Петра с победой, но попытался при этом схитрить и задержать преследователей. В «Журнале» Петра есть одна любопытная запись: «В 28 день приехал в Полтаву шведский генерал-майор Мейерфельд от короля шведскаго под видом некотораго будто комплимента, только за благо рассудили его задержать и поставить с другими пленниками, ибо он от короля не токмо кредитиву, но и паспорта не имел». А вот что пишет об этом эпизоде Д. Крман – очевидец Полтавского сражения: «Король Карл, вряд ли когда-либо испуганный такой

большой опасностью и несколько взбешенный, помог себе хитростью, послав к царскому величеству генерала Мейерфельда, чтобы тот похвалил бы от имени своего короля мужество царя, то, что он вынудил короля начать битву и занял поле сражения, и одновременно попросил бы милостивого разрешения похоронить погибших в бою, а также составить список пленных и убитых. В действительности же он поехал с той целью, чтобы привести в растерянность победителя и подольше задержать его, находящегося под впечатлением неожиданной победы, от преследования побежденных. Король Карл не обманулся в своих ожиданиях, ибо царь, сияя от радости и удовлетворения достигнутой победой, встретил генерала Мейерфельда залпом из нескольких пушек и обратился к нему, допущенному перед его очи, так: „Что это происходит?! До этого, намереваясь вступить в Полтаву, вы не смогли этого сделать, сегодня вы нехотя вступаете?!“ – „Происходит это, – отвечал генерал Мейерфельд, – из-за неизбежности судьбы и непостоянства счастья и прежде всего из-за воли всевидящего Бога“. После этого он угостил Мейерфельда богатым обедом и удовлетворил его просьбы. Но неожиданно он задержал его при себе на много дней и отпустил от себя при данном им обещании: или он сам возвратится в тюрьму, или же вместо себя пошлет другого (пленного русского. – Е. А.) генерала…» Мейерфельд сдержал данное слово. Прибыв в Стокгольм, он добился освобождения и отправки в Россию пленного русского генерала И. И. Бутурлина.

30 июня, совершив утомительнейший переход, кавалерия М. М. Голицына настигла у Переволочны шведов, но «пригласить» короля к царю уже не смогла. Карл с кучкой приближенных, драбантов – охраной и с Мазепой переправился на правый берег Днепра, и нерасторопный генерал Волконский с драгунами уже не смог его догнать, чем был очень недоволен прибывший к Переволочне Петр. Он приехал тогда, когда шведские войска уже сдались. Этот удивительный факт, когда 16-тысячная армия сложила оружие перед девятитысячным отрядом кавалерии, не дает покоя историкам многих поколений. По-видимому, на подобное решение командующего Левенгаупта, имевшего от короля указ отступать в сторону Крыма, повлияло немало неблагоприятных факторов: трехдневное бегство по голой степи, недостаток боеприпасов, продовольствия, отсутствие средств для переправы через двухкилометровой ширины Днепр и, наконец, общая деморализация и апатия войск, потерпевших полное поражение и поэтому легко поддавшихся на военную хитрость Голицына, издали демонстрировавшего противнику «пехоту» из спешенных наездников и «конницу» из лошадей.

Вообще, и в сражении, и после него шведы допустили массу ошибок, стали жертвой избранной ими стратегии и тактики в этой войне. Петр, как он ни был упоен победой, напряженно думал над обстоятельствами битвы и причинами поражения такого сильного противника, как шведский король. Левенгаупт вспоминает, что после капитуляции его пригласили на обед, он сидел за одним столом с царем, и тот его расспрашивал о различных эпизодах войны, в том числе о Риге, которую, как стало потом известно, Петр хотел осаждать в ближайшее время. Но потом «он больше ничего не спрашивал о Риге, но спросил, почему мы с армией столь далеко углубились, не прикрыв тыла? и почему наш король не держал военного совета? с какой целью шел он под Полтаву? почему мы атаковали русских в том месте, где наше положение было наиболее тяжелым? почему в деле мы не использовали пушек? почему после первого натиска мы отступили влево и столь долго стояли на месте? и почему пехота и кавалерия не встретились на сходящихся направлениях? Мы не могли ответить на эти вопросы более того, что знали, ведь с нами ни о чем не советовались, тогда он посмотрел на графа Головкина и господина Шафирова, который переводил его речь на немецкий, сказав, что он весьма удивлен, как это генералы ничего не знают…». Только анализируя эти вопросы, военные историки, исходя из известного выражения Пушкина «следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная», могли бы многое понять. Но даже и непрофессионалу ясно, что Петр поступал бы иначе, предпринимая такой поход и вступая в такое сражение. Но человек не может знать своей судьбы, и прошло лишь два года, как Петр, оказавшись на Пруте в тяжелейшем положении, повторил многие ошибки своего противника.

А пока победители подсчитывали трофеи. Кроме почти 19 тысяч пленных на поле боя было подобрано много оружия, знамен. Свыше девяти тысяч шведов были похоронены под Полтавой.

Потери русских, если верить «Журналу», были сравнительно незначительны – 1345 убитых и 3290 раненых. Петр был в восторге от победы, которую, верный присущему ему чувству реализма, назвал в цитируемом письме «зело превеликой и нечаемой викторией».

И еще один вопрос: чтобы было бы, если бы Полтавское сражение было проиграно армией Петра? Некоторые свидетельства с несомненностью говорят, что он в случае катастрофы намеревался продолжить борьбу. Возможно, он во имя этого готов был временно оставить Прибалтику. Так нужно интерпретировать письмо Петра Ф. М. Апраксину из Лебедина 3 декабря 1708 года, в котором он писал, что судьба генерального сражения в руках Бога

и «хто ведает, кому счастье будет?». А далее он дает распоряжение о полках, находившихся в Прибалтике: «...того ради для всякаго случая удобно я рассудил: сим полкам всем быть к Москве (которое место полдороге меж нами и Питербурхом), и потом увидим, куды удобнее к весне оных поворотить, ибо здесь в генваре все окажется», то есть произойдет генеральная битва.

Перелом: от Полтавы до Гангута

В истории России XVIII века, пожалуй, ни одна военная победа не принесла столь богатые плоды, как Полтавская. Петр сумел оптимально использовать победу на Украине, перехватив инициативу – и военную, и дипломатическую. В первые послеполтавские дни он сформулировал и начал решать несколько важнейших задач, одной из которых было восстановление Северного союза. Прежде всего следовало вернуть трон Августу и изгнать из Польши Станислава. 8 июля 1709 года Петр послал Августу письмо, в котором призвал его начать активные действия «без потеряния времени» и обещал уже в середине июля выступить в Польшу «для совершения наших общих интересов». Оперативность поразительная! Она была основана на четкой оценке обстановки, а также на том, что армия действительно не была обескровлена в ходе Полтавского сражения и могла после отдыха идти прямо в Польшу, что и было сделано.

Но, прежде чем отправиться в Польшу, царь попытался по горячим следам договориться о мире со шведами. Генерал И. А. Мейерфельд и плененный под Полтавой королевский секретарь И. Цедергельм повезли в Стокгольм новые условия Петра: царь готов заключить мир, если Швеция уступит России Ингрию, Карелию и передаст ей Выборг. Петр предлагал шведам принять это предложение России, пока в войну не ввязались, воспользовавшись ослаблением Швеции после Полтавы, ее прежние противники —

Дания и Саксония. В обращении Петра к шведскому народу было сказано так: «Названному секретарю тогда же было разъяснено, как были раздражены шведами их величества короли Польши и Дании и что они, вне всякого сомнения, не преминули бы отомстить, почему, напротив, – если бы был налажен добрый мир – нельзя было бы упустить время для приступа к делу до того, как упомянутые державы вошли бы с нами в союз и соединились с нами. Мы, конечно, надеялись, что вышеупомянутый король (Карл. – *Е.А.),* ввиду всему миру известного несчастного положения своего, признает умеренность и скромность наших требований и будет склонен проявить подобную же христианскую и ис-

креннюю склонность к миру с нами… Но как мало отзвука со стороны короля и шведского Сената получили эти наши достохвальные замыслы!»

В этом отрывке пропагандистской листовки нет ни слова лжи. Петр был в тот момент действительно готов поступиться интересами своих неверных союзников ради заключения мира с попавшим в затруднение королем на вполне приемлемых для сторон условиях. Дипломатический расчет был точен, и Петр был уверен в успехе. 13 августа 1709 года он писал Ф. М. Апраксину: «…секретарь королевской Цедергельм о всем том послан от нас в Стакгольм чрез Ригу, которой конечное привезет решение. Також чаю, что за нынешним случаем (Полтавской победой. – *Е.* А), *с* помощию Божиею учиненным сами станут за нами ходить».

Однако, упоенный победой, Петр на время забыл, с кем имеет дело. Карл, сидя в это время под Бендерами, «ходить» ни за кем не хотел и отказался от всяких переговоров с Петром, заявив даже, что он соберет вторую армию вместо погибшей под Полтавой. Узнав об этом, Петр и подписал процитированное выше воззвание к шведскому народу, предрекая ему неизбежные в будущем несчастья, после чего выехал в Польшу на свидание с Августом.

Петр, может быть как никто другой, понял роль Полтавы как переломного события в истории этой войны. После Полтавы у него окончательно оформилась генеральная идея, концепция дальнейшего хода войны. Суть ее состояла в намерении покончить с существованием Шведской империи, разделить ее владения между возможными в этой ситуации союзниками с условием сохранения при этом решающей роли России. В наказе князю Б. И. Куракину, 23 октября 1709 года отправлявшемуся в германское курфюршество Ганновер на переговоры с курфюрстом Георгом-Людвигом, была выражена, может быть, не совсем ясная по форме, но четкая по содержанию мысль о судьбе Шведской империи после Полтавы:

«И ежели они (ганноверцы. – *Е.А.)* по правости своей интерес гораздо разсмотрят, то им сей ближней сосед, король шведцкой, ради Бремена и Фердена (владения шведов в Северной Германии: города Бремен и Верден. – *Е.* А.), всегда может быть опасен, ибо их шведское ненасытие к разпространению своей власти уже всем соседем со убытком их известно. И понеже его царское величество, как для своей собственной пользы, так и для протчих с шведом соседственных областей безопаствия причину имеет, по получении такой счастливой виктории против короля шведцкого мыслит, как бы мог и напередки силу его тако обуздать, дабы в прежних и надлежащих своих терминах мог быть содержан, как Российскому, так и Римскому империю и иным соседственным

не мог вредить, как прежде чинил».

И далее, по плану Петра, к союзу необходимо подключить прусского короля, который должен был действовать вместе с польским и датским королями, «а шведцкие силы в Лифляндах и Финляндах будут от его царского величества войск развращение иметь, а в Шонине (Сконе. – *Е.А.)* и Норвегии – от датцкого. Итако могут они то дело лехко и вскоре при помощи Божий окончать и, получа всяк свое намерение, принудить шведа к миру. А к содержанию своих завоеванных мест могут они в предбудущее время учинить гарантийной трактат».

Идею раздела Шведской империи Петр после Полтавы стал последовательно проводить в жизнь. Но сначала, в октябре 1709 года, было свидание в Торне (Торунь) с Августом. Это уже не была встреча старых друзей после долгой, вынужденной разлуки. Петр не забыл Альтранштадт. Наблюдательный Куракин, при том присутствовавший, писал: «Кратко опишу, что сия бытность обоих потентатов вельми удивила, какою низостью и почтением и без всякой отмолвки во всем послушностью был король Август к царскому величеству так, яко бы поданному». Да, Петр уже диктовал условия, одним из которых было утверждение на важнейших постах в правительстве короля сторонников России. 9 октября в Торне был заключен договор, по которому царь обещал Августу вернуть польский трон, а тот, в свою очередь, должен был начать борьбу с противниками России в Польше. В секретной статье договора предусматривалось, что Августу будет передана Лифляндия, а Россия могла, «сверх прежде сего завоеванных мест, провинцию Эстлянскую удержати, в чем оба их величества согласились». Так, под воздействием реальности, Август уступил России Эстляндию. Это противоречило Преображенскому договору 1699 года. Но, как показали дальнейшие события, Петр не намеревался выполнять и условий Торнского соглашения, нарушив их через несколько месяцев при взятии Риги, о чем пойдет речь дальше. Вскоре после соглашения в Торне князь В. Л. Долгорукий заключил в Копенгагене договор о восстановлении русско-датского союза и возобновлении войны Дании со Швецией. Через несколько дней Петр встретился в Мариенвердере с прусским королем Фридрихом I. Переговоры велись, в сущности, о доле союзников при разделе владений Шведской империи. Хотя Пруссия, занятая войной «за Испанское наследство», не вошла в Северный союз, она обещала не пропускать шведские войска из Померании в Польшу через свою территорию. В виде награды за сотрудничество Петр (в секретной статье договора) обещал Фридриху «город Элбинг (ныне – польский Эльблонг) с принадлежащею к нему землею доставить таким образом, что оной город трудитися будут от

шведского гарнизона очистить и во оной свой гарнизон ввесть…». Там же Петр дал письменную инструкцию Б. И. Куракину, который должен был убедить ганноверского курфюрста Георга-Людвига, наследника английского престола, оказывать содействие Северному союзу в войне со Швецией, обещая ему солидный кусок Шведской империи – города Бремен и Верден с их территориями. 22 июня 1710 года соответствующий договор был подписан, Ганновер разорвал союзные отношения со Швецией. Ратифицирован он был курфюрстом на следующий день после того, как пришло сообщение о падении Риги.

Занятие Риги было важнейшим пунктом второй части программы, разработанной Петром после Полтавы, и знаменовало окончательное завоевание Восточной Прибалтики Россией. Вообще же, Петр сразу оценил значение Полтавской победы прежде всего для Балтийского театра военных действий и для любезного его сердцу Петербурга. Сразу же после сражения он писал оставленному за главного в Петербурге Ф. М. Апраксину: «Ныне уж совершенной камень во основание Санкт-Питербурху положен с помощию божиею». В другом письме из лагеря под Полтавой, датированном 9 июля 1709 года, он уже ставит конкретные задачи военного развития Полтавской победы в Прибалтике: «И при том прилагаем, что время еще сего лета довольно осталось для атаки неприятельских городов. А понеже к Выборху не чаю, чтоб сею осенью за пустотою и протчими неудобствы (о чем сам ты известен) возможно какой промысел учинить, но разве зимою, и, того ради, мы за благо изобрели Ревель осадить и, с помощию Божиею, доставить… Також, когда к вам полки придут (которые завтра отсель рушатся), извольте тщание приложить Корелу достать». Однако осуществить этот план удалось лишь в следующем, 1710 году.

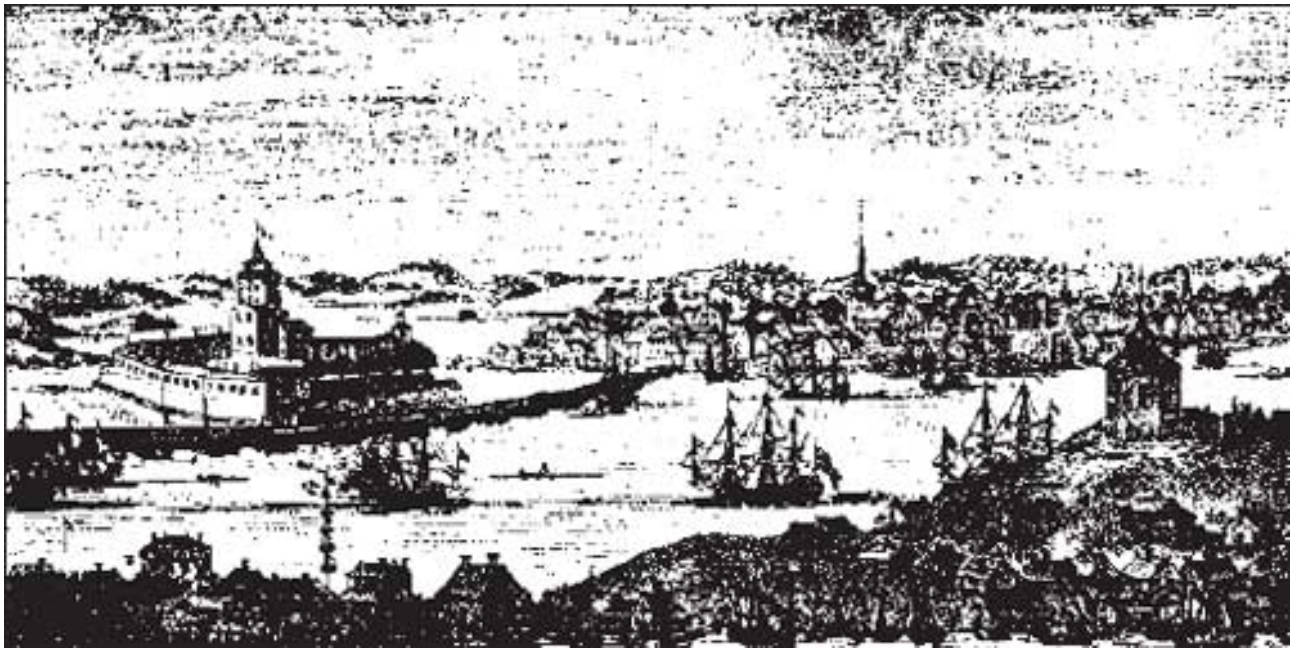
Основные усилия были приложены ко взятию Риги – подлинной столицы шведской Восточной Прибалтики. Осада затянулась. Начавшаяся чума косила, не разбирая, и осажденных, и осаждавших. Она унесла в могилу почти 10 тысяч русских солдат и 60 тысяч жителей и солдат гарнизона крепости. Это обстоятельство, как и сильные укрепления Риги, ставило под сомнение успех возможного штурма, и Рига, главным образом, подвергалась непрерывному обстрелу, начатому лично Петром. В итоге, 4 июля 1710 года капитуляция гарнизона и города была подписана. 8 августа пал Динаминд (Динамюнде) на Даугаве, 15 августа сдался гарнизон Пернова (Пярну), чуть позже русские войска заняли остров Эзель (Сааремаа) и расположенную на нем крепость Аренсбург (в советские годы – Кингисепп), 29 сентября сдался Ревель (Таллин).

Успехи в Лифляндии и Эстляндии сочетались с победами в Карелии: 12 июня на милость победителя сдался Выборг, 8 сентября – Кексгольм (Приозерск, ранее – Корела). Так, за одно лето вся Восточная Прибалтика оказалась в руках Петра. В сущности, на этом можно было бы и закончить войну. Но на это никоим образом не был согласен Карл, интриговавший в это время в турецких владениях, да и сам Петр был преисполнен иных, имперских по сути, идей.

Обращает на себя внимание обстоятельство, связанное со сдачей Риги. Среди пунктов капитуляции был один, в высшей степени примечательный: «…дабы прирожденные лифляндцы остались в стороне российской и в верности своей Его величеству присягу учинили и подписались своими руками». Как сообщает «Журнал» Петра Великого, осажденные «особливо в том упорно стояли, чтоб лифляндская природная шляхта от присяги была свободна, и напоследок сказали, что ежели не против их предложения с ними генералитет поступит, то они принуждены будут по военным обычаям все выступить в цитадель и будут держаться до последней меры, а валы и город подорвут, против чего им ответствовано, что до того по их желанию, как в их пунктах объявлено, никогда учинено не будет и ежели еще в той упорности продолжатся, то паки указано будет жесточае прежняго бомбардировать…». Угроза нового обстрела города подействовала. Капитуляция была подписана, шведские войска стали выходить из крепости, и тут по указу Петра были задержаны солдаты и офицеры шести полков, в том числе Лифляндского, Корельского, Выборгского и других, сформированных из жителей Ингрии и Карелии, Лифляндии и Эстляндии, на следующем основании: «…понеже в капитуляции постановлено, которые лифляндцы и других городов (бывших короны шведской, взятых чрез оружие российское) обретаются, те могут назватися российскими подданными и потому Выборгский и Корельский полки задержаны, ибо тогда оныя крепости (Выборг и Кексгольм. – *Е.* А) уже были взяты», что было правдой лишь наполовину – Кексгольм сдался после Риги, 8 сентября. Новая военная администрация Риги всюду сбила гербы Шведского королевства и поставила гербы России.

16 августа 1710 года Петр подписал манифест, обосновывавший присоединение Эстляндии к России. В нем отмечалось, что «король Шведский, по причине известного своего упорства, не дает нам никакого покоя, так что для верного достижения этой справедливой конечной цели мы вынуждены направить свои вооруженные силы в Эстляндию, дабы укрепиться в ее морских гаванях и тем самым защитить себя от всяких вторжений. В особенности Мы сочли необходимым с помощью божьей овладеть городом

Ревелем…».



Вид замка в Выборге в 1708 г. С гравюры Дальберга.

Далее Петр обещает всем жителям Эстляндии безопасность «в их поместьях, домах, жилищах, на дорогах и повсеместно. Мы принимаем под Нашу великую царскую защиту всех и каждого в отдельности и всех уроженцев, владельцев и жителей упомянутого княжества со всем их имуществом и принадлежащими им поместьями…». Чтобы у эстляндцев не возникало сомнений относительно прочности власти России, в манифесте отмечалось, что Ревель не может надеяться на помощь шведов и должен последовать Лифляндии и Риге, «кои Нам уже присягнули в верности, засвидетельствовали свое уважение и проявили истинную преданность. Так как Наши искренние и справедливые предложения направлены к установлению всеобщего спокойствия и безопасности в нашем и соседних государствах, а также к счастливому присоединению Эстляндии и ее благоденствию, то мы надеемся также, что всемогущий Бог благословит нас и неизменно дарует успех нашему победоносному оружию. Мы уверены, что не только благородное рыцарство и землевладельцы, но и город Ревель надлежащим образом оценят свое освобождение от шведского ига, от коего они так долго страдали».

Все эти действия означали лишь одно – территории Восточной Прибалтики, включая Лифляндию и Эстляндию, Петр (вопреки многочисленным соглашениям с Августом II) с этого момента объявил входящими в состав Российского государства, а их жителей – своими подданными, не имевшими отныне права покинуть страну, подобно шведам, и обязанными присягнуть на верность новому повелителю. Не случайно, что в это же время Петр про-

явил и несвойственное ему в дополтавскую эпоху равнодушие к поиску всякого посредничества. В марте 1710 года, когда еще не была взята ни одна из перечисленных крепостей, канцлер Головкин, сообщая о предстоящем отъезде английского посланника Ч. Уитворта, спрашивал царя: «И притом просит, ежели что изволите Ваше величество, ему наказать королеве о каких делах, то он хощет донесть и трудиться к удовольству Вашему. И предлагал от себя не изволите ль Ваше величество вступить ныне в великую алианцию с высокими союзниками. А вместо того б королева со оными обязались гварантиею о удержании завоеванных от неприятеля мест… И о сем вступлении в союз, також о посредстве королевине в нашем миру с шведом, а о Вашего величества посредстве в их миру с Франциею ему приказывать ли?» Ответ Петра был таков: «Что же оной яко бы доброжеланием объявляет, чтоб нам вступить в великий алиянс, а от них гарантию, и то дело не худое. Только мне мнитца, чтоб в том ему доброжелательно ответствовать, что мы того всегда желали, и нынече, ежели в том наша польза будет состоять, не отречемся, только б ведать, на каких кандициях (условиях. – *Е.* А.) нас в тот алианс желают и какую гарантию нам обещают, чтоб он при возвращении своем подлинной резон привез. А ныне письменно с ним ни в чем не надлежит вступать. А что о медиатерствех (посредничестве для заключения мира со Швецией. – *Е.* А), и то дело нам не полезно, но лучше вышеписанное ево предложение. Что же наше посредство меж их и Франциею, то б зело изрядно; аднакож, не ведая воли короля францского, ему объявлять невозможно». Обратите внимание на тон Петра: слышен голос могущественного государя, опытного и трезвого политика, знающего цену своей силе и чужим обещаниям, исходящего во всем из своих интересов, в число которых заключение мира со шведами до победы в Прибалтике явно не входило. И еще. Кто бы два года назад предложил России роль посредника в кровавом споре за Испанское наследство? Полтавская победа сделала подобное предложение реальностью: Россия с этого времени становится значительной фигурой политической игры Европы.

Петр рассчитывал в полной мере использовать благоприятную ситуацию на Балтике. Разрабатывался план высадки с датских кораблей русского корпуса в Сконе – территории, принадлежавшей на Скандинавском полуострове Дании и отошедшей в XVII веке Швеции.

Но, думая о планах действий на Балтике, приходилось все чаще оглядываться на юг. Находившийся под Бендерами Карл XII не тратил время попусту и активно провоцировал турок к выступлению против России, пугая их возрастающей мощью северного

соседа. Тотчас по прибытии в турецкие владения он отправил в Стамбул своего секретаря Нейгебауера с письмом султану. В нем говорилось: «Обращаем внимание вашего императорского величества на то, что если дать царю время воспользоваться выгодами, полученными от нашего несчастия, то он вдруг бросится на одну из ваших провинций, как бросился на Швецию вместе со своим коварным союзником, бросился среди мира, без малейшего объявления войны. Крепости, построенные им на Дону и на Азовском море, его флот обличают ясно вредные замыслы против вашей империи. При таком состоянии дел, чтобы отвратить опасность, грозящую Порте, самое спасительное средство – это союз между Турциею и Швециею; в сопровождении вашей храброй конницы я возвращусь в Польшу, подкреплю там мое войско и снова внесу оружие в сердце Московии, чтобы положить предел честолюбию и властолюбию царя». Однако, как известно, побежденных слушают не так внимательно, как победителей. И долгое время усилия Карла подвигнуть османов на войну были тщетны. 3 января 1710 года Стамбульский трактат с Россией 1700 года был возобновлен турками. Это событие отметили в Москве как очередную воинскую победу – так было велико значение трактата с опасными южными соседями для реализации балтийских планов Петра.

Следует отметить, что на протяжении почти десяти лет Петр проявлял особую осторожность в отношении турок и крымских татар. В самый острый момент накануне Полтавского сражения весной 1709 года, когда ожидаемое всеми выступление Крыма и Турции поставило бы Россию в безвыходное положение, Петр отправился в Азов и продемонстрировал представителю Турции в Крыму Кападжи-паше свои мирные намерения: он сжег часть кораблей Азовского флота. (Впрочем, как показывают письма Петра, речь шла о списанных судах, которые были специально отведены к Азовудля разбора.) Кроме того, в Стамбул были посланы богатые подарки и деньги. В итоге султан запретил готовившемуся к походу хану выступать против России.

Но в конце 1710 года предотвратить войну не удалось: активность Петра в Европе и, что особенно беспокоило османов, в Польше, а также демарши Карла сыграли свою роль – Турция начала войну против России. Впервые за много лет предстояло воевать на два фронта. Петр решил не дожидаться того, что предпримут турки, и двинуться к южной границе. Как было провозглашено в манифесте от 22 февраля 1711 года, он «повелел войскам своим главным отовсюду к турским границам итить, куда и сам особою своею вскоре прибыть изволит». Основная группа войск под командой Шереметева прямо из Прибалтики через

Польшу двинулась ранней весной к «воложским границам», то есть к границам Валахии и Молдавии – вассальных государств Османской империи. Почему Петр поспешил проявить инициативу, прежде чем выявились намерения турок и крымских татар, и предпринял стремительное наступление именно в этом районе, а не в Приазовье или Приднепровье? Направление удара, решительность и быстрота действий Петра были обусловлены знанием и трезвой оценкой ситуации. Петр разгадал направление возможного удара турок – Украина и Польша – и стремился избежать превращения этих земель в зону активных действий Русско-турецкой войны, ибо это резко усиливало риск возникновения непредсказуемых политических коллизий. Войну следовало увести как можно дальше к югу от возможной досягаемости стоявшего в Померании сильного корпуса шведского генерала Крассау, численность которого к весне 1711 года достигла 26 тысяч человек.

Вот один из источников, ставших основой решения Петра: донесение посла России в Стамбуле П. А. Толстого. 14 ноября 1710 года, то есть задолго до описываемых событий, он получил сведения о планах турок в предстоящей войне и сообщил их Петру. Он писал: «Объявя войну Порта царю и вступи в Полшю, [соединится] с королем шведским, который будет искать соединения с войски своими ис Померании под командою… Красова, но соединясь с теми, король шведской вступит в Саксонию, а турки с частью поляков останутца против московских в Польше, но Польша вся будет принуждена Лещинского признать». Достоверность данных Толстого подтверждалась сведениями разведки. Поэтому-то Петр не колебался с выбором района военных действий.

Немаловажным фактором, определившим дунайское направление, было соглашение с молдавским господарем Димитрием Кантемиром, обещавшим поддержку русским войскам и присоединение Молдавии к России. Походом в сторону Дуная Петр надеялся поднять на борьбу с турками и южнославянские народы. «Когда воздвигнет господь бог крестоносную десницу твою на басурман, – обращались в 1710 году к Петру сербские патриоты, – не забудь и нас, малейших, приглашением царским и милованием своим, да и мы потщимся службою своею за своего православного царя».

И это не были пустые слова – балканские народы видели в России свою освободительницу от османского ига. Петр немало сделал для пропаганды этих идей. В грамоте черногорцам 3 марта 1711 года говорилось: «Мы себе иной славы не желаем, токмо да возможем тамошныя народы християнския от тиранства поганского избавити, православныя церкви паки украсити и животворящий крест возвысити. Итако, наконец, еще будем единокупно,

кийждо (то есть каждый. – *Е.* А.) по своей возможности, трудитися и за веру воевати, то имя Христово вящше прославится, а погани Магомета наследницы будут прогнаны в старое их отечество, в пески и степи аравийския». В послании на греческом языке, адресованном всем христианам Османской империи, он призывает их браться за оружие и пишет: «Мы прославим друг друга нашим оружием, ибо пришло указание от Бога и то, что Я пишу вам, вы примите в единении с Богом. И объединимся против врага, и опояшем себя шпагой, начнем войну, прославим царство Наше, ибо ради освобождения вашего Я иду на муки. Я хочу, чтобы вы помогли Мне, и Господь воздаст на благо вам всем и вы найдете в стране Моей почет и милосердие». Пожалуй, это одно из первых обращений русского царя к славянам и христианам Османской империи, провоцировавшее их на выступление. И оно нашло отклик: в ряде мест Сербии, Черногории, Албании начались восстания. Но они были вскоре подавлены; удручали и вести, приходившие из Молдавии, – поход Петра оказался неудачен.

Если говорить кратко, он оказался плохо подготовленным и неудовлетворительно проведенным. Это касалось оперативной разведки, координации действий войск, снабжения их продовольствием и фуражом. Вообще, если касаться эмоциональной стороны дела, то отметим, что Петр с тяжелым чувством шел в этот поход, не проявляя присущего ему оптимизма и веры в благополучный исход войны, навязанной ему противником. Особенно беспокоился он о Екатерине и дочерях, чем объясняется объявление Екатерины женой. В письме Меншикову 6 марта 1711 года – накануне выступления из Москвы – он с грустью пишет: «Ныне посылаю к вашей милости в презент кафтан здешняго сукна: дай Боже на здоровье носить. Мы, чаю, сего дня поедем в путь свой, которого конец Бог весть…» Через два месяца, уже из похода, в Яворове, он пишет Меншикову, поздравившему его с заключением брака с Екатериной, с нескрываемой тревогой за будущее дочерей: «…к тому же имеем принадлежащий безвестный путь нам, но точию единому богу сведомый… Благодарствую вашей милости за поздравление о моем пароле (объявлении брака. – *Е.* А.), еже я учинить принужден для безвесного сего пути, дабы, ежели сироты останутца (Анна и Елизавета жили у Меншикова. – *Е.* А.), лутче бы могли свое житие иметь, а ежели благо бог сие дело окончает, то совершим [свадьбу] в Питербурху».

И хотя Петр понимал, что с турками (учитывая условия войны на юге) нужно воевать иначе, чем со шведами, тем не менее со стороны русских военачальников – героев Полтавы было проявлено шапкозакидательство, известное легкомыслие, которое обычно сурово наказывается на поле боя. Так и случилось – инту-

иция не подвела царя.

7 июля 1711 года турки в Молдавии, в районе реки Прут разорвали коммуникации русской кавалерии с основной частью армии. Учитывая тяжелые условия похода по безводным, опустошенным саранчой степям, на военном совете было решено на Дунай не идти, а, наоборот, как отмечалось в «Журнале» Петра, «ретироваться от неприятеля, пока возможно всем случиться (соединиться. – *Е.* А.) и в удобном месте со оным дать баталию».

Отступление проходило в тяжелейших условиях. Преображенский полк, шедший в арьергарде, в течение нескольких часов отбивал беспрерывные атаки численно превосходящего противника. При этом приходилось тащить на себе тяжелые рогатки – наиболее эффективное оружие пехоты при наскоках конницы степняков. За шесть часов отступления армия, утомленная зноем и жаждой, прошла лишь семь верст и была вынуждена остановиться на берегу Прута. Лагерь трижды подвергался атакам турецких и татарских войск. Ситуация становилась чрезвычайно опасной, ибо против 38 тысяч русских действовало не менее 140 тысяч воинов визиря Балтаджи-Мохамада.

Увидев, что его войска не в состоянии преодолеть заслон из рогаток, турецкий командующий прибег к очень эффективному средству: вплотную к русскому лагерю, как к крепости, были подведены окопы, апроши и батареи, и в них установлено свыше трехсот орудий, которые начали обстрел русских позиций. В то же время турецкие орудия, установленные на другом берегу Прута, с доминирующих высот вели огонь по каждому, кто пытался приблизиться к берегу и набрать воды.

Наиболее острыми оказались 9, 10 и 11 июля, когда решалась судьба армии, Петра, будущего страны. Эти три дня – едва ли не самые драматичные в жизни царя. Не случайно с ситуацией на Пруте связано немало легенд. Одна из них – о так называемом «завещании», письме Петра Сенату, известном нам из «Любопытных и достопамятных сказаний о императоре Петре Великом» – книги академика Якоба Штеллина (1785 г.).

«Завещание с Прута» вызывает жаркие споры в литературе относительно его подлинности. Дело в том, что не сохранилось ни подлинника письма, ни современной ему копии. Поэтому документ не может быть подвергнут палеографическому или текстологическому анализу. Остается лишь анализировать его содержание. Вот полный текст письма в переводе с немецкого (языка книги Штеллина): «Сим извещаю вам, что я со всем своим войском без вины или погрешности со стороны нашей, но единственно только по полученным ложным известиям, в четырекраты сильнейшею турецкою силою так окружен, что все пути к

получению провианта пресечены, и что Я, без особливыя Божия помощи, ничего иного предвидеть не могу, кроме совершенного поражения, или что я впаду в турецкий плен. Если случится сие последнее, то вы не должны меня почитать своим царем и государем и ничего не исполнять, что Мною, хотя бы то по собственноручному повелению, от вас было требуемо, покамест Я сам не явлюся между вами в лице своем. Но если Я погибну, и вы верныя известия получите о моей смерти, то выберите между собою достойнешаго мне в наследники».

Сразу скажу, что принадлежу к тем историкам, кто ставит под сомнение подлинность письма с Прута. Наиболее аргументированно делают это западногерманский историк Р. Виттрам и Н. И. Павленко. Как справедливо отмечал последний, «обстановка на Пруте изложена столь общими фразами, что составление ее доступно любому образованному человеку, державшему в руках „Журнал“ Петра I». Немало и других резонных сомнений напрашивается при чтении письма. Павленко считает, что Штеллиным, придумавшим письмо, двигала извечная страсть «маленького человека, снедаемого мечтой прославиться анекдотами о человеке великом». Если же избежать столь резкой уничижительной оценки личности этого неординарного деятеля русской культуры, творчество которого только начинает изучаться, то можно предположить, что Штеллин, верный известной стилистике «анекдотов» XVIII века – нравоучительных новелл «из жизни великих», не гнался за столь необходимой нам точностью и передал ходившие в обществе слухи о некоем «завещании» Петра. А ситуация на Пруте действительно сложилась такая, что самое время было подумать о завещании.

Рассмотрим происшедшие события. Окруженная армия подвергалась непрерывному обстрелу. «Междо тем же, – писал впоследствии сам царь, – стрельба от часу более от неприятеля умножалась з батарей, аднакож, не горазда вредила, ибо ретироватца более было нельзя ж, но пришло до того: или выиграть или умереть». Как видим, Петр явно противоречит сам себе. Другие источники говорят, что ситуация становилась критической: действия турецкой артиллерии существенно ухудшили положение русских полков, стоявших в поле «во фрунт». В журнале Шереметева за 1711 год записано: «И сей ночи (с 8 на 9 июля. – *Е.А.)* за несколько часов до свету от турок и от нас учинилась из пушек и из мелкаго ружья великая стрельба, от чего в обозе нашем многих людей и лошадей вредило». К туркам был послан парламентер с предложением о перемирии, но они молчали – говорила лишь их артиллерия. Был послан еще один парламентер. Дадим вновь слово Петру «Потом, когда ответом замешкалось, тогда послали к

ним говорить, чтоб скоряя дали отповедь короткою, хотят ли миру или нет, ибо более ждать не можем. Потом, когда и на ту посылку отповедь замешкалась, тогда велели полкам выступать. И когда сие учинилась и наши несколько десятков сажен выступили, тогда от турков тотчас прислали, чтоб не ходили, ибо оне мир приемлют…»

К туркам отправился вице-канцлер П. П. Шафиров. Однако накануне произошли события, согласно легенде связанные с Екатериной, бывшей с Петром в лагере. Причина миролюбия турок объясняется таким образом: Петр, не получив ответа на предложение о перемирии, решил прорываться сквозь окружение и для этого дал указание готовиться к маршу, а затем ушел отдыхать в палатку. Екатерина, сама или с чьего-то совета, провела совещание с генералитетом, доказавшим ей самоубийственность такого марша. Затем царица вошла к Петру и убедила его послать новое письмо визирю, к которому, тайно от царя, приложила все свои драгоценности и деньги. Это решило дело: в момент выступления русских визирь, видевший решимость Петра прорваться во что бы то ни стало, дал согласие на переговоры.

Легенда имеет под собой некоторые реалии. В «Журнале» Петра Великого за 24 ноября 1714 года отмечалось: «Ноября в 24 день, то есть в день тезоименитства Ея величества государыни царицы Екатерины Алексеевны, государь сам наложил на Ея величество новоученную кавалерию ордена святыя Екатерины, который орден учинен в память бытности Ея величества в баталии с турки у Прута, где в такое опасное время не яко жена, но яко мужеская персона видима всем была». Спустя девять лет в указе о короновании Екатерины от 15 ноября 1723 года этот случай мужественного поведения жены снова был помянут Петром. Вспоминая тяжелую Северную войну, Петр писал: «…в которых вышеписанных наших трудах наша любезная супруга, государыня императрица Екатерина великою помощницею была, и не точию в сем, но и во многих воинских действах, отложа немощь женскую, волею с нами присутствовала и елико возможно вспомогала, а наипаче в Прутской баталии с турки (где нашего войска 22 000, а турок 270 000 было) почитай отчаянным времяни как мужески, а не женски поступала, о чем ведомо всей нашей армии, и от них несумненно всему государству». Не о приведенном ли легендарном эпизоде, когда царь дрогнул, идет речь в этих указах Петра?

П. П. Шафиров, отправляясь к туркам, получил инструкцию. Она гласила: «1. Туркам все городы завоеванныя отдать, а построенныя на их землях разорить, а буде заупрямитца, позволить отдать; 2. Буде же о шведах станет говорить, чтоб отдать все завоеванное, и в том говорить отданием Лифляндов. А буде на одном

на том не может довольствоватца, то и протчия помалу уступать, кроме Ингрии, за которую, буде так не захочет уступить, то отдать Псков, буде же того мало, то отдать и иныя правинцыи. А буде возможно, то лутче б не именовать, но на волю салтанскую положить; 3. О Лещинском буде станет говорить, позволить на то; 4. В протчем, что возможно, салтана всячески удовольствовать, чтоб для того за шведа не зело старался».

Начав переговоры, турки не спешили их завершать. Затяжка переговоров делала положение находившейся в окружении армии Петра еще более тяжелым. 11 июля, получив первые сведения от Шафирова, царь дал согласие на все возможные уступки, кроме капитуляции и сдачи в плен. Но для прорыва нужны были лошади, и поэтому Петр просил договориться предварительно хотя бы о разрешении косить траву для лошадей за турецкими окопами: «Мой господин! Я из присланного слоф выразумел, что турки, хотя и склонны, но медлянны являются к миру. Того ради, все чини по сваему разсуждению, как тебя Бог наставит, и ежели подлинно будут говорить о миру, то стафь с ними на фсе, чево похотят, кроме шклафства (рабства. – *Е.* А.). И дай нам знать, конечно, сего дни, дабы свой диспeратный (безнадежный. – *Е.* А.) путь могли, с помощию Божиею, начать. Буде же подлинно склонность явитца к миру, а сего дни не могут скончать договора, то б хотя то сего дня зделать, чтоб косить за их транжаментом. В прочем словесно приказана. Петр».

Последняя фраза кажется примечательной. Что же мог Петр еще устно передавать своему посланнику после таких страшных для политика слов: «…стафь с ними на фсе, чево похотят, кроме шклафства»? Думаю, что в этой ситуации единственное, что мог на словах передать царь, было: «Денег не жалеть!». С нетерпением дожидаясь известий от Шафирова, Петр готовился дорого продать свою жизнь, – военный совет к этому времени, несмотря на подавляющее превосходство противника, принял решение прорываться, если противник будет требовать капитуляции: «По последней мере положили на совете весь генералитет и министры. Ежели неприятель не пожелает на тех кондициях (то есть условиях, предъявленных Шафировым. – *Е.* А) быть довольным, а будет желать, чтоб мы отдались на их дискрецию (милость. – *Е.* А.) и ружья положили, то все согласно присоветовали, что иттить в отвод подле реки», то есть прорываться вверх по течению Прута.

К счастью, Шафиров сумел договориться с визирем, и 12 июля мир с турками был подписан. Это было, пожалуй, одно из самых тяжелых мирных соглашений, на которые была вынуждена пойти Россия в XVIII веке. Турции возвращался Азов, уничтожались Таганрог, Каменный Затон, Сакмара. Россия обещала не вмеши-

ваться в польские дела, не препятствовать проезду шведского короля на родину. В тот же день Петр ратифицировал договор, и русская армия вышла из ловушки. «Итако, – писал Петр 15 июля Сенату, – тот смертный пир сим окончился». Люди и лошади были ослаблены и, как отмечалось в «Журнале» Шереметева, «помалу следовали, понеже лошади от бескормицы многия пристали». Не без основания многие современники считали, что Петр отделался весьма легко, учитывая положение, в котором оказалась его армия, окруженная почти вчетверо превосходящим ее противником, без продовольствия и фуража, с заканчивающимися боеприпасами (накануне предполагаемого прорыва было приказано, «за скудостию пулек, сечь железо на дробь»), стоявшая в поле, без всякого укрытия от июльского солнца Молдавии и огня противника.

На пути к Днестру было получено известие, что отрезанный от основных сил кавалерийский корпус генерала Рена 12 июля, согласно ранее принятым планам, взял штурмом турецкую крепость Браилов. Впервые русские драгуны поили лошадей из Дуная. Но эта победа уже была не нужна, и Рен, оставив крепость, двинулся на соединение с Петром.

Страшным ударом для Карла XII было скоротечное заключение Прутского мира – его заклятый враг буквально вырвался из рук, и визирь не побеспокоился об интересах своего союзника.

Как писал бывший в турецком лагере представитель Станислава I Понятовский, когда мир был заключен и 12 июля Петр вышел из лагеря, из Бендер прискакал шведский король и «направился прямо в шатер визиря, куда я имел честь сопровождать его. Король предложил визирю, чтоб последний дал ему двадцать или тридцать тысяч своих лучших войск, с которыми он был бы в силах привести обратно царя пленником, чтобы заключить с ним более выгодный мир для Порты и для нас и задержать его впредь для выполнения условий. Но визирь противопоставил этому предложению такие убогие рассуждения, что его величество с неудовольствием покинул его, чтобы вернуться в Бендеры, куда я отправился также через несколько дней».

В одном из вариантов «Гистории Свейской войны», сочинявшейся при участии Петра, беседа короля с визирем излагается иначе. Король якобы начал визирю «выговаривать: для чего он без него с его царским величеством мир учинил, понеже салтан турской для его и сию войну начал. И везирь ему ответствовал, что он о том неизвестен, но имел от государя своего указ, дабы войну сию весть для интересу его салтанского, который он, получа и изходатайствуя ему от Его царского величества свободной проезд в землю Его, тот мир и заключил. И король говорил, что

он бы мог все войско российское в руки получить, и чтоб ему дал и теперь войско, то он их атакует и разобьет. Но везирь сказал, что ты, де, их уже ответ дал, а и мы их видели и буде хочешь, то атакуй их своими людьми, а он миру, с ними постановленному, не нарушит. И так король, осердясь, от него пошел и тотчас и из обозу уехал к хану крымскому. И при отъезде от везиря словами не гораздо учтивыми провожен».

Тотчас по заключении мира и выходе из окружения Петр написал союзникам – Августу и Фредерику – письма, в которых отмечал, что «для некоторого неудобства, а наипаче для наших и общих касающихся с вашим величеством интересов, далее в той войне не поступили и учинили с турки вечной мир, о чем обстоятельнее вашему величеству и любви донести указ наш дали послу нашему князю Долгорукому, в чем изволите ему поверить». Петр предусмотрительно не упомянул об условиях мира, не особенно приятного ни для России, ни для ее союзников в Северной войне. Оба посла – В. Л. Долгорукий в Копенгагене и Г. Ф. Долгорукий в Варшаве – тоже для пользы дела не ставились какое-то время в известность об истинных событиях на Пруте – до тех пор, пока сам Петр не придет в Прибалтику и не покажет свои еще не исчерпанные возможности. Послам, в частности, сообщалось следующее: «Объявляем вам, что с великою ревностью шли к Дунаю, дабы турок предварить и получить довольство в провианте, но турки нас упредили и встретились с нами у Прута, где престрашныя бои были чрез три дни, то есть в 8, 9, 10 числех. Потом Мы, видя, что вперед итить, не имея правианту и довольной конницы за такою их силою невозможно, також и отступить трудно, того ради по оных боях зделали штильштан (перемирие. – *Е.* А.) и потом, видя, что из сей войны жаднаго пожитку не будет, того ради поступили по желанию туретскому и на вечной мир, уступя им все завоеванное, дабы от той стороны быть вечно беспечным, что турки с превеликою охотою паче чаяния учинили, и от короля шведсково вовсе отступили. И тако можешь Его величество верно обнадежить, что сей мир к великой пользе нашим союзником, ибо мы со всею армиею празны и будем, как возможно скоро, часть доброго войска послать к Померании, для чего и его величество своею особою поедет тотчас (как из Волоской земли выдем) в Прусы к Ельбингу, дабы там ближе иметь сношение о сем деле».

Думаю, что послам, не знающим тогда ничего о Пруте, пришлось поломать голову над этим письмом, которое отчасти напоминает известную песенку «Все хорошо, прекрасная маркиза!».

Конечно, в жизни, в отличие от письма, все было сложнее. Наиболее тяжким условием договора было возвращение туркам Приазовья. Царю пришлось уничтожать собственными руками

то, что огромными усилиями создавалось в течение пятнадцати лет, то, что было так дорого ему как человеку и политику. Теперь шли прахом все планы освоения Приазовья, строительства города, порта, канала Волга-Дон, нужно было уничтожать флот и самому закрывать то южное окно, с которым он связывал грандиозные планы на будущее. Как гром среди ясного неба был для Ф. М. Апраксина, занятого, как было ранее предписано, укреплением обороны Приазовья, указ Петра об отдаче Азова и разорении всего, что было построено на северном берегу Азовского моря. Вначале Апраксин не поверил сообщению об условиях мира, и лишь повторное письмо Петра убедило верного Федора Матвеевича в реальности горькой правды.

Растерянность Апраксина отражена в письме царю от 5 августа: «Сего августа 1-го числа… указ Вашего величествия, писанной от реки Прута июля 12… принял. И не знали, что делать, разсуждали, что оной послан в жестокой тесноте. И того ж числа получил Вашего величествия повторительной указ от реки Жижи июля 15 с куриером Сафоновым о разорении крепостей и об отводе амуницыи и всяких корабельных припасов в Черкаское, на которое Вашего величествия изволение доношу, что по тому указу в краткое время исполнить не возможно, хотя б было при нас 20 000 человек и 1000 будар (гребных судов. – *Е.* А.). Одних пушек, кроме корабельных в обеих крепостях и по гавону (то есть Таганрогу. – *Е.* А.) без мала тысяча, а и корабельных есть число немалое». И это была правда. Передать туркам Приазовье быстро было невозможно. Кроме того, Петр сам стремился затянуть выполнение условий договора. Но когда осенью 1711 года новая война с турками из-за невыполнения условий мира стала почти реальностью, он написал Апраксину письмо, в котором разделял сожаления генерал-адмирала о сдаче Приазовья: «Господин адмирал. Письмо твое получил, на которое ответствую, что з слезами прошение ваше видел, о чем прежде и больше вашего плакал… Правда, – продолжает царь, – зело скорбно, но лучше из двух зол легчайшее выбрать, ибо можешь разсудить, которую войну труднее скончить. И того ради (как не своею рукою пишу) нужда турок удовольствовать против договору». Судьба южного Петербурга была решена безвозвратно.

Но долго горевать о потерях, как бы тяжелы они ни были, Петр не любил – впереди ждала уйма дел. В упомянутом выше письме Апраксину есть фраза, в которой раскрывается многое из того, что было задумано Петром после Прута: «Також и то разсудить надлежит, что з двемя неприятели такими не весьма ль отчаянно войну весть и упустить сию швецкую войну, которой конец в надеянии Божии уже близок является, ибо и Померании також,

как и Ливонии, следует. Сохрани Боже, ежели б, в обеих войнах пребывая, дождались французского миру, то бы везде потеряли». В этих нескольких строчках заложено очень много информации. А именно Петр рад, что закончилась Русско-турецкая война, ибо это развязывает руки, чтобы завершить Северную войну. Конец ее кажется Петру очень близким – для этого, по его мнению, достаточно завоевать Померанию. Наконец, сделать это нужно как можно быстрее, пока великие державы не завершили войну «за Испанское наследство» и не вмешались в конфликт на стороне шведов против Северного союза. В инструкции посланнику де Литу в Англии 13 мая 1711 года Петр пишет: «…лучше того домогатца, дабы весьма не вмешали ничего о стороне воюющих северных в тот договор их, но оставили б их в своей силе одних, как то царское величество в их дела с Францыею не мешается против воли их».

Но Петр заблуждался: Северная война лишь перевалила через свой экватор, и до памятного дня, когда курьер привез известие о Ништадтском мире, было еще десять лет. Утрехтский мирный договор был заключен в 1713 году, так что избежать вмешательства великих держав, завершивших их войну «за Испанское наследство», не удалось. Наконец, завоевать Померанию оказалось гораздо сложнее, чем это представлялось с берегов Прута.

Поначалу события развивались, как и задумал Петр, очень быстро – уже в начале августа 1711 года русско-саксонские войска, соединившись с датскими, вторглись в шведскую Померанию и осадили Висмар и Штральзунд. В сущности, впервые за все годы существования Северного союза войска союзников действовали вместе. Более того, Петр рассчитывал привлечь к военным действиям против шведов Пруссию и Ганновер. Властителям этих стран было о чем подумать – речь шла о предстоящей дележке, пожалуй, самой богатой части Шведской империи. Но и риск был большой: шведский лев еще силен. Осаду Штральзунда осенью пришлось снять, – датчане не доставили осадные орудия и не смогли блокировать крепость с моря. При этом отчетливо проявились разногласия союзников, участились взаимные претензии и обиды.

Разногласия были перенесены и на следующую кампанию. Уже при ее разработке в начале 1712 года Петр отказался идти под Штральзунд, а решил заняться осадой другой мощной крепости – Штеттин (Щецин). Главной причиной перемены планов Петра, вызвавшей недовольство союзников, было желание вовлечь в военные действия Пруссию, «приманив» ее обещанием передать ей Штеттин в собственность. Споры продолжались до осени и закончились тем, что датчане и саксонцы стали осаждать

Штральзунд, Висмар, Бремен, Верден и Штаде, а русские – Штеттин. И хотя вскоре датчане заняли Бремен, Штаде и Верден, кампания не удалась. Русские войска обложили Штеттин, но датчане не сумели вовремя подвезти осадную артиллерию, и, просидев длительное время под стенами крепости, армия Меншикова отошла к Штральзунду, где союзникам уже всем вместе пришлось пожинать плоды несогласованности и медлительности. В середине сентября шведский флот прошел к Штральзунду и высадил 10-тысячную армию фельдмаршала Стенбока, который в конце октября прорвал блокаду крепости и вырвался на стратегический простор. Нарушив суверенитет соседнего со шведской Померанией Мекленбурга, он занял Росток, а 9 декабря разбил датско-саксонскую армию под Гадебушем. С началом 1713 года полем войны стало еще одно северогерманское государство – Голштиния. Там, у Фридрихштадта, 31 января русские войска под командой Петра сбили Стенбока с очень удобных позиций и вынудили отступить к голштинской крепости Тоннинген, где его и осадили союзники. Вскоре Стенбок сдался на милость победителей. Так было покончено с полевой армией шведов в Северной Германии. Из прежних владений Швеции на побережье оставалось несколько крепостей со слабыми гарнизонами, ждавших своего часа.

Летом 1713 года армия Меншикова осадила Штеттин. После интенсивной бомбардировки крепость капитулировала. И тотчас Меншиков передал ее, как и было обещано Петром, во временное владение (секвестр) Пруссии совместно с Голштинией. Это обстоятельство вызвало резкое недовольство Дании, имевшей давние счеты с Голштинией – сателлитом Швеции, использовавшей территорию княжества для поддержания постоянной напряженности на южных границах Дании. Петр поначалу выразил недовольство «самоуправством» Меншикова и обещал датчанам урегулировать штеттинский вопрос. На самом же деле с помощью секвестра он сумел втянуть Пруссию в орбиту своей политики, и прусский король Фридрих-Вильгельм подписал договор, согласно которому Россия гарантировала присоединение Штеттина к Пруссии, а Пруссия, в свою очередь, гарантировала России включение в ее состав Ингрии, Карелии с Выборгом и Эстляндии. Зная предельную осторожность политики Пруссии, Петр только с помощью такого лакомого куска сумел «выманить» на гарантии – важный элемент системы международных отношений – жадного до территориальных присоединений прусского короля. Договор датирован июнем 1714 года, когда в шхерах Финляндии развернулся заключительный этап завоевания этой страны Россией.

Петр придавал огромное значение захвату Финляндии, видя в нем один из путей к миру со шведами. В письме от 30 октября

1712 года он ярким, образным, хотя и грубоватым языком объясняет это Ф. М. Апраксину: «Только сие главное дело, чтоб конечно в будущую компанию, как возможно, сильныя действа, с помощию Божиею, показать. И итить не для разарения, но чтоб овладеть, хотя оная (Финляндия. – *Е.* А.) нам не нужна вовсе удерживать, но двух ради причин главнейших. Первое: было б что при мире уступить (о котором шведы уже явно говорить начинают). Другое: что сия провинция – суть титькою Швеции, как сам ведаешь, не только что мяса и протчее, но и дрова оттоль. И ежели Бог допустит летом до Абова, то шведская шея мяхче гнутца станет…»

В этом же письме Петр особое внимание уделил строительству мелких гребных судов. Ознакомившись с рельефом шхерного побережья южной части Финского залива, он понял, что лишь с помощью галер, скамвей, тялок, карбасов можно будет перебрасывать войска и подвозить им продовольствие. Много усилий приложил царь и к увеличению корабельного флота, который смог бы оказать хоть какое-то сопротивление сильному шведскому флоту, крейсировавшему в Финском заливе.

Идеи такой прибрежной войны полностью оправдались. Впоследствии Петр, подводя итоги кампании в Финляндии, так оценивал происшедшее: «Конец сей войне таким миром получен ничем иным, токмо флотом, ибо землею никаким образом достигнуть было того невозможно ради положения места, понеже в Финляндии сухим путем пребезмерной трудности проход, ради каменной и узкой дороги и бескормицы и почитай невозможный».

Весной 1713 года огромный гребной флот, имевший на борту армию в 16 тысяч человек, направился к берегам Финляндии. Своеобразие военных действий на финляндском театре состояло в том, что шведские сухопутные силы, чувствуя превосходство русской армии, избегали сражений, оставляли побережье и уходили в глубь территории, куда бежало и мирное население. Русская же морская сила не рвалась в бой со шведским флотом, превосходившим ее по количеству кораблей и мощи артиллерии. Поэтому Петр, проявивший себя как блестящий стратег, использовал преимущество мелкосидящих гребных судов, четко взаимодействовавших (буквально на глазах шведского флота) с шедшей вдоль берега армией. В итоге умелое сочетание армии и флота позволило практически беспрепятственно занять Гельсингфорс (Хельсинки), Борго и Або. Шведы лишились последних морских баз в Восточной Прибалтике. Успешно действовала сухопутная армия М. М. Голицына, чей полководческий талант расцвел именно в Финляндии. Дважды он наносил поражение армии генерала Армфельда и сумел вытеснить шведов из Финляндии

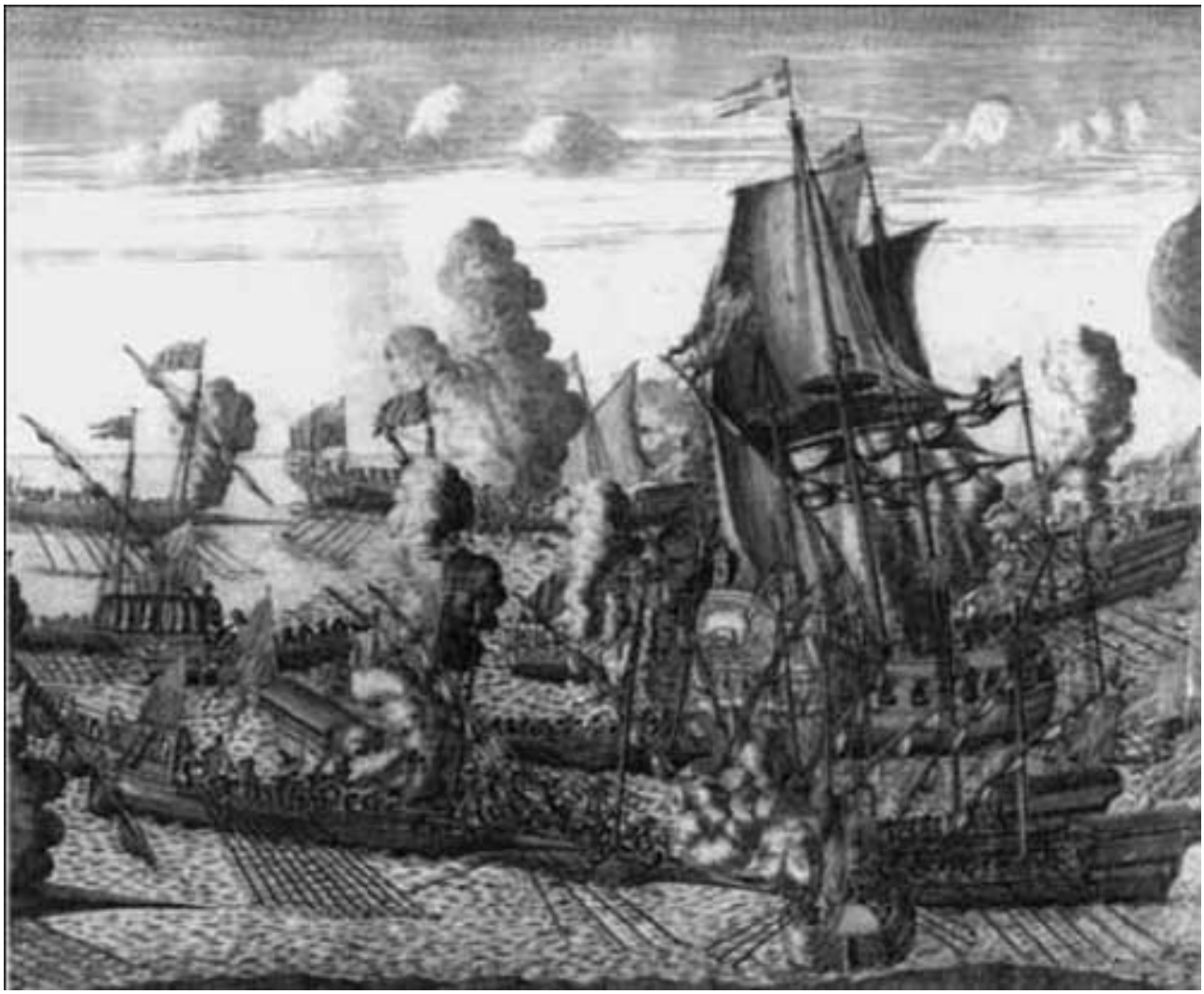
окончательно.

Кампания 1714 года знаменита Гангутским сражением, вошедшим в анналы русской морской истории. Само по себе сражение необычайно любопытно и напоминает острое окончание шахматной партии, в которой атакующая сторона, удерживая инициативу и опережая лишь на один ход, не дает противнику возможности использовать для защиты свои сильные фигуры.

Когда русский галерный флот двинулся вдоль берега от Гельсингфорса к Або, разведка установила, что эскадра адмирала Ватранга перекрыла путь русским галерам. Шестнадцать шведских линейных кораблей и пять фрегатов с сотнями орудий, встав у мыса Гангут – окончания одноименного полуострова, контролировали фарватер и подходы к берегу. Петр и его штаб осмотрели полуостров Гангут, который выступал на многие километры в море, и заметили, что у своего основания он имеет довольно узкий перешеек. Было решено построить на нем настил и перетащить галеры на другую сторону полуострова, миновав таким образом созданную у мыса преграду в виде кораблей шведов.

Но адмирал Ватранг не дремал. Он быстро разгадал план Петра и решил дать русским бой при переправе. Для этого он разделил эскадру: вице-адмирала Лилье с двенадцатью кораблями он отправил к тому месту, где русские предполагали вытаскивать суда на берег, а контр-адмирала Эреншильда (фрегат, шесть галер, три шхербота) – туда, где русские намеревались спускать галеры с волока. Сам же с шестью кораблями и тремя фрегатами остался на месте у оконечности полуострова – мыса Гангут. Петр тоже внимательно наблюдал за действиями шведов. Он тотчас решил воспользоваться тем, что предоставили ему природа и шведский адмирал. Первая дала в это раннее утро 26 июля полный штиль, а второй вдвое сократил свои силы у мыса. Отряд русских галер обошел неподвижно стоявшие шведские корабли, как говорят моряки, мористее, то есть дальше от берега, вне досягаемости мощных орудий шведов. За ним прошел второй отряд. Попытки шведских моряков отбуксировать корабли шлюпками мористее не удались. Лишь ночью, когда подул ветер, Ватранг передвинул свои корабли дальше от берега. Наступило утро 27 июля. Опять, как и накануне, на море стоял штиль. Третий отряд русских галер двинулся к мысу и… воспользовавшись ночным маневром Ватранга, обогнул шведскую эскадру с другой стороны – теперь уже под берегом. Ватрангу пришлось срочно спускать шлюпки и буксировать тяжелые корабли обратно к берегу. Но было поздно. Нетрудно представить, к какой терминологии прибег старый морской волк, стоя на шканцах флагмана и глядя, как русские галеры, кроме одной, севшей на мель, огибали мыс Гангут. Пре-

пятствовать их дальнейшим действиям он не мог: галеры заперли в фиорде тот самый отряд Эреншильда, который должен был контролировать место спуска русских судов с переволоки, и изготовились к атаке. Предложение о сдаче шведы отвергли, и тогда три десятка галер, построившись полумесяцем, двинулись на неподвижно стоявшие шведские корабли.



Битва при Гангуте в 1714 г.

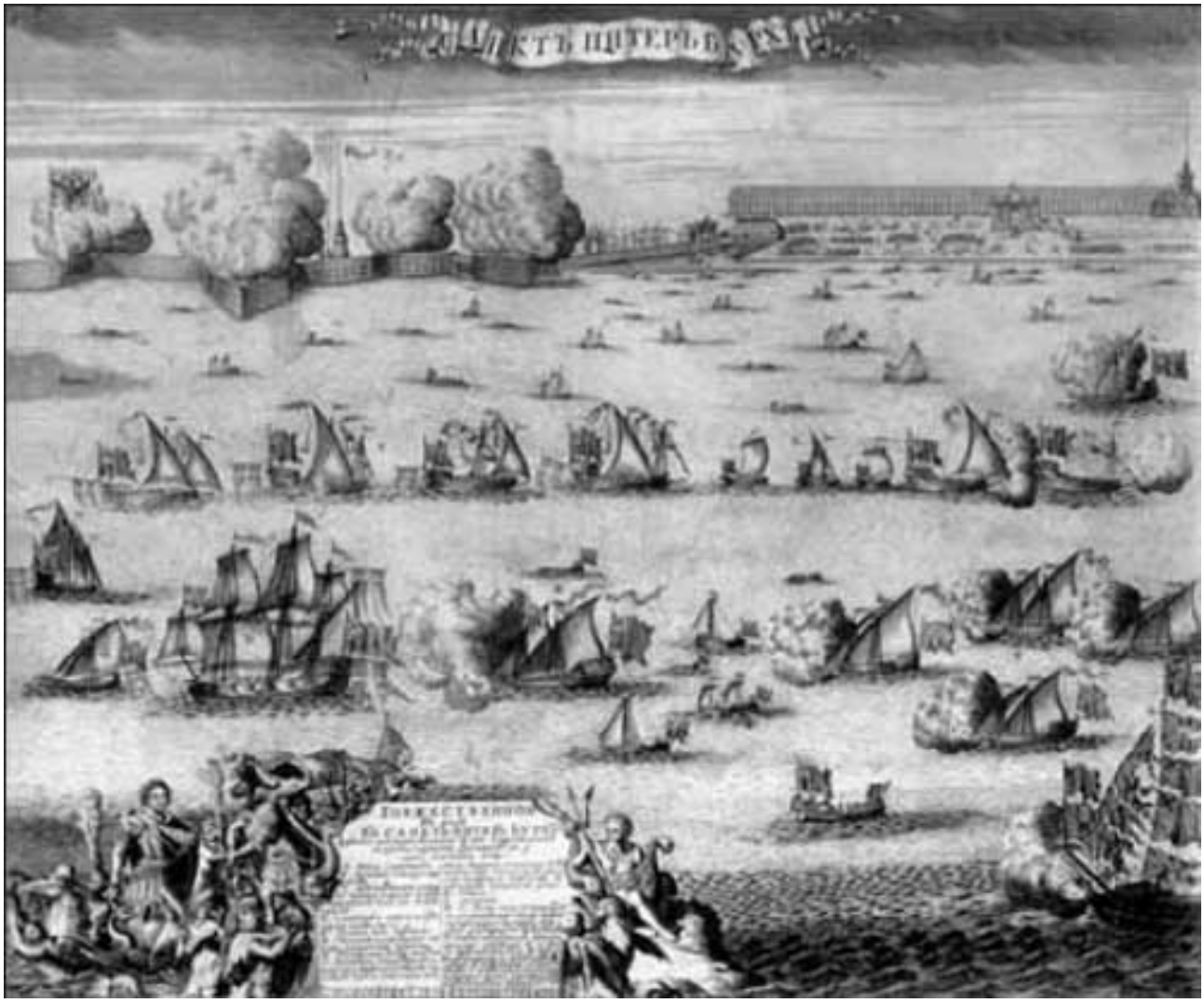
Со стороны это было, по-видимому, грандиозное зрелище, напоминающее морские сражения Пунических войн. Однако яростный огонь со шведских кораблей говорил, что на дворе XVIII век. Дважды шведские моряки отбивали атаки галер, но с третьего раза галеры сблизились с противником, и пехота пошла на абордаж. После трехчасового боя шведы спустили сине-желтые флаги. Вероятно, вода тихого фиорда покраснела от крови почти тысячи русских солдат и шведских моряков, убитых и раненых в эти часы. Смотреть на торжество русских адмирал Ватранг уже не имел сил. Как только подул ветер, он ушел в открытое море.

Петр воспринял это сражение как морскую Полтаву. И хотя эти две битвы не сравнимы по своему военному и дипломатическому эффекту, понять царя можно – это было первое (и такое удачное!) сражение на море государства, за десять-пятнадцать лет до этого не имевшего ни одного корабля. Но не только этим была ценна воодушевляющая победа у мыса Гангут. В начале августа 1714 года русские галеры захватили Аландские острова, расположенные у входа в Ботнический залив и представлявшие собой удобную базу для последующих военных действий против собственно Швеции.

В декабре 1714 года было получено известие, что Карл XII верхом в сопровождении четырех спутников через Венгрию, Австрию и германские княжества внезапно приехал в Штральзунд. После Прута отношения с турками у него резко ухудшились – они всячески хотели избавиться от незваного беспокойного гостя и уговаривали его выехать в Швецию, ссылаясь на соответствующий пункт Прутского договора, предусматривающий отъезд Карла из Турции (правда, по территории России). Петр, согласно договору, гарантировал безопасность проезда короля и даже составил маршрут следования через Москву и Петербург, желая, по-видимому, продемонстрировать врагу мощь своего государства. Очевидец отмечает раздумья короля: «…король шведский за многим принуждением высылкою от визиря в его землю, был в великом сомнении или меленколи, от котораго 2 сутки в своей квартире не был, а ходил в степи один и про него никто не ведает». Король от предложенной «экскурсии» в страну своего врага все же отказался, хотя не наладил отношений и с турками. Более того, в 1713 году произошел вооруженный конфликт: турки штурмовали и подожгли дом, где король занял круговую оборону. Карл бился врукопашную с янычарами, был ранен и захвачен в плен. Потери турок, татар и шведов при этом составили десятки раненых и убитых.

Вернувшись в Померанию, а затем, после 15-летнего (!) отсутствия, в Стокгольм, Карл уже ничего не мог поправить. Дело было не только в том, что он, сидя в Бендерах, упустил время, но и в том, что материальные и людские ресурсы Швеции были фактически исчерпаны, в то время как Петр перехватил инициативу и добился блестящих успехов, внутренние же преобразования в России стали к этому времени давать необходимые для победы плоды. Окрепли и силы союзников, к которым после истории с Штеттином присоединились прусские войска. Они вместе с датчанами и саксонцами осадили Штральзунд, который в декабре 1715 года пал. Карл, руководивший его обороной, ушел на одном из кораблей в Швецию. Чаша весов явно склонялась в пользу

союзников: великая империя шведов доживала последние дни.



Торжественный ввод в Санкт-Петербург в 1714 г. плененной шведской эскадры. П. Пикарт. 1714 г.

Часть II

Рождение империи

Осуществление государственной мечты

Двадцать второго октября 1721 года Петербург торжественно праздновал заключение Ништадтского мира, ознаменовавшего окончание Северной войны. Дошедшие до нас подробные описания этого события и гравюры петровского времени позволяют представить себе тот незабываемый день. Действо развернулось в Троицком соборе, где в присутствии высшего дворянства, чиновничества и генералитета Сенат объявил о присвоении Петру титулов «Император», «Отец Отечества» и «Великий». После праздничной церковной службы был оглашен текст Ништадтского мирного договора. Запели трубы, загремели литавры и барабаны, густым пушечным дымом салюта окутались бастионы Петропавловской, Адмиралтейской крепостей и стоящие на Неве 125 судов русского флота (вспомним Пушкина: «И Нева пальбой тяжелой далеко потрясена»). И когда затихли эхо салюта и крики «виват», Петр обратился к присутствующим с речью, которую тщательно подготовил заранее. Запись в «Реляции… торжества о заключении с короною Шведцкою вечного мира» передает нам ее смысл: «Потом же изволил Его императорское величество в кратких, но зело силных словах господам сенаторам на речь их ответствовал, которой ответ в следующем состоял: 1. Благодарствовал им, яко своим верным подданным, за такое от них признание его о них имеющаго попечения и явленную горячность, и что он то приемлет по их усильному прошению милостиво, но при том рекомендует им, чтоб за полученное миротворением благополучие благодарили Вышняго и всегда милось его божественную, дарованную им помнили и тщились, чтоб то и у потомства их в непрестанной памяти было, дабы и оные признавали, что Бог к России показал. 2. Напоминает он им о их благополучии, что хотя они ныне толь славной и полезной мир Божиею милостию и храбростию своего оружия получили, однакож бы и во время того мира роскошми и сладостию покоя себя усыпить бы не допустили, экзерцицию или употребления оружия на воде и на земле из рук выпустить, но оное б всегда в добром порядке содержали и в том не ослабевали, смотря на примеры других государств, которыя через такое нерачительство весьма разорились, междо которыми приклад Греческого государства, яко с собою единоверных,

ради своей осторожности, пред очами б имели, которое государство от того и под турецкое иго пришло; також бы и прежния времена и состояние своего собственного отечества пред очами имели, в котором издревле храбрые люди были, но потом нерадением и слабостию весьма от обучения воинского было отстали. 3. Что надлежит им стараться о *начатых разнарядках в государстве, дабы оные в совершенство привесть* и чрез дарованной божиею милостию мир являемые авантажи, которые им чрез оттворение купечества с чюжестранными землями вне и внутрь представляются, пользоваться тщилися, дабы народ чрез то облегчение иметь мог».

Как мы видим, Петр, поблагодарив Сенат за признание его заслуг и сославшись, по принятым тогда нормам, на особое благоволение Бога к России, как бы напоминает присутствующим известное выражение: «Уповайте на Бога, но порох держите сухим». Предупреждая о необходимости крепить вооруженные силы, он обращается за примером к прошлому и упоминает павшую под натиском турок Византию, причину гибели которой усматривает в забвении нужд обороны. Особо важен третий пункт речи Петра, где говорится о «начатых распорядках в государстве», которые необходимо завершить («дабы оные в совершенство привесть»), чтобы потом, пользуясь предоставленными миром возможностями («авантажами»), торговать с другими странами, «дабы народ чрез то облегчение иметь мог». (Вспомним основную идею меркантилизма: доходы от торговли являются главным источником благосостояния государства.)

Что же имел в виду Петр, говоря о «начатых распорядках»? Несомненно, речь шла о целом комплексе преобразований, и прежде всего об осуществляемых в последние годы Северной войны податной, церковной и государственной реформах, о выработке новых принципов внешней и внутренней политики.

Еще за три года до этой торжественной речи, в указе от 19 декабря 1718 года, Петр писал о себе (в третьем лице, как было принято): «Аднакож, Его величество, несмотря на такие свои несносный свои труды в сей тяжкой войне, в которой не только что войну весть, но все внофь, людей во оной обучать, правы и уставы воинския делать принужден был, и сие, с помошью Божиею в *такой добрый порядок привел,* что такое ныне перед прежним войском стало и какой плод принесло, всем есть извесно. Ныне, управя оное, и о земском правлении не пренебрег, но трудитца и сие в *такой же порядок привесть, как и воинское дело.* Чего ради учинены калегии, то есть собрании многих персон вместо приказоф, в которых президенты, или председатели, не такую мочь имеют, как старые судьи – делали, что хотели…»

Гордое сознание масштаба достигнутого в войне и в военных преобразованиях звучит в этих словах, – ведь когда они писались, на Аландских островах велись переговоры со шведами, и война вот-вот должна была закончиться для России вожделенной победой! Но еще до завершения войны Петр публично заявляет, что уже взялся за реформу государственного аппарата – сложнейшую задачу – и даже знает, как и с помощью каких инструментов можно добиться справедливости и порядка. Вообще же на языке Петра-реформатора привести что-либо «в порядок» означало организовать ломку старого порядка, и в данном случае преобразование «земского правления» означало серьезную перестройку управления страной на новых принципах. Приводимый указ позволяет нам понять логику реформатора: создав сильную своей регулярностью армию, он, используя успешный опыт военной реформы, приступает к созданию такого же сильного регулярного государства.

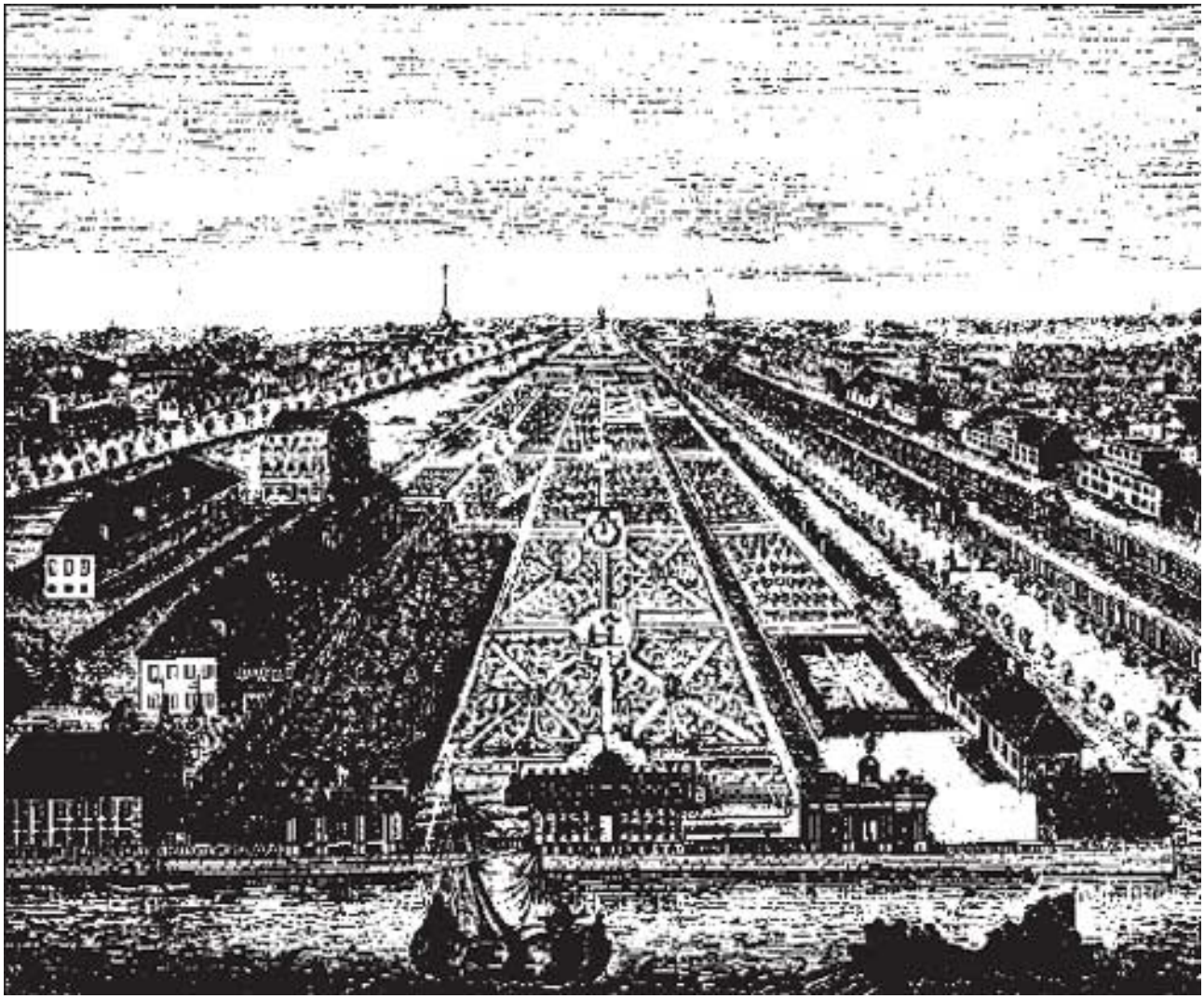
В основе перестройки государственного аппарата лежали широко распространенные в Европе идеи государственного строительства, о которых я уже говорил в главе «Отец Отечества». Кратко напомню их суть: поскольку государство есть творение не богоданное, а человеческое, сам человек может его и усовершенствовать, превратить в идеальный инструмент преобразования общества, воспитания добродетельного подданного, в идеальный институт, с помощью которого можно достичь «всеобщего блага» – желанной, но постоянно уходящей, как линия горизонта, цели человечества. Бесперебойная работа государственного механизма (вспомним «часы» Лейбница) достигается с помощью усовершенствованных законов и претворяющих их в жизнь учреждений. Петр, как уже говорилось, полностью разделял эти идеи. Отсюда понятно то значение, которое он придавал реформе государственного аппарата. Здесь необходимо еще раз подчеркнуть один аспект, без учета которого трудно понять суть многих явлений в истории России. Это роль государства в жизни общества. Она огромна. Во многом все прогрессивное и реакционное идет сверху. Для России с давних пор стало естественным явление, когда не общественное мнение определяет законодательство, а, наоборот, законодательство сильнейшим образом формирует (и даже деформирует) общественное мнение и общественное сознание.

Петр, исходя из концепций рационалистической философии и традиционных представлений о роли самодержца в России, придавал огромное значение писаному законодательству. Он искренне верил в то, что «правильный» закон, вовремя изданный и последовательно осуществленный в жизни, может сделать почти

все, начиная со снабжения народа хлебом и заканчивая исправлением нравов. Именно поэтому законодательство Петровской эпохи бесцеремонно вмешивалось в сферу частной жизни, выполняло функции назойливой «полиции нравов», о чем подробно будет рассказано дальше.

Царь был убежден, что последовательное исполнение (по терминологии Петра – «хранение») «правильных» законов – ключ к общему благополучию и процветанию страны, универсальная панацея от всех трудностей и неудач, которые, полагал он, происходят из-за «небрежения законами» и плохого «порядка», то есть организации. Великий реформатор России мечтал создать совершенное и всеобъемлющее законодательство, которым была бы охвачена и регламентирована вся жизнь подданных. Он мечтал о точной, как часы, идеальной государственной структуре, через которую это законодательство могло бы реализовываться.

Можно говорить о появлении при Петре подлинного культа бюрократического учреждения, административной инстанции. Ни одна общественная структура – от торговли до церкви, от солдатской казармы до частного дома – не могла существовать без управления, контроля или наблюдения со стороны специально созданных органов общего или специального назначения. Идею создания совершенного государственного аппарата Петр вынашивал давно, но только когда сомнений в победе над Швецией не осталось, решился приступить к осуществлению своей мечты. Как уже отмечалось, именно в этот период Петр во многих сферах внутренней политики начинает отходить от принципов голого насилия к регулированию общественных явлений с помощью бюрократической машины. Образцом для задуманной государственной реформы Петр избрал шведское государственное устройство. Рассматривая эту реформу, как и многие другие преобразования Петра, нельзя не коснуться вопроса о степени заимствования им западноевропейского опыта. Зачастую в исторической литературе эта проблема решается альтернативно: либо оригинальность, либо плагиат. Одни историки считают, что Петр лишь приспособил шведскую государственную систему под русские условия, другие же исходят из полной оригинальности преобразований, исключая лишь некоторые внешние детали вроде термина «коллегия».



Летний сад и дворец. С гравюры 1716 г.

Представляется, что, когда речь идет о взаимовлиянии, подобная альтернативная постановка вопроса в принципе далека от научной. Существенней знать, как и в какой степени взятое из других культур способствовало упрочению политической, социальной и экономической структуры общества, которое что-либо заимствовало. Забегая вперед, отметим, что несомненное заимствование западноевропейского, точнее, шведского государственного опыта в целом существенно способствовало укреплению государственности Российской империи. Вообще же обращение Петра к опыту западноевропейских стран было обычным в его реформаторской деятельности, шла ли речь о законодательстве, культуре, военном деле или быте. Почему все же шведский опыт использовался шире, чем опыт какой-либо другой страны? Это связано не столько с некоторыми элементами сходства социально-экономических условий обеих стран, сколько с личными пристрастиями Петра. Высоко оценивая шведскую военную и государственную организацию, Петр стремился превзойти Швецию,

используя при этом ее же опыт как на поле боя, так и в мирной жизни.

Всем памятны слова, произнесенные им в день Полтавской победы в честь шведов-учителей, побежденных превзошедшим их учеником. Допуская, что это лишь красивая легенда, нельзя все же пройти мимо несомненно достоверного свидетельства. В 1716 году в Амстердаме шведский комиссион-секретарь Прейс виделся и разговаривал с Петром. В письме в Стокгольм Прейс вспоминал, как однажды Петр «сказал, что тому, что научился вести войну и приучил свой народ к войне, он обязан не кому иному, как его величеству [Карлу XII]». Неудивительно, что, достигнув военной победы над столь «регулярным» народом, как шведы, – вспомните военную реформу! – Петр поставил задачу реорганизации российской государственности с помощью той же «регулярности».

Шведская государственная система была построена на принципах камерализма – учения о бюрократическом управлении, получившего распространение в Европе XVI—XVII веков. Камерализм содержал ряд черт, весьма привлекательных для Петра. Во-первых, это функциональный принцип управления, который предусматривал создание учреждений, специализировавшихся в какой-либо сфере, шла ли речь о финансах, военном управлении или юстиции. Во-вторых, это устройство учреждения на началах коллегиальности, четкой регламентации обязанностей чиновников, специализации канцелярского труда, установления единообразных штатов и жалованья. Читателю, хорошо знакомому с современным бюрократизмом, трудно усмотреть в этом что-либо принципиально новое. Между тем оно налицо, ибо сравнивать надо с тем, что было до реформы. А был, в сущности, средневековый аппарат управления с характерным для него отсутствием специализации и четкого разделения функций, смешением территориального и функционального управления, разнобоем в обязанностях чиновников, их статусе и оплате труда. Используя шведский административный опыт и беря за основу шведские образцы, Петр, как правило, вносил в них обусловленные особенностями России структурные изменения. Иногда же изменения не касались существа дела, носили чисто косметический характер. Общий принцип подхода к шведским учреждениям Петр выражал неоднократно и достаточно последовательно, примером чего служит указ от 28 апреля 1718 года: «Всем колегиям надлежит ныне *на основании шведского устава* сочинять во всех делах и порядках по пунктам, а *которым пункты в шведском регламенте неудобны,* или с сетуациею сего государства несходны и оныя *ставить по своему разсуждению.* И, поставя об оных,

докладывать, так ли их быть».

Реформа государственного аппарата началась в конце 1717 – начале 1718 года, когда Петр составил своеобразную программу предстоящих преобразований: он определил число и компетенции коллегий, назначил в них президентов, обязал их выбрать «подручных или товарыщей своих», особо смотря, «чтоб не было отнюдь свойственникоф или собственных креотур». Для нас наиболее интересен документ от 12 декабря 1718 года, озаглавленный: «Реестр коллегиям. О должности, что в которой управляти надлежит». Он позволяет нам представить первоначальную структуру нового центрального аппарата: «1. Чужестранных дел (что ныне Посольский приказ). Всякия иностранныя и посольския дела и пересылка со всеми окрестными государствы и приезды послов и посланников и приезды курьеров и других иноземцев; 2. Камор (или казенных сборов). Всякое расположение и ведение доходов денежных всего государства; 3. Юстиция (то есть расправа гражданских дел). Судныя и розыскныя дела; в той же коллегии в ведении и Поместный приказ; 4. Ревизион. Счет всех государственных приходов и расходов; 5. Воинской. Армия и гарнизоны и все воинския дела, которые были ведомы в Военном приказе и которыя прилучаются во всем государстве; 6. Адмиралтейской. Флот со всеми морскими воинскими служители, к тому принадлежащими морскими делами и управлении; 7. Коммерц. Смотреть над всеми торгами и торговыми действиями; 8. Штатсконтор (казенный дом). Ведение всех государственных расходов; 9. Берг и Мануфактур. Рудокопные заводы и все прочия ремесла и рукоделия, и заводы оных и размножение, притом же и артилерия».

Г. Неллер. Портрет Петра I Великого. Начало XVIII в.

Иной читатель удивится: почему же девять коллегий, а не двенадцать, как мы привыкли с детства считать, глядя на знаменитое здание Доменико Трезини? Прежде чем ответить на этот вопрос, обратимся к «Реестру» и систематизируем содержащийся в нем материал, точнее – сгруппируем коллегии по их важнейшим функциям. Сразу же выделяется группа коллегий военного и внешнеполитического ведомства – Военная, Адмиралтейская и Коллегия иностранных дел. Три первые коллегии занимали привилегированное положение в системе государственных учреждений благодаря тому огромному значению, которое придавал Петр армии, флоту, дипломатии, а также благодаря той огромной роли, которую играли в управлении их президенты – первейшие из первых сподвижников Петра: генерал-фельдмаршал светлейший князь А. Д. Меншиков, генерал-адмирал граф Ф. М. Апраксин и канцлер граф Г. И. Головкин. Эти коллегии возникли не на пустом месте. Как мы помним, уже в начале Северной войны создание новой армии, флота, активная дипломатия потребовали иных, отличных от старых, форм организации аппарата. Военный и Адмиралтейский приказы и Посольская канцелярия (Посольский

приказ) были четко сориентированы на специализацию. Именно в них, быстрее чем где бы то ни было, прижились коллегиальные методы ведения дел. Все это впоследствии облегчило переход к коллегиям.

Из всех коллегий особо выделяется группа финансовых коллегий – основа основ камеральной системы. Главной фискальной коллегией стала Камер-коллегия, ведавшая всем приходом денег и бюджетным планированием поступлений. Расход на нужды государства осуществлялся через Штат-контор-коллегию, игравшую роль центральной кассы, а контроль и наблюдение за работой финансовых органов поручались независимой от других коллегий Ревизион-коллегии. Трехчленное деление фиска имело огромное значение в государственном управлении. В старом приказном аппарате эти три финансовые функции – приход, расход и контроль – осуществлял практически каждый приказ. Как правило, приказ сам облагал население налогами, часто шедшими на его же нужды и под его же собственным контролем. Теперь все изменилось коренным образом – финансовая чересполосица XVII века была существенно потеснена.

Такое же значение имел факт создания Юстиц-коллегии. Она заменила сразу несколько судных приказов, отобрала судебные функции у многих приказов несудебного профиля. Произошла резкая унификация, централизация юстиции, – ведь для дореформенного периода было характерно смешение управленческих и судебных функций, не случайно руководитель приказа назывался «судьей». Теперь, с образованием Юстиц-коллегии, произошла резкая перемена, но ее значение все же не следует переоценивать, ибо впоследствии, по мере уточнения компетенций новой коллегии, из ее ведения «выпали» многочисленные социальные и профессиональные группы населения: горожане, купцы, промышленники и работные отошли в ведение Коммерц-, Берг-Мануфактур-коллегий, Главного магистрата, военными занимались Военная и Адмиралтейская коллегии, монастырскими служителями – Синод и т. д. Все это были издержки сословного строя, существовавшего в России в рамках феодализма.

Вид здания Двенадцати коллегий со стороны Невы. Р. Вилкинсон по рисунку М. И. Махаева. Середина XVIII в.

Особое место в системе управления заняли коллегии, ведавшие торговлей и промышленностью, – Коммерц-коллегия, Берг-Мануфактур-коллегия, о них подробно будет рассказано в следующей главе. В 1720 году среди центральных учреждений появился Главный магистрат, основной обязанностью которого было управление городами, включая как судебную, так и административную власть.

Состав коллегий при жизни Петра претерпевал существенные изменения. В 1721 году была образована Духовная коллегия – Синод, который был выведен из подчинения Сената. В 1722 году из состава Берг-Мануфактур-коллегии была выделена Мануфактур-коллегия, образована для управления Украиной Малороссийская коллегия в Глухове, для лучшего ведения поместными делами Вотчинную контору Юстиц-коллегии сделали отдельной коллегией – Вотчинной. Ревизион– и Штатс-контор-коллегии были лишены статуса центральных учреждений и стали конторами Сената. Всего в 1721 году было 11, а в 1723 году – 10 коллегий. Теперь вкратце о здании Двенадцати коллегий. Исследования М. В. Иогансен (Грозмани) показали, что в 1722 году Д. Трезини получил утвержденную Петром роспись размещения коллегий в здании, которое предполагалось построить перпендикулярно Неве. Роспись разбивала всю площадь здания на 12 участков. Начиная от Невы участки застраивались таким образом: 1 – «Аудиенц-камора» (зал торжественных приемов), 2 – Сенат, 3 – Коллегия ино-

странных дел, 4 – Военная, 5 – Адмиралтейская, 6 – Юстиц-, 7 – Камер– и Штатс-контор-, 8 – Коммерц-, 9 – Берг-, 10 —Мануфактур-коллегия, 11 – Главный магистрат, 12 – Синод. Примечательно, что здание Двенадцати коллегий повторяло план мазанковых канцелярий на Троицкой площади – первого правительственного здания в Петербурге, которое, в свою очередь, воспроизводило схему размещения приказов в Кремле: к торцовой стене здания по мере необходимости пристраивалось новое здание и т. д.

Коллегии стали основой центральной системы управления, хотя от старого приказного управления сохранилось немало более мелких учреждений: Дворцовая, Ямская, Печатная, Медицинская, Полицеймейстерская канцелярии, Преображенский приказ и некоторые другие.

Постоянно сталкиваясь со знаменитой «московской волокитой», характерной для деятельности приказов, Петр пришел к убеждению, что максимальная эффективность работы государственного аппарата может быть достигнута лишь с помощью детальной регламентации деятельности всех учреждений и каждого из чиновников. Этому убеждению царя вполне отвечала камеральная система, которая была просто немыслима без детально разработанного и соблюдаемого документа – регламента, фиксировавшего все необходимое для существования бюрократического учреждения: его функции, обязанности чиновников, режим работы, делопроизводство, оплату труда. Но Петр пошел дальше западноевропейских теоретиков и практиков камерализма. Ему принадлежит идея создания целой иерархии регламентов. При участии царя был создан не имеющий аналогов документ, своеобразный регламент регламентов – Генеральный регламент (1719—1724 гг.). Он содержал самые общие принципы деятельности бюрократического аппарата, всех государственных учреждений. Каждое из них, кроме того, имело собственный регламент, в котором уточнялись особенности работы именно этого учреждения. Обязанности каждого чиновника были, в свою очередь, записаны в «должность»– инструкцию, включенную в коллежский регламент. Характерным для всеобъемлющего регламентационного мышления Петра стал регламент Адмиралтейской коллегии 1722 года, который Петр разрабатывал сам и считал образцом регламента центрального учреждения. В этот регламент входило 56 должностей, начиная с длинного перечня обязанностей президента и заканчивая краткой и даже анекдотичной должностью профоса: «Должен смотреть, чтоб в Адмиралтействе никто кроме определенных мест не испражнялся. А ежели кто мимо указанных мест будет испражняться, того бить кошками и велеть вычистить». Регламенты, как замысливал их Петр, отнюдь не были

просто инструкциями. Тут важно заметить, что для Петра – реформатора государства – было характерно стремление перенести военные принципы на сферу гражданской жизни, государственного управления. Это проявлялось как в прямом распространении военного законодательства на гражданское управление, так и в придании законам, определяющим работу учреждений, значения и силы воинских уставов. Примечателен поясняющий это наблюдение указ Петра от 10 апреля 1716 года, присланный в Сенат: «Господа Сенат! Посылаю вам книгу Воинский устаф (которой зачат в Петербурхе и ныне совершен), которой велите напечатать число немалое, а именно чтоб не меньше тысячи книг, из которых ста три или более на словенском и немецком языке (для иноземцоф в нашей службе). И понеже оной хотя основанием воинских людей, аднакож *касаетца и до всех правителей земских* (как из оного сами усмотрите), того для, когда напечатают, то разошлите по препорции во все корпусы войск наших, также и по губерниям и канцеляриям, дабы неведением нихто не отговаривался. А оригинал оставьте у себя в Сенате. *Петр»*.

Комментарий тут не нужен – гражданские служители («земские правители») получили в качестве нового свода законов воинский устав, который тотчас вступил в действие.

25 октября 1723 года Сенат обсуждал дело о подаче в канцелярии ложных челобитных и не мог прийти к определенному решению из-за отсутствия необходимого закона. Петр сразу же разрешил сомнения сенаторов, о чем гласит журнальная запись: «Его величество изволил разсуждать, что о том надлежит чинить, *как в Военном артикуле предложено* о том, которые бьют на военный суд в неправом вершении и для того о том указы выписать и рассмотреть». Конечно, не все положения военных уставов были приложимы к гражданской сфере. Тогда прибегали к выборке из военных законов. В журнале Сената от 28 января 1723 года записано: «При том предлагал канцлер граф Головкин, что справитца в Сенате надлежит ли с приличным указом выписать к гражданским делам, что принадлежит из военного артикула».

Отношение к регламенту гражданского учреждения как к военному уставу особенно выпукло выражено в указе Петра от 20 января 1724 года: «Понеже в указе Его императорского величества за собственною его величества рукою написано: прибавить в прокурорскую должность чтоб регламенты хранились так крепко во всем, *как воинский регламент* и смотреть того накрепко за всеми члены и подчиненными, и чтоб выбрав из регламента, читать так, *как солдатам и матросам читают* (из „Устава воинского“. – *Е.* А.), того ради правительствующий Сенат приказали о вышеписанным во все коллегии и канцелярии, в губернии и про-

винции послать его величества указы, чтоб как члены о своей должности, так и канцелярские служители о содержании всяких дел и писем, выписав из Генерального регламента, читали как то чинится для всегдашняго выразумления в должности солдатской чтением и ведением их воинских артикулов, дабы впредь неведением не отговаривались и того за ними смотреть прокурорам, чего ради в дополнение их инструкций, послать к ним указы ж». Подобное отношение к гражданскому законодательству вело к созданию такой системы наказаний чиновников, которая мало чем отличалась от системы наказаний, применяемой к военным. В феврале 1723 года Петр распорядился: за прогул у штатских вычитывать, как у военных, а в октябре 1723 года приступил к созданию специального Уложения о наказаниях, разделив все преступления надвое: государственные и частные (партикулярные). За государственные преступления устанавливались жестокие наказания, вплоть до смертной казни. Надо сказать, что ни до, ни после Петра в России не было издано такого огромного количества указов, каравших смертной казнью за преступления по должности. Петр сочинил специальную «экспликацию» для объяснения причин жестокости наказаний за государственные преступления, заключающиеся «в презрении должности своей»:

«4. Экспликациа на пункт за государственныя преступления, чего ради тяжеле положен.

Когда кто в своем звании погрешит, то беду нанесет всему государству, яко следует. Когда судья страсти ради какой или похлебства (помните, из главы о военной реформе, о недостатках высшего военного начальника? – *Е.* А.), а особливо когда лакомства ради погрешит, тогда первое станет всю колегию тщатся в свой фарватер (то есть в свою дорогу) сводить, опасаясь от них извета. И, увидев то, подчиненные в такой роспуск впадут, понеже страха начальничья бояться весьма не станут для того, понеже начальнику страстному уже наказывать подчиненных нельзя, ибо когда лишь только примется за виноватого, то оной смело станет неправду свою покрывать выговорками непотребными, *дая очми знать,* а иной и на ухо шепнет или через друга прикажет, что естьли не поманит ему, то он доведет на него. Тогда судья, яко невольник, принужден прикрывать, молчать, попускать. Что же из сего последует? Не ино что, только подчиненных распустное житье, безстрашие, людям разорение еще горше, протчим судьям соблазн, понеже видя другова, неправдою богатящегося и ничего за то наказания не имущаго, реткой кто не прелститца. И тако по малу все в безстрашие придут, людей в государстве разорят, Божий гнев подвогнут, и тако, паче партикулярной измены, может быть государству *не точие бедство, но и конечное падение*».

Цитируемый текст «экспликации» – пояснения – поразительно напоминает по своим идеям ту часть «Устава воинского», где шла речь об обязанностях генерал-фельдмаршала, который может погубить армию двумя пороками – сребролюбием и «похлебством» (попустительством). Здесь мы видим, только в более живописном, красочном варианте (чего стоит только упоминание в государственном указе подмигивания шефу – «дая очми знать!»), то же самое – опасение, что государство, как и армия, падет от «похлебства», ослабления дисциплины, нарушения инструкций. Петр склонен «лакомства» и «похлебство» чиновников расценивать даже более сурово, чем воинское преступление – измену. Продолжаю в подтверждение этого цитирование «экспликации»: «Того ради надлежит в винах звания своего волею и ведением преступивших так наказывать, яко бы кто в самой бой должность свою преступил, или как самого изменника, понеже *сие преступление вяще измены,* ибо, о измене уведав, остерегутца, а от сей не всякой остережется, но может зело глатко под кровлею долго течение свое иметь и зло конце получить». Одним словом, иной президент коллегии может оказаться преступником хуже Мазепы, ставшего символом государственного и военного преступника петровских времен.

Итак, для Петра характерно отношение к государственному учреждению как к воинскому подразделению, к регламенту – как к военному уставу, а к чиновнику – как к военнослужащему. Н. И. Павленко справедливо заметил: «Идеальными Петру представлялись учреждения, уподобленные казарме, а служители учреждений – военным чинам, с такой же неукоснительностью выполняющим указы, как солдаты и офицеры выполняли военные уставы».

Другой исследователь – американец Д. Крайкрафт, уделяя особое внимание военному началу в личной жизни Петра, пишет, что военизация проявлялась во всем: Петр не только одевался как солдат, но и действовал и думал как солдат. Недаром, считает историк, Петр ввел в общественный обиход понятие «генералитет» как отдельный политический корпус, активно действовавший наряду с другими общественными силами. Воинские законы, построенные на проверенных опасным опытом сражений принципах, по мнению Петра, с убедительностью показывали преимущества этой военной модели. Воинская дисциплина – это то, с помощью чего можно воспитать в людях любовь к порядку, труду, сознательность, христианскую нравственность. (Вспоминается известная шутка Козьмы Пруткова: «При виде исправной амуниции сколь презренны все конституции».) Простота воинского устава, его очевидная эффективность на поле боя соблазня-

ли распространить военное начало и на гражданское управление, и на общество в целом. Когда анализируешь развитие идей Петра о государстве, реформе управления, бросается в глаза эта сознательная ориентация царя на военные образцы, на придание государству черт единого грандиозного военного организма.

Структура главного элемента этого организма – коллегии – была довольно проста: собственно коллегия (позже она называлась «присутствие») и канцелярия – делопроизводственный отдел, где сидели канцелярские служители. Отделениями коллегии были конторы, ведавшие какой-либо одной отраслью управления.

Как же работала коллегия? Генеральный регламент и многочисленные дополнения к нему установили четкий режим ее работы как бюрократического учреждения. Он заключался в соблюдении единства времени и места бюрократического действия: в определенное время недели, дня и только в здании Коллегий.

Реально это означало, что в назначенный для присутствия день и час члены коллегии собирались в аудиенц-камеру для заседания. Председательствующий – президент – открывал заседание, секретарь оглашал список рассматриваемых дел, которые одно за другим зачитывались. Далее наступало самое важное таинство коллегиальной формы управления. По заслушанному делу вырабатывался проект решения, каждый из присутствующих, начиная с самого младшего по должности, высказывал свое мнение, и большинство решало судьбу дела. Суть коллегиальной системы выражает 6-я глава Генерального регламента «О даче голосов в коллегиях»: «1. Когда предложение учинено будет, то по вышеписанному порядку от нотариуса одно по другом в протокол записывается и потом во всем коллегии каждое дело обстоятельно разсуждают; 2. И наконец, снизу, не впадя один другому в речь, голосы свои дают; 3. И множайшему числу голосам следуют; 4. А ежели голосы равны, то оным следовать, с которыми президент соглашается; 5. При сем каждой член по своей присяге и должности обязан, пока о котором деле разсуждают, мнение свое свободно и явственно объявлять, по правому своему разумению и совести, не взирая на персону, так как о том пред Его величеством и пред самим Богом ответ дать может; 6. И ради того никто при мнении своем с умыслу, упрямства, гордости или другова какова вида остатися не имеет, но ежели он другова мнение, которое добрыя основании и резоны имеет, усмотрет, оным следовать должен; 7. Такоже каждому члену свобода даетца, ежели голос ево принят не будет, а он ко интересу Его царского величества благооснованным и полезным быть разсудит, чрез нотариуса в протокол велит записать». Итак, Генеральный регламент довольно четко определяет коллегиальную форму управления. Но, зна-

комясь с ним, видишь, что единственной гарантией правильного применения коллегиального начала являются моральные понятия: боязнь согрешить пред Богом, обмануть царя, запятнать совесть, честь. Конечно, в тогдашних учреждениях было немало людей, для которых эти понятия были моральным законом, но было много и таких, которые могли нарушать положения, требующие честности, принципиальности, и не боялись при этом провиниться перед Богом, царем, начальником, не противореча своей совести, морали, долгу. Все это, конечно, учитывал Петр, который наряду с моральными нормами вводил ряд юридических институтов, осуществлявших надзор за деятельностью чиновников, о чем будет сказано ниже.

В коллегиях было три вида служащих: члены коллегий, канцелярские служители и так называемые «нижние служители» – курьеры, сторожа, вахмистры и солдаты. Центральной фигурой коллегиального совета был президент, который осуществлял управление коллегией от имени царя и поэтому имел право на особое почтение со стороны членов коллегии. 26-я глава Генерального регламента так и названа: «О респекте, надлежащем президентом». «1. Понеже президенты, а во отлучении их вице-президенты вышшие главы суть и в лице Его царского величества сидят ради управления всех дел в коллегиях, також на каждого верность, прилежность и поступку надзирают, того ради надлежит всем членам, как коллегийным, так и канцелярным, учрежденному их президенту всякое достойное почтение и респект и послушание чинить и по указом их в делах, которые Его царского величества высокой службе и интересу касаютца, поступать». И все же при столь ясных формах почтения к должности президента реформатор делает все, чтобы президент по своей власти не напоминал прежнего единоличного судью приказа. Об этом говорится в уже цитированном указе от 19 декабря 1718 года, то есть в самом начале реформы: «Чего ради учинены калегии, то есть собрании многих персон (вместо приказов), в которых президенты или председатели, *не такую мочь имеют, как старые судьи* [которые] *делали, что хотели.* В колегиях же президент не может без соизволения товарыщев своих ничего учинить, также и прочия обязательствы великия есть, что отнимают старые поползновения делать, как о том вскоре регламенты (или уставы) будут публикованы и всех колегей должности для ведения сего дела народу». Именно этим объясняется включение в упомянутую 26-ю главу положения о пределах власти президента: «2. Между тем не надлежит президентам данную им от Его царского величества власть презирать и членов того коллегия ничем не отягощать, чего они противу чину и должности своей исполнять не должны,

толь наименьшее – жестокими и чувственными словами укорять. 3. Но все дела коллегийным членам по благоизобретению всего коллегия давать и каждого по состоянию особы его и погрешения, наказывать».

Петр возлагал очень большие надежды на сам механизм работы учреждения, полагая, что именно он заставит чиновников следовать законам долга, чести, совести, обеспечит коллегиальность. Но, просматривая протоколы коллегий, мы лишь изредка встречаем в них следы споров, разногласий между членами присутствия. Причин этому много. С одной стороны, коллегии рассматривали дела, в основном соответствующие нормам законодательства и поэтому не вызывавшие споров. Бюрократический шаблон решения таких дел не предполагал разногласий, если, конечно, между членами коллегии царил мир и в деле не были замешаны чьи-либо особые интересы. Но, как правило, эти интересы проявлялись не на заседаниях совета коллегии, а заранее, где-то за кулисами.

С другой стороны, подлинного равенства между членами совета быть не могло. Президентами, как правило, были влиятельнейшие сановники Петра, спорить с которыми было рискованно. Известно, как генерал-фискал полковник А. А. Мякинин пытался разоблачить финансовые махинации Меншикова, который «убедил» подчиненное ему военное руководство так рассмотреть дело, что Мякинин за клевету был приговорен к расстрелу, а Меншиков в очередной раз вышел сухим из воды. Вспоминая эту историю, член Военной коллегии – какой-нибудь скромный полковник Караулов или кто-нибудь из его товарищей – ив мыслях не держал в чем-то возразить своему могущественному патрону – президенту коллегии, формально, по букве регламента, равному ему. Советники и асессоры составляли основную массу членов коллегии. Между ними распределялись дела внутри коллегии. Это предусматривалось Генеральным регламентом: «А дела междо советниками и асессорами тако разделяются, что каждому как из происходящих в коллегии дел определенная часть, так и над канцеляриею и канторами и над делами и трудами оных особливое надзирание дается, яко о том партикулярных инструкциях коллегиев пространно усмотреть можно».

Вместе с членами присутствия в аудиенц-камере сидел еще один чиновник, который был полностью независим от коллегии и имел огромные права. Это был коллежский прокурор – должность, необычайно важная в системе петровской бюрократии. Особенно полно обязанности прокурора были выражены в Должности прокурора Главного магистрата: «1. Оной имеет сидеть в Главном магистрате и смотреть накрепко, дабы оной магистрат

свою должность хранил и в звании своем во всех делах истинно и ревностно без потеряния времяни все дела порядочно отправлял по регламенту и указом, разве какая законная притчина ко исполнению им помешает, что все записывать в юрнал свой». Общим наблюдением обязанности прокурора не ограничивались. Особое внимание уделялось наблюдению за исполнением постановлений: «...также смотрить накрепко, чтоб в магистрате не на столе токмо дела вершились, но чтоб по оным самыя действа по указам, как скоро возможно, исполнены были, чего он должен спрашивать у тех, кому указы даны, что исполнено ль в такое время, в которое начало и совершенство оного исполнено быть может, и буде неисполнено, зачем – невозможность ли какая помешала, или по какой страсти или лени, о чем немедленно магистрату предлагать должен».

Наблюдение за судопроизводством коллегии также входило в компетенции прокурора, который, исполняя свою должность, мог не ограничиваться представлениями в коллегии: «2. Також смотреть, чтоб магистрат в судах и в росправе праведно и не лицемерно поступал, а ежели что увидит противно сему, в магистрат должен тот час предлагать оному магистрату явно с полным изъяснением в чем они не так делают, дабы исправили, что они повинны учинить, а ежели не послушают, должен тот час протестовать и оное дело остановить и немедленно донести генерал-прокурору...» Из второй группы – «канцелярских служителей» – важнейшее место занимал секретарь. Его должность была близка должности приказного дьяка и состояла в руководстве делопроизводством: приеме и оформлении входящей корреспонденции, подготовке дел к докладу, изготовлении и отправке решений – исходящих документов. В соответствии со шведскими штатами в составе служащих коллегий появились три новые должности: нотариус, актуариус и регистратор. Нотариус составлял протоколы заседаний коллегии (поэтому он часто назывался протоколистом), затем сшивал все протоколы в книгу, вел также учет «вершенным» и «невершенным» делам. Актуариус сидел исключительно на входящей корреспонденции, осуществляя ее первоначальную обработку. Дальнейшей систематизацией корреспонденции, как и всем учетом поступивших и отправленных бумаг, ведал регистратор.

Секретари, нотариусы, актуариусы, регистраторы, а также переводчики и фискалы были как бы аристократией канцелярии, резко выделенной из общей массы служащих своей ролью в бюрократическом действе, жалованьем, положением. Писцы – непосредственные делопроизводители, занятые, как и во все прежние времена, переписыванием бумаг, составляли плебс канцелярии.

В приказах было три вида писцов: старые, средней руки и молодые подьячие. Все они попали в коллегии, хотя и стали соответственно называться канцеляристами, подканцеляристами и копиистами. Неизменность их работы в новых условиях фиксирует и Генеральный регламент: «...канцеляристом надлежит все то, что по реэстру из отправляемых дел от секретаря повелено будет, изготовлять... також и те дела, о которых они генеральные формуляры (образцовые письма) имеют, а имянно: дипломы, патенты и протчее». Наиболее лаконично определены обязанности копииста: «Копеистом надлежит все, что отправляетца в канцелярии набело писать».

Именно канцеляристы, подканцеляристы и копиисты составляли большинство служащих в новых учреждениях. Происшедший за годы реформы рост бюрократического аппарата шел главным образом за их счет. Всего накануне реформы центрального управления было 1169 служащих, причем канцелярские составляли из их числа 79%, или 924 человека. В 1723 году – к моменту завершения реформы – количество канцелярских служащих в России более чем удвоилось, достигнув численности 1962 человека, что из общего числа служащих того времени (2100 человек) составляло 93,4%. Та общая тенденция увеличения бюрократического аппарата, которая была намечена в ходе государственных преобразований, получила дальнейшее развитие в послепетровское время, и, несмотря на все усилия верховной власти сократить аппарат, сделать это не удалось. В нашем распоряжении данные 1723 года о делопроизводстве сравнительно небольшой Коммерц-коллегии. За один год коллегия получила из Сената, Синода, коллегий и других учреждений, а также от частных лиц 1684 документа. Кроме того, в канцелярию из присутствия пришел 1041 документ (приговоры, выписки). Всего в канцелярию поступило 2725 документов. За тот же период было отправлено в другие учреждения 1702 «исходящих» документа. Таким образом, через аппарат Коммерц-коллегии прошло за год почти 4500 документов. В том же 1723 году численность всех служащих этой коллегии составила 32 человека. В других коллегиях служащих было гораздо больше: в Камер-коллегии – 228 человек, в Военной – 353 человека и т. д. Надо полагать, что соответственно возрастало и количество проходящих через бюрократический конвейер бумаг. Если мы будем считать, что между числом бумаг и числом служащих существовала прямая связь, то 1412 служащих всех коллегий должны были обработать минимум 200 тысяч документов в год и соответственно – за первые пять лет работы – не менее одного миллиона документов. Цифра впечатляющая, если учесть, что податное население России в то время составляло максимум 12

миллионов человек.

Впрочем, еще большее впечатление оставляет факт, приведенный в учебнике «Теория и практика архивного дела» (М., 1980, с. 63). Оказывается, в СССР «ежегодно в учреждениях, предприятиях и организациях… образуется до 100 млрд документов, что составляет не менее 1 млрд дел». Легко произвести подсчет: на каждого из 280 миллионов жителей страны в год производится не менее 357 документов.

Реформа центрального управления проводилась параллельно с реформой высшего управления. Суть преобразований состояла в изменении структуры, компетенций и состава высшего правительственного учреждения – Сената – в целях приспособления его к системе новых центральных учреждений – коллегий. Наиболее полно новое положение Сената в системе власти отразила «Должность Сената» – специальная инструкция, определявшая власть, устройство, делопроизводство Сената в новых условиях. С 1718 по 1722 год Петр шесть раз перерабатывал проект «Должности» – столь важен был для него этот документ. «Должность» сразу же определила высокое место Сената как хранителя государственных интересов: «Едино же сказать – всегда Сенату подобает иметь о монашеской и государственной пользе неусыпное попечение, доброе бы простирать и все, что вредно может быть, всемерно отвращать». В соответствии с этим повышалась ответственность самих сенаторов, обязанных как зеницу ока хранить свое достоинство. 10-я глава «Должности» предупреждала: «1. Никому в Сенате позволяется разговоры иметь о посторонних делах, которые не касаются к службе нашей, менши же кому дерзновение иметь бездельными разговорами или шутками являтися. 2. Но надобно ведать, что есть оное место сочинено, где поступать подобает со всякою надлежащею учтивостию, понеже Сенат собирается вместо присудствия нашей персоны во отлучении». Это предупреждение сенаторам не случайно. Петр хорошо знал о постоянных распрях, которые раздирали сановников и проявлялись особенно часто на заседаниях Сената. В указе от 2 октября 1718 года сенаторам и президентам коллегий Петр с раздражением писал: «Также съехався, как для сего дела, так в Сенат, лишних слоф и балтанья не было, но то время ни о чем ином, только о настоящем говорить. Также, хто станет говорить речи, другому не перебивать, но дать окончать и потом другому говорить, как чесным людем надлежит, а не как бабам-торговкам». Сенат занимал ключевое положение в петровской государственной системе. Он сосредоточивал судебные, административные и законосовещательные функции, ведал губерниями, а самое главное – коллегиями и другими центральными учреждениями. Поначалу, в 1718 году, Петр распоря-

дился, чтобы в состав Сената вошли все президенты коллегий.

Идея, конечно, была заманчива – коллегиальный принцип пронизывал все управление: коллегии управлялись коллегией из президентов коллегий. Однако вскоре от этой идеи пришлось отказаться: сосредоточение в одних руках обязанностей президента и сенатора эффекта не дало, к тому же президенты были перегружены работой в своих коллегиях.

Работал Сенат согласно коллегиальным принципам. Единство места, времени и состава присутствия, как условия, необходимого для деятельности Сената – бюрократического учреждения, сохранялось и фиксировалось «Должностью»: «1. Без согласия всего Сената ничто делать подобает, паче же ниже, что вершить возможно; 2. Ежели ж бы иногда кто за болезнию или некоторой крайней ради нужды не в присудствии был, того для делам оставленным быть не надобно; 3. Однако о важных делах и отсудствующим подобает прежде вершения всякому осведомлену быть; сии отлучки разумеетца кроме дальних и ево мнение на письме получить;

4. И надобно, чтоб всякие дела не в особливых домах или в беседах, но в Сенате вершить и в протокол введенным быть надлежит;

5. И не надлежит же сенатцким членам никого посторонних с собою в Сенат брать, которому бы тамо по званию своему быть не подобало». Важной функцией Сената стало назначение и утверждение практически всех чиновников в новые учреждения. Интерес представляют правила, согласно которым в России впервые вводилось тайное голосование. Эти правила называются «Образ балотирования» и датированы 18 февраля 1720 года. Петр, автор «Образа», казалось, предусмотрел мельчайшие детали процесса баллотировки: «1. Когда сойдутца для онаго, тогда надлежит выслушать дело, о чем имеют бросать балы (то есть шары. – *Е.* А.) и, когда все выразумеют; 2. Тогда в особливой каморе надлежит стулы поставить вкруг так далеко друг от друга, чтоб рукою одному до другова достать было нельзя. А столу с ящиком, в которой балы кидают, и чаша з балами стоят на средине; 3. Когда войдут в ту камору, надлежит всем приступить к столу, где балы, и открыть ящик, нет ли в нем балов. И когда ничего не найдут, паки закрыт и сесть по стулам в епанчах, и чтоб по осмотре никто не подходил к балам; 4. Потом честь подтверждение присяги ежели выбор какой или иное дело; а ежели дело креминальное или нужное государству, то чинить полную присягу и потом ту или другую подписать всем; 5. Потом велеть носить чашу открытую з балами, и чтоб явно всякой брал по одному балу, которых надлежит быть в чаше, сколько персон будут балатировать, а не более. Також

чтоб балы были из холста или иной мяхкой материи, а не деревянные или иной тяжкой материи; 6. Потом велеть носить ящик кругом, начать от президента, в которой должон всяк, вложа руку, класть балы в белой или черной ящик по своей совести и присяге с прикрытием епанчи, дабы другой или кто держит ящик, не ведал, куда рука погнется». Столь детальнейшее описание всех нюансов голосования обусловлено не столько непривычной новизной, сколько стремлением Петра так обставить всю процедуру голосования, чтоб было невозможно фальсифицировать результаты. Здесь, как и в других указах Петра, отчетливо прослеживаются любимые царем идеи детальной и жесткой регламентации всех действий государственной машины – единственного в глазах царя средства обеспечить законность, пресечь злоупотребления. Однако и здесь, как и в случае с применением принципа коллегиальности, Петра ожидала неудача – известно, что отдельные демократические институты, действующие в общих рамках авторитарной власти и даже в интересах ее, неизбежно превращаются в фикцию. Выбор ящика, куда бросить шары, меньше всего зависел от того, как будут предварительно рассажены чиновники и как им поднесут ящик выбранным оказывался тот, кто угоден, нужен начальству, на кого указано заранее.

В истории государственной реформы особое место занимает указ от 12 января 1722 года. Он с очевидностью свидетельствует об умении Петра учитывать изменяющуюся обстановку, вносить коррективы в планы преобразований. Поняв всю нелепость ситуации, когда президенты в качестве сенаторов должны сами себя судить, Петр этим указом вывел президентов из Сената и признал неудачу своей затеи создать коллегию коллегий. Кроме того, указ углубил реформу Сената, заложил в его основу некоторые новые принципы, усилившие значение Сената в системе управления. 4-й пункт указа гласит: «Надлежит быть при Сенате генералу-прокурору и обер-прокурору, также во всякой коллегии по прокурору, которые должны будут репортовать генерала-прокурора. Также надлежит быть при Сенате рекетмейстеру, эксекутору и герольдмейстеру или иной какой чин, кто б дворян ведал и всегда представлял к делам, когда спросят». Этим указом создавался важнейший контрольный орган самодержавного государства XVIII века – прокуратура. К ее организации Петр шел давно, назначая в Сенат для наблюдения за сенаторами гвардейских офицеров, затем В. Н. Зотова в должности генерал-ревизора. И вот наконец в 1722 году по образцу французского государственного аппарата в России появился генерал-прокурор. В первой редакции «Должности генерал-прокурора» он был назван особо доверенным чиновником – «стряпчим от государя и от государства».

Петр не менее шести раз возвращался к «Должности», пока ее текст не отразил все его основные идеи: «1. Генерал-прокурор повинен сидеть в Сенате и смотреть накрепко, дабы Сенат свою должность хранил и во всех делах, которые к сенацкому разсмотрению и решению подлежат, *истинно и ревностно, бес потеряния времени, по регламентам и указам отправлял*, разве какая законная притчина ко отправлению ему помешает, что все записывать в свой юрнал; 2. Также накрепко смотрить, чтоб в Сенате не на столе только дела вершились, но самым действом по указом исполнялись, о чем он должен спрашивать у тех, кто на что указы получил, исполнено ль по них в такое время, в которое начало и совершенство оного исполнено быть может; 3. И буде не исполнено, то ему ведать надлежит, для какой причины, невозможность ли какая помешала, или по какой страсти, или за леностию...»

Следующие пункты развивают мысль о том, что генерал-прокурор наделен особыми полномочиями «яко око наше и стряпчий о делах государственных». Самым существенным было, пожалуй, то, что генерал-прокурор был полностью независим от сенаторов, что весьма недвусмысленно оговаривалось в «Должности»: «Генерал и обер-прокуроры ничьему суду не подлежат, кроме нашего». Вряд ли стоило так подробно рассматривать еще одну бюрократическую должность, если бы речь не шла о создании целого института, возглавляемого генерал-прокурором, института публичного, явного надзора. Помимо должности генерал-прокурора, которую занял один из ближайших сподвижников Петра П. И. Ягужинский, была образована специальная Прокурорская контора при Сенате, введена должность помощника генерал-прокурора – обер-прокурора, а самое главное – вводилась должность прокурора во всех центральных учреждениях. Коллежские и судебные прокуроры были независимы от своих учреждений, подчинялись непосредственно генерал-прокурору, а последний, согласно «Должности»: «1. Должен смотрить над всеми прокуроры, дабы в своем звании истинно и ревностно поступали; 2. А ежели кто в чем преступит, то оных судить в Сенате; 3. И должен все прокурорские доношении предлагать Сенату и инстиговать, чтоб по них исполнено было». Петр возлагал большие надежды на эффективность работы прокуратуры. Царя воодушевлял пример генерал-прокурора П. И. Ягужинского, не запятнавшего себя злоупотреблениями или взятками, как зеницу ока хранившего «интерес государев» в высшем органе власти. Петр побуждал и остальных прокуроров работать так же.

Павел Иванович Ягужинский.

20 мая 1724 года царь писал Ягужинскому: «Господин генерал-прокурор! Которые прокуроры от коллегий здесь, прикажи им, чтоб они свои конторы здесь гораздо смотрели, так ли делается, как надобно, и ежели что не так, чтоб тебе рапортовали, и оных бы; сыскав и освидетельствовав, наказать, понеже *за глазами, чаю, много диковинок есть»*. Чтобы обезопасить свою систему от «диковинок» – должностных преступлений, Петр считал необходимым продублировать институт явного государственного надзора институтом тайного надзора. Речь идет о фискалах – чиновниках, название должности которых стало печально знаменито в России. Впервые о фискалах было упомянуто в указе Петра от 2 марта 1711 года: «Учинить фискалоф во фсех делах, а как быть им, пришлетца известие». «Известие» было прислано через три дня. «Выбрать обер-фискала, человека умнова и доброва (ис какого чина ни есть)». В его обязанности входило тайное наблюдение за деятельностью администрации. Важнейшим принципом деятельности фискалитета – института, широко распространенного в Западной Европе, были тайна и безнаказанность. Фискал не нес ответственности за ложные доносы, ибо, как утверждал указ 1714 года, «невозможно о всем акуратно ведать». Документы доносят

до нас крайне негативное отношение современников к фискалам. С одной стороны, сам характер деятельности состоящих на государственной службе тайных надзирателей и доносчиков, защищенных законом от наказания за ложный донос, сделал их презираемыми, а их работу – грязной, нечистоплотной, связанной с наушничеством, нарушением моральных норм. С другой стороны, для чиновников, причастных к обогащению за счет казны, деятельность фискалов представляла реальную опасность. Петр всячески поддерживал фискалитет, полагая, что, когда идет речь об интересах государства, необходимо поступиться моралью. Сенатская реформа способствовала развитию института фискальства уже на новом уровне. В 1723 году был назначен генерал-фискал, а в 1725 году опубликована разработанная Петром «Должность» генерал-фискала и его помощника – обер-фискала. Уже ее преамбула говорит о тех задачах, которыми предстояло заниматься главным фискалам: «О должности генерал-фискала и его помощника государственного обер-фискала. Оные имеют быть в резиденции Его величество, прочие ж провенциал-фискалы и фискалы в коллегиях и в провинциях и городах, каждой во учрежденном своем месте под их дирекцию». Иначе говоря, создавался разветвленный институт местных фискалов, находящихся под общим руководством генерал-фискала и обер-фискала. «Сей чин должен по крайней мере старатися смотреть и взыскание иметь всех *безгласных дел,* о которых изображено в последующих пунктах, и ежели усмотрит, что противу того поступлено, то должен благовременно доносить и со всякою прилежностию и верностию поступать, дабы ни какая сила, власть, родство, свойство, посулы, ненависть или недружба и зависть и иная страсть [от] вратить от того не могла. Против же того, да не дерзают прежде, когда еще кто по делу осужден не будет, никого повреждать и в подозрении ни словесно, ни письменно приводить, но по закону и правам чин свой содержать». Пояснения требует понятие «безгласные дела». Речь идет о наследственных, уголовных и иных делах, «за которых нет человека, например, ежели какова приезжаго убьют или наследник последний в своей фамилии во младенчестве умрет без завету духовной предков ево и протчие тому подобные безгласные дела, иже не имеют человека о себе». Институты прокуратуры и фискалитета были прочно связаны: фискалы доносили о делах прокурорам и генерал-фискалу, подчиненному генерал-прокурору.

Прокуратура и фискалитет были звеньями единой цепи контроля, который создавался Петром как в связи с реформой Сената, так и в связи с реформой судопроизводства. Еще с 10-х годов XVIII века Петр всерьез занялся судебной реформой, цель которой со-

стояла, как отмечалось выше, в отделении судебных функций от административных. Образование губерний в 1708 году предполагало появление у губернатора помощника – ландрихтера, которому поручалось ведать юстицией. Однако реально такого разделения властей не произошло, и мысль об отделении суда от администрации, как точно отметил М. М. Богословский, лишь «блеснула при Петре». Но и это было весьма много для России того времени. Большие усилия прилагались Петром, чтобы как-то организовать и направить поток жалоб, идущих в центральные и высшие учреждения. В 1720 году при Сенате была создана Рекетмейстерская контора во главе с обер-рекетмейстером, в которой сосредоточивались челобитные с жалобами на чиновников разных рангов. О них генерал-рекетмейстер должен был докладывать царю и сенаторам.

Создание нового полноценного государственного аппарата, построенного на принципах камерализма – субординации, дифференциации, регламентирования, – было бы невозможно, если бы реформа не коснулась низшего звена управления – местного аппарата. Естественно, что областная реформа проводилась параллельно с реформой центральных и высших ведомств и основывалась на тех же принципах. Более того, при создании нового областного устройства также был использован шведский административный опыт, отраженный в специальном проекте Генриха Фика – агента Петра, побывавшего в Швеции и хорошо изучившего шведскую административную систему.

Проект Фика, воспроизводящий шведское устройство местного управления, обсуждался в Сенате и был принят за основу с определенными изменениями, учитывающими специфику России. Такой подход был определен Петром в резолюции на проект Фика: «Земское управление надлежит перво один уезд от мужика до правителя уезда, а потом до ландсгевдинга, шведское с русским сложа, и на мере свои мнения поставя, изготовить в доклад по порядку и чинам». Тогда же – 9 мая 1718 года – было уточнено, как складывать шведскую и русскую организацию: «сколько ланцэвдингоф и над сколькими уезды один, и под ними сколько каких чиноф, и как оныя связаны послушанием и должностию, то выписывать и приносить в Сенат, где надлежит спускать с русским обычаи, что может быть по-старому и что переменить».

В постановлении Петра идет речь об анализе и изменении шведской областной системы, трехчленной по своему устройству: приход (кирхшпиль) – дистрикт (херад) – земля (ланд), – во главе которой и стоял упомянутый Петром чиновник – ландхевдинг. Петру и его сподвижникам было о чем думать: шведская система была принципиально иной, чем российская, точнее, чем та, кото-

рую они хотели создать. Низшим и важным звеном шведского управления был приход (кирхшпиль). Его деятельность была основана на активном участии в управлении народа, крестьян, выборные от которых входили в административные и судебные органы кирхшпиля. Кроме того, важную роль играл пастор – высшая нравственная власть в приходе. Ознакомившись с системой кирхшпиля, Петр и сенаторы полностью отвергли ее: ни о каком участии народа и духовенства в управлении в системе российского самодержавия петровских времен не могло идти и речи. Рассуждая о неприемлемости для России системы низших выборных чинов, Сенат постановил: «Кирхшпильфохту и ис крестьян выборным при судах и у дел не быть для того, что всякие наряды и посылки бывают по указом из городов, а не от церквей; к тому жив уезде *ис ре стьянкства умных людей нет»*. И это говорилось о народе с давней земской, общинной традицией, некогда спасшей страну и престол от гибели! Впрочем, стоит ли этому удивляться – авторитарная власть и бюрократическое презрение к «глупому» народу всегда идут рука об руку.

Два других элемента шведской системы были сохранены. Провинция (ланд) стала основной единицей областного управления. Существовавшие к этому времени 11 губерний были поделены на 45, а затем на 50 провинций. Губернии не были отменены, хотя власть губернатора распространялась только на провинции губернского города. Примечательно, что в будущем – при Екатерине II – петровские провинции стали губерниями. Провинции делились на дистрикты, в которых сидели земские комиссары; общее руководство провинциями осуществляли воеводы, подчинявшиеся непосредственно Сенату, за исключением военных и апелляционных дел, по которым они подчинялись губернаторам. Инструкция провинциальному воеводе, принятая в 1719 году, делала его полновластным правителем в своей провинции. Под его руководством находились конторы камериров, «или надзирателей земских сборов», а также рентрея, где сосредоточивались денежные средства. Кроме того, воевода руководил канцеляриями рекрутского сбора, розыскных, провиантских дел, таможней и другими учреждениями.

С проведением второй областной реформы сеть местных учреждений стала заметно гуще, чем раньше, а уж с допетровской Россией сравнивать не приходится: редкие уезды выглядели анахронизмом по сравнению с мощной, разветвленной структурой губерний, провинций, дистриктов. В основу областного устройства, возникшего к концу петровского царствования, также были положены принципы камерализма. Все местные учреждения были тесно связаны с соответствующими центральными органами

– коллегиями. Сверху донизу было установлено единообразие, «правильность», достигаемая единством внутреннего устройства, четкостью соподчинения, идентичностью компетенций органов и должностей одного административного уровня на территории всей страны. Отныне был задействован бюрократический принцип единообразия, нередко игнорирующий специфику каждого района, – так, Кунгурская провинция по своему устройству ничем не отличалась от Старорусской или Саратовской. Государство, строившееся на регулярной основе, и должно было стремиться к единообразию: это облегчало, как казалось его создателям, реализацию указов центра и контроль их исполнения.

Стремление Петра организовать государство по военному образцу, естественно, влекло за собой усиление роли военных в обществе и государстве. Нет сомнения, что государственная и военная реформы привели к достаточно четкому разделению военной и гражданской служб, что и было впоследствии зафиксировано знаменитой Табелью о рангах. Но вместе с тем петровские реформы знаменовались широким распространением практики участия в государственном управлении профессиональных военных. Это проявлялось не только в легкости назначения военных на гражданские должности, но и в весьма частом их использовании (особенно гвардейцев) в качестве эмиссаров царя, высших учреждений. Обычной картиной стали регулярные командировки сержантов и офицеров гвардии в губернии, провинции и уезды, где они, имея чрезвычайные полномочия, исполняли роль своеобразных «толкачей», «погонял». За неисполнение указов они имели право любых чиновников «посадить в оковы, на чепи и в железа» и держать их так неограниченное время.

Уместно вспомнить, что, упраздняя стрелецкие полки, сыгравшие такую большую политическую роль в событиях 80-90-х годов XVIII века, Петр презрительно называл их «янычарами». При этом он вряд ли полагал, что взлелеянные им гвардейские полки – цвет русской армии – после его смерти будут, в сущности, выполнять ту же самую функцию, что и стрельцы времен царевны Софьи, свергая и возводя на престол правителей. Пресловутые дворцовые перевороты XVIII века, столь характерные для политической истории Российской империи, отражали не только борьбу политических группировок, мало отличных друг от друга по своим стремлениям и политике, но и то гипертрофированное значение, которое приобрел военный элемент в общественной жизни столицы, империи. Практика использования военных в гражданском управлении, отчасти объяснимая экстремальной ситуацией начала Северной войны, не только не была отменена в более спокойные времена, а, наоборот, стала систематической, нор-

мальной, что подчеркивало военно-бюрократическую суть созданной Петром империи. Важно отметить, что известная интеграция гражданских и военных институтов вела к подчинению первых вторым даже в мирное время. Особо ярко эта тенденция прослеживается в истории податной реформы – типично финансового мероприятия, в результате которого в России была в 1724 году введена подушная подать.

Реформа податного обложения была вызвана необходимостью решить проблему содержания армии в мирное время. Закончив Северную и Персидскую войны, Петр не намеревался сокращать огромную по тем временам армию или сворачивать программы строительства военно-морского флота. Численность регулярной армии в мирный период не только не уменьшилась, но, наоборот, возросла. Если в 1711 году вооруженные силы (инфантерия и кавалерия) составляли 106 тысяч человек (что было определено штатами 1711 года), то в 1720—1721 годах общая численность пехоты и кавалерии достигла почти 121 тысячи человек при сохранении в прежнем размере полевой артиллерии и не считая 74 тысяч гарнизонных солдат, бывших резервом полевой армии. Пока шла война и армия находилась в походах или стояла у границ, проблема ее содержания не представлялась сложной. Экстраординарные налоги и повинности, насильственное изъятие у населения других стран и у собственных сограждан провианта, фуража, транспорта и т. д. – все эти и подобные им средства обеспечения армии использовались в полной мере, формально оправданные суровым военным временем. Но с наступлением мира ситуация должна была измениться. Уже в 1718—1719 годах полки стали возвращаться из-за границы на родину. Петр нашел для них временное, но важное задание: солдат начали перебрасывать на крупные стройки, требовавшие тяжелого массового труда. Это были крепости, гавани и каналы. Так, 8 февраля 1717 года Петр, сообщая Сенату о предстоящем выводе армии из Польши, писал: «…чего для ныне им дела никакова нигде нет, а жалованье берут даром, того для за потребно разсуждаю по половине их брать на работу к делу канала, которой будет от Тосны в Уверь, и то, по получении сего указа, учините». Занять полки строительными работами – создать своеобразные «трудармии» – это было временным выходом и, конечно, не решало полностью острой проблемы содержания и размещения войск внутри страны в мирный период. Поэтому мысль Петра напряженно работала над этой задачей. И в конце 10-х – начале 20-х годов XVIII века решение было найдено.

Речь идет о реформе податного обложения, начатой в 1719 году и в основном завершенной в 1724 году. Смысл ее в том, что вместо

десятков различных мелких налогов и повинностей вводился единый прямой денежный налог, шедший непосредственно на нужды армии. Этот подушный налог собирался со всех душ «мужеска полу», записанных в сказки.

Помимо чисто финансового эффекта реформа привела к существенной перемене в судьбе регулярной армия. Согласно идее реформатора, взятой из шведской практики обеспечения армии в мирный период, полки размещались непосредственно среди тех самых крестьян, с которых взимались налоги на содержание солдат и офицеров. Это позволяло значительно сократить путь денег из карманов крестьян в полковые кассы, ибо уничтожался ряд промежуточных финансовых звеньев.

Подушные переписи, как правило, также проводились силами самой армии, выделявшей на это значительные контингенты военнослужащих. Так повелось с первой ревизии 1721—1724 годов. В 1725 году фельдмаршал М. М. Голицын сообщал в Военную коллегию о хронической нехватке в армии офицеров. Он писал, что «в полках штап-офицеров никого нет, а большая их часть у переписчиков», то есть на переписи населения. Общие данные свидетельствуют, что во время первой ревизии в качестве переписчиков использовалось не менее 45% армейских штаб– и обер-офицеров. Для сбора с крестьян подушной подати из числа местных дворян избирались так называемые земские комиссары, ответственные за передачу денег в полки. Сами же полки после окончания Персидской войны и особенно 1724 года начали расселяться по центральным губерниям равномерно во все стороны от Москвы – центра гигантского круга расселения армии. Там, где жил командир полка, строился полковой двор, а в местах размещения роты – ротный двор. Рота селилась в радиусе 50-100 верст от ротного двора, причем Петр требовал расселять по деревням солдат как можно плотнее.

Помимо ротного двора сооружались дворы для офицеров и их людей, штабные, интендантские помещения, госпитали. Единицей размещения, точнее, масштабом для поселения войск была избрана после тщательных предварительных расчетов следующая пропорция: одного солдата-пехотинца (при расходе на него 28,5 рубля в год) могли содержать 47 крестьян при подушной подати в 70 копеек, а кавалериста – 57 крестьян, так как расходы на него и его лошадь составляли 40 рублей в год.

Таким образом на армию было «расписано» все население основных губерний, которые должны были принять и разместить на своей территории полки.

Ничего подобного история России еще не знала – военный аспект податной реформы Петра означал, что регулярные воинские

части размещались практически в каждом уезде всех губерний, исключая разве Сибирскую, население которой за дальностью губернии ограничивалось выплатой денег на содержание «своих» полков, оставленных в центре. Крестьянское население всех других губерний должно было сделать для себя выбор: или селить солдат, как повелось издавна, в своих домах, или строить им на свои деньги и своими силами особые солдатские слободы, под которые предполагалось нарезать земли из помещичьего и крестьянского клиньев. Таким образом, помимо платежа подушной подати крестьянское население России либо облагалось постойной повинностью, либо должно было выплатить за это солидную компенсацию в виде платы за строительство слобод.

Реакция крестьян и помещиков, на земли которых вдруг начали приходить и селиться полки, была резко негативной: постой – эта тяжелейшая повинность военного времени – теперь, в мирное время, становился как бы постоянным институтом. Можно не сомневаться, стон пронесся по стране, ибо нам-то из последующих времен известно, что если хотели наказать непослушных крестьян, бунтовавших против помещика или властей, то просто размещали в этих деревнях солдат, которые буквально разоряли своих хозяев, насильничали и грабили. В итоге постой оказывался пострашнее массовых экзекуций и ссылки. Не случайно свобода от постойной повинности всю последующую историю России рассматривалась как желаннейшая привилегия, добиться которой удавалось немногим наиболее состоятельным селянам и горожанам, оказавшим особые услуги государству или давшим большую взятку. Сделав постойную повинность постоянной, Петр, конечно, стремился смягчить ее неизбежные негативные последствия, о которых он, естественно, знал. Наибольшие надежды он возлагал, как нетрудно догадаться, на законы, которые должны были регулировать отношения населения и армии. Важнейшими законами такого рода стали «Плакат» и «Инструкция полковнику» 1724 года. Оба документа были разработаны при активнейшем участии самого Петра – подлинного вдохновителя податной реформы. Следует сразу же отметить, что оба документа предполагали, во-первых, самое непосредственное участие армии в сборе подушной подати и, во-вторых, делали полковника, старшего воинского начальника в местах размещения полков, главным арбитром во всех возможных спорах и разногласиях между населением и армией.

Государственные учреждения (местные, центральные и высшие) представляли собой сооружение, подобное сужающейся кверху пирамиде, на вершине которой находился самодержец, осуществлявший верховную неограниченную власть.

В первой главе много сказано о политическом, идеологическом и личностном аспектах власти самодержца Петра Первого. Теперь же следует коснуться государственного, бюрократического аспекта этой власти. В такой постановке вопроса нет ничего странного: коль скоро самодержец стоит на вершине созданной им бюрократической пирамиды, то естественно, что он должен выполнять ряд функций, определенных структурой и функциями этой пирамиды.

В принципе порядок работы созданных Петром центральных и высших учреждений не предусматривал участия самодержца в их деятельности. Реформатор пытался решить принципиальную задачу создания такой бюрократической машины, все части которой работали бы безотказно согласно принятым регламентам. Эта непрерывно работающая машина должна была быстро и результативно пропускать через себя все дела, решения по которым состояли преимущественно в применении к ним действующего законодательства. До нас дошло немало резолюций Петра, в которых он настаивал, чтобы дела, подпадающие под соответствующие принципы, рассматривались в учреждениях, без обращения непосредственно к нему: «Учинить по государственным правилам», «Решить по правам нелицемерно» и т. д.

Петр требовал, чтобы ему направляли лишь спорные или не имеющие прецедента дела. Так, в указе от 19 декабря 1718 года, посвященном судопроизводству, говорится: «…разве такое спорное новое и многотрудное дело от челобитчиков объявится, которого по Уложенью решить самому тому Сенату без докладу и без именного от Его императорского величества указу отнюдь будет нельзя, тогда ему, Сенату, кроме их челобитчиков (в чем уже необходимость), Сенату, доносить его величеству… И, получа указ, решить». Это постановление явилось следствием сложившейся практики, при которой множество челобитчиков осаждали царя, куда бы он ни пришел. Не случайно в этом указе от 19 декабря Петр буквально взмолился о пощаде: «Понеже челобитчики непрестанно его царское величество докучают о своих обидах везде, во всяких местах, не дая покою, и хотя с их стороны легко разсудить мочно, что всякому своя обида горька есть и несносно, но при том каждому разсудить же надлежит, что *какое их множество, а кому бьют челом одна персона есть,* и та коликими воинскими и протчими несносными трудами объята, что всем известно есть. И хотя б и таких трудов не было, *возможно ль одному человеку за так многими усмотрить, воистинну не точию человеку – ниже ангелу,* понеже и оныя местом описаны суть ибо где присутствует, инде его нет». Весьма забавно, что Петр публично развеивает вряд ли существовавшие подозрения в при-

надлежности его к сонму ангелов. Примечателен и данный в указе образ этакого бюрократического ангела, неспособного поспеть во все присутствия сразу. Он вполне в духе времени. Как видим, уже первые наши «регулярные» бюрократы, сосредоточившие в своих руках огромную власть и взвалившие на свои хрупкие плечи бремя непомерных забот о благе народа, страдали от бесчисленных и нахальных просителей, мешавших своими просьбами работать на их же «общую пользу». Петр требовал, чтобы ему представляли только самые важные дела по обвинениям в государственных преступлениях. Тот же принцип избирательности был применен и к административной сфере. 17 апреля 1722 года Петр предписал, что на его личное рассмотрение представляются дела при неясном на этот счет законодательстве: «...буде же в тех регламентах что покажется темно или такое дело, что на оное ясного решения не положено, такие дела не вершить, ниже определять, но приносить в Сенат выписки о том, где повинны Сенат собрать все коллегии и о оном мыслить и толковать под присягою. Однакож не определять, но, положа на пример свое мнение, объявлять нам... И когда определим и подпишем, тогда оное напечатать и приложить к регламентам, и потом в действо по оному производить». Так должно было быть в идеале. Как же было на практике? Подготовленные и отчасти опубликованные Комиссией по изданию писем и бумаг Петра Великого материалы позволяют нам судить о «функционировании» царя как руководителя государственной машины. Всего за 1713—1725 годы Петр отправил 7584 письма и указа. Если разбить их на две группы – до и после государственной реформы (1713—1718 и 1719—1725 гг.), – то мы увидим, что после образования коллегий и преобразования Сената деловая активность Петра понизилась незначительно. За шесть предшествующих реформе лет он отправил 3877 писем и указов, а за шесть лет после образования коллегий и реформы Сената – 3707 документов. Сопоставление решений Петра по их содержанию показывает, что распределение указов по отраслям управления после реформы изменилось несущественно. Петр попрежнему занимался массой текущих дел, которые в принципе должны были быть отданы для решения аппарату.

Интересно распределение именных указов Петра по типам. Дело в том, что одни указы были полностью написаны Петром, другие – представляют собой его резолюции на докладах, третьи – лишь подписаны его рукой, четвертые – переданы через какое-либо учреждение или чиновников. Взяв для рассмотрения корпус законов, с которыми Петр работал в 1720—1725 годах (3019 документов), можно установить, что больше половины из них (точнее – 1779, или 59%) написаны им самим целиком или имеют вид

резолюций. Примечательно, что с утверждением новой административной системы доля личного участия Петра в управлении практически нисколько не уменьшилась: в 1720 году его «личных» указов было 54,2% от общего числа указов в этом году, в 1721-м – 42,6, в 1722-м – 56,3, в 1723-м – 56,3, в 1724—1725 годах – 62,4% соответственно от всех именных указов каждого года. И напротив – количество указов, которые Петр просто подписывал, весьма невелико и стабильно из года в год. Так что вряд ли можно говорить, что с осуществлением государственной реформы нагрузка на царя в решении массы ординарных дел уменьшилась, за что он постоянно ратовал. Такое обилие дел, рассматривавшихся непосредственно самодержцем, должно было иметь какое-то организационное оформление, должен был существовать механизм, с помощью которого в системе государственной власти мог функционировать монарх.

Таким передаточным звеном стал созданный в 1704 году Кабинет его императорского величества, во главе которого стоял кабинет-секретарь Петра А. В. Макаров. Говоря современным языком, Кабинет был секретариатом самодержца, в котором под руководством Макарова работал целый штат подьячих, готовивших доклады для царя. Кроме того, Кабинет ведал личным имуществом царя, был его казначейством, ибо в его кассу поступали огромные суммы от соляных сборов. Следует отметить, что с годами в работе Кабинета отчетливо прослеживается ведущая тенденция усиливающейся бюрократизации деятельности самодержца при исполнении им функций верховной власти. С укреплением значения Кабинета как своеобразного учреждения «при особе государя» что-либо докладывать, доносить, предлагать, просить становилось равнозначным направлению соответствующего документа в Кабинет, где его фиксировали, обрабатывали, чтобы затем, вместе с ему подобными, включить в виде «пунктов» или «экстрактов» в доклад царю. Доклад, прочитанный Макаровым, с резолюциями Петра на полях возвращался в Кабинет и становился основой для указа или служебного письма Макарова чиновнику, направившему «доношение».

В 1721 году появляется документ под названием «Определение как содержать в Кабинетной конторе порядок в делах, а именно: о содержании и записке в книги писем, посылаемых за рукою Его царского величества и за рукою господина кабинет-секретаря, и о записке приходящих писем к Его царскому величеству и к кабинет-секретарю о делах его величества ответных и просильных, о решении и о записке всех вещей». Этот документ недвусмысленно подтверждает, что Кабинет – это не комната, рабочий кабинет императора, где за столами, заваленными бумагами, сидит и пи-

шет скромный Макаров со своими помощниками, а государственное, бюрократическое учреждение со своей структурой, делопроизводством, штатами и даже печатью. Нет необходимости особенно развивать мысль о том, что Кабинет работал по тем же принципам, по которым работала вся тогдашняя бюрократическая машина. «Правильное» движение бумаг – главное, что требуется от учреждения. Вот как поучает Макаров своих подчиненных: «Ежели письмо просильное о указе или о каком решении, то, написав оного силу (то есть смысл. – *Е.* А.) в книгу и потом ис той же записки выписать посуточно на меморию и ту меморию всегда объявлять господину кабинет-секретарю. И какое решение на то учинитца, то записывать подлинно по числам и в записной книге, где письмо записано, отметить имянно» – и т. д. Естественно, что всякая бюрократизация, ставящая во главу угла движение бумаг, выдвигает на первое место фигуру бюрократа. Такой фигурой на верхних этажах управления в петровское время стал А. В. Макаров. Мимо него не проходил практически ни один обращенный к Петру документ. Макаров, таким образом, сделался незаменимым передаточным звеном между императором и государственной машиной. Как показал Н. И. Павленко, вскрывший истоки необычайно большого влияния Макарова, значение кабинет-секретаря было так велико, что государственные деятели разного масштаба писали о своих делах царю и одновременно о том же Макарову, прося его о содействии и сообщая дополнительную информацию по существу проблемы. При этом не приходится сомневаться, что так от царя утаивались не только мелочи, но и вещи серьезные – промахи в работе, неудачи начинаний самого царя. Принцип был здесь простой: Макаров, чтобы в выгодном свете доложить о деле Петру, должен был знать правду. Все это, естественно, создавало атмосферу зависимости сановников от кабинет-секретаря, перед которым они стремились выслужиться, которому жаждали понравиться, – ведь от того, как он доложит, какие сделает акценты при докладе, зависело очень многое в их карьере и судьбе. Впрочем, можно без преувеличения утверждать, что у Макарова в каждом деле был, может быть, и небольшой, но несомненный интерес, и он, вероятно, не во всем был откровенен и с петровскими корреспондентами, и с самим Петром. Сохранились некоторые свидетельства, которые не оставляют наши подозрения голословными. Осенью 1724 года Петру было подброшено пространное подметное письмо. Царь прочитал его и сделал много выразительных помет на полях. Это было не совсем обычное подметное письмо какого-нибудь полусумасшедшего «прибыльщика», раскольника или жалобщика. Автор его необычайно хорошо осведомлен о работе Кабинета и Вышнего

суда – временного судебного органа, созданного для рассмотрения серьезных государственных преступлений. Можно сказать, что доносчик находился буквально в двух шагах от Петра и Макарова и был, по-видимому, одним из канцеляристов Кабинета или Вышнего суда. Письмо так заинтересовало царя, что он приказал его беречь, а вместо него (в том же конверте) публично, согласно закону, сожгли чистую бумагу.

Острие анонимной критики было направлено против Макарова. Он обвинялся в том, что, имея огромное влияние на аппарат Вышнего суда, предписывает его служащим готовить царю доклады, содержащие заведомую дезинформацию (естественно, по предварительному сговору с заинтересованными лицами). Получив эти доклады в Кабинете, он зачитывает их Петру и добивается нужного решения. В итоге, пишет аноним, «по тому реестру ваше величество изволил где-либо собственною рукою, також и под выписками приговоры по предложению неправедному ево, Макарова, и протчих, хотя подписать изволили и по тем неправедным докладным выпискам некоторых наказали и разорили умыслом, тех где, а паче его – Макарова, а ваше величество оных неправедных выписок усмотреть было невозможно, а поверено в том было на них».

Обвинения были основательны и подкреплялись многими примерами. Приводились имена крупных сановников, вступивших в сговор с Макаровым. Аноним пишет, что эти сановники «от оного Макарова весьма одолжены, ибо что до них касалось наперед сего и ныне по доношениям фискальским и протчим людей важных и интересных дел, то все им, Макаровым, закрыто и вашему величеству ни о чем не донесено, а по се время и следования по тем делам нет». Здесь мы видим в действии так хорошо известный нам преступно-бюрократический принцип: «Ты – мне, я – тебе». Петр против многих пунктов сделал пометки, свидетельствующие о том, что он намерен был позже возвратиться к подметному письму и начать расследование «шалостей» своего секретаря. Но в конце 1724 года Петр был уже смертельно болен, и судьба сохранила Макарова от больших неприятностей. Трудно теперь сказать, какие чувства испытывал Петр и что думал, ставя на полях доноса нервные жирные кресты – знаки особого внимания. Может быть, в проступках Макарова он видел обыкновенное должностное преступление, может быть, он вполне осознавал, что не только он управляет аппаратом, но и аппарат управляет им.

Как бы то ни было, роль Макарова и Кабинета в системе управления была огромной. Важно при этом заметить, что в Кабинет направлялось большое количество донесений из местных и цен-

тральных учреждений, которые были формально подчинены и коллегиям, и Сенату. И тем не менее руководители этих ведомств, минуя вышестоящие инстанции, писали прямо в Кабинет, куда, таким образом, стягивались все нити управления на разных уровнях. В сущности, это было явным нарушением заведенного и пропагандируемого самим Петром бюрократического порядка, требующего субординации. Причин подобного отступления от теории камерализма было много. Тут и причины, вытекающие из самой природы неограниченной самодержавной власти, когда царь, будь он самый ревностный сторонник законности, как писал А. С. Лаппо-Данилевский, «в конце концов оставался для многих случаев верховной и единственной инстанцией, например в своей Тайной канцелярии, и всегда мог подвергнуть собственному суду все, что он считал нужным, и решать дела согласно с теми политическими целями, которые он признавал наиболее подходящими для государства». Тут и субъективные обстоятельства – стремление Петра вникнуть в самую суть дела, желание получить полную и свежую информацию и, наконец, нетерпение, так присущее реформаторам нашего отечества. Нельзя также забывать, что для стиля управления Петра были характерны военно-полевые черты – следствие целых десятилетий кочевой жизни, когда приказы отдавались где придется и кому придется. Как верно подметил Ф. Веселаго, «при желании скорейшего исполнения дела, Петр часто отдавал приказания тому, кто стоял ближе к делу или попадался ему на глаза, не давая знать его начальнику; таким образом, нередко распоряжение начальства, идущее сверху, встречалось с противоречащим приказанием государя, идущим снизу вверх, от подчиненного к его начальству».

В итоге, вопреки собственным строжайшим указам о «регулярности» работы аппарата, Петр непрестанно вмешивался в его деятельность.

Минуя Сенат, в Кабинет потоком шли дела, относящиеся к компетенции Сената и коллегий, а из Кабинета, также минуя Сенат, спускались решения, нередко определявшие функционирование аппарата и даже политику. Несколько раз Сенат пытался хотя бы учесть постановления, проходящие мимо него или принятые Петром на заседаниях коллегий и в других местах, но все было бесполезно – беспокойный царь, явно нарушая принятые им же регламенты, вмешивался в не подлежащие его компетенции дела.

По-видимому, в ряде случаев активное участие царя было необходимо, чтобы преодолеть неповоротливость бюрократической машины, исправить создаваемые ее же бюрократической сущностью недостатки. Достойно примечания, что после смерти Петра

некоторые государственные деятели с тоской вспоминали «золотые времена» приказов, и знаменитая «московская волокита» представлялась простой, как огурец, по сравнению с чудищем бюрократии, рожденным петровскими государственными реформами.

Само по себе создание бюрократической машины, пришедшей на смену системе средневекового управления, в основе которого лежал обычай, – естественный процесс. Бюрократия – необходимый элемент структуры государств нового времени. Однако в условиях российского самодержавия, когда ничем и никем не ограниченная воля монарха – единственный источник права, когда чиновник не ответственен ни перед кем, кроме своего начальника, создание бюрократической машины стало и своеобразной «бюрократической революцией», в ходе которой был запущен вечный двигатель бюрократии. С петровских времен он начал работать по присущим ему внутренним законам, ради конечной цели – упрочения своего положения – мобильно и гибко откликаясь на изменения жизни. Все эти черты созданной петровским режимом бюрократии позволили ей успешно функционировать вне зависимости от того, какой конкретно властитель сидел на троне – умный или глупый, деловой или бездеятельный. Многие из этих черт и принципов сделали сплоченную касту бюрократов неуязвимой и до сего дня.

Петровскими реформами создавалась неведомая ранее на Руси система. Государственность Российской империи была как бы в лесах стройки, и Петр – ее инженер и строитель – постоянно вносил необходимые, по его мнению, поправки, дополнения. Этому строительству он отдавал все силы: до последнего своего дня достраивал корабль российской государственности, торопясь спустить его в воды жизни и тем самым осуществить свою великую государственную мечту.

Крепостническая экономика

В ходе государственной реформы 1719—1724 годов были созданы центральные органы управления торговлей и промышленностью: Берг-Мануфактур-коллегия (в 1722 году она разделилась на две – Берг– и Мануфактур-), Коммерц-коллегия, Главный магистрат. До той поры подобных учреждений Россия не знала (Рудокопный приказ 1700—1711 годов, возрожденный в 1715 году в виде Рудной канцелярии, ни по задачам, ни по масштабам, ни по уровню централизации не мог идти ни в какое сравнение с Берг-коллегией).

Эти бюрократические учреждения стали институтами государственного регулирования национальной экономики, органами, осуществлявшими торгово-промышленную политику петровского самодержавия на основе меркантилизма и протекционизма. Именно создание системы централизованного управления торговлей и промышленностью обозначило перелом в экономической политике петровского государства.

Уверившись в скором успешном завершении войны со Швецией, Петр после 1717 года пошел на существенное изменение торгово-промышленной политики. Суть изменений состояла во введении различных мер поощрения торговли и частного промышленного предпринимательства.

8 апреля 1719 года Петр, «милосердствуя к купечеству Российского государства, указал *казенным товарам быть только двум:*

поташу и смольчугу (и то для бережения лесов), а прочие товары, которые продаваны были из казны, *уволить торговлею в народ,* токмо прибавочного (сверх обыкновенной) пошлиною, а каким образом оные товары в купечество произвести и с какою пошлин прибавкою, чтоб было к государственной пользе и к народной прибыли, о том учинить разсмотрение в Коммерц-коллегии и публиковать в народ», что и было сделано 1 октября 1719 года. Так спустя полтора десятилетия были ликвидированы столь обременительные и разорительные для русского купечества монополии на большинство товаров, то есть фактически была провозглашена свобода торговли.

Реализовать указ о свободе торговли и ведать всеми торговыми делами надлежало созданной в том же году Коммерц-коллегии. Она занималась так называемой «коммерцией», то есть обеспечением коммерческого мореплавания, ведением таможенных дел, правовой стороной торговли и т. п. В регламенте 1724 года главная функция этого органа сформулирована так: «Обще рещи, Коллегии коммерции надлежит все, что *купечеству споспешествует и в доброе состояние привести может,* не токмо довольно в смотрении иметь, но и трудиться, чтоб такое сокровище утрачено не было… дабы никому из подданных *никакой обиды в купечестве не было,* и всяк бы *свободно своим именем торгиумножал без опасения…* чтоб как чужестранным, так и своим выезд всегда свободен был».

Меры поощрения частного промышленного предпринимательства были несравненно более значительными и разнообразными. Начало им положила знаменитая «Берг-привилегия» 10 декабря 1719 года. Она разрешила отыскивать руды и основывать заводы всем жителям страны, несмотря на их социальный статус. «Соизволяется всем, и каждому дается воля, какого б чина и

достоинства ни был, во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях искать, плавить, варить и чистить всякие металлы, сиречь: золото, серебро, медь, олово, свинец, железо, також минералов, яко селитра, сера, купорос, квасцы и всяких красок потребныя земли и камения, к чему каждой толико промышленников принять может, колико тот завод и к тому надобное иждивение востребует». Для основания завода нужно было предъявить пробы руды в Берг-коллегию, которая, проверив месторождение, закрепляла участок земли за будущим заводчиком, выдавала ему «привилегию» – соответствующий документ на разработку, закреплявший его права и обязанности.

Важным моментом нового горного законодательства было то, что оно не считалось с феодальным правом на землю, в которой были найдены минералы и руды: «Ежели владелец не имеет охоты сам строить и с другими в товарищество вступать не похочет, или от недостатка своего не возможет, то принужден будет терпеть, что другие в его землях руду и минералы искать, и копать, и переделывать будут, дабы божие благословение под землею втуне не осталось». Впоследствии фабрикант должен был выплачивать хозяину определенную законом компенсацию за использованные земли. Несмотря на то что «Берг-привилегия» вносила перемену в некоторые отрасли феодального права на землю, все же прогрессивность этой нормы «Берг-привилегии» преувеличивать не стоит: в России того времени все, что принадлежало подданному, могли в одночасье «отписать на государя» и передать кому угодно. Помещик петровских времен никогда не испытывал уверенности земельного собственника, защищенного законом. Другим важным начинанием петровского правительства была практика передачи государственных мануфактур частным владельцам или – чаще – целым компаниям, которые создавались специально для этого. Еще в 1702 году Невьянский металлургический завод был передан Никите Демидову, зарекомендовавшему себя в глазах Петра как хваткий делец и умелый организатор металлургического и оружейного дела. И надо отметить, что вчерашний тульский кузнец не подвел царя, расширив производство и увеличив поставки в казну высокосортного уральского железа. Но долгое время случай Демидова был исключением из правил, следствием особого расположения царя, передавшего предпринимателю доходный завод со всем оборудованием, материалами и продукцией, а затем приписавшего к нему целые волости уральских крестьян.

Лишь со второй половины 1710-х годов правительство признало полезность передачи государственных предприятий в частные руки. Новые владельцы получали от государства различные льго-

ты. Вот отрывок из «доношения» Берг-Мануфактур-коллегии царю от 29 января 1720 года по поводу передачи московского Суконного двора компании Щеголина: «А за оные деньги велеть им ставить в Военную коллегию на мундир сукнами. И в той компании быть ему, Щеголину, а протчих в ту компанию прибрать по разсмотрению, которые к тому делу б способны, хотя б и неохотою. И велеть им по оной фабрике тщание и труд приложить и умножить не токмо к комисарству на мундир, но и на протчие расходы, чтоб из-за моря в несколько лет вывоз сукнами был пресечен. А за тот бы их труд в продаже сукон и протчего, которого к комисарству на мундир принято не будет, *дать им свободу купечества* и в ряды продавать на пять лет *беспошлинно.* А в Мундирной канцелярии те сукна принимать бы у них *по настоящей цене.* А для умножения и их, компанейщиков, к тому охоты, первые три года дать бы им за те сукна *перед настоящею ценою,* хотя с некоторою и прибавкою на гривну по две денги или по изволению вашего величества». Многие положения этого «доношения» типичны для «привилегий» на основание собственных или передачу казенных заводов. Мы видим здесь многочисленные льготы: беспроцентная ссуда на несколько лет, право зачисления в компанию любого предпринимателя, беспошлинная продажа товаров, высокая (по сравнению с обычной) цена при покупке товара казенным ведомством. К этому нужно еще добавить, что существенную помощь предпринимателям оказывал утвержденный в 1724 году Таможенный тариф, облегчавший вывоз за границу продукции отечественных мануфактур и одновременно затруднявший (с помощью высоких пошлин) ввоз идентичных иностранных товаров. Все эти меры поощрения торговли и частного предпринимательства свидетельствуют, казалось бы, о том, что в конце Северной войны в экономической политике самодержавия произошли коренные перемены и наступил своеобразный «нэп» с характерными для него принципами большей экономической свободы. Но это иллюзия, которая быстро развеивается, когда мы пристальнее вглядываемся в факты.

Еще 18 января 1715 года был издан указ, определивший политику в легкой промышленности (точнее – в суконном деле). Он провозглашал: «Завод суконной размножать не в одном месте, так, чтоб *в 5 лет не покупать мундиру заморского,* а именно: чтоб не в одном месте завесть, и заведчи, дать торговым людям, *собрав компанию, буде волею не похотят, хоть в неволю,* а за завод деньги брать погодно с легкостью, дабы ласковей им в том деле промышлять было». В этом коротком указе – суть всей петровской промышленной политики последних лет. По-прежнему, как и в начале Северной войны, главной целью оставалось самообеспе-

чение армии и страны промышленными товарами. Но теперь Петру открылся новый путь решения этой задачи – создание торговых и промышленных компаний: раз они сыграли такую положительную роль в экономической жизни западноевропейских стран, значит, должны быть и у нас.

Не исключено здесь сильное влияние проекта русского представителя в Англии Федора Салтыкова – «Изъявления прибыточныя государству» (1714 г.), некоторые положения которого Петр использовал как основу для указов. В главе «О бумажных заводах» Салтыков писал: «А те заводы велеть заводить во всех губерниях купецкими людьми, собрав из них несколькое число в компании и от них к тому учинить складку, смотря по пропорции пожитков их, которым потом чтоб прибытки были по пропорции складов их, понеже купцы лучше станут иметь прилежность и надзирательство для своих прибылей». Подобные же компании, поглядывая на знаменитые французские, голландские и английские Ост– и Вест-Индские компании, приносившие огромные барыши, Салтыков предлагал учредить и в России. Компании прельщали Петра не только широкими возможностями организации дела, требующего объединения капиталов нескольких предпринимателей, но и тем, что они составляли своеобразную общину, члены которой, отдав свои капиталы в общий котел, были связаны круговой порукой и несли общую ответственность перед государством. Государство было заинтересовано в организации компаний, потому и появилась в указе фраза: «буде волею не похотят, хотя в неволю» – насилие оставалось, как мы увидим и дальше, непременным элементом петровского «нэпа».

Важно отметить, что организатор и руководитель компании оказывался как бы на службе у государства и, часто имея, подобно Демидову, чин «комиссара», мог включить в нее даже тех, кто этого не желал. Отказ от вхождения в компанию и предоставления своего капитала, а также добровольный выход из нее могли привести к серьезным неприятностям. В указе от 17 февраля 1720 года об образовании одной из компаний говорилось, что те из компанейщиков, которые, «видя такую его величества милость и для умножения и произведения оной фабрики и нерадением своим, или не хотя его величеству и государству в том показать прибыли, и в ту компанию по учиненному между ими письменному обязательству собственных денег класть, также радения и трудов во оном деле показывать не станут», могли быть сначала оштрафованы руководством компании, а потом попасть в тюрьму при Берг-Мануфактур-коллегии, осуществлявшей общий надзор.

В последнее десятилетие царствования Петра передача мануфактур компаниям и частным владельцам вошла в широкую практику, однако передаче подлежали в первую очередь наиболее убыточные для казны предприятия. В ведомственной переписке убыточность выставлялась как причина передачи мануфактуры в частные руки. Например, в уже цитированном «доношении» Берг-Мануфактур-коллегии о передаче Суконного двора компании Щеголина подчеркивалось, что двор содержится на казенные деньги, «в том есть и *не без убытку*. А оные сукна и протчее добротою *в плохом состоянии*, а охотников, кто б его содержал на своих собственных деньгах, и хотя б в деньгах и вспоможение учинить, никого не находится. Того ради, Берг– и Мануфактур-коллегия за благо изобретает, дабы на оной суконной фабрике, учиня ис купечества компанию добрых и знатных людей, содержать бы им оной Суконной двор на своих деньгах». Серьезной приманкой для того, чтобы взять убыточное дело, служили денежные ссуды: «А в помочь дать им взаимно на три или на сколько лет ваше величество изволит бес проценту ис Кабинета и от комисарства из мундирных денег 30 000 рублей».

Поощряя частное предпринимательство, делая «послабления» купцам и промышленникам, государство вовсе не собиралось устраняться из экономики. К концу Северной войны мы имеем как бы новую редакцию прежней политики: если раньше воздействие государства на экономику осуществлялось насильственным путем через систему запретов, монополий, пошлин и налогов, прямого участия казны в торгах и промыслах, то теперь, когда оправдывающая этот диктат экстремальная ситуация осталась позади, вся сила тяжести была перенесена на создание и деятельность административно-контрольной бюрократической машины, которая с помощью уставов, регламентов, «привилегий», отчетов, проверок могла направлять экономическую жизнь через тщательно продуманную систему своеобразных шлюзов и каналов в нужном государству направлении. Для руководства этим процессом и были созданы специальные коллегии.

Важно отметить, что в Швеции, чьи государственные органы Петр считал образцовыми, подобные коллегии осуществляли политику королевской власти в целом на тех же теоретических основах. Однако условия России существенно отличались от шведских не только масштабами страны, принципиальными особенностями политической структуры и культуры, необыкновенной интенсивностью промышленного строительства силами и на средства государства, но и прежде всего особенной жесткостью регламентаций, разветвленной системой ограничений, чрезмерным надзором государства за торгово-промышленной де-

ятельностью подданных.

У нас нет никаких оснований думать, что в последнее десятилетие Петр намеревался ослабить жесткую административную узду на экономике или, грубо говоря, неосознанно способствовал развитию капиталистических форм и приемов производства, получивших в это время широкое распространение в Западной Европе. Суть происшедшего состояла в смене не принципов, а акцентов промышленно-торговой политики.

Внимательно вчитавшись в условия передачи мануфактур, мы увидим, что компания не обладает правами настоящего владельца капиталистического предприятия. Она осуществляет лишь вариант своеобразной аренды, условия которой четко определяются государством, имеющим право их изменить, вплоть до возвращения в казну отданного завода и даже конфискации построенного на своем «коште». Так, в «привилегии» 1720 года на основанный Демидовым «на свои собственные денги» медеплавильный завод отмечалось: «И для того ему, Демидову, о том медном заводе повелеть трудитца и тщитца, и, как возможно, происскивать, чтоб то рудное дело у него произведено и умножено было с удовольствием; обнадежить ево, что оной завод *не возметца у него,* и у жены ево, и у детей, и у наследников, *покамест они оной завод содержать будут в добром состоянии».* Как видим, государство гарантирует предпринимателю владение его же собственным заводом лишь до тех пор, пока тот «будет в добром состоянии», то есть будет бесперебойно поставлять в казну необходимую продукцию. В противном случае предприятие могло быть конфисковано.

Именно своевременное выполнение казенных заказов было главной обязанностью предпринимателя. И только излишки сверх того, что сейчас называется «госзаказом», он мог реализовать на рынке. Частное предпринимательство было, таким образом, жестко привязано к государственной колеснице системой государственных заказов преимущественно оборонного значения. С одной стороны, это, конечно, обеспечивало стабильность доходов мануфактуристов, которые могли быть уверены в том, что казна гарантирует сбыт продукции, но, с другой стороны, это закрывало перспективы технического и иного совершенствования, резко принижало значение конкуренции как вечного движителя предпринимательства. Вот почему впоследствии тщетными оказались попытки внести усовершенствования в примитивное производство, ибо заинтересованности в его расширении и развитии при стабильности заказов и сбыта через казну не было. Многочисленные льготы для части предпринимателей работали в том же направлении, ибо означали насильственную

ликвидацию конкурентов.

Контроль и наблюдение за отечественной промышленностью поручались, как уже было сказано, Берг-Мануфактур-коллегии. «Берг-привилегия» необычайно широко определяла права новой коллегии, которой царь единственной дал «власть и мощь», чтобы «единым судией быти над всеми к тому (горному делу. – *Е.* А) принадлежащими делами и особами, чтоб никаким образом губернаторы, воеводы, ниже прочие поставленные начальники в рудокопные дела вступали и мешалися… Сей Берг-коллегиум будет впредь объявлять указами и учреждениями, коим образом те рудокопныя дела наилучше и совершенно произведены быть могут». Таким безапелляционным образом право ведомства решать судьбу горного дела в стране подкреплялось рядом конкретных мер. Коллегия осуществляла обязательный контроль результатов деятельности рудознатцев, давала разрешения на строительство заводов, устанавливала цены на продукцию, имела монопольное право на покупку продукции мануфактур в размерах, определяемых ею же, осуществляла общий контроль производства и сбыта товаров, вся административная и судебная власть над предпринимателями и работными людьми была также в руках Берг-коллегии. Поначалу в ведении коллегии были объединены и тяжелая и легкая промышленность. В 1722 году произошло размежевание Берг– и Мануфактур-коллегий. В декабре 1723 года был принят регламент Мануфактур-коллегии, свидетельствовавший о том, что власть новой коллегии в отношении мануфактуристов *стала* такой же, как и власть Берг-коллегии над заводчиками. Мануфактур-коллегия должна была всячески покровительствовать предпринимательству в легкой промышленности, «прилежное о том старание иметь каким бы образом вновь такие и иныя куриозные художества в империи Российской вводить». Это, по мысли законодателя, достигалось преимущественно с помощью строгих мер администрирования и контроля.

Правом государства было сдерживание конкуренции предпринимателей, наблюдение за качеством выпускаемой продукции, образцы которой регулярно рассматривались в коллегии. В регламенте говорилось: «О мануфактурах же и фабриках, которые содержатся компаниями, надлежит иметь прилежное смотрение, дабы не ослабевали, но в лучшее состояние производжены были; ежели же усмотрится, что оныя ослабевать будут, то как наискорее коллегию рассмотреть, от чего оное произошло: буде нерадением компанейщиков – и их принуждать к порядочному содержанию, как коллегия за благо рассудит; буде же усмотрится, какая мануфактура или фабрика производится порядочным образом, и содержателя имеют к тому радение, и имеется впредь от нея

надежда, а в силу за неимением достойной суммы произвести они не могут, таким коллегия имеет чинить капиталом вспоможение». Кроме того, согласно регламенту, коллегия должна была наблюдать за производством, экзаменовать специалистов и впоследствии «учинить каждой мануфактуре регламент». В стране, где действовал уже Генеральный регламент – этот король всех регламентов, – где каждая коллегия, контора, должность имели или, по крайней мере, должны были иметь свой артикул или регламент, четко и подробно определявший функции каждого учреждения и обязанности каждого чиновника, было бы очень странно, если бы каждая мануфактура, частная или государственная, не имела своего регламента, в котором оговаривалось бы все, что там должно делаться во благо государства. Об этом должна была позаботиться Мануфактур-коллегия, опекавшая мануфактуры. Так при Петре создавалась промышленность, в которой главным был бюрократ, чиновник специализированного ведомства, знавший, какую отрасль следует развивать, а какую, наоборот, замедлять, определявший, сколько и какой нужно продукции, сколько должен стоить каждый аршин сукна и пуд железа, обладавший огромной властью над предпринимателем, его состоянием, решавший судьбу его дела и благосостояния.

Ликвидация в 1719 году государственной монополии на торговлю традиционными экспортными товарами, несомненно, расширила возможности русского купечества, а принятый в 1724 году протекционистский Таможенный тариф предоставлял ему значительные льготы, ограждая от конкуренции иностранных купцов. Регламент Коммерц-коллегии 1724 года, как отмечалось выше, закреплял новую ситуацию, возникшую вследствие указов о снятии монополии. Но декларативные положения регламента сводились на нет следующими пунктами того же документа, жестко регулирующими грузопотоки и оговаривающими виды товаров, которые надлежало доставлять в разные портовые города в соответствии с привилегиями, созданными для Петербурга, и теми общеполитическими соображениями, которые правительство считало более важными, чем соблюдение провозглашенных принципов свободной торговли. Поэтому регламент предписывает, чтобы товары из Пскова и его района непременно везли только в Нарву, «а в Ригу и в другие места не возили тех товаров, которые велено возить в Петербург», и т. д. Разумеется, административное определение портов торговли являлось проявлением диктата государства в торговой сфере. Провозглашая поощрение отечественного торгового мореплавания и судостроения, власти в категорической форме требовали, чтобы купцы отказывались от постройки судов старых конструкций и плавали исключитель-

но на дорогостоящих «новоманирных» судах. Эти законы распространялись даже на Поморье, население которого имело многовековой опыт мореплавания в северных морях. Нарушение же запрета на строительство судов старой конструкции грозило поморам – этим прирожденным кораблестроителям и морякам – каторгой, о чем их предупредили указом от 11 марта 1719 года. Влияние государства на экономику не ограничивалось актами непосредственного воздействия органов власти на торговлю или промышленность. Социально-экономические отношения, характерные для русского общества в целом, пронизывали и мануфактуры, в значительной степени деформируя их черты как потенциально капиталистических предприятий. Речь идет, прежде всего, об особенностях использования на них рабочей силы. Основанные в начале Петровской эпохи мануфактуры рабочей силой обеспечивались по-разному. Государственные предприятия и частные владельцы пользовались как вольной наемной силой, так и «приписными» крестьянами – сельским населением районов, как правило, прилежащих к местам размещения заводов. Крестьяне – а это были в основном черносошные – отрабатывали положенную на них государством подать на заводских работах. Что делали «приписные» крестьяне? Это, как правило, были вспомогательные работы. В 1711 году олонецкие крестьяне писали в челобитной: «…работаем всякие завоцкие работы, и в лесах дрова сечем, и уголья готовим, и руду здымаем, и обжигаем, и возим безсходно». Формально считалось, что отработки не должны превышать в своем денежном выражении суммы государственных налогов. Заводское руководство или владелец компенсировали крестьянские платежи поставками в казну продукции завода. Надо отметить, что практика «приписки» была распространена довольно широко уже с первых лет существования мануфактур еще в допетровский период. Но, как уже не раз отмечалось по другим схожим случаям, масштабы такой практики при Петре были уже иными: речь шла о повсеместном и длительном привлечении окрестных, дальних и ближних черносошных, дворцовых, монастырских и помещичьих крестьян на самые различные стройки, каналы, производства. Новая столица, крепости, каналы, дороги – все, что позже стали называть инфраструктурой, создавалось при Петре огромными усилиями и сверхусилиями крестьянского населения страны. Речь идет о сотнях тысяч крестьян, согнанных со всех уголков страны, за исключением Сибири, население которой выплачивало денежные компенсации за отработки на стройках европейской части страны, хотя не избавлялось от строительной повинности на Урале и в Сибири. Крестьянин, идущий сотни верст в Таганрог или Выборг, Петербург

или Воронеж, Брянск или Ревель для того, чтобы отработать многомесячную трудовую повинность, стал типичнейшей фигурой русских дорог петровского времени, русской жизни. Но, если говорить об основном, постоянном, квалифицированном контингенте рабочих петровских мануфактур, трудившихся на них годами и получивших достаточно высокую квалификацию, то это, как правило, были наемные рабочие. Принять на предприятие рабочих «из найму» с улицы в начале XVIII века не представляло особой сложности. Дифференциация сельского населения, система налогообложения, при которой учитывался «двор», а не каждый конкретный человек, множество вполне легальных путей избежать тягла или службы, не говоря уже о том, что в допетровской России были просто бестяглые слои населения, отсутствие жесткой паспортной системы, общегосударственного масштаба в ловле беглых – все это приводило к тому, что в больших городах, вдоль оживленных сухопутных и речных магистралей, да и в целом по стране, возникла значительная прослойка так называемых «вольных и гулящих», ставшая основным резервом вольнонаемной рабочей силы.

Русский крестьянин XVIII в. С гравюры Дальстена.

Но не только действительно свободные по закону люди входили в категорию «вольных и гулящих». Среди них было немало деклассированных элементов – «вольницы», так хорошо знакомой нам по восстанию Степана Разина. Летом «шалившая» по большим дорогам и рекам, эта «голытьба» зимой устраивалась на мануфактуры. Вместе с тем значительное число «вольных и гулящих» составляли крестьяне, в том числе владельческие, бежавшие от своих господ и государевой службы, а также крестьянские дети, жившие с ранних лет при заводах и обученные там мастерству ткачей, кузнецов и т. д. Вообще, закон строго запрещал использование на заводах труда беглых солдат, рекрутов, помещичьих крестьян. Как непременное условие каждая «привилегия»

на заведение новой мануфактуры предписывала: «И на тех заводах держать им (владельцам. – *Е. А.)* работников вольных людей, а не из крепостных, за заплатою им за труды. А беглых солдат и воровских людей отнюдь держать не велеть, под штрафом». В жизни же эти предписания выполнялись плохо – беглые крестьяне в большом количестве попадали на мануфактуры. Вместе с «вольными» они и составляли основной контингент квалифицированной рабочей силы как государственных, так и частных предприятий.

Пополнялись мануфактуры также за счет преступников, осужденных на каторгу. 10 апреля 1722 года было, например, принято специальное постановление о ссылке преступников вместе с женами и детьми из европейской части страны на Даурские серебряные заводы. Особенно часто использовался труд женщин-заключенных на полотняном производстве. Приговор «ссылка навечно на прядильной двор» – один из самых распространенных при разборе дел женщин в судах.

В дневнике Берхгольца есть любопытное описание посещения герцогом голштинским прядильни на заводе Тамеса (у Берхгольца – Тамсен), по-видимому специально подготовленной к приходу высоких гостей: «После обеда г. Тамсен повел нас сперва в женское отделение, где работают женщины, отданные на прядильню в наказание, лет 10 и более, а некоторые и навсегда; между ними было несколько с вырванными ноздрями. В первой комнате, где их сидело до тридцати из самых молодых и хорошеньких, было необыкновенно чисто… Между ними сидела одна девушка, которая служила 7 лет в драгунах, и за то была отдана сюда». Вот так поступали в те времена с предшественницами Надежды Дуровой! Ничего особенного дипломат не приметил, разве что разительное отличие прядильни, которую показывают гостям, от прочих мастерских, «где не было уже той чистоты, напротив, воняло почти нестерпимо. В заключение Тамсен повел нас в комнату, где сидело человек двадцать или тридцать свободных работников, которые ткали за деньги, но заработанная их плата почти не превышает того, во что обходится содержание арестанта». Это наблюдение верно, ибо не следует обольщаться «вольным» положением таких рабочих, фактически запертых на время контракта на мануфактуре, эксплуатируемых за гроши в очень тяжелых, а часто вредных для здоровья условиях.

Если, как отмечалось выше, на заре промышленного строительства проблемы вольной рабочей силы для мануфактур не возникало, то в начале 20-х годов XVIII века такая проблема не только возникла, но и обострилась. К этому времени произошли важные преобразования социального характера, о чем будет ска-

зано далее. Они, как и резко усилившаяся борьба с бегством, наборы в 250-тысячную армию, стали главной причиной нехватки свободных рабочих рук. Вместе с проведением подушной переписи, которая охватила все мужское население страны, начался массовый вывоз беглых крестьян, в том числе и с мануфактур, где они скрывались под видом «вольных и гулящих» – категории, признанной после подушной переписи незаконной. Это вызвало беспокойство государственных органов, заинтересованных в выполнении поставок казне. Управляющий урало-сибирскими заводами В. Н. Татищев в своем донесении с Урала в Берг-коллегию в 1721 году так сформулировал проблему: «Выслать всех – весьма завод остановить, не выслать – опасаемся, дабы не причли нам в презрение указа». Чуть позже его преемник В. И. Геннин писал в коллегию еще более откровенно и определенно: «Я чаю, что ежели повелено будет из Сибири пришлых старожилов всех на прежние жилища выслать или помещикам отдавать, то в Сибири немного крестьян останется, ибо больше известно государственной Берг-коллегии, какими людьми Сибирь населялась. А заводы будут пусты». Увеличилось число жалоб на своз крестьян и от частных предпринимателей. Вот тогда-то и были опубликованы два указа Петра, имевшие серьезные последствия для русской промышленности, экономики страны в будущем. 18 января 1721 года в Сенате Петр подписал указ, разрешающий мануфактуристам покупать к своим заводам крепостных крестьян. Главным мотивом действий правительства, решившего изменить традиционный запрет покупать крестьян представителям недворянского торгово-промышленного класса, была уверенность в несомненной государственной пользе, которую приносят мануфактуристы государству, и признание необходимости поощрить их к этому: «Понеже хотя по прежнему указам купецким людям деревень покупать было и запрещено, и тогда то запрещение было того ради, что они, кроме купечества, к пользе государственной других никаких заводов не имели, а иные по нашим указам, как всем видно, что многие купецкие люди компаниями и особно многие возымели к приращению государственной пользы заводить вновь разные заводы, а именно: серебреные, медные, железные, игольные и прочие сим подобные, к тому ж и шелковыя, и полотняныя и шерстяныя фабрики, из которых многие уже и в действо произошли. Того ради, позволяется сим нашим указом, для размножения таких заводов, как шляхетству, так и купецким людям к тем заводам деревни покупать невозбранно с позволения Берг– и Мануфактур-коллегии». Значение цитируемого указа трудно переоценить – разрешение покупать к мануфактурам деревни с крестьянами имело необратимые последствия, ибо означало ре-

шительный шаг к превращению промышленных предприятий, на которых зарождался капиталистический уклад, в предприятия крепостнической экономики, разновидность феодальной собственности – своеобразную вотчинную мануфактуру. Правда, закон от 18 января подчеркивал отличие «деревень при заводах» от помещичьих владений тем, что первые «особо без заводов отнюдь никому не продавать и не закладывать и никакими вымыслы ни за кем не крепить и на выкуп таких деревень никому не отдавать, разве кто похочет для необходимых своих нужд те деревни с теми заводы продать, то таким продавать с позволения Берг– и Мануфактур-коллегии. А ежели кто противно сего поступит, то онаго всего того лишить безповоротно».

Как мы видим, указ утверждал как бы особую разновидность феодальной собственности – «деревни при заводах», с присущим ей ограниченным правом пользования этой собственностью – только для промышленных нужд. Однако очевидна единая основа как ограниченной, так и безграничной собственности на такие деревни – феодальный способ производства, идет ли речь о работе крепостного на барской запашке или у домны на заводе помещика.

Второй указ Петра, на котором следует подробно остановиться, появился примерно через год – 15 марта 1722 года, и он связан с определением статуса работных людей во время поголовной переписи населения (1719—1724 гг.). Ревизоры, переписывая заводское население, оказывались перед проблемой: что делать с работными людьми, не принадлежавшими владельцу мануфактуры? Все они почти сплошь подлежали действию законов о вывозе беглых, так как, не будучи собственностью мануфактуриста, являлись собственностью кого-либо другого или вышли из владений монастырей, дворцового ведомства, черносошных или городских общин.

Следствием попытки правительства найти выход из создавшегося положения стало появление указа от 15 марта 1722 года, разработанного при непосредственном участии Петра. Указ предусматривал, что ревизоры должны переписать всех, находящихся на заводах работных людей, «которых они уездов и чьи люди и крестьяне, и, переписав, ежели тех же уездов… о тех свидетельствовать в поданных сказках о душах мужеска полу, они написаны ль и буде написаны, вновь не приписывать, а ежели не написаны, то приписывать к тем же селам и деревням, чьи они скажутся, и класть в раскладку с другими наряду». Иначе говоря, с одной стороны, правительство, заботясь о сохранении числа плательщиков налогов, предписало вносить работных людей в подушные реестры не на том предприятии, где они работали и жи-

ли, а в тех деревнях и селах, откуда они вышли на мануфактуру. С другой стороны, закон, охраняя интересы промышленности, запрещал своз работных-беглых с заводов: «А тех работных людей с тех заводов не ссылать неволею, дабы тех заводов не опустошить и тем промыслов оных не остановить. Токмо тем работным людям указом объявлять с запискою, дабы положеныя на них деньги на полку (в местах их записи в подушный оклад. – *Е.* А.), также и вотчинникам своим всякия подати платили по-прежнему».

Таким образом, указ имел характер соломонова решения, при котором учитывались и фискальные нужды государства, заинтересованного в сохранении «податного числа» платежных общин, с которых собиралась на армию подушная подать, и владельческие интересы помещиков, чьи беглые были обязаны платить оброки, и интересы мануфактуристов, которые не теряли ценной для них рабочей силы. Но, как часто бывало в России, указ оказался хорош лишь на бумаге. Постановление от 15 марта не выполнялось – беглых крестьян-работных стали вывозить с заводов прежним владельцам. Это, конечно, вызвало недовольство предпринимателей, которые обратились за помощью к Петру. Сохранилась жалоба Тамеса – владельца полотняной мануфактуры. Он писал, что обученные им помещичьи крестьяне подлежат вывозу, на чем настаивают владельцы, чем «чинитца нам в произведении фабрик великое помешательство, понеже уже здесь многих ис того числа людей своих переловили и от судей канцелярских им (помещикам. – *Е.* А.) отданы. Отчего нам есть в произведении фабрик великое помешательство, понеже ныне за однем человеком и многие станы стоят порожжие для того, что другова вскоре выучить не можно, что тот, которого от наел изловили, и знал».

Петр, находившийся в это время на Волге по пути в Персию, отписал Сенату: «Господа Сенат! Ведомо нам учинилось, что с фабрик учеников и работников отдают их помещикам по последнему указу о беглых; но понеже интерессанты фабрик объявляют, что за тем в фабриках их чинится остановка, того для по получении сего объявите указ, чтоб до нашего возвращения никому ни с которой фабрики учеников и работников, чьи бы они ни были, хотя и беглые явятся, не отдавали, а взятых возвратили. А в которой фабрике есть чьи беглые люди, то и их только велите переписать».

Однако царский указ-письмо действия не возымел – из разных районов продолжали поступать сведения о том, что работных людей – беглых крестьян – возвращают своим хозяевам, причем в массовом порядке. По сохранившимся материалам хорошо вид-

но, что в этом ключевом вопросе местные власти стояли на стороне помещиков – владельцев беглых, обеспечивая, грубо говоря, победу феодализма над капитализмом в промышленности. Вот характерное решение Сената по такому вопросу. Мануфактур-коллегия 30 апреля 1722 года сообщала о ситуации, возникшей в южнорусских районах на тридцати с лишним тысячах овчарных заводов. Эти заводы, как следует из «доношения» коллегии, содержались исключительно на вольнонаемном труде: «...с начала и до днесь содержатся кормом и работными людьми тамошними обыватели, где которой завод обретается». Осуществление закона о переписи и вывозе беглых привело бы к тому, что «на помянутых заводах обыватели овец довольствовать не будут». 22 мая Сенат принял такое решение: «Овец, которые на овчарных заводах содержатца, для содержания раздать, разложа в тамошних местах по числу деревень на многовотчинных людей, хотя б кто и принять не похотел. И тех овец и при них овчаров содержать им во всем против тогож, как и на заводех были содержаны, и приплод от тех овец получать им себе. А шерсть с тех овец снимая, продавать им на суконныя заводы, которую покупать у них компанейщикам по определенной двойной цене». Итак, мы видим, что выход из проблемы Сенат нашел в ликвидации государственных овчарных заводов и передаче их помещикам.

Окончательно вопрос о работных-беглых был решен в мае 1723 года, когда Сенат ответил на «доношение» Адмиралтейской коллегии, протестовавшей против вывоза работников с поташных заводов, подведомственных ей, и считавшей, что эта практика противоречит упомянутому выше указу Петра о приостановке вывоза беглых с заводов. Сенат в своей резолюции пояснил указ от 15 марта 1722 года следующим образом: «Что же Адмиралтейская коллегия в доношениях объявляет, чтоб тех пришлых по состоявшемуся 1722 года марта 15 дня указу на тех заводах переписать, а с заводов неволею не ссылать, и тем бы оных заводов не опустошить, и тот его величества указ к тому не следует, а силу оной указ имеет о работниках, которые на заводах работают своею волею, а не побегом, да и тем по оному указу не велено положенныя на них деньги на полки, также и вотчинникам своим всякия подати платить по-прежнему, а оные пришлые в той волости жили во крестьянстве и ныне живут своими дворами и подати платят в тех волостях к заводским делам, а не помещикам, чьи они люди и крестьяне; того ради, по оному указу в тех волостях отнюдь их не задерживать, отдавать помещикам по крепостям, а которые из тех пришлых похотят остаться тех волостях токмо для работ, а не для вечнаго житья и не домами жить, и тех, по силе вышеписанного марта 15 дня 1722 года указа, неволею не

ссылать, токмо объявить им указ с запискою, дабы положенныя на них деньги на полки, также и вотчинникам своим всякия подати платили по-прежнему без всяких отговорок». Иначе говоря, Сенат дал указу 1722 года явно крепостническую трактовку.

Здесь хочется обратить внимание на одну характерную особенность. На работных людей, вне зависимости от их реального положения, длительности занятий, распространялись нормы и критерии феодального права, фиксирующие сословную структуру феодализма. Феодальное право не содержало в себе дополнений, которые бы учитывали появление новой реальности – мануфактур и связанных с ними общественных слоев: предпринимателей и работных. В социальной структуре (и соответственно в отразившем ее нраве) не было места сословию работных людей. Труд на заводе не рассматривался петровскими законодателями, жившими в эпоху интенсивного промышленного строительства, как деятельность, которая могла бы позволить занятому ею человеку получить особый статус, особое место в сословной структуре общества, отличное от места крестьянина или посадского.

Работа на предприятии воспринималась петровскими законодателями как одно из побочных занятий посадского, крестьянина, разночинца. И хотя на производстве и делалось различие между кадровыми мастеровыми – работными, давно ставшими профессионалами, и временными работниками – крестьянами, законодательство и правовая практика этой разницы не ощущали: работные люди рассматривались как помещичьи крестьяне владельца мануфактуры, как его собственность. Законодатель фактически не воспринимал и разницы между промышленниками-капиталистами и купечеством, к которому первых часто и причисляли. Особенно отчетливо эта «слепота» законодательства видна при работе ревизоров, проводивших перепись и проверку наличных душ в каждом селе, деревне, городе, на заводе. Переписывая работных, ревизоры не обращали внимание на то, что они уже давным-давно (возможно, не в первом поколении) стали квалифицированными рабочими, оторвавшимися от своего сословия, класса, социальной группы. Для всех был единый вопрос: «Из каких они чинов и которых городов и уездов?», а затем в реестре фиксировали ответы: «из крестьян», «из посадских», «из церковников», то есть отмечали не социальное происхождение рабочего в современном смысле этого слова, а непосредственную принадлежность к той среде, из которой он некогда вышел. Иначе говоря, ревизор видел рабочего, но как представителя особой социальной группы его не воспринимал, подобно тому как люди античности видели оранжевый цвет, но воспринимали его не как оранжевый, а как разновидность желтого или красного. В нашем

случае причина социального «дальтонизма» заключалась в том, что новое в рамках феодализма и крепостничества воспринималось как разновидность старого. Это приводило к распространению норм крепостничества на капиталистический по своей сути способ производства.

Прямым следствием подобных представлений о работном человеке являлся упомянутый указ от 28 мая 1723 года, согласно которому работный (если он не являлся собственностью мануфактуриста или не был «приписным» к заводу) мог выступить только в двух ипостасях: как крестьянин – отходник с паспортом, полученным для выхода на временную работу на заводе, или как беглый, нарушивший закон и подлежащий немедленному вывозу с завода на прежнее место жительства, где его приписывали в оклад подушной подати вместе с прочими крестьянами.

Теперь становится понятным принципиальное значение двух указов: от 18 января 1721 года, о покупке мануфактуристами деревень, и от 15 марта 1722 года с пояснениями 1723 года о свозе работных – беглых крестьян. Этими указами промышленность России была поставлена в такие условия, при которых она фактически не могла развиваться по иному, чем крепостнический, пути. Доля капиталистического, вольнонаемного труда в русской промышленности после этих указов начала заметно падать. Казенная промышленность стала переходить почти полностью на эксплуатацию «приписных» крестьян, развился особый институт «рекрутов», своеобразных пожизненных «промышленных солдат», обязанных отбывать рекрутчину не в армии, а у домны или стана.

Распространению крепостничества способствовала и практика, при которой крестьян, не принадлежащих помещикам, но работающих на заводах, стали закреплять в податное тягло там, где они были обнаружены переписью, то есть при заводах. По этому поводу в указе от 20 апреля 1725 года говорилось: «А о которых таких пришлых из губерний к переписчикам ответствовано, что те люди в тех губерниях некрепостные, таковых селить при тамошних казенных заводах, где способнее, и в подушный оклад писать тут, где они будут поселены», ибо, как отмечалось в донесении Берг-коллегии, заинтересованной в закреплении при заводах беглых непомещичьих крестьян, «государственному интересу равно, где бы оные ни жили, только б платеж с них был сполна». Сенат, разрешая такие приписки крестьян к заводам, подчеркивал, чтобы «при том смотреть того накрепко и как можно разведывать, дабы помещичьи люди, крестьяне для поселения при тех заводах не назывались дворцовыми и монастырскими крестьянами». Квалифицированные работные люди и мастера –

вольные люди, жившие при заводах, первоначально не были положены в подушный оклад, хотя во время переписи и были переписаны. Однако их положение в обществе, где не было уже вольных и где каждый тянул тягло или служил, было признано ненормальным, и впоследствии указом 1736 года все вольные работные люди были объявлены крепостными владельцев заводов – так называемыми «вечноотданными». В итоге целые отрасли промышленности стали использовать почти исключительно труд крепостных или «приписных», причем по формам эксплуатации «приписные» мало чем отличались от крепостных крестьян. В указе Петра об использовании монастырских крестьян на заводе Демидова отмечалось: «А ис тех крестьян, кто явитца ему непослушен, и ему тех ослушников смирять батоги и плетьми, только в такой мере, чтоб чрезмерною жесточью врознь не разогнать, чрезмерной работы на них не накладывать». Таким образом, предприниматель мог бесконтрольно распоряжаться трудом «приписного» крестьянина, находившегося у него во временной, но тяжелой и, в сущности, крепостной зависимости. Подобная же картина была и у других заводчиков. Так, суконная промышленность вообще не знала вольного труда: государство, заинтересованное в обеспечении армии отечественным сукном, не жалело деревень для мануфактуристов этой отрасли. Сходная ситуация была и в металлургической промышленности Урала. Перепись 1744—1745 годов показала, что вольнонаемные работные составляли лишь 1,7% от общей массы работных.

Вряд ли стоит подробно останавливаться на пагубных последствиях победы подневольного труда в промышленности, в итоге определившей в немалой степени экономическое отставание страны от развитых стран Европы.

Крепостническая направленность политики Петра в области промышленности деформировала и начавшийся было процесс оформления русской буржуазии. Как известно, при основании мануфактур их владельцы получали определенные и по тем временам значительные льготы. В частности, согласно «привилегиям», они освобождались от ряда платежей, постоев. В начале 1721 года, почти одновременно с указом о покупке деревень к заводам, был издан указ, согласно которому «первой, которой завод заведет, свободен от службы», лежащей на нем как на посадском, что, по мнению законодателя, «в размножении оных (мануфактур. – *Е.* А.) может чиниться не без помешательства». Это была весьма серьезная льгота, ибо предприниматели, как и наиболее состоятельная часть посадских жителей, платили львиную долю городских налогов и отправляли многие службы по казенным делам. Сословная и соответственно судебная и податная обособленность

мануфактуристов вызывала недовольство посадских. Его отразило «доношение» Главного магистрата 1722 года. Главный магистрат утверждал, что многие купцы вступают в промышленные компании только для того, чтобы избежать общегородских повинностей, и что компанейщики должны быть подчинены городским органам при определении доли их платежей. Петр внял просьбе Главного магистрата и распорядился, чтобы предприниматели, уже освоившие дело и получавшие с него стабильную прибыль, «с прочими граждане в гражданских службах и податях быть в магистратском ведомстве». Эта резолюция была шагом назад в правовом и податном оформлении социальной группы предпринимателей. Включение мануфактуристов в общее для посада ведомство Главного магистрата растворяло их в городской среде, искусственно нивелировало нарождающуюся буржуазию с общей массой средневекового по своей социальной сути посада. Помимо правовых были и чисто экономические обстоятельства, препятствовавшие оформлению класса буржуазии при Петре. Они состояли не только в зависимости предпринимателей и диктате государства в промышленной сфере, о чем было уже сказано, но и в том, что само поощрение промышленности со стороны государства имело преимущественно крепостнический характер, способствовало тем самым развитию крепостничества в промышленности, падению роли и значения вольнонаемного труда, возможности использования которого и без того были сужены социальной и «режимной» политикой самодержавия. «Сама возможность „брать в неволю“, – писала А. М. Панкратова, – не могла стимулировать заводчиков применять дорогостоящий вольнонаемный труд. Заинтересованные в более легком и более выгодном получении дешевой и даже даровой рабочей силы, они стремились получить ее из людских резервов крепостнического государства». Однако предоставление мануфактуристам права использовать покупную рабочую силу дорого (в прямом и переносном смысле) обходилось предпринимателям – в результате происходило «омертвление» капиталов, которые уходили не на совершенствование и расширение производства, а на покупку земли и крестьян. Так, в 1745 году 22 металлургических завода Акинфия Демидова оценивались в 400 тысяч рублей, а вотчины с крестьянами – в 211 тысяч рублей. Заводы предпринимателей Луганиных стоили 305,6 тысячи рублей, а крестьяне и земли – 1 миллион 200 тысяч рублей, то есть в четыре раза дороже.

Из этих (и подобных им) фактов Н. И. Павленко делает обоснованный вывод: «Капитал, авансированный промышленником на покупку крестьян, приносил доход феодального, а не капиталистического происхождения. Если, далее, учесть, что мануфакту-

рист покупал не работников, а ревизские души, то эффективность его затрат на приобретение „крещеной“ собственности понижалась, по крайней мере, в два раза. В металлургии, например, пригодной к работе считалась только половина ревизских душ (остальные – старики и дети), а в легкой промышленности процент использования труда купленных крестьян был и того ниже – там в работе находилось около 36%». Если к этому добавить, что и крестьянин-отходник, получивший паспорт и вышедший на заработки, эксплуатировался на заводе капиталистическим способом, чтобы затем, получив деньги, заплатить феодальный оброк своему господину, то станет понятно, что в системе крепостнической промышленности условий для развития капитализма (и, следовательно, для оформления класса буржуазии) не было. Наконец, эксплуатируя такую систему промышленности, казна была заинтересована в стабильных поставках изделий предприятий, для чего, собственно, предприниматели и поощрялись деньгами и душами. Соответственно государство смотрело весьма благосклонно на просьбу мануфактуриста ввести монополии на производство товаров, выпускаемых именно этим мануфактуристом, или на закупку сырья, ему необходимого. Примечательно, что, вводя такие монополии, государство видело в них и пользу чисто фискального свойства: сам предприниматель, считали чиновники, будет заинтересован в наблюдении за тем, чтобы не появились конкуренты, которые могут избежать казенных платежей. В конце 1720 года кожевники всей страны узнали, что некто Павлов основал компанию и получил привилегию на заведение кожевенного завода. В соответствии с этим устанавливалось: отныне всем продавцам кож «кожи продавать, прежде велеть объявлять им, компанейщиком, а покупать им у продавцов те кожи настоящею ценою, а продавцом, не объявя им, кож никому под штрафом продавать, и цены возвышать не велеть же, чтоб кожевенной завод потребными кожами был удоволен и в действии мастерства остановки не было. А им, компанейщиком оных продавцов тою покупкою не волочить». Нет сомнений, что последнее относится к разряду благих пожеланий, – можно представить себе, что делал на рынке кож, прикрываясь указом, Павлов со своими компанейщиками! Борьба с конкурентами с помощью государственных указов и «привилегий» мешала нормальному течению капиталистического процесса в стране. Защищенные «привилегиями», обеспеченные заказами казны, предприниматели, как уже отмечалось, не были заинтересованы в усовершенствовании производства, для чего нужно было вкладывать немалые средства. Важно, что деформация коснулась такой важной сферы, как сознание. Мануфактуристы-предприниматели, «вмон-

тированные» в общую крепостническую систему, не ощущали своего социального своеобразия, у них не возникало корпоративного, классового сознания. В то время как в развитых странах Европы буржуазия не только осознавала самое себя, но и открыто заявляла о своих претензиях властям, дворянству и королю, в России шло попятное движение: мануфактуристы, получившие крестьян, стремились добиться изменения, точнее, повышения своего социального статуса – стать дворянами. Эта тенденция – прямой результат развития крепостничества в промышленности – приводила к тому, что буквально через одно-два поколения представители предпринимателей превращались в дворян, полностью растворенных в привилегированном классе и даже забывших язык своих, вышедших из крестьян и посада, предприимчивых дедов и прадедов. Наиболее яркий пример – история баронов Строгановых и Демидовых.

Итак, промышленное строительство при Петре привело к двум основным результатам – созданию мощной экономической базы, столь необходимой развивающейся нации, и одновременно к существенному приостановлению тенденций капиталистического развития страны, движения по тому пути, по которому уже давно шли другие европейские народы.

«Произведение подданного всероссийского народа»

Строительство нового государственного аппарата было лишь частью той грандиозной задачи, которую поставил перед собой великий преобразователь России. В поле его зрения были не только административный аппарат, экономическая политика, военное дело, но и само общество – люди, подданные. В петровское время социальная структура общества претерпела не меньшие перемены, чем структура власти или экономики. Конечно, мы можем говорить о социальных изменениях как следствии всего комплекса реформ – военной, податной и т. д. Но вместе с тем немало было сделано реформатором и в целях преобразования именно социальной структуры, реализации грандиозного замысла «произведения подданного всероссийского народа». В результате социальные последствия преобразований оказались столь же грандиозными, как и экономические, внешнеполитические и иные. Фактически ни у одного сословия статус не остался неизменным.

Весьма значительными стали перемены в положении дворянства. Собственно, сословие дворянства XVIII—XIX веков в том виде, каким мы его знаем по литературе, было оформлено, точнее,

организовано Петром. Здесь нет преувеличения, ибо в допетровской России существовало единое сословие так называемых служилых людей, в которое входили как служилые «по отечеству», то есть по происхождению, так и служилые «по прибору», то есть по набору на добровольных началах. Вершину пирамиды служилых чинов составляли члены Боярской думы – думные чины (бояре, кравчие, окольничие, постельничие, думные дворяне, думные дьяки). Кроме думных чинов в служилые «по отечеству» входили стольники, стряпчие, жильцы московские и городовые дворяне (то есть служившие по списку столичного и провинциальных городов). К служилым людям «по прибору» относились мелкие служилые чины: пушкари, городовые казаки, затинщики и т. д. Близки к ним были и подьячие. И хотя целая социальная пропасть разделяла думные чины и «приборных», тем не менее служилое сословие было единым, граница между служилыми «по отечеству» и служилыми «по прибору» была размыта, что позволяло иному подьячему подняться до Боярской думы. Не было служилое сословие отгорожено непреодолимым барьером и от податных сословий – крестьян, горожан, из числа которых и вербовались служилые. Любопытно, что эта практика на окраинах страны сохранялась еще при Петре. В 1720 году сибирский губернатор князь А. М. Черкасский запрашивал Сенат о том, что делать с теми, которые «вышли из крестьянства и из купечества в служилые люди и которые ныне определены в те чины, в прежних ли чинах быть, или в старые верстать?». Сенат отвечал, что «впредь из купечества и из крестьянства в такие чины не писать». Единство служилого сословия XVI—XVII веков было обусловлено тем, что все сословие на срок государевой службы, где бы она ни проходила, получало поместья, в том числе населенными. Иначе говоря, в отличие от многих других сословий русского общества служилые люди обладали правом земле– и душевладения, то есть теми привилегиями, которые впоследствии стали монополией дворян. Петровская эпоха навсегда покончила с сословием служилых людей. Произошел распад сословия на две категории: большая часть служилых «по отечеству» превратилась в дворянство (шляхетство), меньшая часть служилых «по отечеству» (преимущественно малосостоятельные служилые юга России), а также служилые «по прибору» вошли в сословие государственных крестьян, искусственно созданное Петром. Конечно, предпосылки для расслоения сословия созревали исподволь. Здесь следует упомянуть и процесс слияния бояр и дворян под воздействием самодержавной власти, нивелирующей всех подданных, когда потомки удельных князей уже не обладали никакими преимуществами, соревнуясь в служении повелителю и ожидая милости от

него. Царь же мог избранно возвышать одних и принижать других, независимо от происхождения. Эта тенденция к консолидации верхушки служилого сословия развивалась и под воздействием изменения характера самой службы и системы вознаграждения за нее. До конца XVII века служба сохраняла известную периодичность, своеобразную «сезонность»: служилые собирались на смотры со своими вооруженными челядинцами («конно, людно и оружно»), чтобы затем с чувством облегчения вернуться в поместье и, засунув подальше саблю и пищаль, мирно жить до следующего смотра. С петровских времен, характерных непрерывными войнами, служба для всех категорий служилых стала постоянной, а система ее оплаты изменилась. За службу в регулярной армии начали платить денежное жалованье. Поместья же, перестав быть видом жалованья за службу, стали фактически неотторжимыми. Они все больше сливались с другой формой землевладения – вотчинной, то есть родовой. В 1714 году поместья и вотчины были бесповоротно объявлены единой недвижимой собственностью помещика-дворянина. Издавна шел и процесс дифференциации служилых «по отечеству» и служилых «по прибору». Для последних роковую роль сыграла военная реформа Петра.

Она покончила с нерегулярностью прежней армии. На смену городовым казакам, пушкарям и т. д. пришли регулярные гарнизонные и полевые полки, в которые многие «приборные» зачислялись рядовыми. Часть же «приборных», лишившись службы и соответственно связанных с нею привилегий, приравнивалась к крестьянам и посадским, облагалась, как и они, повинностями. «Приборные», таким образом, низводились до положения тяглых, то есть низших, категорий населения.

Социальная поляризация шла, естественно, постепенно и была, конечно, изначально предопределена той дистанцией, которая в принципе разделяла московского боярина и тамбовского городового казака, но все же при Петре этот процесс получил необычайно быстрое развитие. Тяжелая рука Петра властно вмешалась в его течение, придав ему заданное идеей реформатора направление.

Громадную роль в изменении положения сословия служилых людей сыграло введение Петром нового, отличного от прежнего, критерия службы, а именно – принцип происхождения был заменен принципом личной выслуги. В соответствии со своей кардинальной идеей службы, служения как главной обязанности подданных и своим представлением о роли самодержавного монарха, стоящего на вершине пирамиды чинов, Петр не мог допустить, чтобы включение в служебную иерархию и продвижение по

лестнице чинов определялось таким не зависящим от самодержца критерием, каким являлось происхождение, а не выслугой, то есть заслугами перед царем, определяемыми по законам, им же самим продиктованным и изменяемым по собственному усмотрению.

Книги петровского времени. Первая треть XVIII в.

Костюм Петра I. Берлинские мастерские. 1720-е гг.

Введение принципа личной выслуги резко усиливало власть самодержавия над дворянством. На смену традиционному сословию служилых «по отечеству» приходил военно-бюрократический дворянский корпус, на смену прежнему своевольному боярину или стольнику, гордому своим происхождением, давшим ему положение в обществе, – послушный, всем обязанный властелину офицер или чиновник. Вначале было много сделано для приостановки развития, разрастания старого служилого сословия. В 1695 году прекратили жаловать в стольники и стряпчие, а в 1703-м – в жильцы. Тем самым обрезались корни, питавшие многовековое древо служилых «по отечеству». Тогда же практически были прекращены пожалования в боярские чины. Боярская дума, как выше отмечалось, не будучи официально уничтоженной, без притока новых старцев фактически вымерла буквально

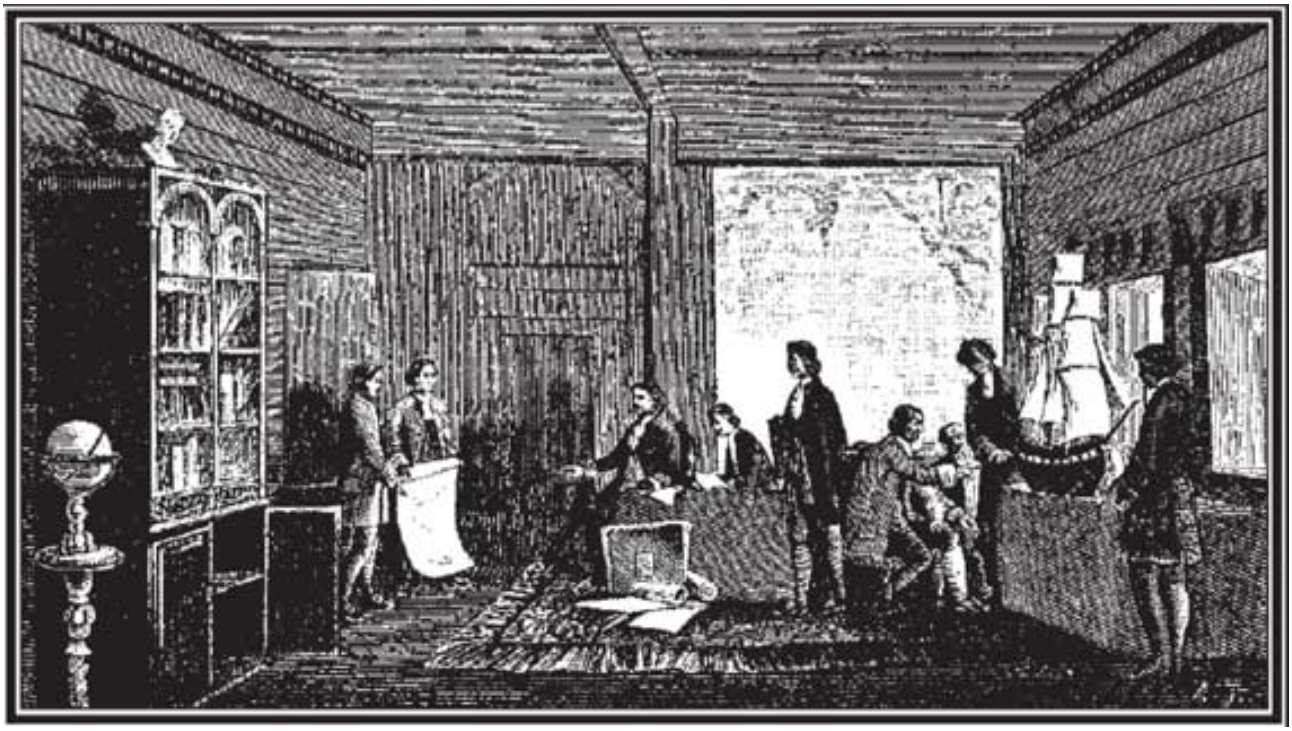
за десять-двенадцать лет. Следует подчеркнуть, что это делалось Петром сознательно и составляло одну из характерных, хотя на первый взгляд неожиданных для стиля Петра, черт политики. Наряду с коренной ломкой старых институтов царь-реформатор уничтожал их еще и тем, что не поддерживал питающих традиций. Примечательно и нежелание Петра как-то «состыковать» старую чиновную систему с той, которая создавалась им на основе Табели о рангах. При обсуждении Табели Сенат пытался это предложить: «Понеже еще остались в древних чинах некоторые персоны, а именно: бояре, кравчие, окольничие, думные дворяне, спальники, стольники и прочие чины, того ради предлагается: не изволит ли его царское величество оных по их живот определить против других рангами». Петр проигнорировал предложение сенаторов.

Преследование русской одежды в петровское время. С голландской гравюры первой трети XVIII в.

К этому нужно добавить, что многие стольники, стряпчие и другие чины служилых «по отечеству» были взяты в полки регулярной армии, причем не всегда на офицерские должности. В Петровскую эпоху происходит оформление дворянства не как чина, разновидности прежнего служилого сословия, а как единой корпорации, класса-сословия, обладающего особыми привилегиями. Вместе с тем Петр, заметно выделяя дворянство как привилегированное сословие, не был склонен ослаблять узду, снимать

с него типичные для старого сословия служилых обязанности службы. Наоборот, эти обязанности с введением регулярной армии и бюрократизацией управления стали еще более тяжелыми. Дворянское звание могло иметь привилегированное значение только тогда, когда его носитель служил. Только тот дворянин достоин почитания, внушал своими указами Петр, который служит. Именно с такими взглядами Петра связан указ Сенату начала 1712 года, устанавливавший преимущество офицера перед неслужащим дворянином: «Сказать всему шляхетству, чтоб каждой дворянин во всяких случаях (какой бы фамилии ни был) почесть и первое место давал каждому обер-офицеру и службу почитал, и писатца только офицерам, а шляхетству (которыя не в офицерах) только то писать, куды разве посланы будут. А ежели протиф сего не почтит офицера, положить штраф треть его жалованья, ис чего фискалу по указу тож и офицеру, ежели уступит». Петр разработал целую систему превращения просто дворян в служащих, ибо вне службы их жизнь, в сущности, царем не мыслилась. Следствием этого стала практика обязательного обучения дворянских детей, ибо без элементарного образования нельзя было служить. Причем Петр, как и всегда, действовал весьма решительно. Указ от 20 января 1714 года уникален в русской истории: дворянину, не постигшему основ знаний, необходимых для службы, запрещалось жениться: «Послать во все губернии по нескольку человек из школ математических, чтоб учить дворянских детей, кроме однодворцев, приказного чина, цыфири и геометрии и положить штраф такой, что невольно будет жениться, пока сего выучится». Под вопли родителей дворянские отроки отправлялись за счет государства (отсюда применяемый к ним термин «пенсионеры») за границу, где они обучались различным специальностям. В родном отечестве эти функции выполняли Морская, Инженерная, Артиллерийская академии, куда тоже зачисляли, не особенно считаясь с желаниями отроков и их родителей. Однако самой важной школой дворян была гвардия – Преображенский и Семеновский полки, где они были обязаны служить с малых лет. Служба солдатами и сержантами, подчас под заботливым и бдительным присмотром самого царя – полковника Преображенского полка, была суровым испытанием. Более того, Петр стремился преградить путь в офицеры тем дворянам, которые не постигли азов воинской службы, не прошли школы гвардии. 26 февраля 1714 года был издан указ: «Понеже многие производят сродников своих в офицеры из молодых, которые с фундамента солдатского дела не знают, ибо не служили в низких чинах, а которые и служили только для лица по нескольку недель или месяцев; того ради, таким требуется ведомость, сколько каких чинов есть с 709

году, а впредь сказать указ, чтоб из дворянских пород и иных со стороны отнюдь не писать, которые не служили солдатами в гвардии». Тот же принцип зафиксирован в Воинском уставе 1716 года: «Шляхетству российскому иной способ не остается в офицеры происходить, кроме что служить в гвардии». Самодержавию были нужны не только солдаты и офицеры, но и чиновники учреждений. Генеральный регламент закреплял законодательным путем идею о гражданской службе русского дворянства как одной из важнейших форм исполнения обязанностей перед государем и государством. В Генеральный регламент была внесена глава, которая предполагала обучение дворянских детей канцелярскому делу: «К чему позволяетца из шляхетства допущать и быть им под управлением секретаря, которой повинен их определить и ко всяким делам в коллегии сущим… И смотреть, дабы они обучались как письму, так и всем делам, принадлежащим во оном коллегии, дабы со временем могли произходить в вышние чины по градусом» (то есть по Табели о рангах).



Петр I экзаменует учеников, возвратившихся из-за границы. С картины Н. Н. Каразина.

Необычной казалась современникам идея обучения дворянских отроков профессии «чернильного племени» подьячих. Но на дворе были новые времена, и Петр, отвечая недовольным судьбой своих отпрысков, попавших в канцелярию и обязанных начинать службу с самого низа бюрократической лестницы, провозгласил: «Того ради сего фамилиям знатным и шляхетским в укоризну не ставить, ибо кроме сего пути никто вышний градус и до мини-

стерского чина произведен быть не может». Иначе говоря, Петр предупреждал, что как военным без службы в солдатах, так и гражданским – минуя канцелярию, по Табели о рангах не подняться вверх, С 1722 года для дворянских детей была введена специальная канцелярская должность – камер-юнкер, исполнять которую надлежало без послаблений. По этому поводу Петр дополнил Генеральный регламент словами: «дабы их [юнкеров] по коллегиям обучать так, как подьячих, с самых нижних дел приказных и сего смотреть в коллегиях накрепко, дабы в том маны не было и под видом учения гуляния, за что будут члены коллежские жестоко наказаны». Чтобы созданная пирамида чинов воспроизводилась и в ней (как и во всем обществе) существовала известная субординация, Петром и его сподвижниками была подготовлена в 1722—1724 годах знаменитая Табель о рангах – один из важнейших документов русской истории. Она появилась на свет после тщательного анализа аналогичных документов развитых стран Европы, препарированных в соответствии с условиями России. Табель вводила новую (отличную от прежней служилой) иерархию чинов, которые можно было получить посредством личной службы, поднимаясь последовательно от чина к чину. Все чины делились на четыре категории: воинские (в том числе сухопутные, гвардейские, артиллерийские), морские, штатские («статские») и придворные. Важной чертой Табели было то, что она устанавливала соответствие между чинами разных категорий. Приведу пример, взяв цитату из Табели:

Классы	Воинский				Гражданский	
	Сухопутные	Гвардия	Артиллерийские	Морские	Статские	Придворные
4 …	Генерал-майор	Полковник	Генерал-майор, генерал-майор от фортификации	Шаутбенахты: обер-цейгмейстер	Президенты от коллегиев и Штатсконторы, тайные советники, обер-прокурор	Обергофмейстер; обер-камергер

Всего подобных граф – «классов», разбитых вертикально на шесть отделов, в Табели четырнадцать. Соответственно, чтобы стать генерал-майором (4-й класс), человеку нужно было, отслу-

жив в солдатах, попасть в 14-й класс – стать фендриком или флигель-адъютантом при генерал-лейтенанте или бригадире, затем дослужиться до унтер-лейтенанта (13-й класс), затем стать лейтенантом (12-й класс), выйти в капитан-лейтенанты (10-й класс), затем – в капитаны или флигель-адъютанты при генерал-фельдмаршале (9-й класс), затем – в майоры (8-й класс), подполковники (7-й класс). Получив очередное звание полковника или заняв должность обер-провиант-мейстера, офицер оказывался в 6-м классе, должность бригадира или генерал-провиантмейстера давала ему 5-й класс. И лишь после этого он мог рассчитывать стать генерал-майором (см. таблицу). При успешной службе генерал-майор мог продвинуться в генерал-лейтенанты и тем самым оказаться в 3-м классе, откуда рукой подать до полного генерала (2-й класс), а может быть, до генерал-фельдмаршала, находившегося на вершине военной чиновной лестницы – в 1-м классе. Генерал-фельдмаршалу соответствовали генерал-адмирал и канцлер в 1-м классе по морской и по статской иерархии. Особенно важна была гражданская иерархия, по которой могли подниматься вверх служащие коллегий и канцелярий: 14-й класс – юнкер коллегии или ему равный чин; 13-й класс – протоколист или переводчик; 12-й класс – камерир или секретарь надворного суда; 11-й класс для статских отсутствует; 10-й класс – секретарь коллегии; 9-й класс – советник коллегии; 8-й класс – асессор коллегии; 7-й класс – обер-секретарь; 6-й класс – прокурор; 5-й класс – вице-президент; 4-й класс – президент коллегии; 3-й класс – генерал-прокурор; 2-й класс – действительный тайный советник; 1-й класс – канцлер.

Принцип личной выслуги закреплялся особым положением Табели, в котором говорилось, что выходцы из высших категорий дворянства не избавляются от службы, начиная ее снизу. Дети титулованных и знатнейших дворян, а также всех выслуживших-ся в высокие чины имеют доступ в общество и ко двору, но лишь «для знатной их породы или их отцов знатных чинов». Сами же они чинов отцов не получают и должны выслужить их: «Однакож Мы для того никому никакого ранга не позволяем, пока они нам и отечеству никаких услуг не покажут и за оные характеры не получат». Особо полно и даже афористично принцип личной выслуги выражен в знаменитой резолюции Петра на пункт доклада Военной коллегии о признаках определения знатного дворянства от 11 ноября 1724 года. Военная коллегия запрашивала: «О недорослях указ повелевает знатного шляхетства и офицерских детей писать в гвардию, а протчих и у которых отцы в классах (имеется в виду Табель о рангах. – *Е.* А.) – в другие полки. А понеже невозможно знать, которое знатное шляхетство, того ради требуется определение, каким образом знатное шляхетство щитать: по дво-

ровому числу, ото ста дворов и выше или по регламенту о рангах, до котораго класса». На это Петр наложил резолюцию: «Знатное дворянство по годности считать». Не приходится сомневаться, что в понятие «годности» царь вкладывал выслугу и личные качества, то есть критерии, не связанные с происхождением или, как предлагала Военная коллегия, с числом дворов или достижением при службе определенного класса Табели о рангах.

Здесь мы касаемся очень важного сюжета – права делать карьеру согласно Табели о рангах представителям других сословий. И в армии, и в государственном аппарате было очень много выходцев из тяглецов, даже крепостных, и холопов, сделавших карьеру при Петре. В принципе прежняя система служилого сословия позволяла это делать и раньше. Однако разница состояла в том, что Петр законодательным путем четко определил условия, при которых недворянин мог двигаться вверх, стать дворянином. Проходя лестницу чинов, он вливался в контингент военных и чиновников не как чужеродное тело, а как дворянин. Подход Петра к знатности как достоинству, определяемому личной выслугой и качествами человека, вовсе не ставил задачу демократизации верхушки общества, не вводил буржуазных критериев оценки человека. Он лишь открывал возможности «годным», то есть способным и преданным в службе государю, выходцам из низших слоев общества улучшить свой социальный статус, стать членами привилегированного сословия, критерием оценки которого была та же «годность». Объективно это должно было усиливать дворянство, всю систему власти, всегда нуждавшуюся в притоке «свежей крови» способных выходцев из низов.

Анализ состава офицерского корпуса русской армии накануне окончания Северной войны, проведенный М. Д. Рабиновичем, показал, что офицеры – выходцы из недворян составляли 13,9% от общей численности офицеров, причем в пехоте каждый пятый офицер был по происхождению недворянин. Не случайно указом 16 января 1721 года младшие офицеры автоматически были возведены в дворянство: «Все обер-офицеры, которые произошли не из дворянства, оные и их дети, и их потомки суть дворяне, и надлежит им дать патенты на дворянство». Это была очень важная акция политического характера, укреплявшая режим. Из некоторых документов можно понять, что Петр мечтал, чтобы весь государственный аппарат сплошь состоял из дворян. Указом от 31 января 1724 года было запрещено определять в секретари учреждений недворян, чтобы они не могли «в асессоры, советники и выше происходить». Исключение делалось только для наиболее талантливых подьячих, которые «какое знатное дело покажет или заслужит». Их могли производить в секретари и давать им

«шляхетство как в воинской службе кто в прапорщики пожалован».

Будущее же выходцев из других сословий определялось Табелью о рангах. Для получения дворянства требовалось дослужиться до 8-го класса. В военной иерархии нужно было стать майором или обер-квартирмейстером, обер-фискалом или цальмейстером. Дворянство давала должность капитан-лейтенанта гвардии, капитана 3-го ранга на флоте, а также асессора, обер-секретаря коллегий и еще не менее пятнадцати идентичных или близких к названным должностей в государственных учреждениях. Однако преувеличивать эти возможности не следует: чтобы стать дворянином, нужно было десятилетия тянуть служебную лямку, служить и услуживать. Не может быть иллюзий и при оценке общего положения дворянского сословия в государстве. В целом петровская политика в отношении дворянства была весьма жесткой, в сущности закрепостительной, ибо дворяне-чиновники, дворяне-офицеры имели во всех смыслах гораздо меньше свободы, чем служилые «по отечеству» XVII века. Об этом хорошо сказал историк русского дворянства С. М. Троицкий: «В большинстве европейских государств служба монарху была привилегией членов феодального сословия. В России она стала для них обязанностью. Фактически это была пожизненная служба. Табель о рангах увеличивала служебное бремя для представителей дворянского класса, дополнив его обязанностью учиться. Поэтому в целом новый закон усиливал бюрократизацию самого правящего класса России, что нашло отражение в статьях, подчеркивавших преимущество рангов и чинов, получаемых за государственную службу, а также определявших порядок предоставления дворянского достоинства за службу в армии и гражданских учреждениях». В связи с этим возникает вопрос: это забюрократизированное, зарегламентированное дворянство, обязанное учиться, чтобы затем служить, служить и служить на бессрочной военной и гражданской службе (даже отставленные от службы «за старостью и за ранами», в чем их часто освидетельствовал сам самодержец, определялись в гарнизоны или «кто к какому делу будет способен»), можно ли назвать господствующим классом-сословием в том смысле, как мы понимаем это применительно к екатерининским или николаевским временам? Не является ли в данном случае термин «бюрократизация» эвфемизмом термина «закрепощение», широко употреблявшегося в отношении к петровскому дворянству в старой русской науке? Мне могут возразить: дворяне – господствующий класс, ибо обладали правом владеть землями, населенными крепостными крестьянами, которых эксплуатировали. Это, конечно, так, но применительно к Петровской эпохе

душевладение не было исключительным правом дворянского класса. Крепостными крестьянами, а тем более холопами, могли владеть как в XVII, так и в XVIII веке представители и служилого сословия, и купечества. Лишь впоследствии дворянству удалось добиться монопольного права на владение населенными имениями.

Следующий момент. Следует внимательнее присмотреться к тому, что мы называем правом владения населенными имениями. Действительно, в петровское время произошло формальное укрепление земельной собственности дворянства: временные держания – поместья – окончательно слились с родовыми – вотчинами – в единую земельную собственность. Это было достигнуто вследствие указа от 23 марта 1714 года – знаменитого указа о майорате, единонаследии. Но сам по себе указ ставил совсем иные цели. Его прямая задача состояла в том, чтобы навести такой «порядок» в землевладении, который бы бесперебойно обеспечивал государство военными и гражданскими служащими из дворян, «выживая» их из деревень. Это достигалось запрещением делить недвижимые имения между сыновьями. В указе от 23 марта 1714 года об этом говорилось так: «1. Всех недвижимы вещей, то есть: родовых, выслуженных и купленных вотчин и поместей, также и дворов, и лавок не продавать и не закладывать, но обращатися оным в род таким образом: 2. Кто имеет сыновей и ему же аще хощет единому из оных дать недвижимое чрез духовную, тому в наследие и будет; другие же дети обоего пола да награждены будут движимыми имении, которыя должен отец их или мать разделити им при себе, как сыновьям, так и дочерям, колико их будет, по своей воле, кроме онаго одного, который в недвижимых наследниках будет».

Мотивов такой жесткой меры Петр приводит несколько. Во-первых, он высказывает беспокойство о судьбе знатных родов, растворявшихся вследствие дробления родовых владений: «А когда от… пяти по два сына будут, то по сту дворов достанется и тако далее умножаясь, в такую бедность придут, что сами однодворцами застать могут, и знатная фамилия, вместо славы, поселяне будут, как уже много тех экземпляров (образов) есть в российском народе». Во-вторых, существующий порядок наследования, по мнению царя, неудобен и даже вреден государству, ибо государственные доходы с таких мелко поделенных владений будут падать, и наоборот: «ежели недвижимое будет всегда одному сыну, а прочим только движимое, то государственные доходы будут справнее, ибо с большаго всегда господин довольнее будет, хотя по малу возьмет, и один дом будет, а не пять (как выше писано), и может лучше льготить подданных, а не разорять». Можно было

бы выдвинуть много контраргументов в споре с петровской «политэкономией», но делать это некорректно во всех смыслах. Можно сказать лишь одно: Петр последователен в защите государственных интересов, он не останавливался ни перед какими мерами их обеспечения, жертвуя при этом сословными интересами отдельных групп населения, в том числе и тех, кого принято считать привилегированными.

Главный довод в пользу введения единонаследия состоит, по мысли законодателя, в том, что «каждый, имея свой даровой хлеб, хотя и малой, ни в какую пользу государства без принуждения служить и простираться не будет, но ищет всякой уклоняться и жить в праздности, которая (по Святому Писанию) материю есть всех злых дел». При передаче имения единственному наследнику «прочие не будут праздны, ибо принуждены будут хлеба своего искать службою, учением, торгами и прочим. И то все, что оные сделают вновь для своего пропитания, государственная польза есть, чего ради за благо изобретено чинить по сему». Чтобы у дворян не было надежды обойти этот тягостный закон, 14 апреля того же года был принят еще один дополнительный акт, который усложнял и обходный путь – возможность покупки имений для младших детей за деньги: «Ежели кадет пойдет в службу воинскую и получит себе службою деньги, на которыя себе захочет купить деревни, дворы или лавки, то ему вольно купить, однакож по седьми лет службы его; буде же в гражданской службе будучи, то по десяти лет службы его; буде же в купечестве, мастерстве будучи, то по пятнадцати летех. А кто ни в чем вышеписанном не будет, тому никогда невольно, даже до смерти».

Таким образом, с одной стороны, укрепляя помещичью собственность путем соединения вотчин и поместий, государство, с другой стороны, вводило право пользования этой собственностью в еще более жесткие рамки, чем пользование поместьем в системе поместной службы XVII века, делая фикцией преимущества от слияния двух видов собственности. К этому нужно добавить, что помещик, оставив завещание, не мог быть уверен, что его последняя воля будет в точности исполнена, – в петровское время была распространена практика утверждения завещаний наиболее состоятельных дворян самим царем. В совокупности все это ставит под сомнение безапелляционность утверждения о дворянстве как о господствующем классе. Можно говорить лишь о привилегированном сословии военных и чиновных слуг русского самодержца, привилегии которых существовали до тех пор, пока они исправно исполняли свою службу. В противном случае они превращались в социальное ничто.

Избежать службы для дворянина петровского времени законным путем было невозможно, а незаконные пути пресекались строжайшими указами, грозившими дворянам публичными наказаниями, публикацией имен «нетчиков» на специальных досках, прибиваемых к виселицам. Страшнее морального унижения для дворянина была конфискация владений за отказ служить. Указы обещали передать доносчику часть владений «нетчика»: «а буде кто из них [дворян] на тое службу не поедут и с сего числа будут явятся на Москве и в деревнях своих, а про то кто известит, и за то у тех людей поместья, их и вотчины отписаны будут на великого государя и из тех отписных деревень некоторая часть взята будет и отдана тем людям, кто про то на того известит».

Фактически ежегодно проводились смотры дворян, после которых взрослые и недоросли зачислялись на службу без отсрочек и послаблений. Вот типичный для того времени указ о явке шляхетства на смотр (от 11 января 1722 года): «А ежели кто из оных до того срока и на тот срок приезда своего не запишет и на смотр не явится, и таковые будут шельмованы, и с добрыми людьми ни в какое дело причтены быть не могут, и ежели кто таковых ограбит, ранит, что у них отымет, и у таких а ежели и до смерти убьет, о таких челобитья не принимать, и суда им не давать, а движимое и недвижимое их имение отписаны будут на нас безповоротно». Трудно представить себе, каким бы было русское дворянство, если бы принципы Петра последовательно осуществлялись после его смерти. Подлинная эмансипация дворянства, развитие его дворянского (в европейском смысле этого слова) корпоративного сознания происходили по мере его «раскрепощения» в 30-60-е годы XVIII века, когда вначале был отменен майорат, ограничен срок службы, а затем появился знаменитый манифест 1762 года, название которого говорило само за себя: «О даровании вольности и свободы российскому дворянству». Как мы видели, оснований для акта о предоставлении свободы было больше чем достаточно. Распад служилого сословия привел не только к образованию дворянства, но и к появлению так называемых однодворцев, оставшихся как бы за чертой, отделившей привилегированных слуг царя от прочих, непривилегированных. Многие факторы оказали сильное влияние на оформление юридического статуса однодворцев. Являясь государевыми служилыми людьми, они сосредоточивались преимущественно на юге страны, на территории окраинных военно-административных округов – Севского и Белгородского разрядов – и по своему социальному и экономическому положению стояли ближе к тяглым слоям, точнее, к крестьянству, чем к служилым «по отечеству» Центра.

Однодворцы чем-то напоминают бедных идальго, шедших в авангарде Реконкисты – отвоевания Испании у мавров. Они, так же как идальго, жили на опасной окраине, как тогда называли, «украине», осваивая на свой страх и риск целинные земли, неся охрану границы и постепенно продвигаясь все дальше и дальше на юг. Несмотря на то что на однодворцев распространялись нормы поместного права, они отличались от служилых Центра своим образом жизни, вели хозяйство, как крестьяне, число же крепостных у них было незначительно. Писатель второй половины XVIII века В. Т. Нарежный в романе «Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» изображает быт однодворцев, который мало в чем изменился по сравнению с петровскими временами. Вспоминая свою молодость, герой говорит: «Из таковых князей был почтенный родитель мой, князь Симон Гаврилович Чистяков. При кончине своей он сказал мне: „Оставляю тебя, любезный сын, не совсем бессчастным: у тебя довольно поля есть, небольшой сенокос, огород, садик и, сверх того, крестьяне – Иван и мать его Марья. Будь трудолюбив, работай, не стыдясь пустого титула, и бог умножит твое имущество“». Далее, описывая роман с хорошенькой дочкой соседа, княжной Феклушей, герой повествует: «Однажды, встретив ее, согбенную под коромыслом, сказал я с сожалением: „Ах, княжна! тебе, конечно, тяжело?“ – „Что ж делать“, – отвечала она, закрасневшись. Я взял ведры и донес до дому. „Спасибо, князь“, – сказала она. Я потрепал ее по плечу, она пожала мою руку, мы посмотрели друг на друга, и она сказала: „Завтра рано на заре буду я полоть капусту“, – и остановилась. „Я пособлю тебе“, – вскричал я, обнял ее и поцеловал».

Процесс оформления статуса однодворцев как особой сословной группы шел давно, но в петровское время, как и многие подобные процессы, он резко усилился. Создание регулярной армии подорвало, как уже отмечалось выше, старую поместную систему обороны, в которую и входили служилые южных окраин. Самым важным следствием преобразований для однодворцев было лишение их ряда привилегий, и прежде всего податной – свободы от платежа налогов. Правда, на протяжении XVII века служилые юга наряду со службой выполняли некоторые повинности, однако в петровское время произошла качественная перемена: однодворцы не были включены в состав регулярной армии, а их налоги и повинности стали рассматриваться как компенсация за освобождение от воинской службы. В итоге, в 1710 году однодворцы оказались в подворном тягле наряду с крестьянами, в том числе и теми, владельцами которых они являлись.

Однако окончательно статус и сословные черты однодворцев не как дворян, а как крестьян определились в ходе проведения петровской податной реформы – введения подушной подати в 1719—1724 годах. Указами о переписи населения правительство недвусмысленно выразило свое намерение включить однодворцев в подушный оклад. Вот это обстоятельство – признание однодворцев плательщиками подушной подати – стало исходным моментом при определении особенностей их юридического статуса, что само по себе было весьма сложной и запутанной проблемой, ибо отличия служилых «по отечеству» от «приборных», с одной стороны, и отличия служилых «московских чинов» от служилых юга, с другой стороны, были во многом размыты, неясны: часть московских чинов служила по спискам «украинных» Белгородского и Севского разрядов, а часть служилых этих разрядов оказалась в силу разных обстоятельств среди «московских чинов».

Если на высших ступенях чиновной лестницы проблема уточнения статуса не была особенно острой, то на низших – ближе к «приборным» – она резко обострялась, так как здесь шла речь о жизненно важных вещах – быть признанным дворянином и принадлежать к привилегированному «благородному» сословию или стать «подлым» крестьянином, тяглецом. Именно так в Петровскую эпоху ставился вопрос для большинства однодворцев. Власти в полной мере использовали механизм податной реформы для проведения четкой границы между шляхетством (дворянством) и однодворцами. Запись в подушный оклад автоматически освобождала от явки на дворянские смотры, но зато влекла за собой распространение на положенных в тягло однодворцев законов о пресечении бегства тяглецов и т. д. В 1724 году Сенат распорядился, что спасением от подушного оклада не является даже грамота из Герольдмейстерской конторы, подтверждающая принадлежность ее владельца к дворянству, если такие однодворцы-дворяне «на полки уже росписаны и книги окончаны». Таких предписывалось «из подушного оклада не выключать, чтоб тем не учинить в распоряжении полков какого помешательства». Так и появлялись тяглые княжеские фамилии, подобные княжескому роду Симона Чистякова и их соседей.

Был еще один примечательный момент в определении юридического статуса однодворцев как недворян, близких по своему положению к крестьянам. В 1724 году ревизор Азовской губернии А. А. Мякинин писал, что «однодворцев причесть к помещикам невозможно, ибо оне хотя и имеют по стольку дворовых людей, но только самое мизерство, понеже они и сами земледельцы, и потому положены в подушный оклад и потому равны они тем своим людям».

Иначе говоря, социально-экономическое положение однодворцев, по мнению ревизора, является причиной распространения на них податного статуса, тягла, и одновременно тягло, положенное на однодворцев, является причиной приравнивания их к крестьянству. При этом следует отметить, что правительство Петра, заинтересованное в сохранении на опасных южных границах контингента нерегулярных воинских сил, а также в освоении южных окраин, не пошло на полное превращение однодворцев в рядовых крестьян. Они сохранили право душевладения, купли-продажи земельных владений, власти препятствовали закрепощению однодворцев – тенденции, ставшей характерной по мере продвижения в XVIII веке крупного феодального землевладения на черноземы юга.

Однодворцы не являлись особым сословием. Они вошли в состав оформленного тогда же сословия государственных крестьян – нового социального образования, возникшего в ходе петровских социальных реформ.

Впервые мысль о формировании новой сословной категории возникла в 1723 году, когда Петр (согласно записи в журнале Сената) сказал: «Государственныя крестьяня разумеются ясачники, половники, однодворцы и протчия тем подобныя; мордва, черемиса, что в указе изьяснить». В 1724 году новый термин был окончательно уточнен. Согласно «Плакату о подушной подати», новый налог будет взиматься «с государственных крестьян, то есть с однодворцев, с черносошных, с татар, с ясашных и Сибирской губернии пашенных, прежних служеб, копейщиков, рейтар, драгун, солдат, казаков, пушкарей, затинщиков и разсылщиков и всякого звания людей, которые в поголовную перепись написаны и в раскладку на полки положены». Как видим, под термином «государственные крестьяне» законодатель подразумевал самое разнообразное тяглое население. Наиболее значительными группами оказались черносошные крестьяне Русского Севера, так называемые ясашные крестьяне (русские и иноверцы) Поволжья, а также знакомые нам однодворцы юга. Кроме них в новообразованное сословие вошли крестьяне Сибири – так называемые пашенные крестьяне, отправляющие работную повинность – обработку «государевой десятинной пашни», оброчные крестьяне, а также «разночинцы» – осевшие в Сибири поселенцы из различных категорий: служилых, посадских, церковников и т. д. Общая численность государственных крестьян была значительна – не менее 20% от общего числа тяглых, то есть свыше 1 миллиона душ «мужеска полу». Чем же были объединены в единое сословие поморы Беломорья, татары Казанской губернии, однодворцы Верхнего Ломова или Ельца, пашенные крестьяне Илимска, что

их связывало воедино? Ответ очевиден: акция Петра по образованию сословия государственных крестьян носила типично фискально-полицейский характер. Основанием для «шитья» лоскутного одеяла нового сословия служило то обстоятельство, что все эти мелкие сословные группы никому лично не принадлежали, то есть не находились в крепостной зависимости. Поэтому государство решило унифицировать всю эту пеструю совокупность свободных людей, превратить в единое, контролируемое сверху сословие. Необходимо признать, что в петровский период политика самодержавия в отношении служилых и свободных от служб групп населения приобрела отчетливо выраженную тенденцию к ограничению их прав, сужению их возможностей в реализации тех преимуществ, которые у них были как у людей, лично свободных от крепостной зависимости. Формально все категории, вошедшие в новое сословие, объединялись на основе уплаты повышенной (по сравнению с владельческими крестьянами) подушной подати. Эта прибавка рассматривалась как проявление «тяглой справедливости», ибо государственные крестьяне не были обязаны платить подати своим помещикам и при равном с помещичьими крестьянами государственном налоге оказывались «во льготе», чего власти, заботившиеся о «тяглой справедливости», допустить не могли. Уже само объединение различных по своему положению групп населения в единое сословие государственных крестьян было не только и не столько финансовым, податным, но и важным социальным мероприятием. Его конечная цель состояла в установлении более жесткого государственного контроля, в ограничении юридических прав и возможностей свободных людей, всего народа. Конечно, эти ограничения не похожи на те, что налагал на своих крепостных крестьян помещик, они имели публично-правовой характер. Но, учитывая общие тенденции развития жесткой социальной политики самодержавия в петровский период, все же нужно признать, что «сочинение» великим реформатором России нового сословия государственных крестьян, привязанных к тяглу, ограниченных в территориальном и социальном перемещениях, превращало входившие в него категории в своеобразных крепостных государства, причем превращение их просто в крепостных крестьян какого-либо владельца делалось в XVIII веке одним росчерком пера самодержца. В эпоху, предшествующую Петровской, власть самодержца как верховного суверена распространялась на все население, однако это верховное право не трактовалось как право помещика распоряжаться своими крестьянами. Но вследствие глубинных социально-экономических процессов, шедших в стране, резко усилилась зависимость от самодержавного государства некогда лично свободных людей,

и именно таким стало право монарха в отношении государственных крестьян в послепетровскую эпоху, когда сделалось нормой «дарить» помещикам государственных крестьян – формально свободных подданных. Петровские реформы принесли важные изменения и в положение подавляющей массы подданных – крестьян, являвшихся собственностью светских и духовных феодалов. До петровского времени сохранялось традиционное деление крестьян светских владельцев на «помещиковых» и «вотчинниковых» – по типу земельной собственности.

Крестьяне духовенства делились на церковных, архиерейских, патриарших и монастырских. По мере проведения петровских реформ такое деление утрачивало свое конкретное содержание из-за происходивших изменений социального и экономического характера: с 1714 года исчезла разница между поместьем и вотчиной, после церковной реформы не стало церковных и патриарших крестьян, были объединены конюшенные и дворцовые крестьяне и т. д. Одним словом, в новых условиях шли интенсивные процессы слияния различных прослоек крестьянства Средневековья в единый класс. Для значительной массы крестьян – помещичьих – важным нивелирующим фактором стало крепостное право, получившее юридическое оформление в Соборном уложении 1649 года. Уложение положило начало не только слиянию двух основных разновидностей крестьян – «помещиковых» и «вотчинниковых», но и слиянию крестьян с холопами – категорией, близкой по своему положению домашним рабам.

Институт холопства имел тысячелетнюю историю и развитое право. Именно после юридического оформления крепостничества интенсивно пошел процесс слияния крепостных крестьян и холопов, ибо на крепостное право оказали сильное влияние нормы более древнего холопьего права. Иначе говоря, крепостничество сближалось с холопством в худших его проявлениях: на крестьянина стали смотреть как на живую собственность. Но все же к началу Петровской эпохи холопы существенно отличались от крепостных крестьян тем, что, работая на барской запашке и в хозяйстве господина, они не были в большинстве своем положены в оклад и не платили государственных налогов. Кроме того, значительная часть их – так называемые кабальные холопы имели, согласно традиции, право выхода на свободу после смерти своего господина. Обычай требовал, чтобы умирающий помещик отпускал на свободу своих холопов, совершая тем самым богоугодное дело. При Петре процесс сближения крепостных крестьян и холопов был резко усилен. И очень большую роль в этом сыграла податная реформа.

Дело началось с того, что, анализируя начатую подушную перепись населения, Петр усомнился в том, что помещики представляют полноценные «сказки» о своих крестьянах, а не пытаются скрыть крестьян под видом холопов-дворовых, не подлежавших обложению и поэтому не подвергавшихся переписи. 5 января 1720 года он писал Сенату: «Понеже я слышу, что в нынешних переписях пишут только однех кресьян, а людей дворовых и протчих не пишут, в чем может быть такая ж утайка, как и во дворах бывала (Петр напоминает неудачные переписи дворов в начале XVIII века. – *Е.* А). Того ради, подтвердите указом, чтоб всех писали помещики своих подданных, какова они звания ни есть…» Итак, включение холопов в подушную перепись объяснялось опасением утайки тяглых крестьян под видом бестяглых холопов. Наконец, через три года, решая срочные вопросы податной реформы, Петр постановил: «Писать всех служащих (то есть слуг. – *Е.* А.), как и крестьян, и положить в побор». Так все холопы были уравнены в податных обязанностях с крестьянством вне зависимости от того, где они жили – в городских домах или сельских владениях господина – и чем занимались, и тем самым автоматически утратили право выхода на свободу. Единым росчерком пера самодержца был уничтожен тысячелетний институт холопства. За всем этим стояли не только фискальные соображения Петра. Тенденция к закреплению холопов за помещиками была в целом характерна и для предшествующего времени, однако Петровская эпоха кардинальным образом изменила положение. Смысл перемен в судьбе холопства состоял в том, что была разрушена та социальная база, на которой зиждилось холопство как сословие и институт. Речь идет о резком ограничении источников пополнения холопства. После Уложения 1649 года, запретившего поступление в холопы крестьянам-тяглецам, а также служилым, единственным источником холопства стали так называемые «вольные и гулящие». Петровский режим с жесткой системой социального и административного контроля перекрыл этот единственный легальный источник пополнения холопства. Во-первых, развернулась повсеместная и последовательная борьба с беглыми, а также всеми «вольными и гулящими», которые ставились вне закона и преследовались, как беглые. Во-вторых, начав Северную войну, Петр увидел в холопах источник пополнения армии живой силой. Можно без преувеличения утверждать, что молодая регулярная армия Петра до начала рекрутских наборов с крестьянства (1705 г.) создавалась главным образом из холопов, которых было большинство среди «вольных» и «даточных». Согласно постановлениям от 1 февраля и 23 декабря 1700 года, все помещики, отпускавшие своих холопов на свободу, были обязаны

представить отпущенников в Преображенский приказ, где их освидетельствовали и записывали в армейские полки. Лишь негодные к службе могли получить свободу. Всего до 1711 года на смотрах было освидетельствовано 158 тысяч человек и принято в полки 139 тысяч. По-видимому, почти все они оказались холопами и «вольными», так как крестьян принимать запрещалось. Указы об освидетельствовании и мобилизации отпущенников и приеме волонтеров из холопов и «вольных» действовали на протяжении всей войны. Обе названные меры, как и борьба с беглыми и «гулящими», самым серьезным образом подрывали, размывали питающую институт холопства среду. Начало подушной переписи и ревизии душ мужского пола сопровождалось, как уже отмечено, повсеместным учетом холопов. Кроме того, ревизоры вели учет отпущенникам, которые были обязаны срочно подыскать себе место для записи в подушный оклад, ибо нетяглое положение подданного, не состоящего при этом на службе, не допускалось. Это практически означало, что вышедшие на свободу отпущенники были вынуждены, в большинстве своем, записываться в оклад за помещиками, и на них оформлялись крепостные акты, они становились крепостными. И здесь необходимо отметить своеобразный парадокс, порожденный развитием крепостного права. Уложение 1649 года, оговорив основное условие кабального холопства – крепость по кабале «по смерть господина», одновременно утвердило потомственную вечную зависимость крепостного крестьянина от помещика. Этим самым создавались «правовые ножницы» в пользу кабального холопа, ибо он имел право выхода на свободу по закону, чего уже не имел крепостной крестьянин. Ликвидировать эти «ножницы», снять традиционное, но в условиях крепостничества анахроническое право холопа на свободу, пусть в ограниченных масштабах, – вот что стало социальной целью податной реформы, в ходе которой холопы были закреплены за помещиками, соответственно тем самым было ликвидировано холопство как сословие.

Преимущества этой акции убедительно доказывались сенаторами в особом «мнении». Цитирую: «На 8-и пуню мнениями объявили: дворовых людей в число поголовных приписывать… токмо б оных в вольницу не принимать, дабы излишняго платежа не было, а когда дворовые будут росписаны по деревням со крестьяны, чтоб тогда помещики вольны были так, как и крестьяне, и пожилые годы, ежели оные, бегая, за кем будут жить, указывать, равно как из крестьян, ибо подать с них будет равная». Итак, мы видим, что распространение на дворовых, большая часть которых была как раз холопами, подушной подати делало их во всех отношениях равными крепостным крестьянам: им запрещалось

поступать в армию под тем предлогом, что на оставшихся в окладе падут за них излишние платежи; в случае бегства холопов с их держателей взыскивались штрафы за прожитые в бегах годы («пожилые годы»). А самое главное, в предложении сенаторов выражена социальная направленность акции включения холопов в подушный оклад – в этом заинтересованы прежде всего помещики, ибо это означало закрепление холопов и их потомков за владельцами, что уравнивало холопов и крестьян во власти помещика, «чтоб тогда помещики вольны были так [с ними поступать] как [с] крестьянами». Резолюция Петра на предложение Сената поставила точку в истории русского холопства: «На 8-й. Людей дворовых чтоб расписать по деревням, дабы вечно с крестьянами». Представляется, что эта акция имела далеко идущие последствия в истории русского крестьянства. Дело в том, что холопы работали не только в домашнем хозяйстве господина конюхами, скотниками, садовниками, поварами, ремесленниками, составляя так называемую дворню. Данные по некоторым уездам показывают: большая часть так называемых деловых и дворовых людей (свыше 70%) являлись холопами, не имевшими собственного хозяйства или участка земли, подобно крестьянам, работали исключительно на поле господина и жили в специальных «людских», «челядинных» дворах, получая при этом так называемую «месячину» – питание в расчете на месяц. Функционирование института холопства постоянно обеспечивало барское хозяйство рабочей силой, и, по-видимому, доля труда холопов в хозяйстве помещиков была значительной. С уничтожением института холопства тяжесть барщинных работ перекладывается на плечи собственно крестьян. Именно с этим, видимо, связано и столь заметное усиление барщинных отработок крепостных крестьян, норма которых, по данным Ю. А. Тихонова, приближалась к предельной физической возможности эксплуатации человека.

У Петра были давние намерения навести порядок, как он его себе мыслил, не только в деревне, но и в городах. Дело в том, что тяжелые повинности, налагаемые на посадские общины во время войны, стали причиной выхода посадских из общин и бегства их в другие места или перехода в «ыные чины» (крестьяне, служилые, церковники, ямщики). При этом выход не означал отъезда из города и даже изменения занятий: став ямщиком или чьим-либо холопом, такой посадский уже был неподвластен посадской общине. Столь известная и часто повторяемая в литературе фраза регламента Главного магистрата: «дабы всероссийское купечество, яко разсыпанную храмину, паки собрать» – понималась современниками как распоряжение о возвращении в посад тяглецов, которые (как записано далее в регламенте) «не похотя с

посадскими служить и податей платить, вышли из слобод какими-нибудь образы и подлоги в разные чины, и в крестьянство, и в закладчики, и якобы за долги отданы». 5 февраля 1722 года был принят указ: «Посадских переписать и которые вышли в деревни и иные места, во дворцовые и помещичьи для укрытия, всех взять в посады». Важно отметить, что Сенат повел вообще решительную борьбу со всяким перемещением посадских. Указом 25 мая 1722 года Сенат предупреждал: «А купецким людям всем объявить, чтоб им без указу собою з города на город для житья не переходить и домов своих не оставлять», угрожая, что такие переходы будут рассматриваться как бегство.

Главный магистрат, отражая мнение купечества, заявил, что такой порядок нанесет ущерб самой коммерции, немыслимой без необходимой свободы передвижения, нанесет ущерб платежеспособности посадов. Со значительными оговорками Сенат был вынужден признать правоту купечества и не требовать насильственных переселений из других городов и запрещения переезда по торговым делам. Но было бы неправильно думать, что «собирание рассыпанной храмины купечества» было самоцелью Петра. Его мысль шла дальше: он ставил задачу коренным образом перестроить эту храмину на новый, европейский, манер. Петр решил унифицировать социальную структуру города, перенеся в него западноевропейские институты: магистраты, цехи, гильдии. Все эти институты, имевшие глубокие корни в многовековом развитии западноевропейского города, были привнесены в русскую действительность насильно, административным путем. Не преувеличивая, можно сказать, что в одно прекрасное утро горожане всех русских городов проснулись членами гильдий и цехов. Это было сделано согласно принятому 16 января 1721 года регламенту Главного магистрата. В специальной главе VII с характерным для петровской политики названием «О разделении гражданства» говорится: «Магистрату граждане надлежат и в двух гильдиях состоят такие… первой гильдии или первостатейные состоят и от другога подлаго гражданства привилегиями и преимуществы суть отменны, яко: банкиры, знатные купцы, которые имеют отъезжие большие торги, и которые разными товарами в рядах торгуют, городские докторы, аптекари, лекари, шкиперы купеческих кораблей, золотари (имеются в виду, конечно, мастера золотых дел. – *Е.* А), серебренники, иконники, живописцы. Во второй гильдии – которые мелочными товарами и харчевыми всякими припасы торгуют, также рукоремесленные, рещики, токари, столяры, портные, сапожники и сим подобные. Прочие же все подлые люди, обретающиеся в наймах и в черных работах, которые нигде между знатными и регулярными гражданами не

счисляются».

Далее авторы регламента столь же решительно утверждают в русской жизни цехи: «И по такому определению каждое художество и ремесло свои особливыя цунфты (цехи) или собрания ремесленных людей и над ними алдерманов (или старшин) по величеству города и по числу художников имеет, також и каждое ремесло и художество свои книги имеют, в которых регулы или уставы, права и привилегии ремесленных людей содержаны быть должны». По-видимому, по замыслам Петра, все обстояло предельно просто и реализовать нормы регламента было нетрудно. Возможно, поэтому распределение городских жителей по гильдиям проводилось одновременно с определением их в подушный оклад. Когда дело дошло до определения числа плательщиков подушной подати с городского населения (а она составляла не 74 копейки, как с крестьян, а 1 рубль 20 копеек), ревизоры не стали облагать особой податью официально признанных вне городской общины «подлых людей», а, заботясь об оптимальном «податном числе» в каждом городе, стали включать их в общее для всех посадских тягло. О том, чтобы следовать норме регламента 1721 года, никто и не думал. В итоге в городах появились диковинные купцы, писавшие в переписных «сказках», подобно зачисленному в Тверской посад как «купец» бывшему дьячку Никиты Попову: «Промысел у меня, Никиты, черная работа». По данным М. Я. Волкова, в ряде городов – Твери, Торжке и других – в купечество было зачислено 1129 семей тех, кто занимался «черной работой», что от общего числа посадских семей в этих городах составляло не менее 45%. При зачислении в ремесленные цехи тоже думали не о развитии ремесла, а о фискальных интересах, ставя цель просто увеличить число тяглых единиц, облагаемых повышенным, «посадским» налогом. Более того, известно, что в погоне за выполнением своеобразного «плана» по сколачиванию «податного числа» ревизоры не останавливались перед зачислением в купечество нищих, «вольных и гулящих», даже крепостных: тверские посадские писали в жалобе, что в посадский оклад положены «крепостные наши работники» и дворовые. Так благое начало, заложенное в регламент, оказалось чистейшей фикцией, далеким от подлинных проблем горожан, надуманным и разорительным для состоятельной части посада начинанием. Дело в том, что зачисление в гильдии несостоятельных членов увеличивало сумму налога с данного города. В то же время сохранялся старинный принцип внутригородской разверстки, в основе которой лежало правило определять размер налога с каждого члена общины по его «животам и богатству», то есть благосостоянию, не обращая внимания на размер подушной подати, положенной

с него. В итоге тяжесть платежей падала на наиболее состоятельных жителей городов, обязанных платить за нищих и несостоятельных. Так, городская реформа хотя и привела к формальному «собиранию храмины купечества», но обложение городских жителей подушным налогом не дало никаких новых импульсов для развития города, даже, наоборот, затормозило процесс оформления капиталистических отношений там, где они могли бы развиваться. Исходя из идеи сохранения старого порядка, правительство решило вопрос и о так называемых «торгующих крестьянах» – живших в городах и имевших свое дело владельческих и государственных крестьянах. Если крестьяне, поселившиеся в городах до начала реформы и внесенные в посадское тягло, попросту записывались в подушный оклад как посадские, то иная судьба ожидала крестьян, живших в городе и не внесенных в посад. Все они подлежали немедленной высылке в деревни. После вывоза такой крестьянин причислялся в тягло там – в деревне, а затем, получив паспорт, мог вернуться в посад. В установлении такого порядка и состоял замысел Петра, отраженный в указе от 13 апреля 1722 года. Суть его была в том, что «торгующий крестьянин» мог свободно записываться в посад, выполнив при этом два условия: во-первых, он, как и его потомки, сохранял вечно и неизменно зависимость от своего господина, которому был обязан платить оброки; во-вторых, чтобы попасть в посад, он должен был иметь торги на огромную по тем временам сумму – не менее 500 рублей. Таким образом, узаконивая практику перехода сельского населения в посады, указ Петра ставил ее в весьма жесткие рамки и фактически затруднял, ибо установление высокого ценза при вступлении в посад позволяло обосноваться в нем лишь небольшому числу крестьян. В самом посаде такой крестьянин не являлся равноправным членом и был обязан с объявленной суммы платить большие налоги. Закон давал крестьянину возможность торговать, закрепляться в городе, но одновременно гарантировал его помещику власть над ним. Тем самым как бы удлинялась цепь, на которую был посажен бесправный крепостной, вознамерившийся выйти из деревни и развернуть свое дело. И в данном случае можно утверждать, что петровская реформа закрепляла и усиливала старые социальные структуры: вступивший на территорию города, как и раньше, не становился свободным. Более того, петровская реформа усилила, унифицировала и разнообразные ограничения для подданных. Ограничения, о которых идет речь, были трех видов: в передвижении по стране, в свободе выбора занятий, в социальной стратификации – переходе из одного «чина» в другой. С одной стороны, все эти ограничения обусловливались традиционными сословными принципами, направля-

ющими усилия государства не только на грубое подавление социальных движений, но и на соблюдение освященной традицией и законом социальной стабильности, «правильности» перехода из одной сословной группы в другую. В сохранении монополии сословных занятий и соответственно этому специфического социального статуса каждого сословия видели основу правопорядка, справедливости и процветания общества, государства, а в нарушении – неисчислимые беды. Экономическое развитие Петровской эпохи, при всей его однобокости, приводило к определенным подвижкам в социальной структуре, и это уже считалось опасным. В записке Меншикова, Макарова и других послепетровских деятелей (1726 г.) отмечалось: «Понеже посадские прежде сего деревень не покупали, но жили одним своим торгом и промыслом, и оттого и пошлину бездоимочно платили, а ныне многие посадские деревни покупают и, насопротив того, многие помещики в торг вступили». Такое «несходство» занятий сословий осуждалось, ибо «купцы, оставя свои торги, стали больше за деревенскими делами ходить и ябедничать, а помещики, оставя должное смотрение за крестьянами, больше за торгами своими пошли». Нельзя думать, что в этом проявилась только критика начинаний великого реформатора после его смерти. На таком представлении о «разделении» занятий сословий во многом зиждилась средневековая общественная психология, далеко не изжитая в XVIII веке. Купечество, горожане боролись за сохранение исключительного права на торгово-промышленную деятельность, к которой в Петровскую эпоху стало подключаться дворянство, почувствовавшее запах «легких» денег в этой сфере хозяйства, а также «торгующие крестьяне», стремившиеся внедриться в город, но при этом не нести городских повинностей, общих для всего посада. Дворяне со своей стороны, считая себя самым привилегированным сословием, боролись за ограничение и даже запрещение душевладения для всех других сословий и т. д. Отголоски такой борьбы слышны в законодательстве, публицистике, челобитных XVII—XVIII веков. С другой стороны, сословные нормы, ограничения, о которых идет речь, особенно усилились в Петровскую эпоху. Законодательство Петра отличалось большей четкостью в регламентации прав и обязанностей каждой группы населения, идет ли речь о старых или вновь возникших сословиях, что уже было отчасти показано, и соответственно – более жесткой системой запретов, касающихся социальных перемещений. Нет спора о том, что Табель о рангах открывала путь наверх представителям низших сословий, но она же устанавливала строгий порядок стратификации, четко обозначала границу, отделявшую привилегированный класс от других. Практика прежнего некон-

тролируемого социального перемещения ушла в историю. Роль, подобную Табели, сыграла и подушная подать. Внесение человека в подушный оклад автоматически означало закрепление его в непривилегированном сословии, делало фактически невозможным смену им социального статуса. Как мы видим, выражение «произведение подданного всероссийского народа» – совсем не высокопарная метафора, а реальное отражение серьезных социальных сдвигов, приведших к кардинальным изменениям статуса, судьбы всех сословных групп русского общества. Сословные преобразования Петра были отчетливо ориентированы на расширение и усиление влияния государства в социальной сфере. Идет ли речь о дворянском сословии или посадских, холопах или крестьянах – всюду в основание социальной политики ставились, прежде всего, интересы «регулярного» государства, грубо подчинявшего, реформировавшего или деформировавшего, ускорявшего или замедлявшего многие естественные социально-классовые процессы – следствие развития общества от Средневековья к Новому времени.

«Исправление духовного чина»

Реформа церковного управления была одной из самых важных по своим последствиям среди всех петровских реформ. Следует отметить, что к ней царь шел давно. Поворот к новой политике в отношении церкви произошел после смерти патриарха Адриана в октябре 1700 года. Среди писем, извещавших об этом Петра, было и письмо от 25 октября известного «прибыльщика» – добровольного изобретателя разнообразных поборов и налогов с народа Алексея Курбатова. Он писал, что, по его мнению, патриаршая система управления делами церкви стала неэффективной и с избранием патриарха «достоит до времени обождати, да во всем всего сам твое самодержавие изволишь усмотрети. Ко усмотрению же над всеми и собранию домовыя казны достоит, государь, избрати кого тебе, государю, от усердных. Зело, государь, ныне во всем видится слабо и неисправно. Также, государь, о чем я доносил тебе, государю, в первом моем писании, чтоб в архиерейских и монастырских имениях усмотреть и, волости переписав, отдать все в охранение, избрав кого во всяком радении тебе, государю, усердного, учинив на то росправный приказ особливый. Истинно, государь, премногая от того усмотрения сбиратися будет казна, которая ныне погибает в прихотях владетелей». Петр в полной мере воспользовался советами Курбатова и ему подобных: патриарха выбирать не стали, а 16 декабря 1700 года вместо него назначили так называемого «местоблюстителя» патриаршего престола

митрополита Рязанского и Муромского Стефана Яворского. 24 января 1701 года был восстановлен закрытый в 70-х годах XVII века Монастырский приказ, руководитель которого боярин И. А. Мусин-Пушкин – лицо нецерковное – получил в полное распоряжение земельные и финансовые дела церкви. Тем самым ее богатства были поставлены под контроль государства и стали использоваться на нужды армии, флота и внешней политики.

Стефан Яворский. С гравированного портрета А. Ф. Зубова.

С годами влияние Стефана Яворского все больше падало, и на первое место в неформальной церковной иерархии выдвинулся Феофан Прокопович, ставший в 1718 году архиепископом Псковским. Человек необычайно образованный и талантливый, Феофан был весьма беспринципным деятелем, проявляя истинный энтузиазм в любом, даже неприглядном деле, которое поручал ему царь. Глубокое знание церковной и светской истории, блестящее владение диалектикой и логикой позволили Феофану без особого труда обосновать необходимость коренного переустройства Русской православной церкви на началах коллегиальности и полного подчинения ее светской власти. Участвуя в составлении главного документа реформы – «Духовного регламента» (1721 г.),

Феофан подавал церковную реформу как богоугодное деяние богобоязненного монарха, озабоченного исключительно испол-

нением своего христианского долга. «Между многими, по долгу богоданными нам власти попеченьями о исправлении народа нашего и прочих подданных нам государств, посмотря и на духовный чин и видя в нем много нестроения и великую в делах его скудость, несуетный на совести нашей возымели мы страх; да не явимся неблагодарны вышнему, аще толикая от него получив благопоспешества во исправление как воинского, так и гражданского чипа, пренебрежем исправление и чина духовного. И когда нелицемерный он судия, вопросит от нас ответа о толиком нам от него врученном приставлении да не будем безответни».

Феофан Прокопович.

Конечно, Петру после всего, что он сделал с Русской церковью, «исправляя духовный чин», было что порассказать в мире ином. Но истинные цели преобразований были все же другими: в системе власти самодержца, создающего бюрократическую машину для обслуживания потребностей этой власти, княжеская система управления православной церковью с элементами автономии была архаична и нежелательна. Поэтому в ходе проводившейся тогда реформы государства патриаршее управление подлежало слому. В «Духовном регламенте» прямо говорилось о недопустимости никакой самостоятельной силы, которая могла бы оппонировать самодержавию, вести за собой «простые сердца». Преимущества коллегиального управления для составителей «Духовного

регламента» очевидны, ибо «от соборного правления не опасатися отечеству мятежей и смущения, яковые происходят от единаго собственнаго правителя духовнаго. Ибо простой народ не ведает, како разнствует власть духовная от самодержавной, но великою высочайшего пастыря (патриарха. – *Е.* А.) честию и славою удивляемый, помышляет, что таковый правитель есть то второй государь, самодержцу равносильный, или и больши его, и что духовный чин есть другое и лучшее государство, и се сам собою народ тако умствовати обыкл. Что же егда еще и плевельныя властолюбивых духовных разговоры приложатся, и сухому хврастию (хворосту. – *Е.* А.) огнь подложат? Тако простыя сердца мнением сим развращаются, что не так на самодержца своего, яко на верховнаго пастыря, в коем-либо деле смотрят. И когда услышится некая между оными распря, вси духовному паче, нежели мирскому правителю, аще и слепо и пребезумно согласуют, и за него поборствовати и бунтоватися дерзают…». В цитате явно слышны отзвуки той борьбы, которая в середине XVII века разгорелась между царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном, необыкновенно высоко поднявшим престиж власти патриарха. Но почему нужно было вспоминать об этом, более чем полустолетней давности событии составителям «Духовного регламента», теоретикам церковной реформы? Думаю, потому, что патриаршая церковь в ее неизменном виде (при наличии сильной личности на патриаршем престоле) могла бы стать единственной силой, имеющей моральное право оказывать сопротивление царю-реформатору, причем при широкой поддержке недовольных петровской политикой «простых сердец». Именно против такой угрозы и было направлено установление коллегиальной системы управления церковью, ибо «коллегиум правительское под державным монархом есть и от монарха уставлено», а также потому, что «самое имя „президент“ не гордое есть, не иное бо что значит, только председателя, не может убо ниже сам о себе, ниже кто иный о нем высоко помышляти. А когда еще видит народ, что соборное сие правительство монаршим указом и сенатским приговором уставлено есть, то паче пребудет в кротости своей и весьма отложит надежду имети помощь к бунтам своим от чина духовнаго». Итак, мы видим:

единства народа и церкви – вот чего боялось самодержавие Петра! С оглашения «Духовного регламента» в январе 1721 года начинается почти двухсотлетняя история синодального управления Русской православной церковью. Созданная по регламенту Духовная коллегия была вскоре переименована в «Святейший Правительственный Синод», официально уравненный в своих правах с Сенатом. Президентом стал Стефан Яворский, вице-пре-

зидентами – Феодосий Яновский и Феофан Прокопович. Согласно указу от 11 мая 1722 года, был назначен специальный светский (точнее – военный) чиновник, наблюдавший за делами и дисциплиной в Синоде: «В Синод выбрать из офицеров добраго человека, кто б имел смелость и мог управление синодскаго дела знать, и быть ему обер-прокурором и дать ему инструкцию, пременяясь к инструкции генерал-прокурора».

Инструкция требовала от обер-прокурора, ставшего фактически главой церковного ведомства, «смотреть накрепко, дабы Синод свою должность хранил и во всех делах, который к синодскому разсмотрению и решению подлежат, истинно, ревностно и порядочно, без потеряния времени, по регламентам и указам отправлял… дабы Синод в своем звании праведно и нелицемерно поступал». Обер-прокурору подчинялся специально созданный штат церковных фискалов, функции которых были схожи с теми, что исполняли светские фискалы. Чтобы их не путали, духовные фискалы назывались страшновато – инквизиторы. Над ними стояли провинциал-инквизиторы, а еще выше – протоинквизитор. В конечном счете, создание Синода – государственного учреждения, служащим которого при необходимости могли удержать жалованье, означало, что выше церковной власти – царь, который тем самым становился главой церкви. Ярко отражает сложившуюся ситуацию один из анекдотов Нартова: «Его императорское величество, присутствуя в собрании с архиреями, приметив некоторых усиленное желание к избранию патриарха, о чем неоднократно от духовенства предлагаемо было, вынув одною рукою из кармана к такому случаю приготовленный Духовный регламент и отдав, сказал им грозно: „Вы просите патриарха, вот вам духовный патриарх, а противомыслящим сему (выдернув другою рукою из ножен кортик и ударя оным по столу) вот вам булатный патриарх!“ (Петр тем самым повторил слова императора Юстиниана, обращенные к епископам: „Моя воля – ваш закон“. – *Е.* А.) Потом, встав, пошел вон. После сего оставлено прошение о избрании патриарха и учрежден Святейший Синод. С намерением Петра Великого об установлении Духовной коллегии согласны были Стефан Яворский и Феофан Новгородский, которые в сочинении Регламента его величеству помогали, из коих перваго определил в Синоде председателем, а другого – вице-президентом, сам же стал главою церкви государства своего и некогда, разсказывая о распрях патриарха Никона с царем, родителем его Алексеем Михайловичем, говорил: „Пора обуздать не принадлежащую власть старцу (то есть патриарху. – *Е. А.),* богу изволившу исправлять мне гражданство и духовенство, я им обое – государь и патриарх“».

Создание Синода и ликвидация патриаршества были наиболее ярким, но не единственным свидетельством превращения Русской православной церкви в одно из государственных учреждений, а ее служителей – в служащих этого учреждения. Параллельно с образованием Синода проводилась реорганизация внутренней социальной структуры церкви: унификация иерархии церковных чинов, учреждение штатов церковнослужителей, чистка их рядов от нежелательных и случайных лиц. Примечательной особенностью реформы церкви стало то, что она осуществлялась параллельно с податной реформой, и составляющая основу последней подушная перепись была использована для учета и классификации церковников. Как объект переписи церковники впервые упомянуты в указе от 5 января 1720 года, когда Петр, обеспокоенный утайкой душ, предписал вносить в «сказки» «причетников церковных, кроме попов и дьяконов, которым также особливую роспись подать надлежит, и всем дайте им сроку на полгода». Итак, хотя на этом этапе церковники не были включены в подушный оклад, но тем не менее низшие их слои – причетники – переписывались отдельно от священников и дьяконов. Смысл такого разделения стал понятен 5 июля 1721 года, когда Сенат распорядился «детей протопопских, и поповских, и диаконских и прочих церковных служителей… положить в сбор с протчими душами». Так неожиданно большая часть церковников была превращена в тяглецов. Такое беспрецедентное решение не могло не вызвать недовольства духовенства. Синод вынужден был обратиться к Сенату с ходатайством об исключении из подушного оклада причетников, ссылаясь на то, что эти «служители суть святые церкве, а наипаче многие неимущие, которые и питаются с великою нуждою». Кроме того, Синод считал, что «положение» в подушный оклад детей попов и дьяконов приведет к кадровым трудностям, ибо дети духовенства, как правило, наследуют места родителей, что с распространением на них подушной подати сделается невозможным. Петр учел это обстоятельство: в инструкции ревизорам от 5 февраля 1722 года было указано, что в подушную подать не класть священников, и дьяконов, и детей этих, «действительно служащих при церквах», священнослужителей, а при отсутствии у них детей – «прочих церковных служителей по две персоны к каждой церкви». Так, по мысли Петра, обеспечивался резерв для замещения вакантных мест в церквах нетяглыми людьми. Для сословия церковнослужителей такое распоряжение правительства обернулось подлинной драмой: причетники, пономари, жившие при церквах, стоявших на помещичьих землях, оказывались в подушном окладе наряду с помещичьими крестьянами и автоматически становились крепост-

ными, ибо закон предписывал «писать в подушной сбор на вотчинниковых землях того села, чье то село, и тому вотчиннику ими владеть».

В том же 1722 году были определены штаты церковнослужителей: на 100—150 дворов прихожан – один священник, все «излишние» подлежали включению в тягло. Части из них посчастливилось попасть на вакантные места «штатных» церковнослужителей, некоторым удалось, будучи записанными в оклад, остаться в тех приходах, где они жили, но многие оказались в окладе на помещичьих землях. Это, как и предполагалось указом, вело к закрепощению таких бывших церковников. Между включением в оклад подушной подати и признанием их крепостными была таким образом установлена прямая связь. В типичном для времени ревизии душ мужского пола указе Алаторской переписной канцелярии от 28 августа 1724 года читаем: «Приказали [А. И.] Шаховскому на недействительного церковника Тимофея Иванова дать владетельный указ, потому что по справке Алаторской провинции свидетельствованными книгами оной недействительной церковник Тимофей Иванов на пашню во крестьянство в Алаторском уезде, в селе Селганы… Шаховскому причислен». «Положение» в оклад навсегда закрывало перед церковниками возвращение в сословие, из которого их вычеркнули. Указ от 20 мая 1724 года окончательно уравнял церковников, положенных в оклад подушной подати, с тяглыми крестьянами тем, что штраф за принятие беглого бывшего церковника был установлен в том же размере, что и штраф за беглого крестьянина.

Таким образом, было произведено разделение единого сословия церковников на две части. Одна из них, состоявшая преимущественно из попов, дьяконов и других представителей верхушки причта, признавалась неподатной, то есть привилегированной, другая же часть – причетники, нештатные священники и дьяконы, а также их дети сливались с податными сословиями и теряли привилегии церковнослужителей. Принятые властями постановления не остались на бумаге. Так, по сводным ведомостям Казанской, Нижегородской и Астраханской губерний видно, что из 8709 переписанных церковников от подати были освобождены 3044 попа и дьякона, то есть только 35% от общего числа учтенных церковников. Из включенных в оклад подушной подати 5665 церковников родственники попов и дьяконов составляли 2508 человек, или 44,3%, дьячки и их родственники – 1275 человек (или 22,5%). Наконец, в оклад были включены 1614 пономарей и их родни, что составляло 28,5% от общей массы церковников, включенных в оклад по законам Петра. «Наведение порядка» в «духовном чине» на этом не кончилось. В ходе реформы было

ликвидировано сословие так называемых архиерейских детей боярских – особый служилый «чин» в иерархии церкви, несший личную службу при патриархе и других церковных иерархах. С завершением процесса образования дворянства как особого привилегированного сословия архиерейские дети боярские были включены во дворянство при одном, выдвинутом Петром, условии: дворянами считались лишь те, чьи деды уже служили в архиерейских детях боярских. Так отсеивались приверстанные к патриаршему двору «вольные», которые, естественно, определялись в подушное тягло наряду с прочими недворянами. С такой же решительностью и грубостью государство взяло в свои руки и заботу о распространении христианства (православия) среди иноверцев и язычников, составлявших тогда значительную часть населения окраин государства. Петра совершенно не устраивала длительная и кропотливая работа православных миссионеров, он возлагал надежды на решительные, быстрые и радикальные меры с помощью административного воздействия, насилия применительно к целым слоям общества, селениям, племенам и народам. Так, 3 ноября 1713 года был издан именной царский указ, которым предписывалось: «В Казанской и Азовской губерниях босурманам махометанской веры, за которыми есть поместья и вотчины, и в тех их поместьях и вотчинах за ними крестьяня и дворовые и деловыя люди православныя християнские веры, сказать свой великого государя указ, чтобы они, босурманы, крестились конечно в полгода, а как восприимут святое крещение и теми поместьями и вотчинами, и людьми, и крестьяны владеть по-прежнему, а ежели они в полгода не крестятца, и те их поместья и вотчины с людми, и со крестьяны у них взять и отписать на него, великого государя». Чтобы поощрить иноверцев и язычников к переходу в православие, новокрещенным давалась льгота в платежах налогов, они награждались землей и крестьянами, даже освобождались от уголовных наказаний, в том числе от смертной казни за убийства и тяжкие преступления. Примером такого уникального указа, заменявшего наказание за преступление крещением, может служить сенатское постановление от 25 июня 1723 года о черемисах-язычниках, совершивших большую утайку душ при переписи: «Правительствующий Сенат по доношению бригадира Фамендина Казанского уезду Алацкой дороги Выжмаринской и Черемсской волостей сотского и старост, и ясашных черемис, которые просят, чтоб за утайку душ наказания им не чинить, а крестить бы их в православную веру греческаго исповедания, приказали: тех сотника и старост, и черемис с женами и с детьми, 545 души крестить в православную веру греческаго исповедания и для того, как им, так ежели и впредь такие

иноверцы в утайке душ явятся, а пожелают креститься, и тем наказания не чинить». Вероятно, если бы в Синоде был составлен план крещения населения, то благодаря таким решительным мерам он был бы досрочно перевыполнен.

Благодаря петровской церковной реформе мощная организация церкви стала проводником светской, точнее, самодержавной идеологии. Церковный амвон стал трибуной для пропаганды начинаний самодержавия в виде специальных проповедей «к случаю» (особым мастером их сочинения был Феофан Прокопович), а также просто для оглашения указов, которые перед началом службы зачитывались прихожанам, «чтоб никто неведением не отговаривался». С амвона провозглашалась анафема – церковное проклятие политическим преступникам и всем неугодным властям или самодержцу. Если церковное проклятие Мазепе объясняется фактом его политической измены Петру, то некий майор Степан Глебов удостоился всероссийской анафемы исключительно за сожительство с бывшей женой Петра, Евдокией Лопухиной, отправленной в монастырь. Необыкновенный царь-реформатор мог действительно казаться многим верующим антихристом, ибо не колеблясь менял веками сложившиеся церковные традиции и догматы. Так, *в 1721* году, чтобы удержать на Урале опытных горных мастеров-шведов, он разрешил лютеранам жениться на православных. В том же году во время празднования Ништадтского мира был устроен необыкновенный для православия семидневный колокольный звон. В большом количестве составлялись новые молитвы в честь побед российского оружия и других государственных событий. С Петровской эпохи в церковную жизнь вошли так называемые табельные праздники, которые отмечались торжественной церковной службой, причем соблюдение табельных праздников было строго обязательным. В 1724 году среди них были следующие: 1 января – Новый год, 3 февраля – тезоименитство цесаревны Анны Петровны, 19 февраля – «воспоминание брака Императорского величества», 30 мая – рождение Петра, 25 июня – коронование Петра, 27 июня – «преславная виктория под Полтавою», 29 июня – тезоименитство Петра, 29 июля – «взятие фрегатов, первее – при Ангуте, потом – при Грингаме», 5 сентября – тезоименитство Елизаветы Петровны, 28 сентября – «виктория над генералом Левенгауптом», 11 октября – взятие крепости Нотебург, 23 ноября – день Александра Невского, 24 ноября – тезоименитство Екатерины, 30 ноября – день «Святого апостола Андрея Первозванного, торжество кавалеров российских». После Петра число табельных дней нарастало, ибо к ним добавилось немало панихид по умершим членам царскою семейства и т. д. Использованием богослужения для государственных целей дело не кон-

чалось. Важно отметить, что в петровское время коренным образом изменилось отношение светской власти к вере и церкви. На веру и церковь стали смотреть как на один из инструментов воспитания верноподданных. Как писал крупный историк церкви П. В. Верховской, «вера, которая прежде ценилась сама по себе, как путь ко спасению… теперь стала цениться как нечто полезное для государства, как воспитывающее и сдерживающее начало, очень удобное в целях достижения „общаго блага“». Эта мысль находит подтверждение в многочисленных заметках и указах Петра.

Первоначальный вид Петропавловского собора. С рисунка, приложенного к «Описанию Петербурга» В. Г. Рубана.

Петр не считал для себя, светского властителя, зазорным редактировать богословские труды, книги, проповеди, предназначенные для религиозного воспитания подданных в нужном самодержавию направлении. 13 июля 1722 года он писал Синоду: «Книгу „О блаженствах“ я всю чел, которая зело изрядна и прямой путь христианской, только надлежит предисловие зделать, в катором розные наши толковани неправые, хонжеские все и выяснить, дабы читающие перво свой порок узнали и потом пользу и прямую истинную… И, сочиня сие, не печатать до возвращения нашего, також и того, что хотели, исправить в исповедях». Ранее уже говорилось о рационализме Петра и его веры. На церковь он смотрел в высшей степени прагматически, исключительно как на школу воспитания нравственности, и даже разрабатывал своеобразные пособия для этой школы. В одной из записных книжек Петра мы читаем: «Чтоб мужикам зделать какой маленькой регул и читать по церквям для вразумления». 19 апреля 1724 года он писал в Синод о том, каким должно быть это пособие: «Святейший Синод! Понеже разговорами я давно побуждал, а ныне письменно, дабы краткия поучения людям сделать (понеже ученых проповедников зело мало имеем), также сделать книгу, где б изьяснить, что непременный закон божий и что советы, и что предания отеческая, и что вещи средния, и что только для чину и обряду сделано, и что непременное и что по времени и случаю переменялось, дабы знать могли, что в каковой силе иметь. О первых кажется мне, чтоб просто написать так, чтоб и поселянин знал, или надвое: поселянам простые, а в городах покрасивее для сладости слышащих, как вам удобнее покажется, в которых бы наставления, что есть прямой путь спасения истолкован был». Примечательным кажется и переданный И. И. Голиковым анекдот о том, как Петр побил палкой иронизировавшего над Священным Писанием В. Н. Татищева, приговаривая при этом: «Я тебя научу, как должно почитать оное и не разрывать цепи, все в устройстве содержащей… не заводи вольнодумства, пагубного благоустройству». Но помимо разработки материалов для воспитания прихожан-подданных большое внимание уделялось и, если можно так сказать, условиям и режиму воспитания. Хождение в церковь и совершение всех необходимых обрядов рассматривалось не как внутренний позыв верующего, а как его обязанность. 8 февраля 1716 года Сенат огласил именной указ Петра следующего содержания: «Великий государь указал: послать во все епархии к архиереям, и в губернии губернаторам указы – велеть в городах и в уездах всякаго чина мужеска и женска пола людям объявить,

чтоб они у отцов своих духовных исповедывались повсягодно. А ежели кто в год не исповедуется, и на таких людей отцам духовным и прихотским священникам подавать в городах архиереям и духовных дел судьям, а з уездах – старостам поповским именныя росписи, а им те росписи отсылать к губернаторам, и в уездах к ландратам, а им, губернаторам и ландратам, на тех людей класть штрафы, против дохода с него втрое, а потом им ту исповедь исполнить же». 16 июля 1722 года последовал новый указ Синода и Сената, в котором говорилось, что «многие разночинцы и посадники, и поселяне обыкли жить праздны, и не токмо по воскресным дням, но и в великие господские праздники николи в церковь к службе божии не ходят и не исповедуются». Для пресечения этого непорядка было приказано вывесить указы, в которых предписать всем верующим: «в господские праздники, и в воскресные дни ходили в церковь божию к вечерни, к утрени, а паче к святой литургии (кроме того, разве кто заболит, или какая невозможность не допустит) и по все б годы исповедовались, и то надзирать в приходах самим священникам, и прикащикам, и старостам, где случатся, и кто будет исповедоваться и не исповедоваться – тому всему иметь книги погодно и присылать их по епархиям в духовные приказы и кто по тем книгам явится без исповеди, и с таких – править тех приходов священникам штрафы». Хождение в церковь и исповедание, таким образом, превращались в обязанность прихожан, исполнение которой строго контролировалось и документировалось. Священник, отказавшийся доносить на прихожан, подвергался сначала штрафу, а потом «за то извержен будет священства».

Но особо значительным и грубым было постановление Синода от 17 мая 1722 года, нарушавшее тайну церковной исповеди – одного из священных таинств, наряду с таинствами брака, причащения и крещения. Согласно указу от 17 мая, священник в случае, «если кто при исповеди объявит духовному отцу своему некое несделанное, но еще к делу намеренное от него воровство, наипаче же измену, или бунт на государя, или на государство, или злое умышление на честь, или здравие государево, и на фамилию его величества, а объявляя толикое намеряемое зло, покажет себе, что не раскаевается, но ставит себе в истину, и намерения своего не отлагает… то должен духовник не токмо его за прямо исповеданные грехи прощения и разрешения не сподоблять (не есть бо исповедь правильная, аще кто не всех беззаконий своих кается), но и донести вскоре о нем, где надлежит, следуя состоявшемуся апреля 28 числа нынешняго 1722 года именному Его императорского величества указу, каков о таких злодеях печатныи листы публикован, по которому и за слова до высокой Его император-

ского величества чести касающияся и государству вредительныя, таковых злодеев в самой скорости имая, в определенный места приводить повелено». Другими словами, для священника, принимающего исповедь прихожанина, путеводной звездой должен являться очередной закон по борьбе с врагами государства, а не нормы христианской догматики, требующие сохранения тайны исповеди.

Примечательно, что священник должен не только донести на своего прихожанина, но и пройти весь путь доносчика: ехать «в указанное место» и «тамо уже, где о таких злодействах следование бывает, все об оном злом намерении слышенное объявлять именно, без всякого прикрывательства и сомнения». Церковники предупреждались, что, «ежели кто из священников сего не исполнит и о вышеозначенном услышав, вскоре не объявит, тот без всякого милосердия, яко противник и таковым злодеям согласник паче же государственных вредов прикрыватель, по лишении сана и имения, лишен будет и живота». Чтобы указ был действен, каждый православный священник был обязан на Евангелии принести клятву, в которой обещался «о ущербе же Его императорского величества интереса вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовремянно объявлять, но и всякими мерами отвращать, препятствовать и не допущать, тщатися буду». Каждый священник, подобно солдату или чиновнику, давал клятву быть всегда готовым к государевой службе: «Когда же к службе и пользе Его императорского величества какое тайное дело, или какое б оное ни было, которое приказано мне будет тайно содержать, и то содержать в совершенной тайне и никому не объявлять, кому о том ведать не надлежит и не будет повелено объявлять». Удивительная присяга! Будто она предназначена не для пастыря Божьего, а для секретного сотрудника сыскного политического ведомства. Собственно, именно сексотом и должен был быть, согласно букве и духу петровских указов, русский православный священник.

Особая страница истории Русской православной церкви должна быть посвящена отношению Петра к монашеству. Как известно, Петр не скрывал своей ненависти и презрения к монахам. «Тунеядцы», «святоши», «ханжи» – вот неполный список, по-видимому, самых мягких определений, которые давал царь монахам. Много причин стояло за этой безапелляционностью и грубостью православного монарха. В среде монашества он встречал наиболее серьезное сопротивление своим начинаниям, в этой среде скрывались самые упорные потенциальные и реальные враги. В октябре 1698 года он запретил певчим появляться в Новодевичьем монастыре у царевны Софьи, написав так «А певчих

в монастырь не пускать: а поют и старицы хорошо, лишь бы вера была; а не так, что в церкви поют „Спаси от бет“, а на паперти деньги на убийство дают». По той же причине в 1701 году монахам было запрещено иметь в кельях бумагу и чернила и писать что-либо, «и аще нужды ради каковыя восхощет кто писати, и то с повеления начальнаго, да пишет в трапезной явно, а не тайно, понеже убо древних отец предание бысть монаху ни что писати без повеления начальнаго». Делалось это для того, чтобы приостановить сочинительство, а главное – распространение многочисленных рукописных сочинений, направленных против Петра и его преобразований. Приуменьшать значение таких сочинений для контрпропаганды не следует: их авторы – представители духовенства, монахи – были, как правило, людьми образованными и талантливыми, прекрасно владеющими пером. Примером может служить игумен подмосковного Андреевского монастыря Авраамий – автор знаменитого «Послания», содержащего резкую критику режима Петра.

Зная о многочисленных примерах нарушения обитателями монастырей принципов монашеского общежития, Петр видел в этом свидетельство бесполезности, вредности современного ему монашеского образа жизни.

Бесспорно, к началу XVIII века налицо был кризис монашества как общественно-религиозного явления. Кроме других, не упомянутых здесь, причин к этому кризису привела в конечном счете победа в конце XV – первой половине XVI века «иосифлянского» течения в богословии над так называемым «нестяжательским», чьи представители проповедовали идеи аскетического, отшельнического существования служителей Бога, тяжкий труд и бедность. Победа концепции «иосифлян» – сторонников и последователей Иосифа Волоцкого – способствовала вступлению церкви на путь обогащения, превращению монастырей в богатейших земле-, а потом и душевладельцев, что вело к росту зависимости церкви от богатств, а через них от государства и, конечно, не могло не отразиться на нравственности обитателей монастырей. Впрочем, не следует излишне увлекаться образом толстого обжоры – монаха, столь распространенным в пропаганде петровских и последующих времен. Люди в рясах были разными, и Петр не мог этого не знать. Может быть, истинная причина такой концентрированной ненависти Петра к монашеству состояла не столько в осужденном им образе жизни сибаритствующих монахов, сколько в неприятии царем самой идеи монашества, в отрицании идеала, к которому стремились пустынники и благодаря которому они не зависели от той власти, которую олицетворял собой могущественный, но земной владыка Петр. Нетерпимый ко вся-

кому инакомыслию, даже пассивному сопротивлению, царь не мог допустить, что в его государстве где-то могут жить люди, проповедующие иные ценности, иной образ жизни, чем тот, который проповедовал сам Петр и который он считал лучшим для России. Следует отметить, что он много сделал для того, чтобы внедрить свой идеал в жизнь монастырей, точнее – чтобы поставить под контроль государства и заставить работать на себя сословие монахов. Это началось, как можно легко догадаться, зная предшествующую историю «произведения подданного всероссийского народа», с переписи монастырей и закрепления в них монахов. Указ от 31 января 1701 года гласил: «А в которых монастырях перепищики застанут сколько где монахов и монахинь и им быть в тех монастырях неисходным, и в иные монастыри их не приимать, разве великия каковыя ради правильныя вины, да изыдет и в другой монастырь прият да будет с писанием отпускным того монастыря начальника». Одновременно из монастыря подлежали изгнанию все миряне. Чуть позже, в указе 1703 года, Петр за нарушение этого порядка пообещал «властям с братиею… быть в ссылках в дальних поморских монастырях и в заточении в крепких местах невозвратно». Следующим шагом было ограничение содержания монахов. В указе от 30 декабря 1701 года предусматривалось: «В монастыри монахам и монахиням давать определенное число денег и хлеба в общежительство их, а вотчинами им и никакими угодьями не владеть, не ради раззорения монастырей, но лучшаго ради исполнения монашеского обещания, понеже древние монахи сами себе трудолюбивыми своими руками пищу промышляли и общежительно живяше, и многих нищих от своих рук питали, нынешние же монахи не токмо нищих питаше от трудов своих, но сами чуждыя труды поедаша, а начальные монахи во многия роскоша впадоша». Поэтому Петр предписал на каждого монаха установить норму содержания – по 10 рублей и 10 четвертей хлеба в год на человека. Все остальное поступало, как бы сейчас сказали, в госбюджет через систему Монастырского приказа, который и финансировал расходы монастырей. Эти ограничения были естественным продолжением секуляризации монастырских земель, произведенной с образованием в 1701 году Монастырского приказа. И хотя впоследствии часть вотчин монастырям была возвращена, основная масса доходов с них поступала государству.

Наступление на монашество продолжалось на протяжении всего царствования Петра. 28 января 1723 года Петр через обер-прокурора передал Синоду приказ о начале новой переписи монахов и полном запрещении постригать вновь желающих. При этом было предписано ежемесячно рапортовать, «сколько из об-

ретающегося на лицо числа оных монахов и монахинь будет убывать… и на те убылые места определять отставных солдат». 3 марта 1725 года исключение было сделано только для вдовых священников.

Надо полагать, мысль Петра, запретившего пострижение в монахи, клонилась к тому, чтобы из монастырей сделать богадельни для отставных солдат, число которых с каждым годом существования регулярной армии возрастало. Собственно, на путь превращения монастырей в богадельни Петр встал давно и последовательно шел по нему, считая, что служба монахов государству именно в этом и состоит. Наиболее последовательно мысли о мирских обязанностях монахов были выражены именным указом от 31 января 1724 года, данным Петром Синоду. Указ недвусмысленно называет монахов тунеядцами: «Нынешнее житие монахов точию вид есть и понос от иных законов, немало же и зла происходит, понеже большая часть – тунеядцы суть и понеже корень всему злу праздность, то сколько забобонов, расколов, но и возмутителей произошло, всем ведомо есть». И далее Петр, считая, что в монастыри уходят, чтобы не исполнять обязанностей перед помещиком и государством, резко это осуждает: «У нас, почитай, все [монахи] из поселян, то что оные оставили – явно есть, не точию не отреклись, но прирекли́сь доброму и довольному житию, ибо дома был троеданник то есть дому своему, государству и помещику, а в монахах – все готовое, а где и сами трудятся, то токмо вольные поселяне суть, ибо только одну долю от трех против поселян работают… Что же прибыль обществу от сего? – воистину токмо старая пословица: ни Богу, ни людям, понеже большая часть бегут от податей и от лености, дабы даром хлеб есть». Единственный способ исправления такого безобразного положения, когда часть подданных избегает обязанностей перед государством, по Петру – «служити прямым нищим, престарелым и младенцем».

Для этого Петр предписал установить штаты монастырей исходя из числа определенных к этим монастырям отставных солдат и «прочих прямых нищих», для которых в монастырях устраивались госпитали и богадельни. Монахов должно было быть в следующей пропорции: один монах на даух-четырех отставных или нищих, «смотря которые труднее болезни – имею более служащих, а которые легче и у старых – меньше служащих, или как за благо усмотрено будет с примеру регламента о гошпиталях, возрастом же не моложе 30 лет». Остальные же, оставшиеся «за числом служения» монахи должны были получить от монастыря землю, «дабы сами хлеб себе промышляли», и являться постоянным контингентом для пополнения естественной убыли монахов

в монастырях. Монахиням же, оказавшимся в таком же положении, было предписано «питаться рукоделием вместо пашни, а именно: пряжею на мануфактурные дворы». Жить в кельях монахам отныне запрещалось, место им было лишь в особых чуланах «в тех же больницах». За всеми монахами устанавливался постоянный и тщательный надзор со стороны как духовного, так и светского начальства. По-видимому, полностью реализовать планы по перестройке монашеской жизни Петру не удалось – он вскоре умер, но сама попытка поставить монастыри и их обитателей на службу государству характерна для него: в регулярном государстве не должно было быть ни одного человека, не состоящего в каком-либо служилом чине или не приписанного к платежной общине или на худой конец к богадельне. Интегрирование церкви в государственную систему носило многоплановый характер и касалось не только самого управления церковью, но и богослужения, вероучения. Вера, как писал историк П. В. Верховской, «сделалась средством испытания политической благонадежности и воздействия в государственных видах».

Это в полной мере относится к методам решения давней проблемы инакомыслия, раздиравшей русское общество после реформ Никона. С петровских времен борьба с раскольниками – главными противниками официальной церкви – превратилась в полицейскую акцию, регулярно осуществляемую самим государством. Для начала был установлен строгий подушный учет раскольников – как мужчин, так и женщин. Все они облагались двойной податью – правительство видело в этом важное средство борьбы с расколом. Согласно указу от 14 марта 1720 года, всем раскольникам предоставлялся выбор: либо признать официальную церковь, либо платить двойной налог. И в том и в другом случае раскольники должны были явиться в специальный Приказ церковных дел и заявить о себе и своих домочадцах. «А ежели кто, ведая сей указ, во обращение ко святой церкви самовольно не придет или за раскол в платеже двойного оклада к записке не явится, а в том от кого изобличен будет, и тому преслушнику учинено будет жестокое гражданское наказание, и доправлен будет и перед тем двойным окладом еще вдвое штраф. И от том по градским воротам и по знатным местам выставить листы, а в сороки (церковный округ. – *Е.* А.) к старостам послать такие же указы, чтобы они у себя и у всего своего сорока, роздав списки в церквах оные указы велели читать почасту, чтоб никто неведением не отговаривался». Особой детализацией отличается синодский указ от 15 мая 1722 года, закрывавший раскольникам все возможные лазейки при попытке обойти законодательство о дискриминации исповедующих раскольническое вероучение. Все

раскольнические рукописные книги подлежали немедленной сдаче, другой указ (от 13 октября 1724 года) предупреждал, чтоб «никто б у себя таких о расколе сумнительных и подозрительных книг и тетрадей ни тайно, ни явно, ни под каким видом держать не дерзали под опасением жестокой казни». Принадлежность к расколу рассматривалась как признак правовой и гражданской неполноценности. Раскольникам предписывалось «ни у каких дел начальниками не быть, а быть токмо в подчиненных, також и в свидетельство нигде их не принимать, кроме того, что между собою, и то по случаю». Неоднократно подтверждался и изданный в начале XVIII века указ о специальной одежде для раскольников, причем от всех «бородачей», плативших налог за ношение бороды, раскольники должны были отличаться особым знаком на одежде – козырем. В словаре Владимира Даля читаем: «Козырь… лоскут красного сукна с желтою нашивкой, который носили раскольники при Петре». Несомненно, цель этого указа состояла в том, чтобы, выделив раскольников особой метой на одежде, подвергнуть их тем самым публичному унижению и сделать предметом всеобщего надзора. Закон при этом запрещал им носить одежду красного цвета, чтобы козыри не сливались с одеждой. Указом от 6 апреля 1722 года чиновникам запрещалось принимать челобитные у раскольников «не в том платье». Поощрялось также доносительство на нарушителей этого закона: «Также кто увидит кого с бородою без такого платья, чтоб приводили к комендантам или воеводам и приказным и там оный штраф на них правили, из чего половина в казну, а другая приводчику, да сверх того, его платье». В 1724 году были введены особые сменные «годовые» медные знаки, нашиваемые на одежду. Женам же раскольников предписывалось носить «платья опашни и шапки с рогами». Все эти невиданные раньше по систематичности, строгости, жестокости и унизительности меры приводили к побегам раскольников в глухие места, многочисленным «гарям», самосожжениям целых общин, – единственной форме протеста раскольников против насилия над совестью и личностью. Заботясь о «правильном» исполнении обязанностей подданными-прихожанами, «регулярное» государство Петра было против всякой самодеятельности, всякого проявления не регламентированных и не контролируемых официальной церковью религиозных инициатив и духовных подвигов. Примечателен в этом смысле указ Синода от 16 июля 1722 года, названный составителями Полного собрания законов, где он опубликован, указом «О недействительности самовольного страдания, навлекаемого законопреступными деяниями». Основанием для этого по меньшей мере странного указа было громкое дело последователя раскол оучения Григория

Талицкого – Левина, который в 1721 году в Пензе обратился к толпе с призывом о сопротивлении царю-антихристу. Дело было необычайное, так как Левин шел заведомо на страдания и смерть ради идеи и, допрошенный сенаторами под пыткой «на спицах», заявил, «чтоб народ им наслушался и ныне стоит он в прежнем своем мнении и в том умереть желает и пожелал он волею своею пострадать и умереть».

Надо полагать, мужество пытаемого человека, избравшего себе путь муки и смерти, произвело впечатление на Сенат и вынудило власти обратиться к народу с указом, в котором осуждались «таковые, которые от невежества и безумия, или от крайней злобы своея, аки главные враги себе сами доброхотно зла желают и здравия и жития напрасно лишаются, прельщающиеся именем страдания и тем единым горькия муки и смерти себе услаждают». Это величайшая ошибка, считают составители указа, ибо «не всякое страдание, но токмо страдание законно бываемое, то есть, за известную истину, за догматы вечныя правды, за непременный закон Божий, полезно и богоугодно есть». Места же для законного страдания в России нет, так как «таковаго правды ради гонения никогда в Российском, яко православном государстве, опасатися не подобает, понеже то и быти не может». Иначе говоря, условий для подвига духа в России благочестивого православного царя нет, так как нет причин, которые бы вынуждали идти на муки и смерть ради идеи. Кроме того, власти вообще выражают недоверие такой экзальтированной самодеятельности – без соответствующего высшего позыва, равносильного приказанию начальника, поступать нельзя, «паче же долженствуем не дерзати сами собою на толикой подвиг без собственнаго божия вдохновения, яко же не дерзает воин на бой без указа начальника своего». Во всем должны быть дисциплина и порядок, а выходки, подобные левинской, вредны и опасны, и такие «треокоянный человеци» добиваются, говоря современным языком, дешевой популярности, «прельщаются сим будущим славы мечтанием услаждающе себе: хвалим буду и блажмь ото всех, аще за сие пострадаю, напишется о мне история, пронесется всюду похвала, не един удивляяся скажет: о мне, великодушен муж был, царя обличал, мук лютых не убоялся! О, скаянни сумазброды! мало таких бешеными нарицати, есть се некое зло, равного себе имене неимущее». Такие поступки и рассматривались царем как «вольнодумства, пагубные благоустройству» и, безусловно, осуждались.

Несомненно, петровские реформы привели к решительной победе светского начала над конфессиональным, религиозным. Следует при этом заметить, что история второй половины XVII века свидетельствует: на этот путь Россия встала еще до Петра – в этом

было властное проявление времени, своеобразие ситуации, возникшей в связи с Никоном и расколом. Но петровские преобразования примечательны не только невиданными раньше темпами и масштабами перехода общества на светские рельсы, но теми последствиями, которые имело превращение православной церкви в правительственное учреждение. В иных учебниках и трудах петровская церковная реформа изображается чуть ли не как победа вожделенного атеизма. На самом же деле это было не так – церковь стала прислуживать режиму самодержавия, стала покорно освящать все его начинания. Как писал в 1916 году П. В. Верховской, «современное государственное положение церкви в России, коренящееся в церковной реформе Петра, всегда обязывало и обязывает духовенство защищать и оправдывать не только наличный государственный строй независимо от его нравственных достоинств, но вытекающие из него события и явления. Так, например, духовенство защищает клятву именем Божиим, впервые введенную Петром и Феофаном по политическим соображениям, раньше защищала крепостное право, телесные наказания и до сих пор защищает смертную казнь. Не имея силы громко осудить самые основы современной материальной культуры, духовенство и школьное богословие оправдывает накопление богатств, отдачу денег под проценты, капитализм и т. д. и, напротив, борется против социализма, безучастно к рабочему вопросу». Превращение церкви в контору по делам веры, подчинение всех ее ценностей нуждам самодержавия во многом означало уничтожение для народа духовной альтернативы режиму и идеям, идущим от государства и имеющим свои истоки в этатизме, государственном мышлении, в авторитарной светской власти. Церковь с ее тысячелетними традициями проповеди морали, защиты униженных и поверженных государством, церковь, которая в древности «печаловала» за казнимых, могла публично осудить тирана, стала послушным орудием власти и тем самым во многом потеряла уважение народа, как хранительница духовного начала, утратила свой высший моральный авторитет. Не случайно этот народ впоследствии так равнодушно смотрел и на гибель церкви под обломками интегрировавшего ее самодержавия, и на разрушение ее храмов. Если же говорить о вере, то она сохранялась лишь благодаря приходскому духовенству, тем простым священникам, которые всегда были со своим народом и разделили с ним его судьбу даже в тюрьмах и лагерях.

«Полиция есть душа гражданства»

Великий реформатор России мечтал, как мы помним, с помощью совершенного «воспитывающего» законодательства и идеальной государственной структуры настолько исправить нравы своих подданных, чтобы каждый осознал необходимость служить, не щадя живота своего, государству, то бишь государю, ради достижения мифического «всеобщего блага». Панацею же от всех бед и несчастий, подстерегающих подданных на пути к лучезарному будущему, Петр видел в создании еще одного государственного механизма, мыслимого как нечто всеохватывающее и всепроникающее. Роль такой системы, пронизывающей все гигантское здание российской государственности, должна была, по мысли Петра, сыграть полиция. Принципиально важно то, что полиция понималась не только как учреждение, но и как система отношений, образ универсального мышления, в котором культ государственной власти был доведен до предела. Глава «О полицейских делах» в регламенте Главного магистрата 1724 года – это «песнь песней» полиции как культуре: «…полиция особливое свое состояние имеет, а именно: оная споспешествует в правах и в правосудии, раждает добрые порядки и нравоучении, всем безопасность подает от разбойников, воров, насильников и обманщиков и сим подобных, непорядочное и непотребное житие отгоняет и принуждает каждого к трудам и к честному промыслу, чинит добрых досмотрителей, тщательных и добрых служителей, города и в них улицы регулярно сочиняет, препятствует дороговизне и приносит довольство во всем потребном к жизни человеческой, предостерегает все приключившиеся болезни, производит чистоту по улицам и в домах, запрещает излишество в домовых расходах и все явные погрешении, призирает нищих, бедных, больных, увечных и прочих неимущих, защищает вдовиц, сирых и чужестранных по заповедям божиим, воспитывает юных в целомудренной чистоте и честных науках; вкратце ж над всеми сими полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальной подпор человеческой безопасности и удобности». За каждым из этих положений – вереница конкретных мероприятий властей, но об этом скажем далее.

Попробуем понять, как Петр пришел к мысли о государстве, одушевленном полицейской идеей. Стремление осуществить государственный надзор за частной жизнью каждого человека, войти в его дом, его семью, следить за его образом жизни, бытом, нравами, даже внешним видом проявилось очень рано – в самом начале XVIII века. Как уже говорилось, идея распространения «регулярства» (понятия, отражающего стремление к единообразию, унификации на основе западноевропейских принципов) на сферу гражданской жизни была производной от идеи «регуляр-

ства» как главного элемента военной реформы, усвоенного Петром как наиболее эффективное средство достижения успехов на войне, победы над внешним врагом. Победа над врагом внутренним – противниками преобразований – достигалась не только суровыми карательными средствами (плаха, галеры, Сибирь и т. д.), но и всемерным искоренением столь ненавистной Петру с детства «старины» – понятия, противоположного «регулярству», прочно связанного с бородой, длинным платьем, кажущимся хаосом русской городской застройки, суевериями, обычаями, основанными на традициях. Эта победа достигалась (по аналогии с военной) повсеместным волевым, насильственным внедрением «регулярства» в повседневную жизнь подданных. Как и на войне, указы Петра о преобразованиях быта, обычаев, одежды звучали как приказы, они были лапидарны и суровы. Эти указы надлежало исполнять, не задумываясь над их смыслом и конечной целью.

Последний год XVII века – 1700-й – открывался указом от 4 января следующего содержания: «Бояром и окольничим и думным, и ближним людем, и стольникам, и стряпчим, и дворянам московским, и дьяком и жильцом и всех чинов служилым и приказным, и торговым людем и людем боярским на Москве и в городех носить платья венгерские, кафтаны: верхние длиною по подвязку, а исподние короче верхних тем же подобием, и то платье кто успеет сделать, носить с богоявлениева дни ныняшнего 1700 года, а кто к тому дни сделать не успевает, и тем делать и носить, кончае с нынешния сырныя недели». По-видимому, тогда же вышел указ и о бритье бород всем перечисленным выше категориям населения. Повторный указ появился 16 января 1705 года. В нем предписывалось, чтобы все служилые, купцы и посадские «впредь с сего его великого Государя указа бороды и усы брили. А буде кто бород и усов брить не похотят, а похотят ходить с бородами и с усами, и с тех имать», и далее указаны суммы налога – от 30 до 100 рублей, с крестьян же взималось «по две денги» при въезде в город. Заплатившим налог выдавался особый знак. Пожалуй, в истории петровских времен трудно найти более известные указы. Они уже давно стали символом радикальности осуществленных великим преобразователем перемен, ориентированности на приобщение России к западноевропейской культуре и образу жизни. Не случайно в «Журнале, или Поденной записке» Петра об этом сказано так: «Тогда ж за благо разсудил старинное платье российское (которое было наподобие польского платья) отменить, а повелел всем своим подданным носить по обычаю европейских христианских государств, такожде к бороды повелел брить». Бритье бород и переодевание своих подданных Петр начал сразу же после возвращения из-за границы в конце августа

1698 года, причем под ножницы в первую очередь пошли бороды ближайших бояр, им же первым было предписано явиться ко двору в одежде европейского покроя. Пример ношения «новоманирной» женской одежды были вынуждены подать ближние родственницы царя – его сестры. Нет сомнения, что эта неожиданная для всех акция делалась не только для «славы и красоты государства и воинского управления», как писалось в августовском (1701 г.) указе, но главным образом как сознательное противопоставление нового, современного, удобного, полюбившегося царю – старому, архаичному, неудобному и ненавистному, четко ассоциировавшемуся с Москвой бородатых стрельцов, бояр, врагов и недоброжелателей. В этом были проявлены присущие Петру демонстративность и властность, желание заставить людей делать то, что он, и никто другой, считал лучшим. Конечно, можно посмеяться над опозоренными боярами – старыми людьми, униженно стоящими перед царем с обритыми подбородками, в кургузых, тесных одеждах. Но, глядя на гравюру, где изображен стоящий на коленях в грязи человек, у которого солдат овечьими ножницами кромсает полу «запрещенного» кафтана, можно и посочувствовать петровским современникам – достаточно представить себе на секунду, что вы вышли из метро и вас ставят на колени в грязь, чтобы обрезать вровень с землей ваше новое зимнее пальто. По-видимому, долгие годы можно было только насилием поддерживать новую моду и нравы. Не раз публиковались указы, угрожавшие нарушителям постановлений о форме одежды гражданского населения различными карами, в том числе и ссылкой на каторгу, но людям было нелегко привыкнуть к новой одежде, новому облику, так резко искаженному в один день.

Одни – особенно из раскольников – не скрывали своего возмущения, ибо традиционная одежда непосредственно ассоциировалась с благочестием. Так, в 1704 году в Москву пришел нижегородец А. Иванов и заявил «слово и дело», то есть добровольно отдался пыточному ведомству. На допросе он заявил: «Пришел я извещать государю, что он разрушает веру христианскую, велит бороды брить, платье носить немецкое и табак велит тянуть…» Иванов требовал, «чтоб государь велел то все переменить». Не выдержав пыток, он умер в застенке. И таких, как Иванов, можно понять, ибо традиция, законодательство веками утверждали норму: бритье – признак ереси, безбородый не может войти в царствие небесное, бритый покойник даже лишался христианского обряда захоронения.

Другие, наоборот, прятались, затаивались, но, придя домой, спешили сбросить с себя ненавистные одежды и надеть то, что

было привычно и удобно с детства, а иногда рисковали даже появляться в старых одеждах на людях. В одном из подметных писем читаем: «Да они ж, бояре, другому указу Твоему непослушны учинились б русском платье, как Ты придешь к Москве и то при Тебе ходят в немецком платье, а без Тебя все боярские жены ходят в русском платье и по церквам ходят в телогреях, и наверх надевают юбки и в церквях в одних телогреях стоят, а на головах носят не шапки польския, [а] неведомо какия дьявольския камилавки, а все, рутаючи указ Твой государев, шапок и фонташев не носят, а буде на ком увидят шапку или фонтаж, и они ругают и смеются, и называют недобрыми женами тех, кто ходит супротиву твоего указу». Примечательно, что сосланные в Березов в 1730 году лидеры верховников князья Долгорукие повезли с собой в Сибирь любимые однорядки, телогреи и другую старинную одежду, в которой, по-видимому, ходили дома всю Петровскую эпоху. Наконец, третьи (а таких было большинство, особенно из числа молодежи) привыкали к новым одеждам, обычаям, активно насаждаемым Петром через указы, торжественные мероприятия, развлечения. Поездки за границу, общение с многочисленными иностранцами, обучение молодых европейским манерам делали свое дело: через полтора-два десятилетия многим дворянам казались смешными отцовские охабни, бороды, телогреи. Государство не останавливалось на регламентации причесок и формы одежды подданных. Оно бесцеремонно переступало порог частного дома, строго следя не только за тем, чтобы потолок был оштукатурен (есть соответствующие указы), но чтобы люди жили «регулярно». Едва родившись на свет, они вносились в специально заведенные при церквах метрические книги, потом вовремя определялись в школу, полк, канцелярию, подушный оклад. Когда же они умирали, их были обязаны хоронить в гробах установленного образца.

С 1705 года была введена монополия на продажу дубовых гробов, и «буде после той переписки, – отмечалось в указе, – к которой церкви принесут умершего в дубовом гробе, а на покупку того гроба ерлыка от продавца (то есть по-современному – квитанции. – *Е. А.)* не будет», то… в общем, покойнику и сопровождающим его лицам приходилось несладко. С 1723 года покойника, принесенного на кладбище в гробу дубовом или сделанном из сосновой колоды, перекладывали в уставной – дощатый, и священникам строжайше запрещалось хоронить в неуставных гробах. Если предписание о гробах можно объяснить заботой о сохранении лесов, то странный указ от 12 апреля 1722 года о надгробных камнях на кладбищах, которые надлежало, «окопав, опустить в землю такою умеренностью, дабы оные с положением места лежали ровно», объясним лишь тем присущим Петру стремлением

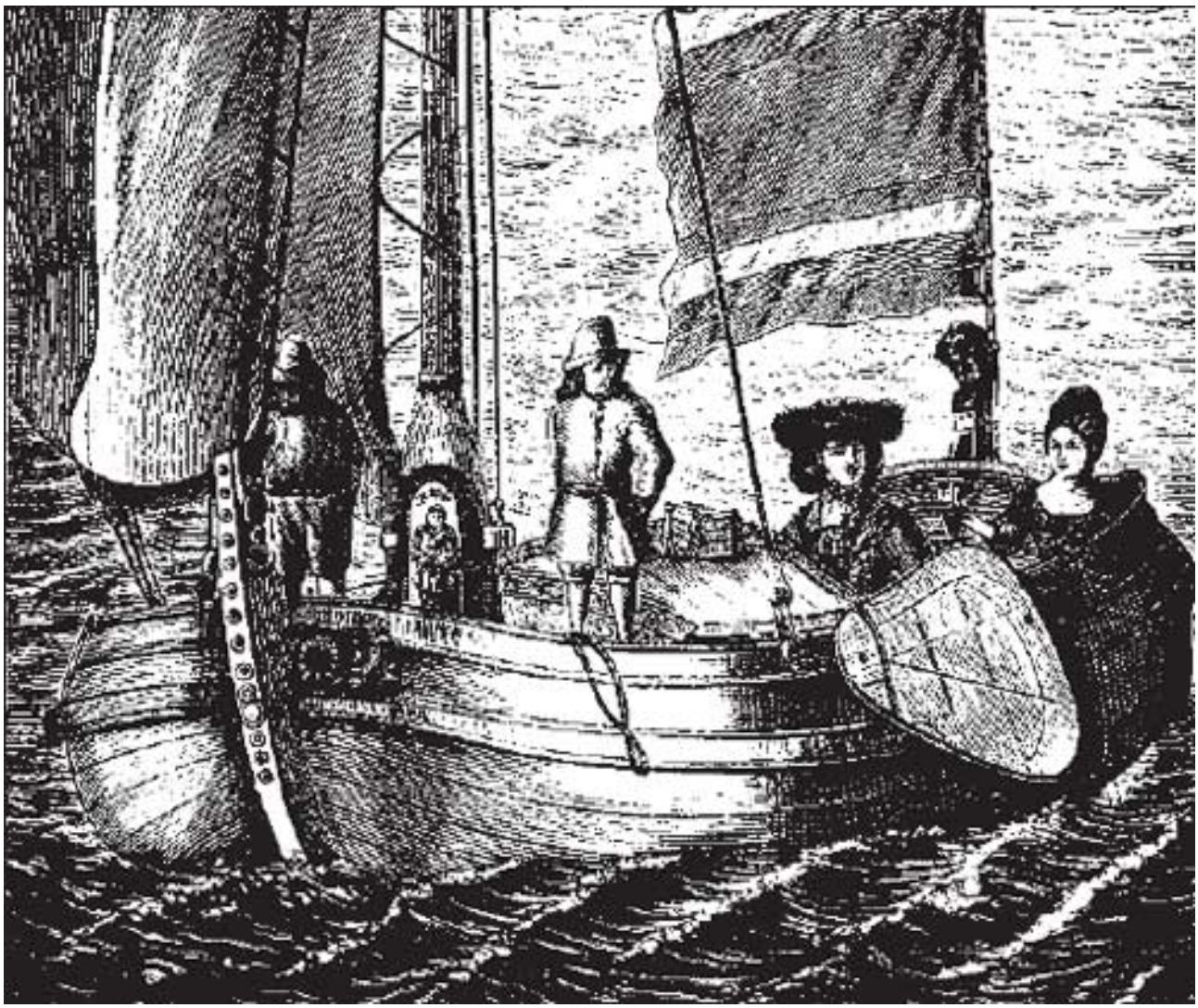
к «регулярству», без которого «те камни неуборно и неприлично положенные наносят святым церквам безобразие, и в случающемся около тех церквей хождении чинят препятие». В соответствии с новой концепцией жизни государство активно внедряло новые, часто непривычные для русского человека стереотипы поведения. Это достигалось с помощью законодательства, личный пример показывал и сам царь, и его окружение. Подлинным пособием для дворянина, вступающего в новую жизнь, стало знаменитое «Юности честное зерцало, или Показание житейскому обхождению, собранное из разных авторов» (1717 г.). Это сочинение неизвестного автора формирует новый стереотип поведения светского человека, рисует образ в высшей степени положительного юноши, избегающего дурных компаний, мотовства, скряжничества, пьянства, злословия, болтовни, грубости. Он должен быть «бодр, трудолюбив и беспокоен, подобно как с часами маятник», «учтив и вежлив, как на словах, так и на делах, на руку не дерзок и не драчлив». Читая в «Зерцале» о том, что запрещается, мы видим, что в реальной жизни господствовали весьма грубые нравы. Недорослю петровских времен не рекомендовалось за столом «храпеть носом и глазами моргать», сморкаться, «яко труба трубит», «не дуть в суп, чтобы везде брызгало», не класть руки на тарелку и ногами везде «не мотать, а также не ковырять ножом зубы», предписывалось: «над ествою не чавкай, как свинья, и головы не чеши». Но при этом делать вывод, что «Зерцало» демонстрирует особую грубость русской жизни, не следует. В «Зерцало» включено немало рекомендаций, которые подчас было бы не грех знать и современным людям. Любопытно, что И. В. Саверкина в работе о «Зерцале» отметила много совпадений советов молодому человеку, данных автором «Зерцала» и Л. Честерфилдом в его «Письмах к сыну», появившихся двадцать лет спустя после «Зерцала» (плагиат исключен). Вот этот выразительный облик английского молодого балбеса, мало чем отличного от своего русского собрата:

«Стоит такому олуху войти в комнату, как шпага его легко может оказаться у него между ног, и он либо падает, либо, в лучшем случае, спотыкается. Исправив свою неловкость, он проходит вперед и умудряется занять как раз то место, где ему не следовало бы садиться; потом он роняет шляпу; поднимая ее, выпускает из рук трость, а когда нагибается за ней, то шляпа его падает снова; таким образом проходит добрых четверть часа, прежде чем он приведет себя в порядок. Начав пить чай или кофе, он неминуемо обожжет себе рот, уронит или разобьет либо блюдечко, либо чашку и прольет себе на штаны чай или кофе. За обедом неуклюжесть его становится особенно заметной, ибо он

попадает в еще более трудное положение: то он держит нож, вилку и ложку совсем не так, как все остальные, то вдруг начинает есть с ножа, и кажется, что он вот-вот порежет себе язык или губы; то принимается ковырять вилкой в зубах или накладывать себе какое-нибудь блюдо ложкой, много раз побывавшей у него во рту. Разрезая мясо или птицу, он никогда не попадает на сустав, тщетно силясь одолеть ножом кость, разбрызгивает соус на всех вокруг. Он непременно вымажется в супе и жире, хоть салфетка его и просунута концом сквозь петлю камзола и щекочет подбородок. Начав пить, он обязательно раскашляется в стакан и окропит чаем соседей. Помимо всего прочего он поражает всех своими странными манерами: он сопит, гримасничает, ковыряет в носу или сморкается, после чего так внимательно рассматривает носовой платок, что всем становится тошно. Когда руки его ничем не заняты, они ему явно мешают, и он не знает, куда их определить, меж тем они все время пребывают в движении, непрестанно перемещаясь то от колен к груди, то от груди к коленям. Одежду свою он не умеет носить, вообще ничего не умеет делать по-человечески». Конечно, вместе с рядом общеэтических положений и рекомендаций, вводимых в русское общество «Зерцалом», в нем было много типично русского и относящегося конкретно к петровским временам. Государство хотело видеть не просто воспитанного человека, получившего образование и прилично ведущего себя на людях, но прежде всего подданного и служащего. Молодая жизнь – подготовка к службе, а счастье – следствие прилежной службы: «кто служит, так тому и платят, по тому и счастие себе получает». В «Зерцале» подчеркивается требование, чтобы отрок был «во всех службах прилежен» и служил «с охотою и радением», проявляя при этом особое уважение к начальству. Примечательно, что «Зерцало» дает представление о дворянской чести, но категорически требует, чтобы ее защищали не шпагой, а жалобой в судебные инстанции, ибо дворянин должен проливать кровь, только защищая Отечество и государя. Весьма неожиданны разделы, посвященные поведению женщины. У нас сложился устойчивый стереотип представления о поведении допетровской девушки и женщины по модели «Домостроя»: это – запертая в терем, скромная, нередко забитая Несмеяна, рдеющая под взглядами посторонних. Она лишь при Петре вышла в люди, ибо он был подлинным создателем женского общества в России. Но советы «Зерцала» нацелены как раз не на раскрепощение женщины, а на внушение ей большей скромности, стыдливости, воздержания, молчаливости.

В разделе «Девическое целомудрие» девушка, впервые вышедшая в свет, призывается, прежде всего, к скромности поведения.

Она должна вскакивать из-за стола, если «прилучиться сидеть возле грубова невежды, которой ногами не смирно сидит», должна не радоваться, а «досадовать, когда кто оную искушать похочет»; слушая нескромные разговоры, девица не должна смеяться и «тому спомогать», а делать вид, «яко бы она того не разумеет». Наоборот, «непорядочная девица со всяким смеется и разговаривает, бегает по причинным местам и улицам, розиня пазухи, садится к другим молодцам и мужчинам, толкает локтями, а смирно не сидит, но поет блудные песни, веселится и напивается пьяна, скачет по столам и скамьям, дает себя по всем углам таскать и волочить, яко стерва, ибо где нет стыда, там смирение не явится». Надо полагать, что изменения быта и нравов, пришедшие с Петром, оказались весьма по вкусу вчерашней теремной затворнице, так что для следующего поколения петровских девиц приходилось в благородное дело женской эмансипации вводить некоторые ограничения.



Петр I и Екатерина I, катающиеся на шняве по Неве. С гравюры А. Ф. Зубова 1716 г.

Введена была при Петре и новая форма развлечения – ассамблеи, которые, правда, мало походили на времяпрепровождение свободно собравшихся людей, напоминая своеобразную светскую службу. Не случайно указ о создании ассамблей был объявлен обер-полицмейстером 26 ноября 1718 года и начинался с того, что объяснял публике, что это такое: «Ассамблеи – слово французское, котораго на русском языке одним словом выразить невозможно, но обстоятельно сказать: вольное; в котором доме собрание или съезд делается не для только забавы, но и для дела, ибо тут может друг друга видеть и о всякой нужде переговорить, также слышать что где делается, притом же и забава. А каким образом оныя ассамблеи отправлять, то определяется ниже сего пунктом, покамест в обычай войдет». Несмотря на то, что на ассамблеях разрешалось «вольно сидеть, ходить, играть», при этом строго запрещалось, чтобы в том «никто другому прешкодить или унимать, также церемонии делать вставаньем, провожаньем и прочим отнюдь да не дерзает под штрафом „Великого орла“ (то есть обязательным питьем из огромного кубка, после чего человек падал замертво. – *Е.* А.)». Как видим, приучать людей вести себя непринужденно в России можно было только принуждением. Кроме того, генерал-полицмейстер вел учет гостей на ассамблеях, так как их посещение было, по-видимому, обязательным. Говоря о многочисленных переменах в жизни людей петровского времени, не следует забывать, что это были не просто перемены в быту, нравах, одежде, архитектуре. Все это были проявления культурной реформы. Суть ее, как известно, состояла в смене языка культуры, ее кода с отчетливой ориентацией на признанные наилучшими западные образцы. В ходе этой реформы были заложены основания новой инфраструктуры, на которых и смогла развиваться новая культура.

Произошла коренная реорганизация и расширение системы образования: появились массовые и специальные начальные школы, высшие учебные заведения, практиковалась в широких масштабах отправка молодежи для учебы за границу, приглашались зарубежные специалисты, бравшие себе русских учеников. Кроме того, в петровское время возникли предпосылки для развития науки: создавалась Академия наук, действовали первые библиотека и музей, посылались экспедиции с научными целями в отдаленные районы страны. Нельзя забывать и о значительном расширении информационных каналов. Появление газеты, обширная переводная и оригинальная литература – все это, наряду с зарубежными поездками, способствовало усилению потока информации практически по всем аспектам тогдашней европейской действительности. Важно подчеркнуть, что бурное развитие

получило искусство, причем в тех своих сферах, которые были ранее слабо или совсем не развиты в России. Художественный стиль барокко, господствовавший тогда в Европе, с первых лет петровского царствования прочно обосновался и в России, диктуя иерархию эстетических ценностей, определяя моду, формируя вкусы. Новой культуре были характерны открытость и светскость в противовес прежней, хотя и быстро размываемой, конфессиональной замкнутости средневековой православной культуры. В литературе справедливо отмечалось, что культурная реформа Петра была во многом подготовлена предшествующим развитием, в котором проявились те черты, которые стали основными для культуры петровского времени. Речь идет о развитии барокко в литературе и искусстве второй половины XVII века, когда на передний план выходит личностное начало, осознается ценность человека как такового, причем человека деятельного, активного. Усилилась специализация всех видов творчества, происходила постепенная общая секуляризация культуры. Петровские реформы «были подготовлены не только отдельными явлениями XVII века. Они явились закономерным результатом всего развития русской культуры, начавшей переходить от средневекового типа культуры к культуре нового времени».

Велика в этом смысле роль Петра. Отмечая ее, Д. С. Лихачев, в сущности, солидаризируется с М. М. Щербатовым, считавшим, что русское общество без Петра опоздало бы в своем развитии лет на двести: «Исторические процессы без выдающихся исторических личностей не изменили бы своего направления, но были бы сильно замедлены; при этом замедлен был бы процесс перехода русской культуры от средневекового типа к типу культуры нового времени». Действительно, государственные личности, точнее – персонифицированное в них государство, оказывали огромное влияние на русскую культуру нового, да и новейшего, времени. Государство во главе с Петром перенесло на русскую почву многие западноевропейские институты культуры, финансируя и поощряя развитие тех сфер, которые казались тогда наиболее важными и нужными. В условиях России конца XVII – начала XVIII века организующая роль государства в культуре была во многом неизбежна и необходима, ибо при отсутствии источников финансирования культуры, кадров, мировоззренческих традиций отношения к науке как к самостоятельной ценности, иной, кроме государственного, путь освоения новых идей европейской развитой культуры времен Просвещения мог бы затянуться до бесконечности, обрекая Россию на отставание в постижении общечеловеческих ценностей. Вместе с тем, покровительствуя культуре, выступая в роли мецената, государство властно диктовало ей

условия существования, пропитывало ее поры тем неистребимым бюрократическим духом, который делал труд писателя, художника, актера разновидностью службы, обеспечиваемой жалованьем. Именно поэтому выдающиеся деятели культуры XVIII века трудились в составе различных «команд», «канцелярий», входили в Академии наук и искусств, а не включенные в эти системы чувствовали себя обиженными, подобно А. П. Сумарокову, жаждавшему членства в Академии наук больше, чем вечной посмертной славы первого российского пиита. Реформа Петра привела к тому, что преобразованная культура стала отчетливо государственной, выполняя, подобно другим реформированным структурам того времени, определенные государственные функции по обслуживанию потребностей власти самодержца. Естественно, что через комплекс культурных ценностей и стереотипов государство оказывало мощное воздействие на реальную жизнь людей, чьи привычки, стиль жизни нивелировались, унифицировались, подчиняя государственному началу.

Конечно, отчетливей всего эта унификация, пронизанная полицейским духом, проявлялась в городах, особенно в Петербурге. Именно в Петербурге и была впервые создана Полицмейстерская канцелярия, которую следует считать первым чисто функциональным полицейским ведомством. Во главе ее был поставлен генерал-полицмейстер. В обязанности канцелярии входило «рождать добрые порядки», а «непотребное житие отгонять». Расшифровка этих общих положений показывает, что обязанности полиции были весьма обширными. Правильность застройки, пожарная безопасность, чистота на улицах, режим торговли – это далеко не полный список обязанностей Полицмейстерской канцелярии. Главным было наблюдение за жителями. Для этого канцелярия организовывала ночные дозоры из мещан, объединенных в десятки, полусотни, сотни, строго следила за тем, чтобы «в ночи в неуказные часы никто не ходили, кроме знатных персон, и огни в домах тушили, и никакого питья и товаров не продавали», чтобы все дружно ходили на пожар в соответствии со специальным регламентом и т. д. Указом от 18 июня 1718 года предписывалось: «для лучших порядков каждому жителю, чтоб они в Канцелярии полицмейстерских дел подавали ведомости за руками о тех людях, которые у них будут стоять и отъезжать, и кто примет в работу, или в службу или ночевать, и чтоб таких без свидетельств никого не принимать и без добрых по нем порук». Нарушающие этот указ могли жестоко поплатиться: «будут биты кнутом и сосланы на каторгу, а движимое и недвижимое их имение будет взято на государя».

Два дня спустя – 20 июня – в дополнение к этим полицейско-пропускным мерам был объявлен еще один полицейский указ о том, чтобы «всех гулящих и слоняющихся людей, особливо которые под видом, аки бы чем торговали, и которые будут по улицам пьяные кричать и песни петь, и ночью ходить, и не в указные часы шататься: таких хватать, понеже в том числе бывает много беглых солдат и матросов и прочих воров, которые себе квартир не имеют, от которых бывают воровство и смертельное убийство, а больше живут на кабаках и в торговых банях, на рынках, и в харчевнях и в вольных домах». После Петербурга Полицмейстерская канцелярия была организована в Москве, а потом и в других городах.

Однако полицмейстерским канцеляриям была бы явно не под силу роль «фундаментальной подпоры человеческой безопасности и удобности» во всей огромной стране. Силой, могущей навести порядок в государстве, могла стать только армия, которая расселялась по всем губерниям и уездам. Она и стала впервые в истории выполнять на местах полицейские функции. Это естественно вытекало из той важной социальной роли, которую придал Петр армии в новой системе управления после войны. Конечно, было бы преувеличением утверждать, что армия размещалась в уездах специально для осуществления полицейского надзора, но мы не погрешим против истины, если скажем, что эта цель была не последней в расчетах царя-реформатора, думавшего в конце Северной войны о том, как наиболее рационально разместить армию. Предпосылкой создания общегосударственной системы полицейского надзора и в то же время необходимым условием ее повсеместного внедрения явилась податная реформа 1719—1724 годов. Государство было заинтересовано в том, чтобы население исправно платило подушную подать. Но еще больше была в этом заинтересована армия, поскольку подушный налог шел непосредственно на ее содержание. В обязанности полковника, зафиксированные «Плакатом» и «Инструкцией полковнику», входило наблюдение за полнотой и быстротой сбора подушных денег земскими комиссарами, он следил также за правильностью распределения и расходования собранных в уезде денег на нужды своего полка. Тем самым командир полка и его подчиненные участвовали во всех этапах работы финансово-податного аппарата. Создавая этот военно-фискальный механизм, Петр резонно полагал, что поскольку деньги, собираемые на нужды конкретного полка, будут поступать от сборов с крестьян, живших в местах дислокации полка, то новые «военно-полевые» сборщики налогов станут особенно усердно наблюдать за сбором денег и помогать в этом земским комиссарам, ибо начинал действовать

закон своеобразного «фискального хозрасчета»: сколько военные собирали денег в уезде – столько и получали в виде жалованья. Но, передавая армии функции типично гражданских финансовых органов, Петр этим не ограничился. Фискальные обязанности полковника были лишь одним из аспектов его главной обязанности – «наблюдать земскую полицию», или, проще говоря, исполнять полицейские функции. Именно полицейским функциям военных в уездах уделяют особое внимание «Плакат» и «Инструкция полковнику». Полковник признавался главой земской полиции в уезде. Он был обязан наблюдать за характером взаимоотношений армии и населения, пресекая возможные нарушения и злоупотребления. «Плакат» признавал безусловную незыблемость помещичьей собственности и запрещал военным вмешиваться в дела поместий. Армейским чинам предписывалось «ни в какия, как помещицкия, так и крестьянския, владенья, и в них управления и работы штаб-, обер-, унтер-офицерам, и рядовым не вступать и помешательства отнюдь не чинить». Впрочем, констатацией этого положения, а также указанием, как и где пасти полковых лошадей, заготавливать для войск дрова, содержать скот и птицу, и ограничивалась регламентация взаимоотношений армии и гражданских лиц. Во всех других случаях население предупреждалось: «Ежели от офицеров и от рядовых, и от неслужащих будут чиниться какие кому обиды – и тем бить челом полковнику и офицерам, о чем им указ дан, чтоб надлежащую управу чинили». Таким образом, проблема непростых взаимоотношений армии и населения решалась самими же армейскими командирами, что означало резкое усиление полицейской власти военных в жизни русского общества. Другой важной полицейской функцией армии было искоренение вооруженной рукой всякого «разбоя», включая случаи сопротивления крепостных крестьян помещикам и местным властям. «Плакат» предписывал строгую ответственность полкового командира, наблюдавшего за тем, чтобы в «его» и в соседних дистриктах не было разбойников, а также обязанность населения под страхом «жестокого наказания» и ссылки «на каторгу вечно» доносить полковнику, обязанному, также под страхом жестокого наказания, немедленно вылавливать таких разбойников. Последние положения были внесены в закон по прямому указанию Петра, постановившему при слушании проекта «Плаката»: «В Плакате под пунктом о искореним воров и разбойников ежели кто, уведав таких воров, не донесет или в поимке не будет вспомогать, то конечно тем людем учинено будет по государственным правам, безо всякого милосердия, тако вписать имянно». Постепенно создавалась целостная полицейская система, в основе которой лежали принципы посто-

янного контроля населения, разнообразные ограничения, применяемые не только к крепостным, но ко всем подданным. О социальных ограничениях речь шла в главе «Произведение подданного всероссийского народа», здесь же рассмотрим ограничения в передвижении по стране. «Плакат», как и особый указ «О должности полковника по наблюдению земской полиции в уездах», предписывал прежде всего бороться с бегством крестьян. В «Плакате», где был отдельный параграф «Об удержании крестьян от побегу», обязанности полковника были сформулированы так «Полковнику ж и офицерам велено смотреть того, чтоб ис крестьян, которые на тот полк написаны, нихто не бегал, а ежели проведают, что к побегу будут збираться, тех от того удерживать. А которые побегут, за теми гнать в погоню и ловить. И как пойманных, так и удержанных велеть помещикам наказывать». Важной особенностью норм «Плаката» и указов было то, что в них уделялось внимание не столько поимке и возвращению беглых, сколько пресечению бегства в зародыше. Этого можно было достигнуть лишь тщательным, неусыпным наблюдением за населением, «профилактикой» с помощью поощрения доносов о замысленных побегах. При обсуждении «Плаката» в Сенате 14 ноября 1723 года была высказана даже такая ясная, недвусмысленная идея повсеместного надзора: «…написать в плакаты, чтоб помещики в деревнях своих смотрели на крестьяны, а крестьяны друг за другом, что ежели кто откуды станет збиратца бежать, а они проведают, то о таких объявлять в городах и их задерживать, а ежели откуды от которого помещика сколько человек збежит, то бы были о том сведомы, что подушных денег за оных беглых с них збавлено не будет».

В переработанном виде эта мысль попала в «Плакат», причем в новой редакции подчеркивалось, что помещики должны присматривать не только за своими крестьянами, но и за соседскими: «Также помещикам и прочим владельцам объявляется, чтоб они для удержания крестьян от побегов имели такое смотрение, ежели кто не токмо о своих, но хотя и о посторонних крестьянах о намерении их к побегу уведают, те б о том немедленно сказывали владельцам их, будет же до того время не допустит, то, собравшись, ловить и посторонним». Одновременно строжайшим образом запрещалось принимать беглых крестьян в тех уездах, где они не были учтены к платежам. Полицейские функции государства в социальной сфере особенно отчетливо проявились при решении вопроса о так называемых «вольных и гулящих». Как известно, законодательство XVII века признавало существование «вольных и гулящих», которыми, согласно Уложению 1649 года, считались те, кто находился вне трех, отчасти дублирующих друг

друга, общественных состояний (служилого, крепостного и тяглого). В Уложении говорится, что они – «вольные люди» – «не служилых отцов дети, в государевой службе и в тягле нигде, и в холопех, во крестьянех, и в бобылях ни у кого не бывали». Наличие «вольных и гулящих» людей, из числа которых вербовались служилые, холопы, работные, составляло ту характерную особенность русского средневекового общества, которая стала немыслима при строительстве петровского «регулярного» государства.

Примечательно, что при обсуждении в Палате по составлению Уложения 1700 года статьи о приеме «вольных» людей в крестьяне и бобыли было решено: «Сию статью отставить… для того, что после первого Уложения (1649 года. – *Е.* А.) вольных опричь церковников, никого нет». После церковной и податной реформы даже о церковниках этого сказать было нельзя, ибо, проводя преобразования, Петр тщательно смотрел, чтобы никто не «избыл» службы, тягла, не оказался без дела. Все усилия законодательства и практики были нацелены на то, чтобы раз и навсегда покончить с сословной, социальной неопределенностью, бестяглостью и неслужением. Если уж согласно петровскому указу 1722 года каждая монашка должна была выучиться прядению или рукоделию «от времени получения о сем указа в два или три месяца без отлагательства», а согласно другому указу все сельские и городские дураки, а «также слепые, и весьма увечные, и дряхлые» должны были платить подушную подать (хотя, как отмечалось в указе, «конечно, действия и пропитания не имеют»), то понятно, что участь «вольных и гулящих» была предрешена.

Категории «вольных» не было места в сословной структуре петровского государства. Их стали попросту приравнивать к беглым, уголовным элементам и в соответствии с этим преследовать. Особенно последовательно принцип такой политики реализовывался в ходе податной реформы. Все подданные должны были быть включены либо в службу, либо в тягло, а кто был негоден к службе и тяглу – определялся в богадельню, «только чтоб… без дела и в гуляках не были». Так писалось в указе об освидетельствовании мелких служилых людей. Принцип этот действовал и применительно к другим сословиям. Так, в указе о пересмотре штатов подьячих по всей стране отмечалось, что не попавшие в штаты канцелярий служащие должны быть причислены в оклад и выбрать себе любое занятие, «токмо б безокладны и втуне в гуляках не осталось». Негодным к службе и отставным солдатам также было предписано, «чтоб никто из них в гуляках не был, а определяли в другие службы или к кому в дворовое услужение». Подобным же образом решалась и судьба «нештатных» церковников, бывших холопов.

Меры по борьбе с «вольными» были распространены и на нищих. 6 апреля 1722 года Петр «изволил разсуждать, дабы учинить нищих во всех местах ловить, а кто их будет держать или оные х кому пристанут, с таких имать штраф». В опубликованном после этого «разсуждения» указе говорилось: «Смотреть накрепко, дабы по прежним указам бродящих нищих не было. А ежели где таковые явятся, и таких ловить и приводить в Полицмейстерскую канцелярию, а из оной молодых на урочные годы употреблять к казенным работам, а старых – отсылать для определения в гошпиталь, в Синод, а к кому оные пристают, и с таковых имать штраф». По этому и другим указам производились массовые облавы на «юродивых», «дураков», «сирых и убогих», нищих и им подобных, как бы сейчас сказали «бомжей» – стыдливый эвфемизм старинного термина «бродяга». Например, в январе 1724 года проводивший ревизию душ в Нижнем Новгороде поручик Тимофеев докладывал начальству, что им с нижегородского кружечного двора (то есть из кабака) взяты «голые, которые допросами показали, что они в поголовных скасках нигде не написаны», и их разослали «на прежние жилища» для определения в оклад или в богадельню. Речь идет о пьяницах-забулдыгах, пропивших все до нитки и живших до теплой погоды в кабаках, благо они практически не закрывались.

Поручик Тимофеев действовал согласно правительственным решениям о ликвидации нищенства и бродяжничества. 3 июня 1724 года был подготовлен указ о грандиозной полицейской акции по учету и переписи нищих всей страны. Акцию предполагалось провести в один день – 1 октября – во всех местах, «где есть старые, больные и увечные нищие и сироты, как мужеска, так и женска полу, которые были в богадельнях и в гошпиталях, и сверх тех, которые явятся такие ж больные и увечные, которые работами пропитать себя не могут, а ни к кому не приписаны, и в подушной оклад не положены». А чтобы эта акция не стала заранее известна в народе, до 1 октября вскрывать конверт с указом губернаторам и воеводам категорически запрещалось, а по вскрытии «переписывать бы начали все вдруг того ж дня, как распечатают». Государство, как видим, успешно исполняло предписание регламента Главного магистрата: «полиция… призирает нищих, бедных, больных, увечных и прочих неимущих, защищает вдовиц, сирых и чужестранных по заповедям Божиим».

В целом «вольные и гулящие» рассматривались как инородное тело в общественном организме, представляющее социальную опасность. При освидетельствовании церковников от ревизоров требовалось «всемерно смотреть, чтоб из них гулящих и подлогом отнюдь нигде не было… Понеже от таковых, которые шатаются

без служеб государственной пользы надеятися немочно, но токмо умножается воровство». Здесь и заключено то главное, ради чего был устроен «перебор людишек» при Петре, – приложить к каждому человеку критерий государственной пользы и в соответствии с ним оценивать человека, меняя при необходимости его статус.

Борьба с «вольными и гулящими» стала частью целой системы борьбы с бегством. Естественно, что эта борьба имела давние традиции еще в допетровский период. Но мы опять не можем не отметить многих количественных и качественных перемен, происшедших в ходе реформ и в связи с ними. Суть перемен состояла не только в усилении практических мер по борьбе с побегами, но в изменении подхода законодателя к оценке этого распространенного социального явления. Как писала Е. И. Заозерская, «под бегством стали подразумевать вообще уход без разрешения всех тех, кто находился в тягле или крепостной зависимости, а в таком положении была вся масса крестьянства и посадского населения, особенно со времени введения подушного обложения. Так как подобный уход, по мере его роста, задевал фискальные интересы феодального государства и интересы господствующего класса, он все более инкриминировался, что и выражалось самим названием „бегство“, „беглый“, то есть нарушитель порядка. Сами же виновные лица обычно называли акт ухода словами „сшол“, „сошел“, „ушел“». Как отмечает исследователь, эти термины как бы подчеркивали момент передвижения крестьянина без того одиозного характера, которое придавалось термину «беглый», «бежал» и т. д.

Столь расширительное толкование бегства отражало новое направление политики, ставшее преобладающим во времена оформления «регулярного» государства Петра, точнее – с начала податной реформы, подушной переписи и ревизии, использованных, как мы видели, для наведения нового социального порядка в стране, в том числе и для борьбы с бегством.

Здесь выделим самый важный момент. В XVII – начале XVIII века борьба с бегством велась с помощью отправки в места расселения беглых специальных экспедиций так называемых «сыщиков» (вспомним, с чего началось восстание Булавина), которые, прибыв в определенный район, вылавливали беглых, преимущественно владельческих, крестьян и отправляли их на прежнее место жительства. Подчас сами владельцы беглых крестьян были вынуждены заниматься сыском и, найдя, подавать властям челобитные с требованием содействовать возвращению беглых. В годы Северной войны правительство не имело возможности уделять этому много внимания. Кроме того, потребность в рабочих

руках на заводах, стройках, в армии и на флоте приводила к тому, что власти смотрели на бегство сквозь пальцы. Тем выразительнее кажутся перемены в политике правительства Петра начиная с 1721 года, когда был издан ряд законов, ужесточивших борьбу с бегством по сравнению с предшествующим периодом. Особенно важен закон от 1 февраля 1721 года, разработанный при активном участии самого царя. Им устанавливался четкий срок для вывоза всех беглых: полтора года с момента опубликования указа. Был резко расширен контингент тех, кого считали беглыми, – к их числу были отнесены зятья беглых, даже если сами по себе они ниоткуда не бежали и жили отдельно от тестя. Этой нормы, кстати, не знало право XVII века. Указ вдвое увеличивал штраф за невывоз беглых в срок и вводил телесные наказания и ссылку на галеры старост и приказчиков, виновных в утайке беглых.

Еще более суровые наказания ожидали помещиков, рискнувших принять беглых уже после публикации указа. Стремясь жестокими мерами создать невыносимые условия для держания беглых, закон поощрял приказчиков и старост доносить на своих помещиков, если они вынуждали своих людей принять беглых в деревни. Донос приводил к тому, что все деревни такого помещика следовало отписывать «безповоротно, а доносителям за правое их доношение чинить награждение, а именно свободу и из тех описных деревень давать четвертую часть». Так, донеся «куда следует» на своего господина, можно было получить не только свободу, но и стать помещиком. Указ от 1 февраля 1721 года и дополнивший его указ от 6 апреля 1722 года стали юридическим основанием для начала беспрецедентной кампании по ловле и вывозу беглых. Этим занялись военные ревизоры, осуществлявшие тогда ревизию душ мужского пола для «положения» их в оклад подушной подати. Все беглые были обязаны отправиться на прежнее место жительства, где их записывали в налоговые кадастры. Примечательной особенностью нового тотального по своим масштабам действа в рамках всей страны с использованием армии было то, что вывоз беглых осуществлялся силами держателей беглых, обязанных привезти расписку владельца беглого о его точной доставке по адресу; а также то, что перед этим все беглые допрашивались, нередко под пыткой, в военных канцеляриях свидетельства душ. Тщательность проводимого ревизорами в каждом имении, уезде свидетельства, допросы, очные ставки и пытки при первом подозрении в даче ложных показаний, угроза выплаты огромных штрафов за держание беглых, опасения доноса, конфискации имущества – все это накаляло обстановку на местах, делало ее нетерпимой как для самих беглых, так и для их держателей. Поэтому в 1722—1725 годах канцелярии свидетель-

ства душ были буквально завалены делами о беглых, которых тысячами приводили туда их держатели. Получила распространение добровольная «явка собой» беглых в канцелярии. Причиной этого было то, что держатели беглых, напуганные указами, волокитой оформления дел о беглых и не желавшие заниматься отвозом живших у них беглых, попросту говоря, «выбивали» беглецов из имения, предоставляя их самим себе.

Обобщая подобные многочисленные случаи, ревизор Смоленской губернии А. Н. Вельяминов писал в Сенат: «Из дворцовых и монастырских вотчин управители и вотчинники беглых людей и крестьян на прежние жилища не отвозят, но высылают их ис тех вотчин вон, обобрав всякие их пожитки и хлеб, и те высланные в прежние свои жилища не идут, а идут в украинные города». Ревизор Алатырской провинции писал, что «выбитые» крестьяне, «бродя по разным местам, являются в канцелярии у нас».

Среди пришедших в канцелярии было немало сирот, детей, не знавших ни своих родителей, ни мест, откуда их привели. Вот типичный допрос такого беглого: «Роспрос явившегося собою человека Михайла, а чей сын, того сказать не ведает, то ради, что де отца своего и матери не помнит, и где воспитан, того де помятует же, а в памяти де своей, как стал памятовать, ни у кого жительства не имел, ходил в мире… отроду ему 8 лет».

Но среди сдававшихся властям было немало взрослых, семейных крестьян. Почему они сами шли в канцелярии? Не следует упрощать проблему бегства. Не каждый крестьянин, зачастую обремененный семьей, мог бежать на Дон или за границу. Не каждый туда и хотел, хотя именно в это время резко возрос поток беглых в Польшу. Как известно, огромное число беглых оседало во внутренних районах страны на дворцовых, церковных, помещичьих и государственных землях. Здесь беглые обзаводились семьями, родней, обстраивались, тянули тягло «в равенстве» с местными крестьянами – одним словом, «прирастали» к новым местам. Новые законы наиболее болезненно ударили не по бродягам, скитавшимся с места на место, а именно по таким крестьянам, реализовавшим, вопреки закону, свое человеческое право на выбор места жительства на земле, стремившимся жить «без всяких государственных поборов и помещичьих оброков, вольно». Для тысяч, десятков тысяч таких крестьян своз к прежнему владельцу был настоящим бедствием.

Было это бедствием и для страны. Даже ревизоры видели это. Один из них, Ф. Чекин, сообщал, что совершенно бессмысленно вывозить с черносошных земель черносошных же беглых крестьян в прежние места жительства, ибо там, «в прежних местах, откуда они вышли, дворов и пристанища никакого нет и завесть

им как дворовым строением и пашнею вскорости будет невозможно». В 1723 году было решено государственных, дворцовых крестьян, перешедших на другие государственные и дворцовые земли, не высылать. Никакого послабления не делалось помещичьим крестьянам. Власти особенно строго следили за их вывозом прежним владельцам согласно букве закона. Правда, в 1723 году было сделано одно «послабление»: Петр предписал не выселять живших на дворцовых землях крепостных крестьян, если ими были заселены целые села или они составляли не менее трети их населения. В этом случае крестьяне не освобождались от помещика, а, наоборот, помещик получал во владение такое село вместе с освоенными беглыми крестьянами землями. Несомненно, решение царя, стоявшего на страже существующего социального порядка, могло только приветствоваться помещиками, получавшими таким образом новые владения.

Конечно, не все крестьяне покорно шли в канцелярию. В докладах ревизоров часто встречается фраза: крестьяне, «убоясь, день или два спустя, бежали неведомо куда», деревни оказывались «за безвесным крестьян побегам… пусты», «беглые у них бежали с дороги незнаемо куда».

Многие уходили на Дон. Ревизор Азовской губернии А. Мякинин, обнаружив пустые села, предполагал, что крестьяне ушли на Дон, ибо, «кроме Дона… уйти некуда, ибо вольности такой во Всероссийском государстве, кроме оных мест, нигде нет». Любопытное признание! Сведения Мякинина подтверждаются многими другими источниками. В 1723 году помещики жаловались, что в верховьях Хопра поселилось «много набродного народа, с 5 тысяч человек, и живут в горах, и в земляных избах, и в лачугах». Объединившись «великим собранием» до 200 человек, они ходят по уездам «и дома многих помещиков разбивают, и села и деревни разоряют, и пожигаюти самих помещиков, и жен их, и детей мучительски пытают, и огнем жгут, и ругательским смертям предают». Следствием массового полицейского мероприятия стал рост побегов за границу – преимущественно в Польшу. В 1724 году Сенат получил известие, что пограничная стража не может удержать беглецов и на заставы «приходят беглецы, собравшиеся многолюдством, с ружьем и с рогатины и с драгунами держат бой, яко бы неприятели». Сенат предписывал Военной коллегии усилить заградительные кордоны армейскими частями и, «буде которые беглецы учнут проходить насильно, и по таким злодеев стрелять из ружья». Одно время в Сенате обсуждалась проблема размещения всей армии вдоль границы, с тем чтобы создать мощный заслон на пути крестьян, уходивших в Польшу.

Грандиозный всероссийский сыск беглых не являлся прихотью Петра. Это была продуманная, выверенная акция, рассчитанная, наряду со многими, уже упомянутыми, на то, чтобы заложить основы того социального порядка, который соответствовал бы общей концепции полицейского государства. Законы о беглых, реализованные в ходе проверки наличного населения, положенного в подушный оклад, не были временными. Они создавали юридическое основание для борьбы со всеми видами несанкционированного передвижения по стране. Законы о преследовании беглых, иначе говоря о запрещении покидать место жительства, ставшее и местом платежа подушного налога, распространялись не только на помещичьих крестьян, но и на все население, включенное в подушный оклад. То, что законы о бегстве усиливали в стране полицейский контроль населения, сомнений не вызывает. В упомянутом указе о бегстве от 6 апреля 1722 года предписывалось возвращать всех беглых с уплатой штрафа за прожитые в бегах годы – так называемое «пожилое», кроме тех крестьян, которых «отпускали в пастухи или в прочия работы из найма, а не побегом». Дальше отмечалось: «А впредь с сего указа, таковым как вотчинникам, так священникам и прикащикам, и старостам давать письма за своими руками, для какой работы оной отпущен или просто для работ, от чего б мог кормиться, тут же именно написать, чтоб по миру нищим не ходить, понеже о нищих, увеченных указ есть, а здоровых, когда поимают, велено в каторжную работу с наказанием отсылать, ибо в таковых много воров бывает, и чють не все, а без таких писем отнюдь по прежним указам не принимать». Указ со слов «для какой работы…» и до конца написан самим Петром и прекрасно характеризует присущий ему строй мыслей.

Идея Петра о паспортах – пропускных документах, без которых не мог двинуться с места человек, была последовательно проведена в уже упомянутом «Плакате» 1724 года, определявшем характер отношений армии с населением. Приходится повторяться, но, как и во многих других случаях, паспорта не были изобретением Петра. Еще в XVII веке существовала практика выдачи крестьянам, выходившим на заработки, специальных «кормежных памятей». Однако ни в XVII веке, ни даже в течение Северной войны не существовало строгого паспортного порядка, появившегося после введения законов о бегстве и с началом размещения армии. Введение подушного обложения, построенного на учете всего мужского населения страны, стало его основой, а усиление общих начал полицейского порядка в стране сделало строгий паспортный режим реальностью.

Накануне введения паспортов царю был подан проект, автор которого нам неизвестен. Он приветствовал податную реформу и считал, что введением подушной подати следует воспользоваться для усиления контроля населения с помощью системы пропусков-паспортов. По мнению автора проекта, вообще нельзя разрешать разъезды по стране всем желающим. Паспорта, которые прожектер называет «ерлыками за гербом», нужно выдавать не более четверти учтенного переписью населения. Доверенные люди помещика должны были получать у ландрата положенное на данную вотчину количество «ерлыков»-паспортов и с большой осмотрительностью раздавать желающим выйти на заработки. «Ерлык» был бы действителен лишь в течение пяти лет, и без него крестьянин считался бы беглым.

Автор проекта видел систему «ерлыков»-паспортов всеобщей, охватывающей все категории населения. Так, купцы должны были иметь «ерлыки» с указанием маршрута их движения и перечнем товаров, которые они везли с собой. «Також, – пишет автор, – и всяких чинов людем давать подорожные за таковыми гербами, в чем больши вси в верности сим могут утвержиться и за сроки в отпусках своих жить нигде не станут, по коим всяк везде тем изобличен будет». От введения паспортов «воровство многих пресечется и удержание крепкое… потому, что нихто пристанища без ерлыка сыскать себе не может». Власти должны поощрять деньгами тех, кто задерживал бы идущих без «ерлыков» людей. Система «ерлыков» предусматривала установление порядка постоянной проверки паспортов у всех проезжающих, и благодаря этому «управители» могли сразу задерживать всех подозрительных. Полицейский энтузиазм неизвестного нам автора поистине не знал пределов. Он изобрел сложную, изощренную систему надзора за подданными. Каждый вернувшийся из поездки должен был в обязательном порядке представить письмо, данное в канцелярии того города, где он находился согласно паспорту. В этом письме должно было быть подтверждение, «что был он тама, а не в других местах, от чего верно о себе всяк будет знатен». Введение таких своеобразных командировочных удостоверений, хорошо знакомых читателю, должно было укрепить порядок, способствовать «прибытку государственному».

Вряд ли стоило так подробно останавливаться на проекте неизвестного фанатика полицейского режима, если бы его идеи не были во многом воплощены в жизнь в «Плакате» 1724 года и в других постановлениях тех времен. В частности, «Плакат» предписывал: «Каждому крестьянину в своем уезде работою кормиться позволяется, с письменными отпусками за руками помещиков своих, в небытность помещика за руками прикащиков их и при-

ходскаго священника; токмо с такими отпусками в другие уезды и больше тридцати верст от двора не ходить и никому их в работу не принимать; а кто примет, и держать будет больше тридцати верст, тот равно как за беглаго штрафован будет».

Тому, кто хотел отправиться в другой уезд, помещик и священник прихода должны были дать пропуск к земскому комиссару, который был обязан внести данные о таком крестьянине в особую книгу и выдать ему «пропускное письмо от себя за рукою своею, и за рукою ж, и за печатью полковника, котораго полк в том уезде имеет вечную квартиру», тщательно следя, чтобы пропуск («отпуск») помещика и приходского попа был подлинным.

За получение паспорта установленной формы крестьянин платил две копейки. Зная «гуманные» обычаи местных и иных властей, авторы предупреждали: «больше того отнюдь ничего не требовать и больше ж двух дней, под жестоким наказаньем, крестьян не задерживать». В пропускных письмах строго оговаривался срок (не свыше трех лет), на который выходил крестьянин и свыше которого его запрещалось держать в местах работы. Категорически запрещалось выдавать «письма»-пропуска на крестьянские семьи, и власти предупреждались: «хотя б которой крестьянин такое письмо и явил, тем не верить, и как на заставах, так и на ночлегах их ловить, и отсылать в прежние места к помещикам за провожатыми». Было немало и других мелких бюрократических крючков и крючочков, которыми можно было пользоваться, чтобы затруднить свободу выхода на заработки. Кроме того, во время работы на стороне отходнику запрещалось жениться.

Введение паспортов в 1724—1725 годах привело к тому, что теперь власти могли контролировать передвижение населения, ограничивая его во временных и пространственных рамках, что почти тотчас сказалось на экономике, – уже упоминалось, что многие мануфактуристы в начале 20-х годов стали испытывать трудности с вольнонаемной силой, что было в немалой степени связано и с введением паспортного режима. Летом 1725 года строитель Ладожского канала Б. Х. Миних сообщал, что на возведение канала не хватает рабочих рук и подчиненные ему офицеры «видели во многих местах задержанных вольных работных людей», не имеющих при себе «действительных пашпортов», которых местные власти, «бив батожьем, отсылали в прежние их жилища».

Естественно, что там, где что-то ужесточалось, люди стремились найти незаконный выход, обмануть. Одним из способов обойти закон стало изготовление фальшивых паспортов. Чтобы этого не допустить, власти пошли на контрмеру – ввели печатные

паспорта. Их должны были выдавать не земские комиссары, а воеводские и губернские правления. Тотчас возникла новая проблема: как писали в Сенат чиновники с мест, «ежели обширный уезд, например Московский, Новгородский и Нижегородский и иные многие тому подобныя, ис такова уезду не свободны в другой уезд в наймах ехать или для работы итти, покамест не получат от воеводы пашпорта, а к воеводе в город итти верст по сту и по двести, то он прежде, нежели работою своею на оплату податей что достанет, последнее свое дорогою исхарчит». Иначе говоря, чтобы выйти на заработок на расстояние в сорок верст, нужно было прошагать за паспортом двести! А уж другая российская черта – волокита, когда крестьяне-просители неделями «в городах за пашпортами волочатся», нам хорошо известна.

Исполнительность, дисциплина – вот что прежде всего требовалось от подданных. Было создано немало способов и институтов, которые позволяли властям контролировать исполнение предписанного. Как уже отмечалось, полиция отнюдь не была только учреждением, конторой. Она предполагала особое общественное поведение, особый склад мышления. Закономерно, что при Петре мы застаем развитой институт доноса, подлинную культуру доносительства. Разумеется, донос появился не с Петром. Исследователи относят появление правовых норм о доносах («изветах») ко времени укрепления Московского государства, когда великие московские князья, стремясь закрепить переходивших к ним служилых людей, включали в «укрепленные грамоты» (крестоцеловальные записи) положения не только о верности вассала своему новому сюзерену, но и о его обязанности доносить о замыслах против него: «…где какого лиходея государя своего взведаю или услышу, и мне то сказати своему государю великому князю безо всякие хитрости по сей укрепленной грамоте». Подобные договоры личной службы впоследствии сменились публично-правовыми записями на служилую верность, в которые вошли и положения об «извете». Соборное уложение 1649 года включило уже традиционную норму о доносе, дополнив ее нормой о наказании за недонесение: «А будет кто, сведав или услыша на Царьское величество в каких людех скоп и заговор или иной какой злой умысел, а государю, и его государевым боярам и ближним людем, и в городех воеводам и приказным людем про то не известит… и его за то казнит смертию безо веяния пощады». Особенностью действия закона о недонесении было то, что обязанность политического доноса лежала и на всех родственниках изменника. Именно этим и был страшен самовольный выезд за границу – родственники становились заложниками и считались соучастниками побега, рассматриваемого однозначно как государственная

измена. Уложение предписывало: «А жены будут и дети таких изменников про ту их измену ведали, и их по тому же казнить смертию». И далее: «А будет кто изменит, а после его в Московском государьстве останутся отец или мать, или братья родные или неродные, или дядья, или иной кто его роду, а жил он с ними вместе, и животы, и вотчины у них были вопче – и про такова изменника сыскивати всякими сыски накрепко, отец и мати, и род его про ту измену ведали ли. Да будет сыщется до пряма, что они про измену ведали, и их казнити смертию же, и вотчины, и поместья их, и животы взяты на государя».

Григорий Котошихин – подьячий времен Алексея Михайловича, бежавший за границу, – писал в своем сочинении о России, что родственников бежавшего пытают, «для чего он послал в ыное государство, не напроваживаючи ль каких воинских людей на Московское государство, хотя государством завладети, или для какого иного воровского умышления по чьему научению». Как мы знаем, у следователей было много способов «сыскать допряма» об измене. Другой примечательной чертой закона об «извете»-доносе было то, что он распространялся исключительно на политические (государственные) преступления, среди которых фигурировали: «скоп и заговор или какой иной злой умысел» против царя, покушение на его здоровье, а также измена. Вот здесь-то и начинается существенное различие традиций древнерусского права и права петровской поры. Прежде всего, Петр резко раздвинул рамки преступлений, называемых государственными и подлежащих действию законов о доносе и недоносительстве. Помимо уже упомянутых традиционных государственных преступлений (умысел на здоровье государя, бунт-возмущение и измена) к их числу было отнесено «похищение его царского величества казны», то есть казнокрадство. В 1723 году Петр разработал проект указа о разделении всех преступлений на «государственные» и «партикулярные». Такое разделение должно было стать основой нового Уложения, которое разрабатывали с 1720 года. В указе Петра Сенату отмечалось: «В Уложенье зделать надвое: одно государственное преступление, другое – партикулярное». К числу государственных преступлений были отнесены все преступления чиновников по должности, поэтому должностной преступник, «яко нарушитель государственных праф и своей должности», подлежал смертной казни. Выше уже приводились объяснения Петра по этому поводу должностные преступления разоряют государство хуже измены. Кроме преступлений по должности к государственным преступлениям было отнесено и немало других, о которых подданные были обязаны доносить, как о государственной измене или готовящемся бунте. К преступлениям, подлежа-

щим доносам, стали относить утайку душ от переписи, сокрытие беглых крестьян, рубку заповедных лесов, неявку на смотр и службу, принадлежность к расколу и проповедь учения раскольников. Вообще при Петре явно наметилась тенденция подводить под государственные преступления всякие совершаемые вопреки государственным законам поступки. В законодательстве возник обобщенный тип врага царя и отечества – «преслушник указов и положенных законов». Кто бы он ни был – сановник или холоп, солдат или сын царя, – его участь должна решаться однозначно. 24 апреля 1713 года Петр распорядился: «Сказать во всем государстве (дабы неведением нихто не отговаривался), что все преступники и повредители интересов государственных с вымыслу, кроме простоты какой, таких без всякия пощады казнить смертию, деревни и животы брать, а ежели хто пощадит, тот сам тою казнию казнен будет». Именно в этом указе было впервые сказано о необходимости пересмотра состава государственных преступлений: «И для того надобно изъяснить именно интересы государственныя, для выразумления людей».

Кроме увеличения числа государственных преступлений, которые подпадали под действие законов о доносительстве и ответственности за недонесение, Петр активно и небезуспешно способствовал распространению массовой практики доносов, что как раз и позволяет говорить о расцвете культуры доносительства. Это достигалось различными способами. Первым, и самым важным, следует признать создание государственной системы доносительства в лице специальных государственных чиновников – фискалов, обязанность которых, согласно указу от 5 марта 1711 года, состояла в том, чтобы «над всеми делами тайно надсматривать и проведывать про неправый суд, також – в зборе казны и протчего», а затем в присутствии Сената уличить обнаруженного преступника. Успешная деятельность фискала вознаграждалась половиной штрафа, наложенного на преступника. Если же донос не подтверждался, фискал мог не волноваться: под угрозой жестокого наказания и «разорения всего имения» судьи не имели права преследовать его за ложный донос и «отнюдь фискалу в вину не ставить, ниже досадовать».

Создание института государственного фискальства в 1711 году имело колоссальное значение, ибо принципы, начала его деятельности, освященные авторитетом государства, стали образцом, моделью поведения простых подданных.

Само существование института фискальства должно было воодушевлять доносчиков всех мастей. Об этом прямо говорилось в указе Петра от 25 января 1715 года. Возмущаясь распространением подметных писем – анонимок того времени, Петр писал, что

их авторы могут смело приходить с доносами: «А ежели б кто сумнился о том, что ежели явится, тот бедствовать будет, то не истинно, ибо не может никто доказать, которому бы доносителю какое наказание или озлобление было, а милость многим явно показана, а именно…». Далее следует список поощренных доносчиков по старым делам Цыклера и Шакловитого и «протчим им подобным, которые доносили сами, какая великая милось показана, о том всем ведомо».

И вот тот отрывок, ради которого мы обратились к указу 1715 года: «К тому ж могут на всяк час видеть, как учинены фискалы, которые непрестанно доносят, не точию на подлых, но и на самые знатные лица без всякой боязни, за что получают награждение… И тако всякому уже довольно из сего видеть возможно, что нет в доношениях никакой опасности. Того для, кто истинный христианин и верный слуга своему государю и отечеству, тот без всякого сумнения может явно доносить словесно и письменно о нужных и важных делах».

И хотя доносчикам не гарантировалась тайна их деятельности, власти все же стремились по возможности избежать огласки и тем самым сохранить кадры сексотов. В 1711 году исполняющий обязанности обер-фискала Я. Былинский обратился к Сенату с запросом: «Кто на кого станет о чем доносить тайно и чтоб и о нем было не ведомо, а тот, на кого то доношение будет в том запрется, а явного свидетельства по тому доношению не явится, и дойдет до очных ставок и до розыску – и о таких [доносчиках] что чинить?». Сенат отвечал, что если о доносителе будет умолчать невозможно, то «его объявить для подлиннаго о том деле, кроме розыску и розыском решения, однакож надлежит, как возможно, доносителей ограждать и не объявлять об них, чтоб тем страхом другим доносителям препятия не учинить, а кого из доносителей по необходимой нужде и доведется объявить, и о том доносить ему, обер-фискалу, Правительствующему Сенату, а не донесши о них не объявлять».

Во-вторых, с появлением института фискальства стало нормой материальное поощрение за донос, чего не фиксирует Уложение 1649 года, но знала практика политического сыска XVII века. В специальном указе от 23 октября 1713 года, поощрявшем доносчиков доносить о «преступниках указам и положенным законам и грабителях народа», подчеркивалось: «…кто таких преступникоф и повредителей интересов государственных и грабителей ведает, без всякого опасения приезжали и объявляли о том самому Его императорского величеству, только чтоб доносили истину, кто на такого злодея подлинно донесет, то ему за такую ево службу богатство тово преступника движимое и недвижимое отдано

будет, а буде достоин будет дастся ему и чин его, а сие позволение даетца всякого чина людем от первых даже и до земледельцоф».

Обещания властей не оставались на бумаге. В указе от 28 апреля 1722 года было сказано, что «некоторой человек, пришед в город Пензу, и кричал всенародно многия злыя слоза, касающиеся до превысокой чести Его императорского пресветлого величества и весьма вредительные государству, на которой его крик сошлось людей не малое число, однако ж они того не учинили, чтоб как наискорее онаго злодея поймать и привести куда надлежит». В указе особо подчеркивается, что «токмо один из них пензенец, посадский человек Федор Каменщик, показуя верность свою к его императорскому величеству, известил о том злодее в самой скорости на Пензе в канцелярии, по которому его извету оной злодей взят». За свой донос Каменщик получил 300 рублей, «к тому ж товарами, какие он у себя имеет, торговать ему беспошлинно по его смерть, також де в городах командирам, кто какого звания аи есть, онаго Каменщика от всяких обид охранять».

В-третьих, государственным органам предписывалось самым тщательным образом относиться к доносам и содействовать доносчикам: «командирам весьма скоро тайным поведением оных злодеев сыскивать» и арестовывать. Вновь образованным надворным судам указывалось принимать к производству дела не только по доносам фискалов, но «хотя хто и не фискал донесет на кого». Неоднократно подтверждался принцип доноса от любого, «от первых даже до земледельцоф». Благодаря доносу любой человек – крепостной крестьянин, холоп, родственник, сосед и т. д. – мог рассчитывать сорвать приличный куш, существенно улучшить свое положение: «…на таких всем извещать вольно, кто б какого звания ни был, которым доносителям все их пожитки и деревни отданы безо всякого препятствия». Это цитата из указа о явке дворян на смотр 1721 года. Подобные обещания в законодательстве Петра повторялись многократно и по разным поводам.

В-четвертых, создание института фискальства в узком (государственном) и широком (общественном) смысле создавало атмосферу безнаказанности ложного доносительства. Хотя формально ложный донос преследовался законом, но обвинение в нем не относилось к фискалам и, вероятно, к их добровольным помощникам, допустившим ошибки. Формально не одобрялись доносы находящихся под следствием преступников, «понеже не от доброжелания, но избывая вины то чинил, или по злобе на того, кто его обличил». Правда, одновременно с этим указом был издан другой, предписывающий, что «ежели кто станет доносить во время розыска его, то тот донос отложить, пока тот розыск окончают, и потом следовать его доношение». То есть действовал принцип:

всему свое время. Нельзя думать, что доносительство было добровольным делом доносчика. Как и в предшествующую эпоху, недоносительство оставалось одним из тяжких преступлений: «А буде кто, видя означенных злодеев, явно что злое в народе рассеивающих, или ведая, что таковое зло тайно они производят, а их не поймает, или о том не известит, и в том от кого изобличен будет, и за это учинена будет таковым смертная казнь без всякого пощадения, движимое и недвижимое их имение вся взято будет на Его императорское величество» (из Указа от 28 апреля 1722 года). Каждый был обязан под страхом наказания донести о совершенном или готовящемся преступлении. Особенно ярко это проявилось в упомянутом выше законодательстве о нарушении священниками тайны исповеди. Священник, не донесший на прихожанина, мог подвергнуться за это смертной казни. Представляется, что такой закон стал апофеозом культуры доносительства, не оставив уже ни одного тайного уголка в жизни и даже душе человека. Корни института доносительства и фискальства, таким образом, уходили в предшествовавший Петру период, но при нем получили необыкновенное развитие. Этот расцвет доносительства морально оправдывался тем, что в рамках «регулярного» государства допускались все средства, если целью было благо подданных, благо народа. Создание общегосударственной полицейской системы, введение новых принципов общежития наиболее отчетливо выразились в феномене Петербурга – города, который мыслился как «регулярная» столица «регулярного» государства, как город-образец, – ведь не случайно тип застройки Петербурга, его архитектура были впоследствии тиражированы при застройке более двухсот провинциальных городов России XVIII века.

Петербург изначально не задумывался как столица. Город-крепость на первом клочке отвоеванной земли, Петербург защищал новые владения царя. Но с годами царь уделял ему все больше внимания. Он связывал с ним не просто свои успехи в войне – Петербург становился смыслом, символом того нового, что входило в понятие реформы. Петр строил свой город, как корабль, положа в его основу новые для России градостроительные, архитектурные принципы. Отвоевывая землю у врага и болота для своего города, демонстративно противопоставленного старой столице, он его так же любил, как ненавидел Москву, раздражавшую его своей архитектурой, людьми, обычаями, наводившую на неприятные и страшные воспоминания. Ничего этого не было здесь – в краю новостройки, полной свободы творчества, не ограниченной для царя ничем. Как отец восхищается невидимыми миру, ничтожными успехами своего дитяти, так Петр умилялся мазанко-

вым улицам, хилым деревцам, поднимавшимся в Летнем саду. «Парадиз» (рай) – вот термин, который царь часто употреблял в письмах применительно к своему городу, любуясь на свое создание, «как дитя, в красоте растущее». Новое для Петра было идентично регулярному – то есть приведенному в систему, благодаря иным, чем прежде, принципам. Мечты о мире регулярности должны были воплотиться на берегах Невы. Именно поэтому регламентации строительства Петербурга и жизни его обитателей царь уделял так много внимания, и эта регламентация была так детальна и назойлива.

Как известно, первоначально город застраивался стихийно, основное внимание уделялось обороне, созданию его цитаделей. Но уже с начала 10-х годов XVIII века строительство приобрело планомерный характер, причем наиболее последовательно новые принципы стали осуществляться на Васильевском острове. Здесь, по замыслу Петра, должен был быть центр города, застроенный так, как будет застроен весь Петербург и все другие города.

Именно на Васильевском острове были впервые осуществлены сплошные плановые застройки согласно утвержденным проектам «образцовых» типовых домов. Как пишет иностранец-современник, царь, «чувствуя большую благосклонность к этому месту, чего первоначально, возможно, и не было, решил, что здесь должен быть регулярный город Петербург, застроенный в строгом порядке. Для этого он повелел сделать различные чертежи (проекты) нового города, считаясь с местностью острова, пока один из них, соответствовавший его замыслу, ему не понравился; он его апробировал и утвердил подписью. Следовательно, проект сохранит свою силу и в будущем, и новый город будут строить по этому чертежу. На нем обозначены как улицы и каналы, так и места для застройки домов. В 1716 году их разметили кольями и был издан указ, чтоб немедля начали по чертежу строить дома и в них поселяться. Следуя этому, многие уже начали строить и застроили целую улицу с обеих сторон, однако только деревянными домами, но в большинстве случаев крытыми черепицей и лучшего качества, чем прежние. Но некоторые из знатных господ тем временем завезли материалы и камни, чтобы, согласно высочайшему указу, возвести каменные здания».

Васильевский остров. А. Ф. Зубов, копия А. К. Корнилова с оригинала 1714 г.

Указ, о котором идет речь, строго предписывал всем помещикам строиться только на Васильевском острове, причем строить каменные здания размером в соответствии с числом дворов во владении помещиков: «с 1000 до 700 дворов – на 10 саженях дом, а с 700 до 500 – на 8 саженях дом же, а с 500 до 300 – на 5 саженях дом же, а с 300 до 100 дворов – мазанки или деревянные, на скольких саженях кто похочет, токмо б строились по указу, которой указ определяется, до которых дворов строится не меньше сего указного числа». Не горевшие желанием поселиться на впоследствии знаменитом острове рисковали многим: «А ежели кто и за сим публикованием, оных мест брать и домов своих строить по указу не будут: и на тех, яко на презирателях указа, взыскано будет жестоко по его царского величества указу». Но и начавшие строительство должны были строго выполнять все нормы застройки «по архитектуре», то есть согласно плану. Иначе все могло пойти на слом. В 1721 году было предписано строить каменные дома не только в линию, но и сплошь, в виде своеобразных казарм. Петр считал, что таким образом можно сэкономить немало дефицитного камня. Всем строившим здания было указано, чтобы, «для прибыли в материалах, стены с соседьми смыкали, чтоб была одна стена между строением, а не две, а хотя и соседи в то время со сторон строение зачнут, и таковым прежде наченшим строение из стен к соседям выставливать кирпичи впредь для

смычки, но многие, как видимо, по тому указу неисполняют…». Согласно новому «подтвердительному» указу 1721 года, нарушитель постановления «о выставленных кирпичах» мог опасаться, что «у таковых палат углы будут разломаны и принужден будет сделать по указу». Обратим также внимание еще на один указ. Весной 1718 года многим состоятельным жителям Петербурга были «для новости сего места даны разных чинов людям парусныя и гребныя суда безденежно, со всем, что к ним принадлежит с таким определением, дабы у всякого оныя были вечно». Указ от 12 апреля 1718 года, цитата из которого приведена, поясняет, что такое «вечно»: «то есть ежели какая трата на какое судно придет, повинен он такое ж вновь сделать (а не меньше, а больше воля) и не точию он, но его потомки и наследники его». Далее в указе подробно поясняется, как содержать подаренные государством суда, беречь их, «ибо сии суда даны, дабы их употребляли так, как на сухом пути кареты и коляски, а не как навозныя телеги». Все владельцы судов были обязаны каждое воскресенье по специальному сигналу приплывать на определенное место и совершать там экзерциции под парусами. Строго предупреждалось, что не являющиеся на эти смотры-прогулки чаще двух раз в месяц будут штрафоваться, как и те, кто самовольно уплывет с «экзерциции» домой. Желательно было и присутствие женщин, хотя царь не настаивал на этом, отмечая, что это «по воле, а не по должности сего указу». Оба указа весьма примечательны и даже чем-то связаны между собой, хотя в одном идет речь о необходимой экономии строительного материала, а в другом – о приучении жителей города к плаванию на речных парусных и гребных судах. Но этим не исчерпывается смысл указов. В них – реализация великой мечты реформатора. Как бы глядя на свой город через годы, царь видел его сплошную единообразную застройку, подобную застройке западноевропейских городов. Перед мысленным взором Петра вставали разноцветные фасады стоящих сплошной стеной домов любезного его сердцу Амстердама, отражающиеся в тихих водах каналов, по которым на яхтах и верейках под звуки музыки катаются каждое воскресенье нарядно одетые обыватели, – ведь не случайно Петр предписывал: «Все каналы и по бокам их улицы дабы шириною были против эрграхта амстердамского». Вероятно, именно таким хотел видеть свой «Новый Амстердам» Петр, ради него он строил, перестраивал, ломал, принуждал, торопил. Но Петербург не Амстердам, а его жители почти все по воле царского указа были присланы (если не сказать – сосланы, ибо при Петре, как известно, Петербург был местом каторги для преступников) из глубины России. Далеко не всем петербуржцам было суждено сразу же проникнуться мечтами и симпатиями царя, и,

вероятно, многим казалось в высшей степени странным строить свой дом впритык к дому-соседу на огромном болотистом пустыре Васильевского острова, строго следя за тем, чтобы дом был построен в стиле, так непохожем на стиль традиционных русских жилищ, в которых родились они, их деды и прадеды. Не менее странным мог казаться им, привыкшим к хаотичной и по-своему удобной застройке русских городов, указ строить дома в одну линию вдоль лихорадочно сооружаемых тогда каналов, русла которых из-за непроточной воды быстро превращались в зловонные болота.

Поэтому естественным кажется такое обилие гневных указов Петра, в которых он клеймил ослушников: «Хотя наперед сего и публиковано указами, чтоб жители каменное и деревянное строение строили по архитектуре и в один горизонт, и потолки подмазывали по образцу сделанных на Васильевском острову, объявляя чертежи тому своему начинающемуся строению учрежденным архитекторам, и многие из них, не объявляя о том учреждено архитекторам и не справясь, как надлежит строить по указу, своим упрямством то строение зачинают и строят не по архитектуре и не в один горизонт, и усмотри, кому повелено того смотреть по своей должности их строющее не но архитектуре строение, когда станут ломать, то они злословят и жалобы в том приносят напрасно, не разсудя в таком строении своей продерзости: того ради ныне в последние подтвердить и указами публиковать, ежели оные обыватели с сего числа впредь конечно в месяц, против прежних публикованных Его царского величества указов, каменных мостов не поместят и фашин за сваи не покладут, и землею не засыплют, и пристаней не построят и досками не замостят каждый против своего дома, или впредь лес и всякие материалы станут класть на пристаных, то на таких преслушниках доправлено будет на каждом штрафа по 100 рублей» – и т. д. и т. п. Несть числа подобным постановлениям. Указами «под жестким штрафом» определялось: размер дымовых труб, вид кровли, расположение заборов и конюшен на участке, материал строительства и его расцветка, ширина мостов, порядок копания прудов и их размеры, установка «чугунных баляс с железными шестами», шлагбаумы и караульщики из мещан при них, кому можно иметь баню, а кому нельзя, глубина забитых свай, порядок выпаса скота и многое другое. Важно при этом заметить, что в многочисленных указах Петра, регулирующих жизнь Петербурга, весьма мало мотивировок того, почему их – жителей – жизнь должна быть такой, а не иной. Нельзя забывать, что именно обоснование предписанного характерно в целом для «обучающего» законодательства Петра. Здесь же, в сфере, так близко касающейся каждого челове-

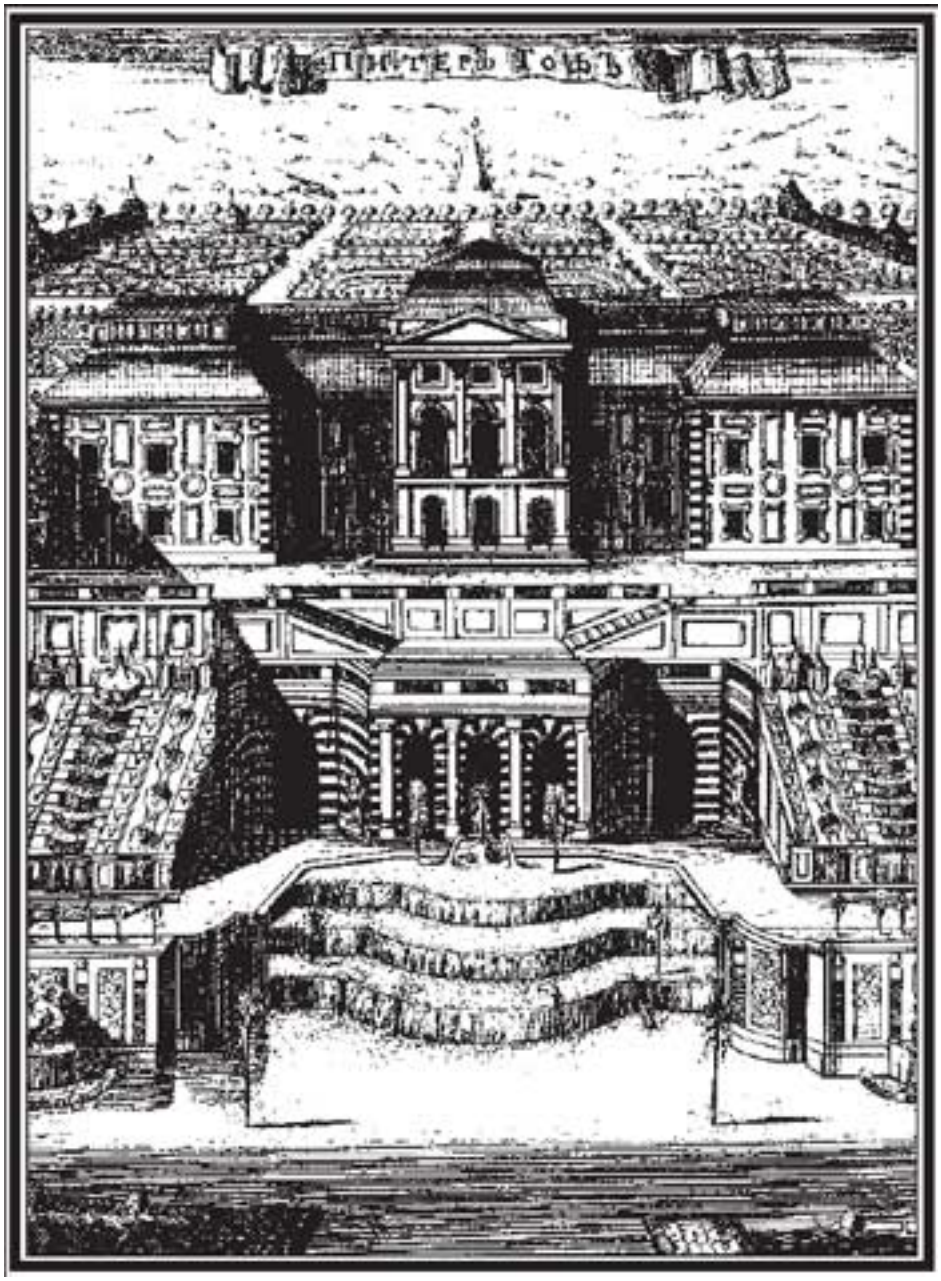
ка, этого мы не встретим. Начнем с того, что перенос столицы на берега Невы не объяснялся никак. Более того, неизвестна дата, с которой начался петербургский период истории. Условно ею можно считать 1713 год, когда в Петербург переехали двор и высшие правительственные учреждения. Ничем не объяснялось массовое переселение в новый город дворян, купцов, мастеровых. Ничем не был мотивирован и перенос центра города на Васильевский остров. 1724 год начался указом о завершении переезда туда всех дворян, построивших дома в других районах города, в течение 1725 года. «А ежели чей дом не будет отделан в 1726 году, – грозил преобразователь, – и у таких преслушников указу отписать по половине их деревень безповоротно, разве за кирпичом и известью станет, и о том бы подавали доношения в Полицеймейстерскую канцелярию, дабы освидетельствовано было, что правда». Одновременно предупреждались те, «кои в 1725 году не переедут и у тех все дворы их будут не только сломаны, но и они, хозяева, сами на Васильевский остров жить вышлются неволею в черные избы». Поставьте себя, читатель, на минуту на место человека, послушно выполнившего волю государя и переехавшего в болотистый «Парадиз». С немалыми трудами и огромными расходами он построил дом «по архитектуре» где-нибудь на Московской или Петербургской стороне, куда каждый камень нужно было везти за десятки верст, поселился в нем и зажил, привыкая к новым, похожим на ссылку условиям, как вдруг ему читают указ о переселении на Васильевский остров. И подобные указы, как снег на голову, нередко падали на жителей новой, да и старой, столицы, других городов страны. С неимоверными усилиями, но все же город создавался. Он был не похож на другие города России: был не только регулярным, но и военным. Именно военный элемент нередко выступал в нем на первый план. Не является особым преувеличением высказанное историком В. В. Лапиным утверждение о том, что в России XVIII—XIX веков не армия была при государстве, а, наоборот, государство при армии, причем столица Российской империи выглядела бы пустырем, если бы из нее вдруг исчезли здания, сооружения, памятники, так или иначе связанные с армией, военным делом, успехами российского оружия. В самом деле, оглянемся вокруг: Петропавловская крепость и Адмиралтейство, Главный штаб и Штаб Гвардейского корпуса, Марсово поле и Военно-походная канцелярия, Александровская и Ростральные колонны, Румянцевский обелиск, казармы Конногвардейского, Павловского и многих других полков, первый, второй, Морской кадетские корпуса, Военно-медицинская академия и госпиталь Финляндского полка, Новая Голландия, Арсенал, Гауптвахта на Сенной площади, памятники Суворову, Кутузову,

Барклаю-де-Толли, Никольский морской, Преображенский, Измайловский соборы – все это лишь наиболее ценные из сотен памятников Петербурга, военной столицы империи.

«Регулярность» и военный элемент, заложенные в идее города Петра, казалось, должны были придать городу казарменную тяжесть, унылость пыльного плаца, скуку бесконечных однообразный линий. Но этого не произошло. Построенный на болоте по взмаху царственной руки, он нес на себе печать иллюзорности, легкости призрака, миража, северного сияния, осенявшего раньше город.

И почти сразу же это породило мрачный, фантомный петербургский фольклор, говорящий, что с Петербургом нечисто. То на колокольне Троицкого собора шалил черт, то в наводнение по улицам скакал Медный всадник, то ночью на улицах с прохожих снимал шинели призрак, то к девушке сватался переодетый здоровый котяра и т. д. Важен и другой момент в истории Петербурга – «регулярного» города. Люди, их жизнь, память, чувства одушевили схемы петровских чертежей, сделали город живым, запоминающимся, многогранным. Унылые линии, тянущиеся от воды до воды, стали линиями жизни.

«Вы – линии! – писал Андрей Белый. – В вас осталася память петровского Петербурга. Параллельные линии некогда провел Петр, и они обросли то гранитом, то каменным, то деревянным забориком; линия Петра превратилась в линию позднейшей эпохи: в екатерининскую, округленную, в строй колоннад. Меж громадин остались петровские домики; вон – бревенчатый; вон – зеленый; вот – синий, одноэтажный, с ярко-красной вывескою „Столовая“, прямо в нос еще бьют разнообразные запахи: пахнет солью морскою, селедкою, канатами, кожаной курткой и трубкой и – прибрежным брезентом. О линии!.. Как они изменились: как и их изменили суровые дни!»



Петергоф. Большой каскад и Верхние палаты. А. Ростовцев. 1717 г.

Имперская идея

Итак, к началу 20-х годов XVIII века корабль империи был вчерне построен великим плотником, и под звуки последних залпов Северной войны он уже плыл. Теперь очередь за последним вопросом: куда же плывет этот корабль? (Помните Пушкина: «Куда ж нам плыть?») Каковы были цели царственного шкипера?

…7 апреля 1716 года пала последняя шведская крепость в Германии – Висмар. Шведская империя перестала существовать. Но мира все же не было, и Петр в 1716 году попытался осуществить свою давнюю идею высадки десанта с объединенного флота союз-

ников непосредственно на побережье Скандинавии. Но вскоре от этого замысла пришлось отказаться: шведы хорошо подготовили побережье к обороне. Отказ Петра, в свою очередь, вызвал недовольство Дании, потребовавшей вывода из Ютландии русского экспедиционного корпуса.

К этому времени, особенно после изгнания шведов из континентальной Европы, отношения между союзниками стали ухудшаться. Северный союз превращался в «клубок друзей». Дело шло к финалу: дележке отнятого у Швеции, и союзники с недоверием посматривали друг на друга, а особенно на молодого гиганта – Россию. Собственно, с выхода России к Балтике, закладки Петербурга и появления русского флота документы фиксируют пристальное внимание европейских держав к активности России. Не случайно уже в феврале 1704 года прусский посланник Кейзерлинг запрашивал русское правительство о флоте, а также о Петербурге: «Желает ведать его величество, каким образом возвращенныя морские пристани определены будут и чтоб от оных впредь опасение прочим потентатам, при том море обретающимся, не было». Петр отвечал, что флот создается исключительно для охраны торговых путей к балтийским портам и что «ни единой деревни шведьской не желаем себе, хотя б которыя и взяты были». В 1715 году Петр говорил уже другим языком. В инструкции князю Б. И. Куракину, направленному в Англию для переговоров о посредничестве великих держав в заключении мира на Севере, о самом важном условии его достижения сказано без обиняков: «…из завоеванного изволит при заключении мира уступить короне шведской город Абов с прочими местами великаго дукатства Финляндского, оставя некоторую барьеру к Выборгу, а о Риге и Лифляндах изволил объявить, что оные царское величество короне шведской уступить отнюдь невозможно, ибо тем бы способом привел все свои прочия превращенныя от шведов наследный, також и другия завоеванныя места в вечную опасность и подан бы был тем способ при всякой малейшей полезной оказии шведу ко вступлению войною в Его царского величества земли и имел бы таким образом Его царского величества больше убытку в содержании в тех местах всегда великих войск, нежели пользы». Другими словами, Петр считал, что оставить Лифляндию Швеции – значит создать угрозу Петербургу. Далее Петр высказывает мысль, что невозможно выполнить и прежние многочисленные обещания о передаче Лифляндии полякам или их королю, «ибо оная корона, яко непостоянная и непрестанным пременам подлежащая, оныя легко может паки потерять и в руки шведския или иной которой области отдать». Кроме того, царь ссылается на то, что его завоевания потребовали больших расхо-

дов, и он желает их компенсировать за счет новых территорий, ибо «един все труды и иждивение в сей войне на себе понес, и короля и Речь Посполитую от шведского насилия обороня, тот город и провинцию войски и иждивении своими взял и при договоре о сдаче тех мест, шляхта и граждане той провинции и города отдались Царского величества с такою кондициею, чтоб им во владении Его царского величества быть». Разумеется, о том, каким образом Рига была вынуждена присягнуть русскому царю (о чем знает читатель), здесь не упоминалось.

Новая интерпретация прежних соглашений вызвала протест Речи Посполитой. Обе стороны обратились к служебной историографии, которая без труда доказывала, что предки именно ее властителя раньше владели Восточной Прибалтикой. Уже в 1714 году русский посол в Англии стал проводить на официальном уровне мысль, что «не токмо Ингермонландия и Карелы, но и большая часть Эстляндии и Лифляндии издревле всегда российской принадлежали короне». Ныне вряд ли имеет смысл искать приоритет захвата – ясно, что земли Лифляндии и Эстляндии принадлежали тем, кто на них жил испокон веков, – латышам и эстам. Однако тогда, в начале XVIII века, о национальном политическом сознании этих народов говорить было еще рано, и в споре о первенстве прав был тот, кто сильнее. Сильнее оказалась Россия, которая овладела этими территориями на 200 лет.

Судьба Лифляндии и Эстляндии по-настоящему волновала лишь одного союзника России – Польшу. Пруссия же этим не интересовалась. Она безуспешно выпрашивала у России взятый в 1710 году русскими войсками польский Эльбинг (Эльблонг) и не раз предлагала России проекты раздела польских территорий. Однако Пруссию, как и Данию, и Ганновер со стоящими за ними Англией и Голландией, серьезно беспокоило возрастающее вмешательство России в германские дела. Оно имело довольно сложную природу и разнородные причины. Петр, добившись Полтавской победы, устремился в Германию, ибо не без оснований видел в завоевании германских владений Швеции наиболее короткую дорогу к миру с упрямым королем. Но, решая эту стратегическую задачу, Петр был преисполнен и откровенно имперских замыслов, состоявших в расширении и упрочении влияния России как в соседних, так и в более отдаленных землях. Это не означало, что он намеревался занять место Швеции в Германии, завладев ее германскими провинциями. Петр был достаточно трезвым политиком и понимал, что при сложившейся международной обстановке и значительной удаленности Померании от России подобная мысль нереальна, что попытка ее реализации приведет к многочисленным сложностям, опасным и ненужным России. Он

шел в достижении своих целей иным путем. Различие интересов германских княжеств, а также тех великих держав, которые были не прочь половить рыбу в мутной германской воде, было таково, что у России появилось немало возможностей влиять на ситуацию в Германии, используя различные формы вмешательства. Одним из самых испытанных способов была брачная политика. Значение династических браков для почти сплошь монархических государств Европы XVIII века трудно переоценить. Кровное родство имело огромное значение в европейской политике, а брачные комбинации составляли одну из важных целей дипломатии. Петр был реформатором и в этой сфере политики России, ибо он покончил с «кровной изоляцией» династии Романовых. Первый опыт был проведен в 1710 году, когда племянница Петра – дочь его старшего брата Ивана, Анна Ивановна (будущая императрица), была выдана за курляндского герцога Фридриха-Вильгельма и почти сразу же овдовела. Петр настоял на том, чтобы Анна отправилась в Курляндию и там жила под контролем представителей русского правительства. С тех пор влияние России в этом вассальном Речи Посполитой княжестве стало доминирующим.

30 июня 1712 года курляндское дворянство получило грамоту Петра: «Понеже наша племянница, ее высочество герцогиня курляндская ныне едет в Курляндию, того ради желаем от вышеупомянутых оберратов и шляхетства, дабы против учиненного между нами и Его светлостию блаженныя памяти князем Курлянским и Семигальским Фридерихом-Вильгельмом супружественного договору оной, ради резыденции ея и с пребывающим при ней двором, отведен и убран был по достоинству замок. Також и определенныя деньги для иждивения оной збираны Ее высочеству были по квартально без замедления…» В сентябре, узнав от русского уполномоченного П. М. Бестужева о том, что курляндцы без восторга встретили этот указ, он предписывает Бестужеву не стесняться в средствах его реализации: «И для того посылайте на экзекуции наших драгун, которых возьмите у рижского коменданта Полоннаго, которому о том уже и указ послан, и смотрите за ними, чтоб они сверх указу себе лишняго не брали». Как простодушно писал биограф Петра И. И. Голиков, «из сего письма, так же и из первых двух к сему г. Бестужеву, довольно видно что Монарх, за вдовством племянницы своей, принял на себя управления и Курляндии. И сие ниже более еще подтвердится». Читая все это, как-то забываешь, что речь идет о независимом от России герцогстве – вассале Речи Посполитой.

Большое значение имел сам факт заключения в 1710 году брака наследника российского престола Алексея с Вольфенбюттельской

принцессой Софией-Шарлоттой. В 20-х годах велись интенсивные переговоры о браке Людовика XV с царевной Елизаветой Петровной, сватали и младшую дочь Петра, Наталью, за наследника испанского престола Фердинанда. Однако наиболее серьезные последствия имели брачные переговоры с германскими правителями.

Царь Петр I принимает титул Отца Отечества, Всероссийского императора и Великого. 1721 г. Неизвестный мастер. Литография по рисунку П. Иванова.

В 1712 году, преследуя вместе с союзниками армию Стенбока, русские войска вошли в соседнее с Померанией герцогство Мекленбург-Шверинское и остались там надолго, ибо это было удобное место для зимовки десанта в Швецию. Однако отношения России и Мекленбурга вопросами содержания русского экспедиционного корпуса не ограничились. Петр почти сразу же начал вести переговоры о браке Мекленбургского герцога Карла-Леопольда со своей племянницей Екатериной Ивановной. Герцог состоял в распре с собственным дворянством, не принимавшим его абсолютистских замашек и многочисленных капризов. В лице Петра и его войск он рассчитывал найти поддержку и не ошибся. По брачному договору, 8 апреля 1716 года подписанному Петром, Россия должна была «исходотайствовать… Герцогу и Его наследникам совершенную безопасность от всех внутренних беспокойств военною рукою без всякой платы убытков». Для этого Ме-

кленбург обязывался «перепустить для безопасности общих выгод в Мекленбургию российских девять или десять полков в собственное Его, Герцога, распоряжение с жалованьем царским, где им и быть до окончания Северной войны, и без самой крайнейшей нужды оных обратно не требовать», а также «оборонять его, герцога, от всех несправедливых жалоб враждующаго на него мекленбургского шляхетства и их приводить в послушание». Кроме того, Петр по окончании войны обещал «доставить» Карлу-Леопольду шведский город Висмар.

Еще не высохли чернила, как оказалось, что выполнить договор невозможно, – между союзниками произошел скандал. Русские войска не были допущены в капитулировавшую шведскую крепость Висмар прусско-ганноверско-датским командованием. Это экстраординарное событие чуть было не вылилось в вооруженный конфликт между Россией и ее союзниками. Оно отражало те опасения, с которыми Дания, Пруссия и особенно Ганновер наблюдали за усилением России в Северной Германии, тем более что на шведские владения претендовал ганноверский курфюрст, ставший английским королем и мечтавший превратить свое герцогство в могущественное владение. Конечно, он не хотел иметь своим соседом русскую армию в Мекленбурге. Не чувствуя ситуацию, Петр затронул весьма болезненную точку Германии, нарушил политическое равновесие в этом районе, вызвав беспокойство в Ганновере и других княжествах, тесно связанных политическими, родственными, экономическими узами с Мекленбургом. Тем не менее вмешательство Петра в мекленбургские дела сохранялось и даже усиливалось. Царь выступил арбитром в споре мекленбургского дворянства с герцогом, и, зная политические симпатии российского самодержца, нетрудно догадаться, чью сторону он держал. В 1716 году мекленбургские дворяне взбунтовались против своего повелителя. В ответ русское командование арестовало зачинщиков, поползли слухи о предстоящей депортации всех недовольных герцогом в Россию, началось бегство дворянских семей из Мекленбурга. И хотя вскоре Петр вывел основные силы из Мекленбурга в Польшу, ограниченный контингент все же был там оставлен. Дворянство продолжало жаловаться верховному сюзерену – германскому (австрийскому) императору и на герцога, призывавшего царя «разобраться» с его подданными вооруженной рукой, и на Петра, потакавшего амбициям Карла-Леопольда. Дело получило европейскую огласку, – ведь речь шла о составной части Германской империи. Петр, хотя и избегал крайних действий, все же был полностью на стороне герцога. В феврале 1718 года он ходатайствовал за Карла-Леопольда перед имперским Регенсбургским собранием, прося «доставить ему спо-

койное своими землями владение и давая знать, что в противном случае он, государь, крепко вступится за его, герцога, и с помощию прав его сильнейше оборонять его будет». Кроме таких явных угроз германским князьям в окружении Петра обсуждался проект соединения Балтийского и Немецкого морей системой каналов через мекленбургскую территорию и создания там перевалочного пункта для русских товаров, которые таким образом избежали бы уплаты зундской пошлины, взимаемой датчанами со всех судов, проходящих через проливы Зунд и Бельты. Так, при активном участии Петра возник и долго муссировался в европейских политических кругах «мекленбургский вопрос». К нему было бы приковано все внимание, если бы почти одновременно не возник другой – «голштинский вопрос», в котором Россия также приняла деятельное и далеко не бескорыстное участие. Завязка его уходит далеко в прошлое, когда в 1713 году датский король вторгся в Шлезвиг-Голштинию и оккупировал примыкавший к датской границе Шлезвиг. Это стало возможно ввиду явного ослабления Швеции, оказывавшей поддержку князьям родственного шведским королям голштейнготторпского дома (малолетний герцог Карл-Фридрих являлся племянником Карла XII). С 1714 года политические деятели Голштинии, в первую очередь Бассевич, в поисках нового патрона сближаются с Петром и делают ему несколько заманчивых предложений. Дело в том, что Карл-Фридрих, сын сестры Карла XII, ввиду бездетности короля мог наследовать шведский престол и в перспективе соединить Швецию и Голштинию под одной короной. Бассевич предлагал России союзный договор, а вместе с ним «супружественный трактат» о браке старшей дочери Петра Анны Петровны и Карла-Фридриха. Поначалу Петр осторожничал, отвечая, что «в доставлении… шведской короны молодому князю не отрекается помогать, но нужно в том и прусского короля согласие, но заранее о сем договор чинить неприлично, ибо король по молодости своей далек еще от натуральной смерти (Карлу XII в то время было 32 года. – *Е.А.),* что будет стараться доставить ему, принцу, Финляндию». Та же мысль выражена Петром и в ответе на вопрос об объединении Голштинии и Швеции: «Сей пункт зело деликатен, к тому ж и король еще жив и смысл сего пункта зело на тонких ногах носит свое седалище». Но постепенно высказывания и действия Петра становились смелее и определеннее, что вызывало крайне отрицательную реакцию Копенгагена. Так возник «голштинский вопрос», в решении которого прослеживался тот же почерк, как и при решении «курляндского» и «мекленбургского» вопросов, хотя ситуация после окончания войны «за Испанское наследство» стала для Петра менее благоприятна. Появление этих «вопросов» и, шире, острота

самого главного из них – о разделе шведского наследия и роли России в нем – поставили Северный союз на грань распада. Особо способствовала этому позиция английского короля, недовольного усилением России в Германии и опасавшегося, что действия России подорвут основы англо-голландской торговли на Балтике. Англия даже стала инициатором явно антирусского альянса, в который вошли помимо нее Голландия, Франция и куда она втягивала также Данию и Пруссию. Все это привело к тому, что в мае 1718 года начались сепаратные русско-шведские переговоры на Аландских островах. Они назрели давно и завязались со «случайной» встречи на прогулке в лесу близ замка Ван-Лоо под Утрехтом шведского министра Герца и русского посла Куракина. Разумеется, «случайная» встреча была подготовлена длительными контактами различных посредников. Русская позиция на переговорах, которую защищали Я. В. Брюс и А. И. Остерман, сводилась к требованию уступки Швецией Ингрии, Карелии, Лифляндии, Эстляндии и Выборга. Финляндия по реку Кюмень отходила к Швеции. Шведские представители Гилленборг и Герц настаивали на возвращении Швеции Эстляндии и Лифляндии. Дальнейшие переговоры шли по пути сближения шведской точки зрения с русской. Основой для этого стали усилия русской стороны, направленные на то, чтобы найти возможность компенсировать Швеции утраченные ею владения и попытаться заключить с нею союз. Россия считала, что удовлетворить Швецию можно за счет Дании и Ганновера. О союзе шведы подали специальный проект. Суть его состояла в том, чтобы начать совместные действия против Дании, с тем чтобы за ее счет компенсировать Швеции ее потери. Одновременно предлагалось обменять Мекленбург на Лифляндию, первый передать Швеции, а во вторую посадить Мекленбургского герцога Карла-Леопольда. Рассматривался и другой план – возвести герцога на престол Курляндии. Этот план означал втягивание России в новую войну, чего Петр не хотел. Переговоры затягивались. В середине декабря 1718 года стало известно, что в Норвегии при осаде датской крепости Фридрихсгал был убит Карл XII. Существует версия, что он погиб от пули предателя из своей свиты – секретаря Сикье. Внезапная смерть короля резко изменила ситуацию. К власти пришла младшая сестра покойного – Ульрика-Элеонора, что привело к усилению английского влияния на Стокгольм. Герц – главная пружина шведско-русского сближения – был арестован и в марте 1719 года казнен. Английский план урегулирования, исходивший из амбиций Ганновера и английских торговых интересов, тоже предусматривал компенсацию территориальных потерь Швеции, но только за счет России. Одновременно английская дипломатия предприняла усилия в связи с

опасениями за судьбу Польши, которой тогда, казалось, угрожал раздел между Пруссией и Россией (наличие таких планов у Пруссии было несомненно), а также добилась наказания Мекленбургского герцога Карла-Леопольда. В начале 1719 года ганноверско-вольфенбюттельская армия вошла в Мекленбург и создала комиссию для управления герцогством от имени германского императора. Так Россия была окончательно вытеснена из Мекленбурга, и Петр, остро заинтересованный в мире со шведами, не намеревался теперь помогать вздорному родственнику и предложил Карлу-Леопольду помириться с дворянством и императором.

В 1719 году Аландские переговоры возобновились с участием прусского представителя, но вскоре были прерваны окончательно. Петр понял, что ускорить заключение мира поможет только оружие. К этому подталкивали обстоятельства: летом 1719 года мир со шведами подписали ганноверцы, на пути к миру со шведами была и Пруссия.

Военные действия против Швеции в 1719—1721 годах Россия вела возле шведских берегов и непосредственно на ее территории. Русский корабельный флот к этому времени по всем данным превосходил шведский, что было продемонстрировано в Эзельском сражении в мае 1719 года, а затем в Гренгамском сражении 27 июля 1720 года. Русские корабли осуществляли конвоирование галер и транспортных судов, которые, совершая походы вдоль шведских шхер, высаживали войска на острова и побережье. Экспедиции русских войск носили ярко выраженный карательно-демонстративный характер. Ф. М. Апраксин писал Петру 30 июля 1719 года из занятого Нордчепинга: «...неприятелю сколько какого разорения учинено по вышеописанное число, о том подлинно писать не может, понеже еще не взял обстоятельной ведомости и чает, что неприятелю будет убытку на многие миллионов. Кроме королевских местечек, многие шляхетные замки каменные и мызы с каменным и деревянным строением превеликия разорены и сожжены». Уничтожение сел, деревень и городов должно было продемонстрировать серьезность намерений царя, если шведы будут и далее уклоняться от мира. Зарево пожаров от горящих в окрестностях Стокгольма селений и поток беженцев в столицу должны были убедить королевскую семью в этом. Угрозы петровского манифеста, обращенного к шведскому народу после Полтавы, начали сбываться. Морские победы 1720 года упрочили, несмотря на присутствие английского флота, господство России на Балтике, и весной 1721 года вновь начались карательные десанты с участием казачьих войск. Летом, высадившись возле Умео, русские отряды, не встречая сопротивления, разорили и сожгли 4 города, 509 деревень и 79 мыз с 4159 дворами, 12 железо-

делательных заводов и других сооружений, вывезли тысячи пудов меди, железа и 556 голов рогатого скота.

Сломленное этими экспедициями и общим ужасающим разорением, отбросившим Швецию из разряда великих держав, а также пассивностью своего нового союзника – Англии, шведское правительство пошло на возобновление с Россией мирных переговоров, которые проходили с апреля 1721 года в небольшом финляндском городке Ништадте. Ему было суждено войти в историю миром, заключенным 30 августа 1721 года. Вот самый важный из пунктов подписанного мирного трактата: «4. Его королевское величество Свейское уступает сим за себя и своих потомков и наследников свейскаго престола и королевство свейское Его царскому величеству и его потомкам наследники Российскаго государства в совершенное непрекословное вечное владение и собственность в сей войне, чрез Его царскаго величества оружия от короны Свейской завоеванныя провинции: Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с дистриктом Выборгского лена, которой ниже сего в артикуле разграничения означен и описан с огородами и крепостьми: Ригою, Дюнаминдом, Пернавою, Ревелем, Дерптом, Нарвою, Выборгом, Кексгольмом и всеми прочими к помянутым провинциям надлежащими городами, крепостями, гавенами, местами, дистриктами, берегами, с островами: Эзель, Даго и Меном и всеми другими от курляндской границы по лифляндским, эстляндским и ингерманландским берегам и на стороне оста – от Ревеля з фарватере к Выборгу, на стороне зюйда и оста – лежащими островами со всеми так на сих островах, как в вышеупомянутых провинциях, городах и местах обретающимися жителями и поселениями, и генерально со всеми принадлежностьми, что ко оным зависит высочествами, правами и прибытками во всем ничего в том не изключая, и как оными корона свейская владела, пользовалась и употребляла. И Его королевское величество отступает и отрицается сим наиобязательнейшим образом, как то учиниться может вечно за себя, своих наследников и потомков и все королевство Свейское от всяких прав, запросов и притязаний, которые Его королевское величество и государство Свейское на все вышеупомянутая провинции, острова, земли и места до сего времени имели и иметь могли, яко же все жители оных от присяги и должности их, которыми они государству Свейскому обязаны были по силе сего весьма уволены и разрешены быть имеют, так и таковым образом, что от сего числа в вечныя времена его королевское величество и государство Свейское, под каким предлогом то б ни было, в них вступаться, ниже оных назад требовать не могут и не имеют, но оные имеют вечно Российскому государству присоединены быть

и пребывать». Хотя приведенный отрывок и длинен, но в особом комментарии не нуждается – Швеция навсегда отказывалась от Восточной Прибалтики в пользу России, которая секретным артикулом обещалась выплатить ей денежную компенсацию в два миллиона ефимков до сентября 1724 года. Итак, в конце августа 1721 года главная цель в жизни Петра – завоевание выхода в Балтийское море – была с блеском достигнута. Россия получила не только отнятые некогда шведами «отчины и дедины», но и приняла участие в разделе Шведской империи, захватив Эстляндию и Лифляндию.

Но что же дальше? Ясно, что выход в Балтику нужен был Петру не для удовлетворения своего тщеславия и даже не для восстановления справедливости. Петр был сыном своего времени – времени господства в умах государственных деятелей концепций меркантилизма и протекционизма. Государство должно обогащаться, накапливая золото и серебро, что достигается активным торговым балансом, преобладанием вывоза над ввозом, – в таком кругу идей вращалась мысль меркантилистов. Петр, как мы знаем, придавал огромное значение развитию торговли как основы могущества государства и благосостояния подданных. Он считал, что отсутствие у государства морских пристаней, через которые оно может вести торговлю, – явление ненормальное. Уподобляя государство живому организму (частый прием в философии механицизма), он пишет, что пристани, «сию артерию, может здравее и прибыльнее сердце гасударственное быть…». Поэтому можно говорить о доминанте торговой политики в общей системе внешней политики России после Ништадтского мира. Именно с этой доминантой связаны многие направления петровской дипломатии. Наиболее существенным был так называемый «зундский вопрос». Суть его состояла в том, что Дания с давних времен взимала с кораблей, проходящих по проливам Зунд и обоим Бельтам, пошлину. Швеция имела льготу, и ее корабли могли беспошлинно проходить проливы. 7 ноября 1721 года русский посол А. П. Бестужев-Рюмин (будущий канцлер России при Елизавете) предложил Петру воспользоваться одной из статей Ништадтского договора, согласно которой отошедшие к России прибалтийские города сохраняли все свои привилегии и права, в которые входило и право свободного прохода через Зунд. Иначе говоря, товары из Петербурга облагались пошлиной, а из Риги, Пярну или Ревеля – не облагались. Петр сразу же ухватился за идею Бестужева. По его заданию А. Остерман ответил послу, что Петр «не токмо вашего благородия доношение всемилостивейше апробовал и похвалил, но и в приложенном указе повелел вам о том при дацком дворе формально домогаться… Дело собою явно: оные

провинции всегда сию привилию имели, и его королевское величество дацкое по справедливости в том отказать не может…».

Часто мы не можем проследить завязку того или иного международного конфликта: источники или не сохранились, или их вообще не было. Здесь же конфликт начался с конкретного письма посла и ответа на него. Иной читатель усмехнется: подумаешь, конфликт! Но все измеряется в масштабах своего времени, и для Балтийского региона «зундское дело» целых шесть лет было одним из важнейших, ибо в нем были замешаны могущественные державы, и в первую очередь Россия. Силу ее ценили и боялись. Французский посол в России Ж.-Ж. Кампредон писал своему правительству о Петре, что «при малейшей демонстрации его флота, при первом движении его войск ни шведская, ни датская, ни прусская, ни польская корона не осмелятся ни сделать враждебного ему движения, ни шевельнуть с места свои войска… Он один из всех северных государей в состоянии заставить уважать свой флаг».

Беспокойство в Копенгагене после соответствующих демаршей Бестужева было велико, ибо к «зундскомуделу» Петр привязал уже известный читателю «голштинский вопрос». Об этом так говорилось в письме Остермана Бестужеву «Ваше благородие можете дацкому двору при сем случае приличным образом внушить, что хотя у Его царского величества как от герцога Голштинского, так и от многих других и сильных держав, которые за него, герцога, заступают, довольные домогательства чинятся, дабы его величество в какие королю дацкому противныя меры привесть, однакоже Его царское величество, оставя все двора дацкого прежние к нему несклонные поступки, до сего времени не токмо от сего удалялся, но и его, герцога, и других от оного удерживал и весьма готов и склонен с Его королевским величеством в неотменной доброй дружбе пребывать, токмо б с страны Его королевского величества взаимно к нему поступлено было и Его королевское величество ныне имеет случай Его императорское величество при таких полезных и добрых сентиментах удержать и утвердить, когда в сей его справедливоя претензии (то есть пропуске через Зунд без пошлин. – *Е.* А.) ему надлежащее удовольство покажет». Легкий оттенок шантажа отчетливо виден в изящно изложенном тексте: удовлетворите наши зундские претензии – не будем поддерживать Голштинского герцога в его притязаниях на возврат Шлезвига, или будет наоборот. Эти демарши предполагалось подкрепить иными средствами. Бестужев писал из Копенгагена по этому поводу в 1722 году: «От Вашего величества зависит, ежели в том твердо стоять и чрез экипирование флоту и протчих подвигов воинских, здешной двор в неотменной уторо-

пливости содержать...» В планах активной, если не сказать – агрессивной, политики «голштинский вопрос» был необычайно плодотворен. Он позволял держать в «неотменной уторопливости» Данию, ибо, гранича с ней на юге, Голштиния постоянно угрожала ее мягкому подбрюшью. Беспокоили Данию и разговоры о возможности прорытия канала из Балтийского моря в Северное (будущего Кильского) и создании порто-франко для русских товаров. Это было бы серьезным ударом по экономике Дании, ибо сборы зундской пошлины составляли важную статью ее дохода. К тому же Голштинский герцог Карл-Фридрих являлся, как мы помним, племянником бездетной королевы Швеции Ульрики-Элеоноры, поэтому Россия активно поддерживала голштинскую партию в Стокгольме, которая мечтала увидеть его на шведском престоле. Как известно, в 1720 году в Швеции был ликвидирован режим абсолютизма, к власти пришла родовитая аристократия. Россия в лице Петра и его резидентов не упускала возможности вмешаться в дела Швеции, активно поддерживая аристократических «республиканцев», ибо в отсутствии сильной единодержавной власти Петр видел самый надежный залог того, что в Швеции не окрепнет реваншизм, и, увлеченная борьбой группировок, ослабленная политически и экономически, она не будет опасна России. Поразительно, но одним из условий Ништадтского договора был пункт, согласно которому Россия обещала не только не интриговать против строя, возникшего после олигархической «революции» 1720 года, но и «все, что против того вознамерено будет и его царскому величеству учинится, всяким образом мешать и предупреждать искать изволит». Такая позиция могущественного соседа весьма импонировала шведской знати, только что укрепившейся у власти. Поэтому, когда начались переговоры о заключении союза, русские представители поставили условие, что если шведы не будут искать иного наследника престола, кроме герцога Голштинского – жениха Анны Петровны, то «мы не токмо но Нийштатскому трактату уже должны содержать, но и все то, что чины государственные еще вяшще для содержания своих прерогатив и вольностей и когда постановя в вечное время гарантировать будем». Следствием этих переговоров стал оборонительный союз России и Швеции сроком на двенадцать лет, подписанный 11 февраля 1724 года, – документ, уникальный для истории (в целом враждебных) русско-шведских отношений. Петр в этой ситуации проявил себя как тонкий дипломат и, будучи в целом политиком возможного, достиг невозможного: втянул своего вчерашнего непримиримого врага в союз, выгодный прежде всего России, ставшей подлинной властительницей Балтики. Как часто бывает, суть соглашения была заключена в секретных

артикулах. В первом из них предусматривалось, что Швеция и Россия будут добиваться для Голштинии возвращения Шлезвига, во втором – что Россия и Швеция должны приложить все усилия к тому, чтобы «польскую республику стараться защищать при древней ее вольности, отвращая все противныя в таковом деле предприятия и замыслы». Говоря проще, российский император так же, как и в случае со Швецией, выступал против абсолютистских поползновений Августа, радея о сохранении режима дворянской республики в Польше, ибо это не позволяло Польше усилиться и оказать сопротивление возрастающему влиянию России в польских делах. Нужно помнить, что на протяжении почти всей Северной войны русские войска не покидали пределов Речи Посполитой, активно влияя на ее политическую ориентацию. Вот типичный указ Петра от 2 5 августа 1716 года: «Господа Сенат! Доносил нам посол князь Григорей Долгорукой, что при нынешнем состоянии дел в Польше и когда конфедераты, несмотря чрез наше посредство от короля им позволенныя полезныя кондиции, примиритца с оными не хотят, но по шведским факциям возмущение продолжают, и того ради интересом нашим потребно есть в Литву послать от Смоленска некоторое число войск, чтоб оныя с той стороны, а генерал Рен от Киева вступя, соединясь с доброжелательными нам, те неспокойные могли к миру принудить».

Немаловажным был третий артикул мирного договора: Россия разрешала Швеции беспошлинный вывоз хлеба, пеньки, льна и мачтового леса. Союз со Швецией стал мощным оружием против влияния в северном районе Англии, утратившей прежние прочные позиции в Стокгольме, и особенно против Дании, упорствовавшей в собственной трактовке зундских пошлин. Причем важно отметить, что Россия не была последовательно враждебна к Англии. Петр был готов к урегулированию отношений на какой-то паритетной основе, на признании сфер влияния на Балтике. В целом же русская политика на Западе после Ништадта отличалась активностью, особенно в Германии, где сходились интересы сразу нескольких крупных держав.

Неизмеримо выросло влияние России в Курляндии. Причем Петр действовал очень продуманно и тонко. Русские эмиссары, выступая от имени вдовствующей герцогини Анны Ивановны, выкупали заложенные некогда курляндскими герцогами домены. В итоге этих частноправовых операций к Анне (читай – России) переходили владения герцогов и соответственно их сеньоральные права. Но все же наиболее жестко в конце 1724-го – 1725 году Россия действовала в «голштинском вопросе». К этому времени дело о браке герцога Карла-Фридриха и Анны Петровны было окончательно решено, и «голштинская партия» празднова-

ла победу. Летом же 1725 года, уже при Екатерине I, Россия была на шаг от войны с Данией. Герцог торопил свою тещу с подготовкой армии. Холодные головы в правительстве Екатерины уговорили ее не спешить с войной против Дании, но весной 1726 года приготовления десанта велись необычайно активно, в Копенгагене царила паника, датчане просили Англию о вооруженной поддержке, и в начале лета англо-датский флот блокировал русскую эскадру в Ревеле, простояв на якорях до осени. В 1726 году конфликт с Данией по поводу притязаний герцога стал затухать – Меншиков, подлинный властитель России первых послепетровских лет, оккупировал Курляндию и задумал стать герцогом Курляндии… Но это уже другая история, хотя она своими корнями уходит в те принципы политики, которые были разработаны Петром и основывались, конечно, на гораздо более тонком учете всей совокупности международных отношений, в системе которых стала действовать Россия после Ништадтского мира. Активность петровской европейской политики, разумеется, получала весьма однозначную негативную оценку в политических кругах тех стран, которые также мечтали упрочить свое влияние в Германии, Прибалтике и Польше. Среди них были Англия, Франция, Австрия и поднимающая голову Пруссия. Весьма своеобразным выражением этого отношения стало так называемое «политическое завещание» Петра Великого, получившее широкую огласку и весьма популярное до сих пор, когда речь заходит о внешней политике царской России, да и Советского Союза. Вот его полный текст, опубликованный в СССР лишь раз, в 1946 году, в «Ученых записках» Московского историко-архивного института:

«1. Поддерживать русский народ в состоянии непрерывной войны, чтобы солдат был закален в бою и не знал отдыха; оставлять его в покое только для улучшения финансов государства, для переустройства армии и для того, чтобы выждать удобное для нападения время. Таким образом, пользоваться миром для войны и войной для мира в интересах расширения пределов и возрастающего благоденствия России.

2. Вызывать всевозможными средствами из наиболее просвещенных стран военачальников во время войны и ученых во время мира для того, чтобы русский народ мог воспользоваться выгодами других стран, ничего не теряя из своих собственных.

3. При всяком случае вмешиваться в дела и распри Европы, особенно Германии, которая, как ближайшая (страна), представляет более непосредственный интерес.

4. Разделять Польшу, поддерживая в ней смуты и постоянные раздоры, сильных привлекать на свою сторону золотом, влиять на сеймы, подкупать их для того, чтобы получить возможность

участвовать в избрании королей, проводить на этих выборах своих сторонников, оказывать им покровительство, вводить туда русские войска и временно оставлять их там, пока не представится случая оставить их там окончательно. Если же соседние государства станут создавать затруднения, то их успокаивать временным раздроблением страны до тех пор, пока можно будет отобрать назад то, что было им дано.

5. Захватить как можно больше областей у Швеции и искусно вызывать с ее стороны нападения, дабы иметь предлог к ее покорению. Для того изолировать ее от Дании и Данию от Швеции и заботливо поддерживать между ними соперничество.

6. В супруги к русским великим князьям всегда избирать германских принцесс для того, чтобы умножать родственные союзы, сближать интересы и, увеличивая в Германии наше влияние, тем самым привязать ее к нашему делу.

7. Преимущественно добиваться союза с Англией в видах торговли, ибо это именно та держава, которая для своего флота наиболее нуждается в нас и которая может быть наиболее полезна для нашего флота. Обменивать наш лес и другие произведения на ее золото и установить между ее и нашими торговцами и моряками постоянные сношения, которые приучат нас к торговле и мореплаванию.

8. Неустанно расширять свои пределы к северу и к югу, вдоль Черного моря.

9. Возможно ближе придвигаться к Константинополю и Индии. Обладающий ими будет обладателем мира. С этой целью возбуждать постоянные войны то против турок, то против персов, основывать верфи на Черном море, мало-помалу овладевать как этим морем, так и Балтийским, ибо то и другое необходимо для успеха плана – ускорить падение Персии, проникнуть до Персидского залива, восстановить, если возможно, древнюю торговлю Леванта чрез Сирию и достигнуть Индии как мирового складочного пункта. По овладении ею можно обойтись и без английского золота.

10. Установить и старательно поддерживать союз с Австрией, поощрять для виду ее замыслы о будущем господстве над Германией, а втайне возбуждать против нее недоброжелательство в государях. Стараться, чтобы те или другие обращались за помощью к России, и установить над страною нечто вроде покровительства (протектората) с целью подготовки полного ее порабощения в будущем.

11. Заинтересовать Австрийский дом в изгнании турок из Европы, а по овладении Константинополем нейтрализовать его зависть, или возбудив против него войну, или дав ему часть из

завоеванного, с тем чтобы позднее отобрать это назад.

12. Привлечь на свою сторону и соединить вокруг себя всех греко-восточных дезунитов или схизматиков, распространенных в Венгрии, Турции и южной Польше, сделаться их средоточием и опорою и предуготовить всеобщее господство над ними посредством установления как бы духовного главенства; таким образом приобрели столько союзников, друзей, сколько окажется их (дезунитов) у каждого из наших врагов.

13. Когда Швеция будет раздроблена, Персия побеждена, Польша покорена, Турция завоевана, армии соединены, Черное и Балтийское моря охраняемы нашими кораблями, тогда надлежит под великою тайной предложить сперва Версальскому двору, а потом и Венскому разделить власть над вселенной. Если который-либо из них, обольщаемый честолюбием и самолюбием, примет это предложение – что неминуемо и случится, – то употребить его на погибель другого, а потом уничтожить и уцелевшего, начав с ним борьбу, в исходе которой уже будет нельзя сомневаться, ибо Россия в то время будет обладать всем Востоком и большей частью Европы.

14. Если, паче чаяния, тот и другой откажутся от предложения России, то надлежит искусно возжечь между ними распрю и истощить их во взаимной борьбе. Тогда Россия, воспользовавшись решительной минутой, должна устремить свои заранее собранные войска на Германию и одновременно с этим выслать два значительные флота, один из Азовского моря, другой из Архангельска, с своими азиатскими ордами под прикрытием вооруженных флотов Черноморского и Балтийского. Выйдя в Средиземное море и океан, они наводнят, с одной стороны, Францию, с другой – Германию, и когда обе эти страны будут побеждены, то остальная Европа уже легко и без всякого сопротивления подпадет под наше иго.

Так можно и должно будет покорить Европу».

Как и в случае с «Прутским завещанием», ни подлинника, ни современной копии «политического завещания» Петра нет, и, по-видимому, они никогда не попадут в руки историков, так как их не существует в природе. Впервые «завещание» было опубликовано во Франции в 30-х годах XIX века. Одни историки относят его появление ко времени похода Наполеона в Россию, когда императору французов были необходимы аргументы против своего северного противника. Другие полагают, что «завещание» было сочинено небезызвестным кавалером д'Эоном, прославившимся в середине XVIII века своими похождениями в мужском, а чаще в женском платье. Он утверждал, что нашел его (во время своего пребывания в России) в Петергофском дворце. Между тем «заве-

щание» не упоминается ни в одном документе преемников Петра, хотя необходимость в нем, особенно во времена Елизаветы, постоянно заявлявшей о верности «началам» Петра, явно испытывалась.

Текст «завещания» пестрит многими несуразностями, явно отражает незнание международной обстановки петровского времени. Тут и Германия, охарактеризованная как ближайшая к России страна, что могло быть только после раздела Польши, и крайне странная для такого опытного политика, каким был Петр, недооценка политической роли Англии, которая вместе с другой, даже не упомянутой в документе, великой морской державой Голландией играла в первой четверти XVIII века колоссальную роль на Балтике и в мире, представляя серьезную опасность для русских интересов.

Петр почему-то не упомянул в «завещании» о путях победы над Англией или, по крайней мере, не отвел ей места при предполагаемом разделе мира: в пункте 13-м речь идет лишь о трех «повелителях мира» – Версале, Вене и Петербурге. Может быть, подобная оценка более чем скромной роли Великобритании обусловлена временем сочинения «завещания», когда континентальная блокада подорвала могущество Англии и многим казалось, что дни ее сочтены. Под обаяние этой иллюзии, разделяемой не только Наполеоном, возможно, подпал и автор «завещания». По тем же причинам, вероятно, в «завещание» не попала и разбитая Наполеоном Пруссия, которая в политических комбинациях Петра всегда играла заметную роль, шла ли речь о Германии или Польше, – Петр не мог бы умолчать о ней в наказе потомкам. Полон нелепостей и план совместных действий Балтийского и Черноморского флотов, выходящих на завоевание Европы почему-то из Архангельска и Азовского моря. Термин «орда» применительно к русской армии явно принадлежит не ее создателю, а противникам России. Одним словом, перед нами явная подделка, цель которой – обосновать в общественном мнении необходимость и правомерность борьбы с Россией. Вместе с тем фальшивка имела долгую жизнь и была популярна. Причины этого феномена состоят не только в том, что для неразборчивых противников России она была верным оружием, но и в том, что Россия в своих действиях в XVIII—XX веках очень часто подтверждала идеи, высказанные автором «завещания Петра». Иначе говоря, полностью отрицая достоверность документа, необходимо отметить, что его составитель уловил многие общие тенденции имперской политики России XVIII века и экстраполировал их на более раннюю историю, точнее – на время Петра. Бесспорно, что великий реформатор стал основателем не только Российской им-

перии, но и имперской политики, начала которой были успешно развиты его преемниками, особенно Екатериной II. Выше уже шла речь о германской и прибалтийской политике Российской империи. Обратимся к фактам, характеризующим азиатский аспект имперской политики Петра. Не успели окончиться празднества по поводу долгожданного мира со Швецией, как русская армия двинулась на новую войну, на этот раз вниз по Оке и Волге до Астрахани, а далее – в Персию. Чем была вызвана эта новая война, стоившая русскому народу не менее 30 тысяч жизней и весьма значительных расходов, что для страны, пережившей тяжелейшее испытание Северной войны, было весьма и весьма ощутимо?

Высказывалось немало предположений о причинах Персидского похода. Думаю, что в основе лежали те же причины, которые двигали Петра на борьбу за отмену зундской пошлины. Знание конъюнктуры международной торговли убеждало царя в том, что деньги приносит не только продажа отечественного сырья и товаров за западный рубеж, но и прямая торговля с Востоком. Особенно большие барыши сулила транзитная торговля шелком, пряностями и другими редкостями Индии и Китая. Известно, что еще со времен Ивана Грозного русские самодержцы мечтали перенести Великий шелковый путь с Ближнего Востока на территорию России. Немало способствовали этим небезосновательным мечтам русских царей и периодически повторяемые английскими, голландскими и иными купцами попытки найти путь к богатствам Индии через равнины России. Но все эти мечты и попытки, не получая развития, хирели, чтобы через какое-то время возродиться снова. Причин неудач было много, начиная с того, что Балтийское побережье не контролировалось Россией, в сущности, весь XVII век, и заканчивая тем, что не учитывалась традиционность Великого шелкового пути через Средний и Ближний Восток, влияние мощных группировок восточных купцов-посредников, контролировавших вывоз товаров из Индии и Китая.

Петр решил коренным образом изменить ситуацию и перенести торговый путь между Европой и Востоком так, чтобы он проходил через Россию, – только этим можно объяснить одну из задач, которую он ставил перед посольством Волынского в Персии: «…не мочно ль препятствия какова учинить Смирноскому, Алеппскому торгом, где и как?». Предпосылки успеха он видел в существовании Петербурга, достижении мира на Балтике, в развитии судоходства, строительстве каналов, наконец, в подъеме собственной мануфактурной промышленности, способной, по его мнению, поставлять товары на индийский рынок. Было бы неправильным отрицать и влияние общей, столь распространен-

ной в европейской цивилизации Нового времени (вспомним Наполеона, Павла I) имперской идеи, что истинно богат лишь тот, кто владеет Индией – этой сказочной сокровищницей человечества. Можно говорить о существовании своеобразного «индийского синдрома», владевшего завоевателями, ибо нет империи без Индии. Не миновал этот синдром и Петра. Трудно определить, когда возникла «восточная идея» Петра, но совершенно определенно можно сказать, что после Полтавы, а еще точнее – после Прута, перечеркнувшего черноморское направление политики России. В течение 1714—1717 годов Петр опробовал несколько путей к Индии. Начало в 1714 году положила экспедиция полковника Бухгольца, который должен был проверить слухи о россыпях золота на реке Эркет и для этого двинулся из Сибирской губернии в южном направлении. Встретив сопротивление калмыков, Бухгольц отступил. Сменившему его Лихареву было поручено дойти до озера Зайсан, построить там крепость и «проведовать о пути от Зайсана-озера к Эркети, как далеко и возможно ли дойти, также нет ли вершин каких рек, которыя поддались к Зайсану, а впали в Дарью-реку или в Аральское море».

Примечательно, что Петр, не имея перед собой сколь-нибудь точной карты, пытался найти водный путь в Среднюю Азию и далее – в Индию. Необходимо держаться рек, внушал он своим эмиссарам, основывать на их берегах крепости и, сделав их опорой, двигаться дальше на судах. Одновременно Петр зондировал и другой путь в Среднюю Азию – с восточного побережья Каспия. В 1714 году он дал задание Сенату: «Послать в Хиву (к хану) с поздравлением на ханство, а оттоль ехать в Бухары к хану, сыскав какое дело торговое, а дело настоящее – чтоб проведать про город Эркет, сколько далеко оный от Каспийского моря и нет ли каких рек оттоль, или хотя не от самого того места, однакож в близости, в Каспийское море». На основании легендарных сведений Петр полагал, что существует плотина, благодаря которой воды Амударьи потекли в Аральское море вместо Каспийского. Князь А. Бекович-Черкасский, руководитель организованной в 1716 году экспедиции, получил задание основать на месте бывшего устья Амударьи у Каспия крепость, а затем, продвинувшись на юго-восток вдоль бывшего русла Амударьи – Узбоя – до предполагаемой плотины, выбрать место для возведения еще одной крепости – базы для продвижения в Среднюю Азию. Далее он должен был двигаться в Хиву уже вдоль реки: «Ехать к хану хивинскому полом, а путь держать подле той реки и осмотреть прилежно ток оной, також и плотины, ежели возможно оною воду паки обратить в старой ток (то есть к Каспию. – *Е.* А.), к тому же прочия устья запереть в Оральское море, и сколько к той работе людей потребно». Как

видим, пальму первенства в преобразовании природы с помощью поворота рек (правда, с иной, чем ныне, целью) удерживает первый русский император. Особый интерес вызывает другой пункт инструкции Бековичу: «Также просить у него [хивинского хана] судоф и на них отпустить купчину по Аму-Дарье-реке в Ындею, наказаф, чтоб изъехал ее пока суда могут итить (то есть до ее верховьев. – *Е.* А.), а оттоль ехал в Ындею, примечая реки и озера и описывая водяной и сухой путь, а особливо водяной к Индии тою или и другими реками и возвратитца из Индии тем же путем, или ежели услышит в Ындии лутчей путь х Каспийскому морю, то возвратитьца и описать его».

Важно отметить, что в экспедицию были включены моряки, а под видом «купчины», ехавшего в Индию, первоначально предполагалось послать профессионального навигатора и картографа поручика Кожина, которому Петр заодно поручил купить в «Остиндии у Могола» страусов, – так Петр был уверен, что Кожин доберется до Дели.

Дух захватывает от идей царя, мечтавшего с помощью каналов и поворотов рек добиться того, чтобы однажды, сев на судно в Петербурге, сойти с него на берегах Инда. Огромная энергия, масштабность мышления Петра, его глубокая вера в неограниченные возможности мореплавания, инженерного дела в сочетании с убедительностью «вооруженной руки» – и все это при естественном незнании географии этого не исследованного европейцами района – делали планы Петра для его современников не такими уж фантастическими, как это может ныне показаться.

Бекович должен был также обеспечить прожект Петра политически и «хана Хивинского склонять к верности их подданству, обещая наследственное владение оному, для чего представлять ему гвардию к его службе (вспомним Мекленбург. – *Е.* А.), и чтоб он за то радел в наших интересах». В письме Бековичу-Черкасскому от 13 мая 1716 года Петр уточнял программу-минимум: «…буде паче чаяния купчину водою не пропустят и в дружбе откажут, то более нечего делать, только что те два города делай, и плотину разори, и по реке вверх, сколько время допустит, осмотри току ее…»

Построив и заселив Красноводскую крепость в 1716 году, Бекович затем двинулся к Хиве. Но на подходе к столице ханства весь его отряд был уничтожен ханским войском, погиб и сам Бекович. Несчастная его судьба запечатлелась в поговорке. «Пропал, как Бекович» – читаем у Даля. Неудача экспедиции Бековича не остановила Петра. Летом 1718 года он решил попытаться проникнуть в Среднюю Азию, точнее в Бухарский эмират, не с севера, а с юга, через Персию. Для этого было отправлено посольство Ф. Беневени

с поручением: «едучи ему в пути, а особливо хана Бухарского во владении как морем, так сухим путем, все места, пристани и городы и прочия поселения и положения мест, и какия где от них в море Каспийское реки большия и малыя владеют и какия оне суда имеют… присматривать все то прилежно и проведывать искустно, так, чтоб не признали бухаряне».

Экспедиция достигла цели лишь через три года, и ее члены остались там на положении заложников до 1725 года. Тем временем Петр углубленно разрабатывал последний, наиболее надежный, по его мнению, вариант – в Индию через Персию. К этому варианту царь обратился в 1716 году, когда поручик Кожин на морском судне был послан «для осмотру ходу и пристаней на Каспийском море» и «положения» этого на карту. В 1718 году эту работу продолжил Урусов, которому поручалось особенно внимательно картографировать западное побережье Каспия от Астрахани до Гиляни, «прилежно осматривать гаванов и рек и какие суда могут где приставать, также скампавею мочно ли ходить и опасатца во время шторму». Далее в этом указе Петр собственноручно приписал: «Буде гаваноф нет, то мочно ль на берег, понеже слышим, что очень отмело (мелко. – *Е.* А.), а буде такие скамповеи не могут вытасканы быть, какие у нас, то мочно ль плоскодонныя вытаскивать и где». Как видим, интересы Петра к Каспийскому побережью еще за четыре года до похода были весьма специфичны. Проще говоря, речь шла о поиске мест для будущих десантов и о выборе типа десантных судов.

Параллельно с морской была предпринята глубокая дипломатическая разведка в виде посольства А. П. Волынского, отправленного в Персию в 1715 году, то есть, в сущности, почти одновременно с экспедицией Бековича в Среднюю Азию. Хотя Волынскому и не предписывалось строить крепости и поворачивать реки, данные ему поручения далеко выходили за рамки чисто дипломатической миссии. Наиболее выразительно об этом свидетельствует инструкция Волынскому, особенно та ее часть, где речь идет об изыскании водных путей в Индию: «Едучи по владениях Шаха персидского, как морем, так и сухим путем, все места, пристани, города и прочия поселения и положения мест, и какие где в море Каспийское реки большие впадают, и до которых мест по оным рекам мочно ехать от моря, и нет ли какой реки из Индии, которая бы впала в сие море, и есть ли на том море и в пристанях у шаха суды военные или купеческие, також какие крепости и фортеции присматривать прилежно и искусно и проведовать о том, а особливо про Гилянь и какие горы и непроходимый места кроме одного нужнаго пути (как сказывают) отделили Гилянь и прочия провинции по Каспийскому морю лежащие от Персиды,

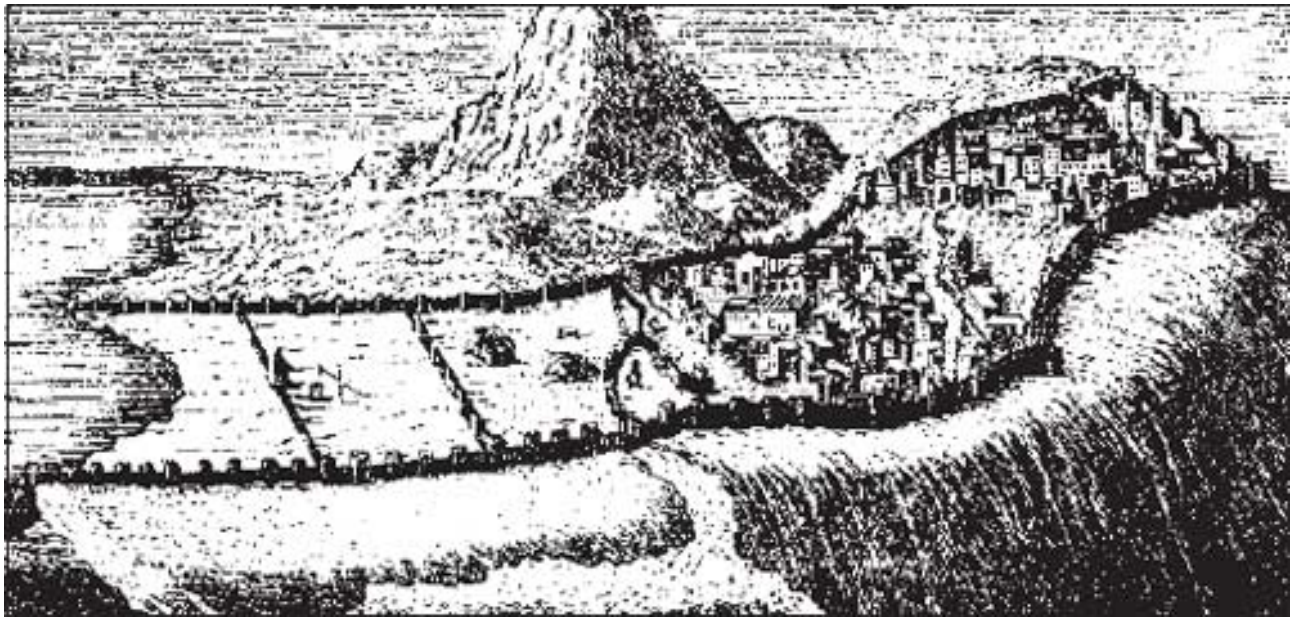
однакож так, чтоб того не признали персияне, и делать о том секретно журнал повседневной, описывая все подлинно. Будучи ему в Персии, присматривать и разведывать сколько у шаха крепостей и войска и в каком порядке, и не вводят ли европейских обычаев в войне…» Волынский должен был также узнать, «невозможно ль чрез Персиду учинить купечество в Индию, и о том пути, и о торгах, какие у них, индейцов, с персами оные обретаются, и какие товары им потребны, и от них вывожены быть могут».

Волынский оказался в Иране в момент глубочайшего политического кризиса Сефевидской державы. Один за другим восстали подвластные персам народы: лезгины, курды, луры, белуджи, армяне. Наибольшую опасность представляло восстание сильного афганского племени гильзаев, начавшееся в 1709 году в Кандагаре и вскоре переросшее из освободительного в завоевательное. Развал царил и в центре, где у власти стоял бездарный и слабовольный шах Хосейн. Анализируя политическую обстановку в стране, Волынский сообщал Петру: «Думаю, что сия корона к последнему разорению приходит, если не обновится другим шахом, не только от неприятелей и от своих бунтовщиков оборониться не могут, и уже мало мест осталось, где бы не было бунта, один от другого все пропадают…» Подводя итоги, Волынский пишет о необходимости использовать слабость Персии для территориальных захватов: «Другого моим слабым разумом я не разсудил, кроме того, что бог ведет к падению сию корону, на что своим безумством они нас влекут сами; не дивлюсь, видя их глупость: думаю, что это божия воля к счастию Царскому величеству; хотя настоящая война наша (шведская) нам и возбраняла б, однакож, как я здешнюю слабость вижу, нам безо всякого опасения начать можно, ибо не только целою армиею, но и малым корпусом великую часть к России присовокупить без труда можно, к чему удобнее нынешнего времени не будет, ибо если впредь сие государство обновится другим шахом, то, может быть, и порядок другой будет». По возвращении из посольства Волынский был назначен астраханским губернатором и по заданию Петра начал готовить политическую и материальную базу для предстоящего похода в Персию: посылал эмиссаров в Грузию с целью «принца грузинского (Вахтанга. – *Е.* А.) искать склонить так, чтобы он в потребное время был надежен нам», вдоль западного побережья Каспия разведывались сухопутные дороги, предписывалось «суды на море делать прямые морские, дабы в случае ни за чем остановки не было, аднакож все в великом секрете держать». Все было готово, Петр ждал лишь окончания Северной войны. В августе 1721 года – месяце заключения Ништадтского мира – лезгинский князь

Хаджи-Давуд захватил Шемаху и разгромил торговые ряды, в которых находились русские купцы. Волынский сразу же написал Петру, призывая его воспользоваться представившимся случаем как поводом для нападения на Персию: «Мое слабое мнение доношу по намерению вашему к начатию законне сего уже нельзя и быть причины: первое, что изволите за свое, второе – не против персиян, но против неприятелей их и своих, к тому ж и персиянам можно предлагать (ежели бы они стали протестовать), что ежели они заплатят за ваши убытки, то ваше величество паки (опять. – *Е.* А.) их отдать можете, и так можно пред всем светом показать, что вы изволите иметь истинную к тому причину». Волынский призывал Петра выступить раньше, чем персидское правительство обратится за помощью к Турции: «Того ради, Государь, можно начать и на предбудущее лето, понеже не великих войск сия война требует, ибо Ваше величество уже изволите и сами видеть, что не люди – скоты воюют и разоряют; инфантерии больше десяти полков я бы не желал, да к тому кавалерии четыре полка, и тысячи три нарочитых казаков, с которыми войску можно идти без великаго страха, только б была исправная аммуниция и довольное число провианта». Петр отвечал Волынскому 5 декабря, что действительно «сего случая не пропустить зело то изрядно, и мы уже довольную часть войска к Волге маршировать велели на квартиры, отколь весною пойдут в Астрахань». Поход, начатый весной 1722 года манифестом, в котором Персии объявлялась война якобы для возмещения убытков русских купцов в Шемахе и спасения христиан Востока от мусульманского засилия, был вполне успешным: в августе пал Дербент, основана крепость Святой Крест (весьма символичное крестоносное название), на следующее лето пал Баку. Сенаторы спешили поздравить царя и «за здравие Петра Великого, вступившего на стези Александра Великого, всерадостно пили». Но, хотя шахская армия сопротивления не оказала, поход проходил в тяжелых условиях из-за непривычного климата и враждебности населения. Ситуация осложнялась тем, что Турция, обеспокоенная движением русских войск и пользуясь слабостью Ирана, вторглась в восточную Армению и заняла также восточную Грузию вместе с Тбилиси. Россия оказалась втянутой в серьезный конфликт – весной 1723 года война с Турцией представлялась неизбежной. Угроза со стороны Турции казалась новому шаху Тахмаспу II более серьезной, чем со стороны России, и вскоре в Петербург был отправлен посол Исмаилбек, который в сентябре 1723 года был вынужден подписать мирный договор, согласно которому к России навечно отошла прикаспийская полоса Дагестана, Ширвана, Дербент, Баку, а также Гилян, Мазандеран и Горган (Астрабад). Взамен Россия

должна была помочь шаху справиться с афганскими повстанцами. Восьмитысячный русский корпус вошел в Гилян и оккупировал его столицу город Решт. Еще никогда так далеко к югу – на широту Душанбе и Афин – не доходили русские солдаты. Петр был очень доволен исходом войны и поздравлял своих приближенных с присоединением к империи «нового лоскутка». Этим миром начали сбываться его мечты об овладении богатствами Востока. 17 сентября 1723 года он писал в Голландию Б. Куракину, что с персидским послом «по многим конференциям дело его окончали и помощь обещали за что оной по данной ему полной мочи уступил все провинции по Каспийскому морю лежащие, зачав от Дербеня до Астрабата и сим новоприбыльным краем вам поздравляем, понеже не от бунтовщиков, но от самих хозяев получили, и так с помощью Божиею будем крепчее по времени». Собираясь упрочить свое господство в Иране, Петр приказал информировать голландских купцов об изменении ситуации в районе, из которого в Европу шел в большом количестве шелк-сырец: «…пристойным образом можешь галанцам объявить о торгу их толковом, чтоб оный начать, а ежели будут сумневатца о турках, верь мне, что того они не достигнут турки, ибо я тот край довольно знаю, как труден не точию туркам, но и нашим, каковы нетерпеливы, также и допустить их мы не можем, и можешь обнадежить, что сей торг весьма безопасен, и что мы им всякую возможную спомочь чинить будем». Петр знал, о чем говорил, – с турками шли переговоры о разделе бывших владений Ирана. Летом 1724 года соответствующий трактат был подписан. Согласно ему, Турция гарантировала России ее завоевания, а Россия ей – турецкие, а именно Восточное Закавказье, Азербайджан и часть Западного Ирана с Хамаданом. Разумеется, так как истинные цели войны были иные, чем те, что были объявлены в манифесте 1722 года, то о судьбе православных Закавказья (как и раньше – Балкан) речь не шла. Лишь грузинский царевич Вахтанг получил грамоту, по которой ему разрешалось «ретироватца в наше государство». В случае сопротивления Персии разделу Россия и Турция, согласно трактату, должны были действовать совместно и, «приведя сперва свои персидские провинции в спокойное состояние и усмиря персидское смятение, возстановят на престол персидский достойнейшаго из персиян, а по возстановлению законного шаха не будут мешаться в его дела или нарушать его спокойное владение». О дальнейших планах Петра мы можем судить по его «пунктам» – указам командующему русским корпусом в Персии генералу Матюшкину. Первой его задачей считалось усиление крепостей в Дербенте, Баку, достройка крепости Святой Крест. Так как русские войска стояли лишь в Гиляне, ставилась задача

движения на юго-восток, взятия Мазандерана и укрепления в Астрабаде: «Гилян уже овладена, надлежит Мизендоран також овладеть и укрепить, а в Астрабатской пристани, ежели нужно, зделать крепоссу и для той работных людей, которые определены на Куру, употребить в вышеописанные дела».



Город Дербент в XVIII столетии. С гравюры Оттенса 1726 г.

По мысли Петра, новые колонии предстояло хозяйственно освоить и получать с них доходы. Матюшкин должен был «единым словом как владение людем, так зборы всякие денежные и всякую экономию в полное состояние привесть». Особенно увлекала Петра надежда прибрать к рукам шелковое дело, сулящее огромные прибыли. В июне 1724 года он предписал Матюшкину: «Понеже шелк в Гиляни покупают все на деньги и так зело дорого, того для надлежит осмотреть, сколько людей в Гиляни и Мазандеране ходят за шелком, и ежели не зело великое число, то б помалу своих обучать и приставливать, дабы по времени свои то делали, и так бы дешевле мочно оной доставать, а какое число людей на первой час надобно и сколько по вся годы прислать, о том писать, дабы мы заблаговременно могли оных семьями туды проводить».

О намерении Петра организовать переселение русских, а также вообще христиан в Гилян и Мазандеран говорят и другие источники. В сентябре 1724 года царь дал наказ генералу Румянцеву, отправившемуся на разграничение русско-турецкой границы в Закавказье: «...понеже путь вам или близ чрез Армению будет, также и в Грузии много армян, того ради сколько возможно старайтесь их подговаривать, чтоб они шли в Гилянь и в другие тамошние места жить и, ежели оне многим числом будут, мы

персоф будем высылать и им места где оные жили, отдавать...» В другом письме Румянцеву он писал: «Если турки станут вам об этом говорить, то отвечайте, что мы сами армян не призвали, но они нас по единоверию просили взять их под свое покровительство... надобно смотреть только, чтоб земли принадлежали за кем выговорено в договоре, а народам не надобно препятствовать переходить в ту или другую сторону. Порте еще выгодно будет, когда армяне выйдут, потому, что она тогда без сопротивления землями их овладеет. Прибавь, что если Порта захочет перезывать к себе бусурман из приобретенных нами от Персии провинций, то нам это не будет противно». Матюшкин же получил прямое указание селить армян и избавляться от мусульман. 2 июня 1724 года ему предписывалось: «Тщитца всяким образом, чтоб армян призывать и иных християн, ежеди есть в Гилян и Мизендран и ожилять (давать жилье. – *Е.А.),* а бусурман зело тихим образом, чтоб не узнали, сколько возможно убавливать, а именно туретского закона. Также когда осмотритца, дабы знать сколько возможно там русской нации на первой час поселить».

10 ноября 1724 года смертельно больной Петр принял делегацию армян и в тот же день подписал указ к воинским начальникам на Каспии. Они были обязаны принимать всех переселявшихся армян, предоставлять им удобные земли «и отдавать им в городах и селах те дворы и пожитки, которые пусты, также и тех из магометан, которые явились в какой противности, или на которых какое подозрение есть, тех выводить вон, а их места занимать оными християнами». Намереваясь надолго закрепиться на южном берегу Каспия, Петр был исполнен оптимизма, ибо считал, что стоит у ворот сокровищницы Азии. В этом смысле примечателен его разговор с Ф. Соймоновым во время Каспийского похода. Соймонов говорил царю о необходимости освоить северо-восточный путь в Индию, через Камчатку. Соймонов вспоминает, что Петр на это ответил: «Слушай: я то все знаю, да не ныне, да то далеко, был ты в Астрабатском заливе? знаешь ли, что от Астрабада до Балха в Бухарин и до Водокшана (Бадахшана в Афганистане. – *Е.* А.) и на верблюдах только 12 дней ходу, а там во всей Бухарин средина всех восточных коммерций, и видишь ты горы и берег подле оных до самого Астрабада простирается, и тому пути никто помешать не может». Итак, в 1724 году, накануне смерти, Петр разрабатывал широкую, впечатляющую программу колониального освоения захваченных территорий. Но уже тогда он думал и о новых завоеваниях, особенно в направлении Закавказья. Плацдармом для этого служили завоеванные прикаспийские провинции. Весной 1724 года Петр дает задания дипломатам и военным, которые должны были, подобно Волынскому, произ-

вести рекогносцировку на Кавказе. Так, Матюшкин должен был: «О Куре разведать, до которых мест мочно судами мелкими итить, чтоб подлинно верно было». Румянцеву поручалось: «Смотреть накрепко места положения, а именно от Баки до Грузии какая дорога столь долго мочно с войском итить и мочно ль фураж иметь и на сколько лошадей и путь какоф для войска;… 3. Мочно ль провианту сыскать; 4. Армяня далеко ль от Грузии и стого пути;…Курою рекою возможно ль до Грузии итить судами, хотя малыми;… 7. Состояние и сила грузинцоф и армян, тако ж пути, о которых выше писана, которой удобнее для действ воинских – сие самое главное дело». Не может быть сомнений, завоевание Закавказья и соответственно война с Турцией – вот очередное направление имперской политики Петра на Востоке.

А что же Индия? Петр, по-видимому, намеревался, создав и усилив плацдарм на южном берегу Каспия, двигаться дальше на юг. Об этом точных сведений нет. Но есть сведения о других, совершенно неожиданных поисках пути к вожделенной Индии. Речь идет о снаряжении тайной морской экспедиции в Индию с заходом на Мадагаскар.

Как известно, в конце XVII – начале XVIII века на Мадагаскаре нашли пристанище многочисленные пиратские шайки, вытесненные из Карибского бассейна. Обстановка на Мадагаскаре описана Даниелем Дефо в увлекательном романе «Жизнь и пиратские приключения славного капитана Сингльтона». Положение пиратов было крайне непрочным, ибо англичане и французы жестоко преследовали разбой на море. Тогда в пиратской «республике» возникла идея просить протекцию у какого-либо европейского государя, с тем чтобы присоединить к его государству Мадагаскар. Такие предложения делались голландцам, французам. В 1718 году один из главарей пиратов Каспар Морган посетил Швецию и получил охранную грамоту, согласно которой он отныне являлся наместником шведского короля на Мадагаскаре. В 1722 году шведы отправили на Мадагаскар экспедицию командора К. Г. Ульриха на фрегате «Яррамас», которая дошла лишь до Испании и, простояв несколько месяцев в Кадиксе, вернулась в Швецию. И хотя эту экспедицию, как и весь замысел шведов, окружала тайна, Петр стал ее обладателем, получив информацию через поступивших на его службу моряков, среди которых был принятый в вице-адмиралы российского флота швед Д. Вильстер – опытный моряк и флотоводец. Летом 1723 года он по заданию Петра представил записку о попытках шведов закрепиться на Мадагаскаре и о том, что пиратам разрешалось вступить в подданство шведского короля и «слыть шведским населением на вышеписанных островах и всем вкупе со всею подданною верно-

стию в первечные веки короны Свейской соединенными пребывать». В заключение Вильстер рекомендовал Петру связаться непосредственно с Морганом, чтобы «Его императорского величества намерение по желанию всяким благополучием наградить». В ноябре 1723 года, то есть тогда, когда флот уже завершил кампанию, Петр дал распоряжение о начале подготовки экспедиции, причем все это было обставлено особой секретностью. Для экспедиции, которая поручалась Вильстеру, определялись прекрасные фрегаты голландской постройки – «Амстердам-Галей» и «Декронделивд», укомплектованные лучшими моряками флота. Фрегаты предписывалось снабдить продовольствием на восемь месяцев, замаскировать под торговые суда. Они должны были двигаться, минуя оживленные морские перекрестки, не через Ламанш, а «кругом Шкоции и Ирляндии… дабы не дать никому никакого подозрения» на юг. Инструкции, данные Вильстеру, предусматривали конечной целью экспедицию в Индию. По дороге корабли должны были зайти на Мадагаскар, и Вильстеру поручалось пригласить пиратского «короля» в подданство российского императора. Необычайное время года для сборов, их поспешность и секретность – все это делалось для того, чтобы опередить подобную экспедицию шведов. В верительной грамоте малагасийскому владетелю от 3 декабря 1723 года говорилось об этом почти неприкрыто: «Объявляем сим, понеже нам ведомо учинилось, что высокопочтенный король славного острова Мадагаскарского в прошлых временах искал протекции у покойного короля шведского… того ради мы за благо изобрели к нему, высокопочтенному королю Мадагаскарскому нашего вице-адмирала Вильстера и капитана морского Мясного и капитан-поручика Кошелева к оному наше намерение предложить, а именно, что ежели вышеупомянутый король Мадагаскарский склонность имеет у какой державы протекцию искать, то мы от сердца желаем, дабы мы то счастие имели оного в нашу протекцию принять…».

Даже при самой богатой фантазии с трудом представляешь флаг Российской империи над фортом в заливе Антонжиль острова Мадагаскар. И тем не менее планы эти были близки к осуществлению. От Мадагаскара Вильстер должен был двигаться дальше – в Индию. Согласно специальной инструкции он, как полномочный посланник России, должен был попасть к Великому Моголу «и всякими мерами… его склонить, чтоб с Россиею позволил производить коммерцию, и иметь с ним договор, какие товары потребны в Россию, также и какие в его областях товары из России надобны суть». Важно отметить, что организация этой экспедиции совпала по времени с заключением русско-персидского мира 1723 года, по которому к России отошли прикаспийские

провинции Персии. Координация этих столь разных событий осуществлялась одним человеком – Петром. Но экспедиция не состоялась.

21 декабря 1723 года корабли вышли из Рогервика, но сразу же попали под шквальный ветер, и «Амстердам-Галей» дал сильную течь. Пришлось идти в Ревель, чтобы отремонтировать корпус фрегата. Для этого нужно было положить его на борт. Во время килевания в январе 1724 года произошло несчастье – пушечные порты фрегата были не только не законопачены, как это полагалось при таких операциях, но даже и не закрыты. «Амстердам» перевернулся. Многим (кроме шестнадцати человек) удалось спастись, но экспедицию пришлось отложить. Петр дал распоряжение подобрать новые корабли, но они оказались не подшиты коровьими шкурами, которые предохраняли днища от моллюсков южных морей. Шкур не оказалось на складе… одним словом, дальше все было так, как это частенько бывает на Руси.

В итоге подготовка кораблей к походу затянулась, а в феврале Петр приказал отложить экспедицию до лучших времен. К этому времени он получил от уже упомянутого командора Ульриха точные сведения о том, что пиратская «республика» на Мадагаскаре распалась, колония обезлюдела. Из этого царь мог заключить, что вряд ли стоит рисковать в этой авантюре с Мадагаскаром.

Но мысль о поиске морского пути в Индию не оставляла Петра. В конце жизни он решил выяснить возможность северного пути и вслед за отправленной в 1719 году экспедицией И. Еврейнова и Ф. Лужина послал на Дальний Восток В. Беринга с заданием изучить возможность прохода между Азией и Америкой. Одновременно царь стремился как можно быстрее освоить персидские провинции. Впоследствии, выполняя его планы, правительство Екатерины I расширяло свои владения к северу и югу от Решта, занимая города, укрепляя их, строя крепости, одна из которых получила название Екатеринополь…

Кто знает, что было бы, если бы царь прожил еще несколько лет. Мысль о том, что завоеванные провинции – плацдарм на Среднем Востоке, имеет под собой основания. По крайней мере, следует прислушаться к Артемию Волынскому, хорошо знавшему восточную политику Петра и вспоминавшему позже: «По замыслам его величества не до одной Персии было ему дело. Ибо, если б посчастливилось нам в Персии и продолжил бы всевышний живот его, конечно, покусился достигнуть до Индии, а имел в себе намерения и до Китайского государства, что я сподобился от Его императорского величества… сам слышать».

«Кому вышеписанное насаждение оставлю?»

Двадцать восьмого января 1725 года Петр умер. В манифесте об этом говорилось: «Понеже по воле всемогущего Бога всепресветлейший, державнейший Петр Великий, император и самодержец всероссийский, наш всемилостивейший государь сего генваря 28 дня от сего временного мира в вечное блаженство отъиде…» Тяжело покидал этот временный, но столь дорогой каждому мир великий реформатор России. Вокруг смерти Петра распространено немало легенд и слухов, и замалчивание их в литературе лишь способствовало их широкому хождению. Согласно выводам специалистов Петербургской (тогда – Ленинградской) военно-медицинской академии, изучивших материалы истории болезни Петра, смерть царя наступила вследствие азотемии. Причиной ее «явилась либо аденома простаты, приводящая в своей заключительной стадии к задержке мочеиспускания и развитию уремии, либо развившаяся вследствие воспалительного процесса в уретре ее стриктура». Важно при этом заметить, что, по мнению многих специалистов, воспалительный процесс в уретре может быть следствием заболевания Петра urethritis gonorrhoica, но никак не сифилисом.

Петр умер, не оставив завещания. Однако в литературе и общественном сознании живет легенда о том, что незадолго до смерти он пытался отдать распоряжение о наследнике престола – Петр написал коснеющей рукой: «Отдайте все…». Кроме этих двух слов ничего больше расшифровать не удалось. Источником этой версии являются «Записки» Г. Ф. Бассевича – придворного Голштинского герцога Карла-Фридриха. «Очень скоро после праздника святого крещения 1725 года, – пишет Бассевич, – император почувствовал припадки болезни, окончившейся его смертью. Все были очень далеки от мысли считать ее смертельною, но заблуждение это не продолжалось и восьми дней. Тогда он приобщился святых тайн по обряду, предписываемому для больных греческою церковью. Вскоре от жгучей боли крики и стоны его раздались по всему дворцу, и он не был уже в состоянии думать с полным сознанием о распоряжениях, которых требовала его близкая кончина. Страшный жар держал его почти в постоянном бреду. Наконец, в одну из тех минут, когда смерть перед окончательным ударом дает обыкновенно вздохнуть несколько своей жертве, император пришел в себя и выразил желание писать – но его отяжелевшая рука чертила буквы, которых невозможно было разобрать, и после его смерти из написанного им удалось прочесть только первые слова: „Отдайте все…“ Он сам заметил, что пишет неясно, и потому закричал, чтоб позвали к нему принцессу

Анну, которой хотел диктовать. За ней бегут; она спешит идти, но когда является к его постели, он лишился уже языка и сознания, которые более к нему не возвращались. В этом состоянии он прожил однакож еще 36 часов». Как справедливо отмечалось в литературе, цель этого эпизода – убедить читателя в том, что Петр намеревался передать престол старшей дочери Анне Петровне – невесте Голштинского герцога Карла-Фридриха, сюзерена Бассевича. Совершенно очевидно, что в своих записках, сочиненных много лет спустя, Бассевич хотел таким образом упрочить престиж нового Голштинского герцога – сына Анны Петровны, будущего Петра III. Пусть даже Бассевич отразил действительно происходившие события, они все равно не имели бы реальных последствий, ибо, даже если б удалось разобрать слова, нацарапанные Петром на клочке бумаги или на грифельной доске, это не могло стать формальным государственным актом о престолонаследии. Для признания за ним юридической силы нужен был ряд общепринятых процедур: освящение документа, публичная присяга душеприказчиков царя и т. д. Во всяком случае, быль это или легенда, – но Петр умер, не успев распорядиться о наследнике. Вероятнее всего, ни сам 52-летний царь, ни его близкие не думали о столь неожиданной и быстрой кончине. Когда же смерть встала у его изголовья, что-либо предпринимать было уже поздно. Трудно представить, что Петр вовсе не думал о завещании, – ведь он был давно и тяжело болен. Но даже если он и осознавал близость смерти, решить, кому же оставить в наследство трон и империю, ему было совсем непросто. И в этой ситуации он мог оттягивать момент провозглашения наследника.

Петр Великий на смертном одре. С портрета И. Никитина.

В допетровские времена вопрос бы решился достаточно легко: престол по закону переходил по прямой мужской нисходящей линии – от отца к сыну и далее – к внуку. Если бы такой порядок сохранялся, наследником должен был бы стать внук Петра, Петр Алексеевич, сын царевича Алексея. Однако вся сложность проблемы состояла в том, что Петр так называемым «Уставом о наследии престола» от 5 февраля 1722 года разрушил эту традицию, в корне изменив порядок престолонаследия: отныне самодержцу было предоставлено право самому назначать себе преемника. «Чего для за благо рассудили мы сей Устав учинить, дабы сие было всегда в воли правительствующего государя, кому оной хочет, тому и определит наследство и определенному, видя какое непотребство, паки отменит, дабы дети и потомки не впали в какую злость, как выше писано, имея сию узду на себе». Всем подданным предписывалось дать присягу в верности установленному порядку престолонаследия «на таком основании, что всяк, кто сему будет противен, или инако как толковать станет, тот за

изменника почтен, смертной казни и церковной клятве подлежать будет».

О каком таком толковании «инако» закона самодержца может идти речь, и чем вообще вызван был знаменитый «Устав» Петра, внесший в историю России XVIII века столь пагубный для политической жизни страны элемент нестабильности?

Вся ситуация, приведшая к появлению «Устава», была обусловлена трагедией, происшедшей в царской семье незадолго до 1722 года. Первый ее акт завершился 3 февраля 1718 года, когда царевич Алексей Петрович отрекся от своих прав на престол. Это была уже развязка конфликта отца и сына, имевшего длинную предшествующую историю.

На завершающем этапе следствия по делу царевича Алексея Петр заинтересовался глубинными причинами «упрямства» сына. Он распорядился, чтобы П. А. Толстой, главный следователь по этому делу, спросил у Алексея: «Что причина, что не слушал меня и нимало ни в чем не хотел делать того, что мне надобно, и ни в чем не хотел угодное делать, а ведал, что сие в людех не водится, также грех и стыд?» На это царевич отвечал: «Причина та, что со младенчества моего несколько жил с мамою и с девками, где ничему иному не учился, кроме избных забав, а больше научился ханжить, к чему я и от натуры склонен, а потом, когда меня от мамы взяли, также с теми людьми, которые тамо при мне были, а именно – Никифор Вяземский, Алексей да Василий Нарышкины; и отец мой, имея о мне попечение, чтоб я обучался тем делам, которые пристойны к царскому сыну, также велел мне учиться немецкаго языку и другим наукам, что мне было зело противно, и чинил то с великою леностью, только чтобы время в том проходило, а охоты к тому не имел. А понеже отец мой часто тогда был в воинских походах, а от меня отлучался, того ради приказал мне иметь присмотр светлейшему князю Меншикову и когда я при нем бывал, тогда принужден был обучаться добру, а когда от него был отлучен, тогда вышепомянутые Вяземский и Нарышкины, видя мою склонность ни к чему иному, только чтоб ханжить и конверсацию (беседу. – *Е.* А.) иметь с попами и чернецами и к ним часто ездить и подливать, а в том мне не токмо претили, но и сами тож со мною охотно делали. А понеже они от младенчества моего при мне были, а я обыкл их слушать и бояться, и всегда им угодное делать, а они меня больше отводили от отца моего и утешали вышеупомянутыми забавами и помалу помалу не токмо дела воинския и прочия от отца моего дела, но и самая его особа зело мне омерзла и для того всегда желал от него быть в отлучении». Конечно, допросные признания запуганного пытками царевича – весьма ненадежный источник. Мы видим,

как Алексей спешит сказать то, что от него хотят услышать, как он стремится свалить вину на свое окружение, якобы сознательно воспитывавшее его в духе противоречия Петру, и при этом старается не бросить тень на своего формального воспитателя – всесильного тогда Меншикова. Отрицать влияние окружения, среды, в которой жил молодой человек, конечно, нельзя – оно может быть огромно. Но дело не только в различиях формальной и реальной педагогики. Будущий конфликт отца и сына, их отчужденность, переросшая затем во вражду, были предопределены изначально тем положением, в котором оказался наследник российского престола. Алексей – сын Петра от первой, сосланной в 1698 году в монастырь, жены Евдокии Лопухиной – почти с младенчества (он родился в 1690 году) оказался на дальней периферии интересов царя. Он был живым и неприятным напоминанием о неудачном первом браке, да и вообще обо всей ненавистной Петру «московской жизни», и не мог стать отцу близким человеком. Тем более, не возникло этой близости и позже – когда у Петра появилась новая семья. Вряд ли Екатерине, рожавшей Петру других наследников и мечтавшей, как и каждая мать, об их благополучной судьбе, нужен был пасынок. Надо полагать, что мальчик, насильно восьми лет от роду отнятый у матери (примечательно, что на допросах он называет ее «мамой»), выросший среди чужих людей, не мог ее забыть. Но Петр запрещал Алексею видеться с Евдокией – старицей Еленой суздальского Покровского монастыря – и, узнав однажды, что царевич, уже 17-летний, тайно ездил к матери на свидание, был вне себя от гнева. По-видимому, причина длительного семейного конфликта была связана и с тем, что Петр в воспитании своего сына (впрочем, как и своих подданных) исходил из распространенной тогда педагогической концепции принуждения – он назначил Алексею содержание, определил учителей и воспитателей, утвердил программу образования и, занятый тысячами срочных дел, успокоился, полагая, что наследник на верном пути, а если что – страх наказания поправит дело.

Царевич Алексей Петрович.

Но, как часто бывает в жизни, давление на личность ребенка порождало притворство, желание найти противовес диктату отца. Сильное скрытое сопротивление всему, что исходило от царя, проявляясь в чувстве «омерзения» к его особе, привело в итоге к непониманию, неприятию грандиозных дел, составлявших главный смысл и цель жизни Петра. Известный довоенный фильм «Петр Первый», где роль царевича Алексея играет Николай Черкасов, сформировал в общественном сознании образ наследника как личности ничтожной, безвольной, неврастеничной и посредственной. В жизни, вероятно, было не так. Нельзя забывать, что Алексей был сыном Петра и, надо думать, унаследовал многие его черты, которые, однако, под влиянием неблагоприятных обстоятельств жизни царевича сильно деформировались: упорство превратилось в бессмысленное упрямство, ум ушел в злословие, энергия – в кутежи с приближенными, «организованными», подобно «Всепьянейшему собору» отца, в особую «компанию», в

которой не оказалось ни одного человека, кто бы разглядел смысл нараставшего год от года конфликта между отцом и сыном. Не удалась и семейная жизнь царевича: по распоряжению Петра в 1711 году Алексей, явно против своей воли, стал мужем кронпринцессы Шарлотты-Софии Брауншвейг-Вольфенбюттельской, чувствами которой тоже никто не поинтересовался. Чуждые друг другу люди, Алексей и Шарлотта, подобно многим другим династическим парам, были лишь пешками в той политической игре, которую затеяли в послеполтавский период русский царь, польский король и австрийский император – родственник Шарлотты. Брак этот, как нетрудно догадаться, был несчастливым. Приближенный Алексея И. Большой-Афанасьев показал на допросе 1 мая 1718 года: «Царевич был в гостях, а где сказать – не упомню, приехал домой хмелен, ходил к кронпринцессе, а оттуда к себе пришел, взял меня в спальню, стал с сердцем говорить: „Вот, де, Гаврила Иванович с детьми своими (канцлер Г. И. Головкин и его сыновья-дипломаты. – *Е.* А.) жену мне чертовку навязали; как-де, к ней приду, все-де, сердитует и не хочет-де, со мною говорить, разве-де, я умру, то ему не заплачу. А сыну его, Александру, голове его быть на коле и Трубецкаго: они-де, к батюшке писали, чтоб на ней жениться“». Чужды были Алексею и появившиеся вскоре дети – Наталья, затем Петр, родив которого в 1715 году, Шарлотта умерла. Забегая вперед, отметим, что Алексей не организовывал никакого заговора против Петра, он находился в постоянной обороне и вряд ли перешел бы в наступление – при жизни отца это было равносильно самоубийству. Можно лишь определенно говорить, что царевич с нетерпением ждал своего часа, который должен был наступить со смертью отца, – после 1710 года здоровье Петра стало вызывать опасения у окружающих, да и у самого царя. Никакой определенной, четкой «реставрационной программы» у царевича не было, хотя какие-то наметки плана будущего царствования постепенно складывались. Его последняя спутница жизни, крепостная Ефросинья, на одном из допросов показала: «Да он же, царевич, говаривал: когда он будет государем и тогда будет жить в Москве, а Питербурх оставит простой город; также и корабли оставит и держать их не будет, а войска-де станет держать только для обороны, а войны ни с кем иметь не хотел, а хотел довольствоваться старым владением и намерен был жить зиму в Москве, а лето – в Ярославле; и когда слыхал о каких-то видениях или читал в курантах, что в Питербурхе тихо и спокойно, говаривал, что видение и тишина недаром: „Может быть, либо отец мой умрет, либо бунт будет“».

Если учесть, что показания дала не блещущая умом и образованием крепостная наложница царевича, которую он особенно не

посвящал в свои планы, говоря ей: «…ты ничего не знаешь и сказывать, де, тебе не для чего», то можно предположить, что, по-видимому, царевич, придя к власти, намеревался свернуть активную имперскую политику отца, ставшую столь очевидной именно к концу Северной войны. Не исключено также, что устами царевича говорила политическая оппозиция, загнанная Петром в глубокое подполье, но надеявшаяся подняться с приходом к власти Алексея Петровича. Материалы следственного дела Алексея с определенностью свидетельствуют, что даже среди сподвижников преобразователя (особенно из числа родовитой знати), а также в среде духовенства было немало сочувствовавших царевичу. Это позволило Алексею как-то сказать Ефросинье (в ее передаче): «Хотя-де, батюшка и делает, что хочет, только как еще Сенаты похотят, чаю-де, Сенаты и не сделают, что хочет батюшка». Вероятно, Петр по своим каналам получал информацию о настроениях царевича, его окружения и о симпатиях к нему знати и духовенства. В письме Алексею от 19 января 1716 года он, подчеркивая, что не доверяет ни единому слову сына, отмечал: «Что же приносишь клятву, то верить невозможно для вышеписаннаго жестокосердия. К тому ж и Давидово слово: всяк человек – ложь. Також хотя б истинно хотел хранить, то возмогут тебя склонить и принудить большия бороды, которыя, ради тунеядства своего, ныне не во авантаже обретаются, к которым ты и ныне склонен зело».

Как бы ни были сложны отношения отца и сына, последний смело смотрел вперед, ибо за ним было будущее. То, что царевич был официальным и единственным наследником, придавало ему особую силу ожидания своего часа, позволяло, хотя и скрытно, но все же оппонировать отцу, не опасаясь последствий, – вариантов у царя не было. Но так продолжалось до 1715 года, когда в царской семье произошли весьма важные события… Только что процитированное письмо Петра озаглавлено им самим так: «Последнее напоминание еще». Первым же «напоминанием» следует считать пространное послание царя сыну от 11 октября 1715 года, начинавшееся вполне официальными словами: «Объявление сыну моему». В нем царь обвиняет Алексея в лени, нежелании приобщаться к военным делам и завершает письмо угрозами, которых ранее в их переписке не было: «Сие все представя, обращуся паки на первое, о тебе разсуждая: ибо я есмь человек и смерти подлежу, то кому вышеписанное с помощию Вышняго насаждение и уже некоторое и возращенное оставлю? Тому, иже уподобился ленивому рабу евангельскому, вкопавшему талант свой в землю (сиречь все, что Бог дал, бросил)! Еще же и сие воспомяну, какова злаго нрава и упрямаго ты исполнен! Ибо сколько много за сие

тебя бранивал, но не точию бранивал, но и бивал, к тому ж сколько лет почитай не говорю с тобой, но ничто сие успело, ничто пользует, но все даром, все на сторону и ничего делать не хочешь, только б дома жить и им веселиться, хотя от другой половины и все противно идет. Однако всего лучше, всего дороже безумный радуется своею бедою, не ведая, что может оттого следовать… не точию тебе, но и всему государству. Что все я с горестию размышляя и видя, что ничем тебя склонить к добру, за благо изобрел сей последний тестамент тебе написать и еще мало подождать, аще нелицемерно обратишься». И далее следует то, ради чего, собственно, и писалось это послание: «Ежели же ни, то известен будь, что я весьма тебя наследства лишу, яко уд гангренный и не мни себе, что один ты у меня сын и что я сие только в устрастку пишу воистину (Богу извольшу) исполню, ибо за мое отечество и люди живота своего не жалел и не жалею, то како могу тебя непотребнаго пожалеть? Лучше будь чужой добрый, ниже свой непотребный. В 11 день октября 1715. При Санктпитербурхе. Петр».

Почему это решительное письмо относится именно к октябрю 1715 года, хотя отношения отца и сына, как явствует даже из приведенного текста, были тяжелыми уже давно? И почему именно в нем впервые говорится о намерении лишить непослушного сына наследства?

Конечно, это не случайно: Петр все чаще задумывался о будущем, поведение же Алексея не внушало особых надежд. Царь понимал, что наследник не будет продолжать начатое им. К середине 10-х годов здоровье царя, подорванное войной и болезнями, стало вызывать беспокойство окружающих, да и самого Петра. Кроме того, Петр собирался надолго покинуть страну, чтобы у побережья Германии и Швеции добиться окончательного перелома в войне с Карлом XII. Поэтому вопрос о престолонаследии обострился в сознании Петра и требовал радикального разрешения в свойственном царю стиле. 29 октября того же года судьбе было угодно еще туже затянуть узел: Екатерина благополучно родила мальчика – цесаревича Петра Петровича.

Петр Петрович.

Отвечая 31 октября на письмо Петра, Алексей, явно спеша угадать, упредить желание царя, заявляет, что он отказывается от престола не только из-за того, что чувствует себя неспособным нести бремя власти, но и потому, что у него появился младший брат: «…понеже вижу себя к сему делу неудобна и непотребна, понеже памяти весьма лишен (без чего ничего возможно делать) и всеми умными и телесными (от различных болезней) ослабел и непотребен стал к толикаго народа правлению, где требует человека не такого гнилаго, как я. Того ради, наследия (дай Боже вам многолетное здравие!) Российскаго по вас (хотя бы и брата у меня не было, а ныне, слава Богу, брат у меня есть, которому дай боже здравия) не претендую и впредь претендовать не буду, в чем Бога свидетеля полагаю на душу мою, и, ради истиннаго свидетельства, сие пишу своею рукою. Детей моих вручаю в волю вашу, себе же прошу до смерти пропитания». Однако простого отказа от престолонаследия Петру мало, и через три месяца он направляет сыну упомянутое второе – «Последнее напоминание еще». (Заметим попутно, что обмен посланиями людей, живущих рядом в Петербурге, не был случаен, – по-видимому, Петр, посылавший сыну своеобразные официальные предупреждения, был заинтересован в существовании и сохранении этой переписки.). В своем «напоминании еще» царь ставит царевича перед выбором: «…так остаться, как желаешь быть, ни рыбою, ни мясом, невозможно,

но или отмени свой нрав и нелицемерно удостой себя наследником, или будь монах: ибо без сего дух мой спокоен быть не может, а особливо, что ныне мало здоров стал. На что, по получении сего, дай немедленно ответ или на письме или самому мне на словах резолюцию. А буде того не учинишь, то я с тобою, как с злодеем поступлю». Алексей согласился и на это и на следующий день ответил отцу: «Желаю монашескаго чина и прошу о сем милостиваго позволения. Раб ваш и непотребный сын Алексей».

Вскоре Петр уезжает за границу и из Копенгагена пишет 26 августа 1716 года сыну письмо (так, как будто он не получал согласия Алексея на уход в монастырь), требуя немедленного решения: либо, встав на путь истинный, ехать в Копенгаген, где русской армией и флотом готовилась высадка на шведское побережье, либо немедленно постричься в монастырь. Причем Петр требует точно сообщить, «куды и в которое время и день (дабы я покой имел в моей совести, чего от тебя ожидать могу). А сего доносителя пришли со окончанием (то есть с окончательным решением. – *Е.А.):* буде по первому – то когда выедешь из Петербурга; буде же другое, то когда совершишь. О чем паки подтверждаем, чтобы сие конечно учинено было, ибо вижу я, что только время проводишь в обыкновенном своем неплодии».

Столь непримиримая и жесткая позиция Петра сделала положение Алексея, в сущности, безвыходным: 26-летний светский человек, конечно, не хотел идти в монастырь, хоть и вынужден был дать согласие, полагая, очевидно, что это больше педагогическая угроза, нежели неотвратимая и скорая реальность. Но ничего хорошего он не ждал и от предстоящего свидания с отцом – вероятно, оба понимали, что «отменить свой нрав», как требовал отец, Алексей уже не мог. И тогда Алексей решается бежать, скрыться от отца и своей судьбы. Не в силах оказать сопротивления подчиняющему все и вся государственным целям деспотизму Петра, но и не желая отказываться от престола, а тем более идти в монастырь, он решается на страшное для российских подданных преступление – побег за границу, расценивавшийся однозначно как государственная измена. Добравшись осенью 1717 года до владений австрийского императора, он просит (и сразу же получает) политическое убежище. Несомненно, побег этот – акт отчаяния, протест человека, оказавшегося в безвыходном положении, попытка разорвать смыкавшееся вокруг него кольцо. Алексея гонит страх, ему не дает покоя навязчивая мысль, что его партия проиграна, и, отказавшись от монашества, он обрекает себя на тяжкие испытания и, возможно, смерть. Бежав в нейтральную Австрию, он не имел никакого определенного плана на ближайшее будущее, он жаждал отдыха, хотел снять то напряже-

ние, которое владело им после решительных и жестких посланий отца. Ефросинья свидетельствует: «Царевич же мне сказывал, что он от отца для того ушел, что-де отец к нему был немилостив, и как мог искал, чтоб живот его прекратить и хотел лишить наследства; к тому ж, когда во время корабельнаго спуску всегда его поили смертно (вспомним рассказ Юста Юля о петровских застольях. – *Е.* А) и заставляли стоять на морозе, и от того-де он и ушел, чтобы ему жить в покое, доколе отец жив будет и наследства он, царевич, весьма желал и постричься отнюдь не хотел». Став изгнанником, царевич тем не менее не был окончательно убежден в правильности своего выбора, его, вероятно, мучили сомнения, чем, собственно, и воспользовался посланный Петром П. А. Толстой. Выполняя волю Петра, он, вместе с А. И. Румянцевым, после долгих поисков нашел царевича, добился с ним встречи. В конечном счете, он сумел убедить Алексея вернуться домой, пока не поздно, повиниться, исправить ошибку. Толстой сумел за несколько бесед с царевичем подчинить его своей воле, умело сочетая ласковые увещевания с грубыми угрозами. Он твердо обещал Алексею отцовское прощение и в подтверждение предъявил ему письмо царя, который, в частности, писал: «Буде же боишься меня, то я тебя обнадеживаю и обещаю Богом и судом его, что никакого наказания тебе не будет; но лучшую любовь покажу тебе, ежели воли моей послушаешь и возвратишься». Одновременно Толстой грозил царевичу непрерывным преследованием, пугал его русско-австрийской войной, которую якобы хочет начать Петр, обещал, что, если Алексей попытается бежать в Италию, за ним поедет сам царь. После долгих колебаний царевич решился: «Я поеду к отцу с условием, что назначено было мне жить в деревне и чтобы Ефросиньи у меня не отнимать». Разумеется, и то и другое было тут же обещано.

Петр Андреевич Толстой (1645—1729)

Не исключено, что именно Ефросинья, в которой Алексей души не чаял (она к тому же ждала от него ребенка), уговорила его «повиниться батюшке». Известно, что Ефросинья, тотчас попавшая в путы Толстого, оказалась, в сущности, единственным человеком из окружения царевича, кто не подвергся пыткам в застенках Тайной канцелярии и вышел сухим из воды, замутненной кровью десятков людей.

3 февраля 1718 года царевич был привезен в Москву, в Кремль, где и состоялась сцена отречения наследника от престола. В нашем распоряжении есть два источника, которые передают это историческое событие, но выделяют в нем разные нюансы. Первый документ – это письмо-отчет обер-фискала А. Нестерова Меншикову, остававшемуся в Петербурге, а второй – письмо Алексея Ефросинье, написанное сразу же после церемонии.

Нестеров, в частности, сообщал: «Его высочество государь царевич вчерашняго числа по утру по полуночи в 9 часу пришел к Москве таким образом: Царское величество изволил дожидаться

вверху в Ответной палате, тут же были собраны духовные особы, также министры и сенаторы, и повещено, государь, было всяких чинов людям, кроме подлаго народа, чтоб были все в вышепомянутой палате и когда все собрались, и тогда его высочество изволил прибыть в ту же Ответную палату и при его высочестве Петр Андреевич Толстой; пришед прямо к своему родителю, Всемилостивейшему государю, заплакав, повалился в ноги и просил прощения в преступлении и того часу Его величество повелел встать и изволил объявлять свою родительскую милость, в каком содержании его имел и как обучал к тому, чтоб быть наследником, но Его высочество то презрел и не хотел того внятно обучаться, якобы надлежало наследнику и прочия преступления противныя; а изволил Его величество говорить изустно и громко, что все слышали, но на то отповеди оправдательной никакой Его высочество говорить не мог, только просил прощения и живот, а наследия не желает; и потом Его величество изволил еще говорить громко же, чтоб показал самую истину, кто Его высочества были согласники, чтоб объявил. И на те слова Его высочество поползнулся было говорить, но, понеже Его величество от того сократил, и тем его высочества разговор кончился и вскоре после сего повелел читать манифест… а как оный прочли громко, чтоб все слышали, тогда его величество изволил сказать, что прощаю, а наследия лишаю и потом тотчас Его величество купно и с Его высочеством и прочие как духовныя особы, как и министры и всех чинов люди, пошли в соборную церковь, а пришед в церковь пред святым Евангелием Его высочество учинил присягу и, присягнув, подписался, что наследия не желает, а уступил брату своему Его высочеству государю царевичу Петру Петровичу, а потом присягали же все духовные, и министры, и прочие всех чинов люди, и подписались… И по учинении вышепомянутого Его величество и Государь царевич изволили идти кушать в Преображенское. Також после полудня в 3 часу все министры съехались в дом Царского величества в Преображенское и веселились довольно…»

Письмо царевича к находившейся еще тогда за границей Ефросинье передает как стремление Алексея убедить своего высокого цензора, к которому не могло не попасть письмо, что его намерения чисты, так и чувства облегчения и надежды, которой не было суждено сбыться:

«Друг мой сердешной Афрасинюшка! Здравствуй, матушка моя на множество лет! Я приехал сюда сегодни, а батюшка был в Верху на Москве, в Столовой полате со всеми, и тут я пришел и поклонился ему в землю, прося прощения, что от него ушел к цесарю, и подал ему повинное письмо, и он меня простил милостиво и сказал, что-де тебя наследства лишаю и надлежит-де тебе

и прочим крест целовать брату, яко наследнику, и чтоб как мне, так и прочим по смерти батюшковой не промышлять о моем возведении на престол, и потом велел честь, за что он меня лишил наследства, и потом пошли в соборную церковь и целовали я и прочие крест, а каково объявление и пред крестом присяга – то пришлю к тебе впредь, а ныне за скоростью не успел, и потом батюшка взял меня к себе есть и поступает ко мне милостиво, дай боже и впредь также и чтоб мне даждаться тебя в радости. Слава Богу, что нас от наследства отлучили, понеже останемся в покое с тобою. Дай Боже благополучно пожить с тобою в деревне, понеже мы с тобою ничего не желаем, только чтоб жить в Рождествене; сама ты знаешь, что мне ничего не хочется, только б с тобою до смерти в покое дожить, а что немецких врак (имеется в виду немецкая пресса. – *Е.* А), будет о сем – не верь, пожалуй, ей-ей больше ничего не было. Верный друг твой Алексей. Из Преображенского в 3 февраля 1718».

Нет, никогда не суждено было Алексею и Ефросинье уединиться в деревенской тиши, да и вообще это была пустая мечта, навеянная относительно милостивым приемом, который оказал непутевому сыну царь, весьма довольный прекращением грандиозного международного скандала с непредсказуемыми последствиями. Обрадованный хорошим приемом, Алексей не заметил явственного рокота приближающейся державной грозы. Это заметил опытный обер-фискал – вспомните то место из его письма, где речь идет о том, что Петр громким голосом потребовал, чтобы царевич назвал имена своих «согласников» – сообщников, а затем, когда Алексей начал было публичный донос, прервал его – «сократил». Думаю, что у многих присутствовавших на этом действе и общавшихся когда-то с Алексеем содрогнулись сердца, и скверное предчувствие охватило их – все, кроме царевича, поняли, что эта сцена введена царем в разыгранный государственный спектакль совсем не случайно.

Державная гроза приближалась и была неизбежна – нужно знать Петра: даже если предположить, что он искренне, как отец, простил блудного сына, как государь он должен был довести до конца дело об изменнике Алексее Петровиче Романове, а, как известно, в России не бывает дел об измене без сообщников.

Читая следственные материалы, – а дело было начато уже на следующий день после мирного родственного обеда в Преображенском, – видишь, как идет целенаправленный поиск сообщников: слишком откровенно стремление следователей обнаружить заговор и поставить во главе него Алексея. Не знаю, верил ли сам царь в существование подобного заговора, но не приходится сомневаться, что с помощью следствия, суда, угрозы репрессий,

страшных казней Петр сознательно запугивал своих политических противников. Кровавое дело Алексея, потрясшее тогдашнее общество, как раньше кровавые стрелецкие казни, должно было парализовать способность оппозиции к сопротивлению реформам и лично царю.

Вместе с тем Петр, как трезвый политик, отчетливо понимал, что даже публичное отречение Алексея в пользу Петра Петровича ничего не решает и не гарантирует сохранение престола за сыном Екатерины. И хотя знать и другие подданные присягнули на верность Петру Петровичу, Петр видел, что многие с этим в душе не согласны, а некоторые даже прямо отказываются признать законность такого акта.

Так, 2 марта 1718 года в Преображенской церкви к Петру протиснулся подьячий Илларион Докукин и протянул царю стандартный печатный экземпляр присяги в верности Петру Петровичу, который были обязаны подписать подданные после соответствующей церковной церемонии. На месте, оставленном для подписи, рукой Докукина было написано: «За неповинное отлучение и изгнание Всероссийского престола царскаго Богом хранимаго государя царевича Алексея Петровича христианскою совестию и судом Божиим и пресвятым Евангелием не клянусь и на том животворяшаго креста Христова не целую, и собственною своею рукою не подписуюсь;...хотя за то и царский гнев на мя произлиется, буди в том воля Господа Бога моего Иисуса Христа по воле его святой за истину яз, раб Христов, Илорион Докукин страдати готов. Аминь, аминь, аминь».

Это был демонстративный дерзкий вызов воле всесильного самодержца. Тут же, в церкви, Докукин был арестован и в тюрьме дал показания о причинах своего необычайного гражданского поступка: «На присяге подписал своеручно он, Ларион, соболезнуя об нем, царевиче, что он природной и от истинной жены, а наследника царевича Петра Петровича за истинного не признает, потому что-де, хотя нынешняя государыня царица и христианка, но, де, когда государя не будет, а царевич Петр Петрович будет царствовать и в то-де время она, царица, сообщится с иноземцами и будет от них христианам спона (вред) потому, что она нездешней природы».

Через две недели Докукина подвергли публичной казни – колесованию, и, не выдержав нечеловеческих мук длительной казни, он раскаялся, был снят с колеса и «помилован» – обезглавлен. Были начаты и другие подобные этому дела. Маховик репрессивной машины (для расследования дела Алексея была создана специальная Тайная канцелярия во главе с П. А. Толстым) стал стремительно раскручиваться, захватывая своими зубцами все новые

и новые жертвы.

Розыск по делу государственного преступника царевича Алексея отличался особой суровостью, и пытки подследственных в первой половине 1718 года шли непрерывно. В застенок была привезена и старица Елена (Евдокия Лопухина), признавшаяся в том, что поддерживала преступную переписку с сыном. Пыточного станка не миновал и сам царевич, причем не исключено, что допросами под пыткой занимался сам царь.

Летом 1718 года началось дело по доносу на нескольких слуг, которые рассказывали, что им известно, как Петр в мызе неподалеку от Петергофа пытал царевича. Андрей Рубцов – слуга графа П. Мусина-Пушкина – показал, что однажды, «когда он был с помещиком своим, Платоном, в мызе, где был государь-царевич, в одно время помещик его приказал ему, когда придет в мызу царское величество, чтоб он в то время не мотался: станут-де государя-царевича пытать». Затем, показал Рубцов, «как приехал в ту мызу Царское величество, из избы его, Андрея, выслали вон и он, Андрей, стоял в лесу от той мызы далече, и в то время в той мызе в сарае кричал и охал, а кто – не знает, и после того спустя дня с три, видел он, что государь-царевич говорил, что у него болит рука и велел ту руку подле кисти завязать платком, и завязали». Сообщения о том, что царевича пытает сам отец, по-видимому, производили гнетущее впечатление на людей, прикоснувшихся к этой тайне. Одна из свидетельниц – жена владельца кабака Андрея Порошилова (который узнал о пытках от упомянутого Андрея Рубцова) – рассказала: «Когда Андрей Порошилов приехал из мызы государя-царевича домой, ввечеру, в комнате сидя, плакал, а она, Ирина, спрашивала Андрея, для чего он плакал, он ответил: „Государь в мызе сына своего царевича пытал“».

Летом 1718 года следствие по делу Алексея в основном закончилось, и 24 июня Верховный суд, состоявший из высших военных и гражданских чинов, единогласно приговорил сына царя к смертной казни по обвинению в заговоре и попытке захвата престола: «…утаил бунтовный, с давних лет задуманный, против Отца и Государя подыск и про изыскивание к престолу, даже при жизни родителя имел надежду на чернь и желал отцу и государю своему скорой кончины… намерен был овладеть престолом чрез бунтовщиков, чрез чужестранную цесарскую помощь и иноземныя войска с разорением всего государства при животе Государя-отца своего».

Через день после вынесения приговора, 26 июня, царевич, содержавшийся в Трубецком раскате Петропавловской крепости, неожиданно умер. Впрочем, в этой смерти было столько же неожиданности, сколько в смерти Петра III, Ивана Антоновича и

Павла I.

Как умер царевич Алексей, мы, вероятно, не узнаем никогда. В «Записной книге Санкт-Петербургской гарнизонной канцелярии» есть запись за 26 июня: «Того ж числа пополудни в 6 часу, будучи под караулом в Трубецком раскате в гварнизоне, царевич Алексей Петрович преставился». Ганноверский резидент Вебер сообщал, что с царевичем, узнавшим о приговоре, случился апоплексический удар. Австрийский резидент Плейер в одном донесении повторяет это утверждение, но в другом сообщает, что ходят упорные слухи о смерти царевича от меча или топора. Голландский резидент де Би писал своему правительству, что Алексей умер «от растворения жил». Это донесение было вскрыто, канцлер Головкин и вице-канцлер Шафиров устроили форменный допрос де Би, и резидент выдал своего осведомителя – повивальную бабку М. фон Гуссе, которую вместе с дочерью и зятем допросили в крепости. Н. Устрялов, собравший все эти сведения, считает, что царевич умер, не выдержав пыток, которым его подвергали даже в день объявления приговора. Нельзя не сказать и еще об одном очень интересном документе – письме гвардии капитана А. И. Румянцева некоему Д. И. Титову о казни царевича. Письмо дошло до нас в копиях. Историки, как всегда в таких случаях, разделились: одни полагали, что письмо – позднейшая подделка, другие же считали его подлинным. Я, не располагая на этот счет какими-либо новыми (подтверждающими или опровергающими подлинность) сведениями, считаю, что принятая в нашем обществе манера критики публикаций, которых и в глаза не видел читатель, в высшей степени некорректна, и поэтому лучше привести если не все опубликованное последний раз в 1859 году письмо, то, по крайней мере, соответствующие сюжету пространные отрывки. Румянцев сообщал своему адресату, что после оглашения приговора «как царевич в те поры не домогал, то его к суду, для объявки приговора, не высылали, а поехали к нему в крепость: светлейший князь Александр Данилович, да канцлер граф Гаврило Головкин, да тайный советник Петр Андреевич Толстой, да я и ему то осуждение прочитали. Едва же царевич о смертной казни услышал, то зело побледнел и пошатался, так что мы с Толстым едва успели его под руки схватить и тем от падения долу избавить. Уложив царевича на кровать и наказав о хранении его слугам да лекарю, мы поехали к его царскому величеству с рапортом, что царевич приговор свой выслушал; и тут же Толстой, я, генерал-поручик Бутурлин и лейб-гвардии майор Ушаков тайное приказание получили, дабы съехаться к его величеству во дворец в первом часу пополуночи.

Недоумевая, ради коея вины сие секретное собрание будет, я прибыл к назначенному времени во дворец и был введен от дворцоваго камергера во внутренние упокой, где же увидел царя, седяща и весьма горююща, а вокруг его стояли: царица Екатерина Алексеевна, Троицкий архимандрит Феодосий от Александроневского монастыря (его же царь, зело уважая, за духовника и добраго советывателя имел), да Толстой, да Ушаков; а не было только Бутурлина, но и тот приездом не замедлил.

А как о нашем прибытии царю оповестили, ибо ему за многими слезами то едва ли видно самому было, то его величество встал и, подойдя к блаженному Феодосию, просил у него благословения, на что сей рек: „Царю благий, помысли мало, да не каяться будеши?“ А царь сказал: „Злу, отче святый, мера грехов его преисполнилась и всякое милосердие от сего часа в тяжкий грех нам будет и пред Богом и пред славным царством нашим. Благослови мя, владыко, на указ зело тяжкий моему родительскому сердцу и моли всеблагаго Бога, да простит мое окаянство“. Тогда Феодосии, воздев руки, помолился и, благословивши царя, глагола: „Да будет воля твоя, пресветлый государь, твори, яко же пошлет ти разум сердцеведец Бог“. Тогда царь приблизился к нам, в недоумении о воле его стоящим, и сказал: „Слуги мои верные, во многих обстоятельствах испытанные! Се час наступил, да великую мне и государству моему услугу сделаете. Оный зловредный Алексей, его же сыном и царевичем срамлюся нарицати, презрев клятву пред Богом данную, скрыл от нас большую часть преступлений и общенников, имея в уме, да сие последнее о другом разе ему в скверном умысле на престол наш пригодятся; мы, праведно негодуя за таковое нарушение клятвы, над ним суд нарядили и тамо открыли многия и премногия злодеяния, о коих нам и в помышлении придти не могло. Суд тот, яко же и вы все ведаете, праведно творя и на многие законы гражданские и от Св. Писания указуя, его, царевича, достойно к понесению смертныя казни осудил. Вам ведомо терпение наше о нем и послабление до нынешняго часа, ибо давно уже за свои измены казни учинился достоин. Яко человек и отец, и днесь я болезную о нем сердцем, но, яко справедливый государь, на преступления клятвы, на новыя измены уже нетерпимо и нам бо за всякое несчастие от моего сердолюбия ответ строгий дати Богу, на царство мя помазавшему и на престол Российской державы всадившему. Того ради, слуги мои верные, спешно грядите, убо к одру преступнаго Алексея и казните его смертию, яко же подобает казнити изменников государю и отечеству. Не хошу поругать царскую кровь всенародною казнию, но да совершится ей предел тихо и неслышно, яко бы ему умерша от естества, предназначеннаго смертию. Идите и исполните, тако бо

хощет законный ваш государь и изволит Бог, в его же державе мы все есмы!“ Сие глаголиша, царь новыя тучи исполнися, и аще бы не утешение от царицы, да не словом в иноцех блаженнаго Феодосия, толико яко презельная горесть велий ущерб его царскому здоровью приключилась бы.

Не ведаю, в кое время и коим способом мы из царского упокоя к крепостным воротам достигли, ибо великость и новизна сего диковиннаго казуса весь ум мой обуяла, долго бы я от того в память не пришел, когда бы Толстой напамятованием об исполнении царскаго указа меня не возбудил. А как пришли мы в великия сени, то стоящаго тут часового опознавши, ему Ушаков, яко от дежурства начальник дворцовыя стражи, отойти к наружным дверям приказал, яко бы стук оружия недужному царевичу, беспокойство творя, вредоносен быть может. Затем Толстой пошел в упокой, где спали его, царевича, постельничий да гардеробный, да куханный мастер, и тех, от сна возбудив, велел немешкатно от крепостного караула трех солдат во двор послать и всех челядинцев с теми солдатами, яко бы к допросу, в коллегию отправить, где тайно повелел под стражею задержать. И тако во всем доме осталося нас четверо, да единый царевич, и той спящий, ибо все сие сделалось с великим опасательством да его безвремянно не разбудят. Тогда мы, елико возможно, тихо перешли темные упокой и с таковым же предостережением дверь опочивальни царевичевой отверзли, яко мало была освещена от лампады, пред образами горящей. И нашли мы царевича спяща, разметавши одежды, яко бы от некоего соннаго страшнаго видения, да еще по времени стонуща, бе бо, и в правду, недужен вельми, так что и Св. Причастия того дня вечером, по выслушании приговора, сподобился, из страха, да не умрет, не покаявшись во гресех, с той поры его здравие далеко лучше стало и по словам лекарей к совершенному оздравлению надежду крепкую подавал. И, не хотяще никто из нас его мирного покоя нарушати, промеж собою сидяще, говорили: „Не лучше ли-де его во сне смерти предати, и тем от лютого мучения избавити?“ Обаче совесть на душу налегла, да не умрет без молитвы. Сие помыслив и укрепись силами, Толстой его, царевича, тихо толкнул, сказав: „Ваше царское высочество! Возстаните!“ Он же, открыв очеса и недоумевая, что сие есть, седе на ложнице и смотряще на нас, ничего же от замешательства [не] вопрошая.

Тогда Толстой, приступив к нему поближе, сказал: „Государь-царевич! по суду знатнейших людей земли Русской, ты приговорен к смертной казни за многия измены государю, родителю твоему и отечеству. Се мы, по Его царскаго величества указу, пришли к тебе тот суд исполнити, того ради молитвою и покаянием при-

готовься к твоему исходу, ибо время жизни твоей уже близ есть к концу своему“. Едва царевич сие услышал, как вопль великий поднял, призывая к себе на помощь, но из этого успеха не возымев, нача горько плакатися и глаголя: „Горе мне бедному, горе мне, от царской крови рожденному! Не лучше ли мне родитися от последнейшаго подданного!“ Тогда Толстой, утешая царевича, сказал: „Государь, яко отец, простил тебе все прегрешения и будет молиться о душе твоей, но яко государь-монарх, он измен твоих и клятвы нарушения простить не мог, боясь, да в некое злоключение отечество свое повергнет чрез то, того для, отвергши вопли и слезы, единых баб свойство, прийми удел твой, яко же подобает мужу царския крови и сотвори последнюю молитву об отпущении грехов своих!“ Но царевич того не слушал, а плакал и хулил его царское величество, нарекая детоубийцею.

А как увидали, что царевич молиться не хочет, то взяв его под руки, поставили на колени, и один из нас, кто же именно (от страха не упомню) говорить за ним зачал: „Господи! в руци твои предаю дух мой!“. Он же, не говоря того, руками и ногами прямися и вырваться хотяще. Той же, мню, яко Бутурлин, рек: „Господи! упокой душу раба твоего Алексея в селении праведных, презирая прегрешения его, яко человеколюбец!“ И с сим словом царевича на ложницу спиною повалили и, взяв от возглавья два пуховика, главу его накрыли, пригнетая, дондеже движение рук и ног утихли и сердце биться перестало, что сделалося скоро, ради его тогдашней немощи, и что он тогда говорил, того никто разобрать не мог, ибо от страха близкия смерти, ему разума помрачение сталося. А как то совершилося, мы паки уложили тело царевича, яко бы спящаго, и, помолився Богу о душе, тихо вышли. Я с Ушаковым близ дома остались, – да кто-либо из сторонних туда не войдет, Бутурлин же да Толстой к царю с донесением о кончине царевичевой поехали. Скоро приехала от двора госпожа Краммер и, показав нам Толстаго записку, в крепость вошла и мы с нею тело царевичево опрятали и к погребению изготовили: облекли его в светлыя царския одежды. А стала смерть царевичева гласна около полудня того дня, сие есть 26 июня, яко бы от кровенаго пострела умер…».

Историки, сомневающиеся в подлинности этого документа, находят немало противоречий, которых не могло быть в письме столь близко знакомого с делом Алексея А. Румянцева, сомнителен также адресат, неясна цель такого опасного по тем временам послания. Когда читаешь письмо целиком, нельзя не обратить внимание на обороты и слова, близкие к письменной речи человека из среды духовенства, – Румянцев же был подлинный солдат, не особенно образованный и умный. Но вместе с тем нельзя

отбрасывать и ту мысль, что письмо стало известно из копий, и вполне возможно, что при копировании его, затертое до дыр, редактировали, дополняли. Такое не раз бывало с письменными памятниками. Однако, даже ставя под сомнение подлинность письма, нельзя не удивляться его драматичности, живости, детальности передачи всех моментов этой зримо встающей перед нашими глазами подлинно шекспировской сцены казни-убийства неугодного наследника. Для того чтобы сочинить эту потрясающую сцену, не имея в руках спрятанного полтора века за семью печатями дела Алексея и не зная всех обстоятельств, ему сопутствовавших, нужен, несомненно, великий талант мистификатора и драматурга. Но при этом нельзя никогда забывать, что талантливейшим драматургом бывает сама жизнь, за которой только успевай записывать.

Смерть царевича породила волну слухов и пересудов. Один из несчастных «клиентов» Тайной канцелярии под пыткой сказал: «А что и государя весь народ бранит, и то он говорил, а слышал на Обжорном (ныне Сытном. – *Е.* А.) рынке, стояли в куче неведомо кто, всякие люди, и меж собой переговаривали про кончину царевича, и в том разговоре его, государя, бранили и говорили, и весь народ его, государя, за царевича бранит». Другой подследственный показал на своего товарища, будто тот говорил, «что когда государя-царевича не стало и в то время государь на радости вырядил в флаги фрегат и вышел перед Летний дворец». И это была правда: 27 июня 1718 года – на следующий день после смерти царевича – Петр торжественно отпраздновал очередную годовщину Полтавской победы. Мы никогда не узнаем, что было у него на душе, но этим символичным поступком на глазах потрясенной столицы Петр стремился показать, что для него нет ничего превыше ценностей государства, во имя которого он жертвует всем, что у него есть, в том числе памятью сына. После смерти царевича во всех особо важных официальных документах имя нового наследника престола, Петра Петровича, упоминается все чаще. Казалось, что острый династический кризис миновал, жизнь вошла в привычную колею и никто не оглядывался, меж тем как судьба уже шла по следу, «как сумасшедший с бритвою в руке». Не прошло и года после смерти царевича Алексея, как Петербург уже хоронил его официального преемника – 25 апреля 1719 года, проболев совсем недолго, умер малолетний наследник Петр Петрович.

Этот страшный удар, означавший крушение всех планов Петра, был для него абсолютно неожиданным, – мальчик рос здоровым и веселым. «Шишечка» – таково было его семейное прозвище, и Петр с нежностью относился к сыну, что хорошо видно из

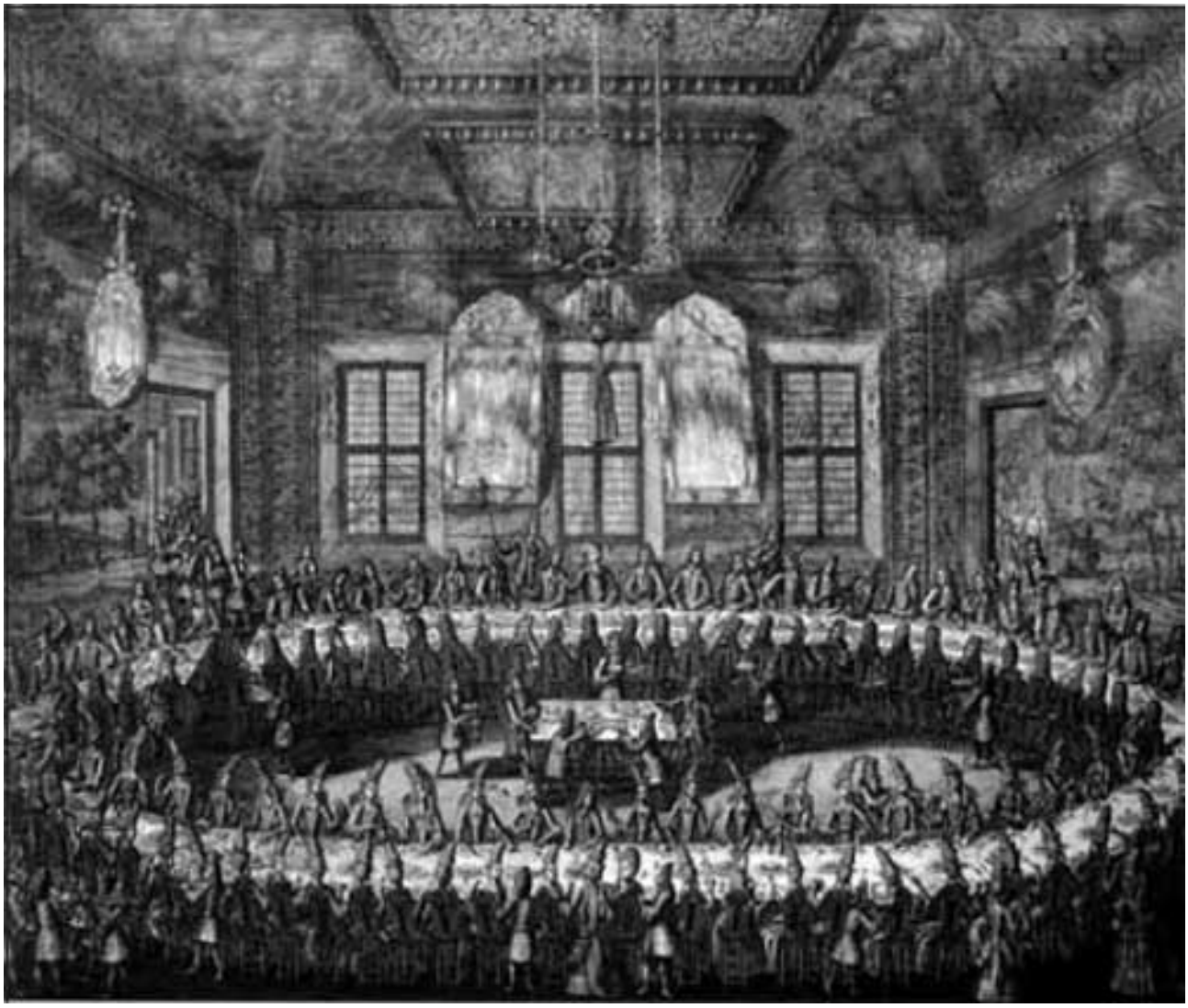
переписки с Екатериной. 24 июля 1718 года – месяц спустя после приговора Алексею – Екатерина писала Петру, находившемуся в Ревеле: «О себе доношу, что я за детками, слава богу, в добром здоровье. И хотя, пред возвращением моим в Питербурх, Пиотрушка был в здоровье своем к последним зубкам слабенек, однако ныне, при помощи божий, в добром здоровье и три зубка глазовых вырезались. И прошу, батюшка мой, обороны: понеже немалую имеет он со мною за вас ссору, а имянно за то, что когда я про вас помяну ему, что папа уехал, то не любит той речи, что уехал, но более любит то и радуется, как молвишь, что здесь папа».

26 апреля 1719 года на траурной службе в Троицком соборе при выносе тела Петра Петровича произошла в высшей степени выразительная и зловещая сцена, которую затем тщательно уточняли следователи Тайной канцелярии. Псковский ландрат Степан Лопухин, дальний родственник Евдокии Лопухиной, что-то сказал своим знакомым, а потом рассмеялся. Стоявший рядом с ним подьячий Кудряшов объяснил присутствующим на панихиде причину кощунственного в этот момент смеха: «Еще его, Степана, свеча не угасла, будет ему, Лопухину, и впредь время». Схваченный по доносу Кудряшов с дыбы признался, что «говорил он, что свеча его, Лопухина, не угасла потому, что остался великий князь (сын царевича Алексея Петр – ровесник умершего наследника. – *Е.А.),* чая, что Степану Лопухину вперед будет добро».

Да, действительно, свеча Петра угасла, а свеча ненавистных ему Лопухиных разгоралась – сирота, великий князь Петр Алексеевич, в сущности брошенный на произвол судьбы своим дедом, подрастал, внушая надежды всем врагам великого реформатора. Это не могло не беспокоить царя. И вот 5 февраля 1722 года он принял упомянутый уникальный в российской истории «Устав о наследии престола», узаконивший право самодержца назначить наследником престола того, кого ему заблагорассудится. Не случайно в преамбуле закона упоминается прецедент с Иваном III, вначале назначившим наследником внука Дмитрия, а затем переменившим свое намерение и передавшим престол сыну Василию. Имя великого князя Петра Алексеевича не упоминается в «Уставе», но явно читается между строк. Там же проглядывает и истинный смысл акции Петра, как бы говорящего: «Престол отдам кому угодно, только не корню Лопухиных – погубителей дела жизни моей!» Однако даже в той сложной ситуации, которая возникла после смерти наследника престола, Петр, как всегда, не терял головы. Вслед за публикацией «Устава» 1722 года он предпринял очередной и очень важный шаг: 15 ноября 1723 года был обнародован манифест о предстоящем короновании Екатерины

Алексеевны. Основанием этого решения служила историческая традиция христианских государств, и в особенности Византийской империи, наследниками которой, как известно, считали себя русские великие князья и цари: «Понеже всем ведомо есть, что во всех христианских государствах непременно обычай есть потентатам супруг своих короновать, и не точию ныне, но и древле у православных императоров греческих сие многократно бывало…» Кроме того, особо подчеркивались исключительные личные качества Екатерины «как великой помощницы» в тяжких государственных делах, и в особенности ее мужественное поведение на Пруте, о чем уже было рассказано выше. Все это, по мысли Петра, позволяло «данною нам от Бога самовластию за такие супруги нашея труды коронациею короны почтить…». В мае 1724 года в главном храме России – Успенском соборе Московского Кремля – состоялась церемония коронования супруги первого российского императора, о чем также торжественно было оглашено на всю страну. В описании торжества подчеркивалось, что корону на голову Екатерины возложил сам Петр: «…архиереи поднесли Его императорскому величеству корону, которую изволил сам Его величество також-де держа скипетр, возложить на главу венчаемой государыни». И хотя во время коронационных торжеств не шла речь о наследовании престола, все наблюдатели именно так и поняли смысл происшедшего в Успенском соборе. Французский посол Ж.-Ж. Кампредон сообщал в Париж: «Весьма и особенно примечательно то, что над царицей совершен был, против обыкновения, обряд помазания так, что этим она признана правительницей и государыней после смерти царя, своего супруга». Возникает естественный вопрос: почему же восемь месяцев спустя после коронования императрицы Петр, умирая, официально не объявил о своем намерении передать ей всю полноту власти? Думаю, дело не только в том, что царь, как уже говорилось, не ожидал столь скорой смерти, – сильные приступы болезни стали для него обычными в последние годы. Главной причиной колебаний царя стал глубокий конфликт в его семье осенью 1724 года, вызванный делом Виллима Монса, потрясшим петербургское общество.

Но прежде чем коснуться этой темы, следует немного рассказать о Екатерине, не отходившей в тревожные дни января 1725 года от постели умирающего царя.



Свадьба Петра I и Екатерины. А. Ф. Зубов. 1712 г.

В русской истории Екатерина появилась в 1702 году, когда среди пленных жителей шведской крепости Мариенбург фельдмаршалу Шереметеву приглянулась 17-летняя девушка Марта, жившая в семье пастора Глюка. В литературе нет единого мнения о ее происхождении: по одним сведениям, Екатерина происходила из семьи лифляндских крестьян Скавронских, по другим – она родилась в Швеции и лишь затем переехала в Лифляндию. Впоследствии Петр несколько раз в своих письмах к жене обыгрывал то обстоятельство, что она была некогда подданной враждебного России государства. Отмечая столь памятную для него дату взятия Нотебурга в 1702 году, знаменовавшего собой первые успехи России в отвоевании Ингрии, царь писал: «Катеринушка, друг мой сердешниннькой, здравствуй! Поздравляем вам сим счастливым днем, в котором русская нога в ваших землях фут взяла, и сим ключей (имеется в виду новое название Нотебурга – Шлиссельбург, Ключ-город. – *Е.* А.) много замков отперто». В 1719 году, празднуя юбилей Полтавы и мечтая закончить войну в том же

году, он шутит: «Дай Боже, что в девятом началось, в девятый бы на десять благой конец восприяло! Чаю, я вам воспоминанием сего дня опечалил, однакож разсуждай». Молва связывает появление Екатерины возле Петра с именем Меншикова, который отобрал юную наложницу у Шереметева, а затем передал ее царю. «Катерина не природная и не русская, – показал в Тайной канцелярии один солдат, – и ведаем мы, как она в полон взята и приведена под знамя в одной рубахе и отдана под караул и караульный наш офицер надел на нее кафтан. Она с князем Меншиковым его величество кореньем обвели». По поводу «коренья» сказать ничего определенного не могу, но что на протяжении многих лет Екатерина и Меншиков были союзниками – это очевидно. И причина этого была проста: оба они, выходцы из низов, тайно презираемые многими из правящей родовитой верхушки, нуждались в помощи друг друга, чтобы противостоять своим врагам. Впечатление о «коренье» как некоем волшебном способе приворожить к себе царя находит подтверждение в том колоссальном влиянии, которое имела Екатерина на Петра. Став фавориткой царя примерно в 1703 году, мариенбургская полонянка постепенно приобретала все большее влияние. В своей жизни она совершила путь Золушки, поднявшись от «портомои» (так называли в XVIII веке прачку) и наложницы до «Всемилостивейшей государыни императрицы». Суровый деспот, человек с железным характером и волей, Петр с необычайной нежностью и заботой относился к Екатерине. Их, дошедшая до нас, переписка отражает этот чрезвычайно высокий тонус личных отношений. «…Гораздо без вас скучаю», «…для Бога, приезжжайте скоряй, а ежели за чем невозможно скоро быть, отпишите, понеже не без печали мне в том, что ни слышу, ни вижу… Дай Боже, чтоб вас видеть в радосте скоряй»; «Я слышу, что ты скучаешь, а и мне не безкушно ж» – подобными признаниями пересыпаны письма крайне скупого на ласковое слово царя, получавшего взаимные признания и трогательные подарки. Эти отношения сохранялись не год и не два, а больше двадцати лет. 26 июня 1724 года, то есть незадолго до конца жизни, приехав в Петербург, царь пишет Екатерине в Москву: «Большую хозяйку и внучат (вероятно, Анну, а также Наталью и Петра – детей Алексея. – *Е.* А.) нашел в добром здоровье, также и все – как дитя в красоте разтущее, и в огороде (то есть в Летнем саду. – *Е. А.)* повеселились, только в палаты как войдешь, так бежать хочетца – все пусто без тебя: адна медведица ходит, да Филипповна, и ежели б не праздники зашли, уехал бы в Кронштат или Питергоф». Не приходится сомневаться, что огромное влияние на Петра Екатерины, на которое обращали внимание современники, было следствием того, что во все времена называется

одинаково: любовь, сердечная привязанность, доверие. Несомненно, это был редкостный для коронованного властителя брак, построенный на иных, чем династические и политические, основах. Впрочем, политика здесь все же была: браком с «портомоей» царь-реформатор как бы бросал вызов старому обществу, считая знатность по «годности». Превращением наложницы – «метрессы» (которых всегда было много у царя) в жену и императрицу она была обязана исключительно своему тонкому пониманию Петра, приспособлению к его привычкам и нраву. Женщина не только необразованная, но, вероятно, неграмотная, она была по-житейски умна, проявляя глубокий, искренний интерес к его жизни и заботам, что вызывало ответную реакцию, – ведь мы знаем, как много может сделать искреннее чувство. В письмах Петра к Екатерине мы видим, как раскрывается этот железный, не знающий слабости человек, он ищет у Екатерины не какой-то конкретной помощи, а сердечного сочувствия, участия, ибо, известно, судьба высоко стоящего над всеми – это почти всегда душевное одиночество. Приведу примечательное свидетельство современника, графа Бассевича: «Впрочем, она имела также и власть над его чувствами, власть, которая производила почти чудеса. У него бывали иногда припадки меланхолии, когда им овладевала мрачная мысль, что хотят посягнуть на его особу. Самые приближенные к нему люди должны были трепетать тогда его гнева. Припадки эти были несчастным следствием яда, которым хотела отравить его властолюбивая его сестра София. Появление их узнавали у него по известным судорожным движениям рта. Императрицу немедленно извещали о том. Она начинала говорить с ним, и звук ее голоса тотчас успокаивал его, потом она сажала его и брала, лаская, за голову, которую слегка почесывала. Это производило на него магическое действие, и он засыпал в несколько минут. Чтобы не нарушать его сна, она держала его голову на своей груди, сидя неподвижно в продолжении двух или трех часов. После того он просыпался совершенно свежим и бодрым. Между тем, прежде нежели она нашла такой простой способ успокаивать его, припадки эти были ужасом для его приближенных, причинили, говорят, нескольких несчастий и всегда сопровождались страшной головной болью, которая продолжалась целые дни. Известно, что Екатерина Алексеевна обязана всем не воспитанию, а душевным своим качествам. Поняв, что для нее достаточно исполнять важное свое назначение, она отвергла всякое другое образование, кроме основанного на опыте и размышлении».

И вот вся эта идиллия рухнула в одночасье поздней осенью 1724 года. Вечером 8 ноября неожиданно для всего двора был

арестован Виллим Монс (брат Анны Монс) – камергер Екатерины Алексеевны, а также несколько близких к нему людей. Бумаги Монса были опечатаны, доставлены Петру, и началось следствие, которое осуществлял лично сам император. Формально дело Монса, начатое с расследования доноса на него, касалось многочисленных взяток, которые он получал от разных людей, в том числе первейших в государстве. Стало известно, что Меншиков подарил камергеру лошадь «с убором», князь В. Долгорукий – «парчу на верхний кафтан», царица Прасковья Федоровна, вдова старшего брата Петра, Ивана Алексеевича, – доходы со своих псковских деревень. Весьма примечательно, что следствие по делу о взятках Монса – а такие дела обычно тянулись годами – было проведено с необыкновенной быстротой: многие арестованные и причастные к делу даже не были допрошены. 14 ноября Вышний суд приговорил Монса как взяточника к смертной казни, Петр тут же конформировал решение суда: «Учинить по приговору», а уже 16 ноября на Троицкой площади Монсу отрубили голову. Надо полагать, что расследование взяточничества почти сразу же отошло на задний план, если, конечно, с самого начала оно было причиной, а не поводом для ареста и казни. Не нужно было обладать особым чутьем, чтобы понять, что царица Прасковья Федоровна дарит Монсу деревни, а Меншиков – коня не за красоту и обходительность изящного молодого камергера императрицы, а за то влияние, которое имел Монс. Ну а это влияние, как нетрудно догадаться, основывалось на том особом внимании, которое 28-летнему камергеру стала оказывать 40-летняя Екатерина. Иностранные наблюдатели сообщают, что следствием дела Монса стал серьезный разлад в семье Петра, тяжелые сцены между супругами.

Известны весьма своеобразные взгляды Петра на супружеские отношения. Сам Петр ничем себя не ограничивал, и без преувеличения можно сказать, что возле него всегда находились те, кого деликатно называли «метрессы», – нельзя забывать, что из их числа вышла и Екатерина. 18 июня 1717 года Петр писал жене из Спа, где он принимал воды: «Инаго объявить отсель нечего, только что мы сюда приехали вчерась благополучно, а понеже во время пития вод домашней забавы дохторы употреблять запрещают, того ради я матресу свою отпустил к вам, ибо не мог бы удержатца, ежели б при мне была». 3 июля, отвечая царю из Амстердама, Екатерина писала: «Что же изволите писать, что вы матресишку свою отпустили сюда для своего воздержания, что при водах невозможно с нею веселитца, и тому я верю, однакож болше мню, что вы оную изволили отпустить за ее болезнью, в которой она и ныне пребывает и для леченья изволила поехать в Гагу, и не желала б я (от чего Боже сохрани!), чтоб и галан (любов-

ник. – *Е.* А.) той матресишки таков здоров приехал, какова она приехала. А что изволите в другом своем писании поздравлять имянинами старика и шишечкиными (то есть именинами самого Петра и его сына-тезки. – *Е.* А.), и я чаю, что ежели б сей старик был здесь, то б и другая шишечка на будущий год поспела. Однако дай, Боже, мне вскоре вашу милость видеть, чего я в сердечным желанием ожидаю».

То, что в отношениях Петра и Екатерины существовала и такая грань, кажется весьма примечательным для понимания прежде всего Екатерины. Признанием и даже некоторым поощрением супружеской свободы Петра Екатерина как бы срывает тот полог тайны, за которым могло возникнуть и усилиться влияние какой-либо другой «метресишки», о которой было бы неведомо императрице. Однако то, что было позволено императору, было невозможно для его жены. Следствием этого и стало кровавое дело Монса. Думается, что суть конфликта состояла не столько в ревности, как можно подумать поначалу, сколько в том серьезном опасении, которое у царя вызвала эта история с политической точки зрения. Намереваясь передать престол жене, царь, неожиданно столкнувшись с делом Монса, может быть, впервые подумал о том, не окажется ли в конечном счете судьба великого наследия в руках какого-нибудь ловкого прощелыги вроде Виллима Монса. Не думаю, что у Петра были иллюзии относительно деловых качеств своей жены, никогда не занимавшейся государственной деятельностью.

Петр I и Екатерина I.
Неизвестный французский художник. 1717 г.

Знал бы великий реформатор, что та система наследования, основы которой он заложил, станет одной из причин хронической политической нестабильности российского XVIII века, что, отрубив голову Монсу, он этим не устранил угрозу фаворитизма – этого непременного развратного спутника сурового деспотизма, в какие бы политические одежды он ни рядился…

Все сказанное – предположения, но нельзя отрицать, что и ими можно объяснить такую скорую и решительную расправу Петра с Монсом и такую явную и опасную для судьбы страны нерешительность и медлительность Петра в определении имени своего

наследника. Петр затягивал с решением, сначала рассчитывая на выздоровление, но, когда «от жгучей боли крики и стоны его раздались по всему дворцу… он не был уже в состоянии думать с полным сознанием о распоряжениях, которых требовала его близкая кончина». Вместе с тем, как писал другой наблюдатель – голландский резидент де Вильде, «он слишком был слаб, слишком страдал чтобы царица осмелилась заговорить с ним об этом…». Таким образом, оказалось, что в ночь с 28 на 29 января 1725 года судьба трона решалась не в той комнате, где умирал император, а в соседней, где собрались и напряженно ждали сообщений о состоянии Петра его сподвижники, «принципалы», «птенцы». И надо сказать, что они не сидели сложа руки.

Самым крупным из «птенцов» был светлейший князь Александр Данилович Меншиков – личность яркая, незаурядная, самый талантливый из сподвижников Петра, отличавшийся умом, инициативностью, организаторскими и полководческими талантами. За три десятилетия Меншиков совершил умопомрачительное восхождение по служебной лестнице, начав с денщика Петра и закончив карьеру генералиссимусом. Один лишь его официальный титул 1726 года выразительнее, чем подробные рассказы, говорит о его честолюбии: «Светлейший Римского и Российского государства князь и герцох Ижорский, Ее императорского величества всероссийский рейхс-маршал и над войсками командующий генерал-фельт-маршал, тайный действительный советник, Государственной военной коллегии президент, генерал-губернатор губернии Санкт-Питербургской, от флота всероссийского вице-адмирал Белого флага, кавалер орденов Св. Андрея, Слона, Белого и Черного орлов и Св. Александра Невского, и подполковник Преображенский лейб-гвардии, и полковник над тремя полками, капитан-компании бомбардир». Обладатель огромных богатств, имений, превосходящих по размерам иные иностранные государства, увитый лаврами боевой и трудовой славы на полях сражений и стройках Петербурга, он, как и в те времена, когда был простым денщиком юного царя, оставался ненасытным к деньгам, почету, власти. Палимый этой жаждой, в день смерти Петра он желал только одного – сохранения и дальнейшего усиления своего влияния и своей власти. В этом была логика политической борьбы, логика всей жизни Меншикова. Следует отметить, что в последние годы царствования Петра Александр Данилович жил в постоянной тревоге: отношения с царем (нюансы которых в судьбе царедворца решали гораздо больше, чем гора наград и богатств) не были так хороши, как прежде. Петр фактически отстранился от Меншикова и в 20-е годы уже никогда не писал Алексашке таких вот нежных записок, как в 1709 году «Объявляю

вам, что я сего маменту приехал сюды, а начевать буду за две мили от Харкова или в Харкове (только не ревнуй, где буду начевать)». Поэтому смерть Петра, с одной стороны, естественно, вселяла в Меншикова тревогу за будущее, но, с другой стороны, давала надежду на упрочение его заметно пошатнувшегося положения: желаннейшим для Меншикова решением стал бы приход к власти Екатерины, ибо ни для кого не было секретом, что на протяжении двух десятилетий Екатерина неизменно поддерживала его, не раз ходатайствовала перед царем за проворовавшегося светлейшего в те моменты, когда топор почти зависал над его шеей. Как уже отмечалось, Екатерина проявляла к Меншикову не какие-то особые личные симпатии, а, если так можно сказать, чувство социальной солидарности, основанной на общности интересов выходцев из низов, пробившихся в высшие эшелоны власти благодаря милости царя и своим способностям. В предстоящей борьбе у Меншикова были все шансы победить, то есть сделать Екатерину императрицей – возможно, даже и вопреки воле умирающего Петра, если эта воля разошлась бы с желаниями князя. И здесь нет преувеличения: за ним стояла армия, гвардия, в его руках были рычаги государственного управления. Кроме того, у него были могущественные союзники, желавшие того же, что и он, – воцарения Екатерины для того, чтобы сохранить власть и привилегии. В некоторых документах их называли на древнеримский манер «принципалами», подчеркивая тем самым особое положение при дворе и в государстве. «Принципалов» было немного – пересчитать их нетрудно по пальцам одной руки: канцлер империи граф Гаврила Иванович Головкин, генерал-адмирал граф Федор Матвеевич Апраксин, тайный советник граф Петр Андреевич Толстой, генерал-прокурор граф Павел Иванович Ягужинский, генерал-фельдцейхмейстер граф Яков Виллимович Брюс.

Пожалуй, наиболее бесцветным среди них был президент Коллегии иностранных дел канцлер Г. И. Головкин. Он явно уступал по природным данным своему умершему в 1706 году предшественнику – Ф. М. Головину, хотя, как и другие сподвижники Петра, работал не покладая рук. Будучи руководителем внешнеполитического ведомства, он не совершал грубых ошибок, был точным исполнителем воли царя. Возможно, что именно такой человек и был нужен Петру в той сфере государственного управления, которой на протяжении десятилетий непосредственно и постоянно ведал сам царь – истинный дипломат и тонкий политик. Во многих острых политических ситуациях канцлер вел себя крайне осторожно, не поддаваясь эмоциям, точно рассчитывая свои действия и сохраняя ту величественную молчаливость, ко-

торая, как говорят корифеи афоризма, если и не свидетельствует об уме, то, несомненно, об отсутствии глупости.

Федор Матвеевич Апраксин – президент Адмиралтейской коллегии – никогда не слыл за опытного флотоводца и организатора военно-морского дела. В этом смысле его положение при Петре, буквально жившем морем и флотом, было примерно таким же, как и положение Головкина. Но, в отличие от последнего, Апраксин пользовался особым доверием Петра и даже, по-видимому, был вхож в его дом. Сохранилось несколько писем Петра, свидетельствующих об известной теплоте отношения царя к своему генерал-адмиралу. На них следует обратить внимание, потому что список адресатов подобных посланий сурового царя весьма короток.

Так, узнав в 1702 году о смерти жены Апраксина, Петр писал: «Пожалуй, государь Федор Матвеевич, не сокруши себя в такой своей печали; уповай на бога. Что же делать? И здесь такие печали живут, что жены мрут и стригутца. Piter. На подписях, пожалуй, пишите просто, также и в письмах без великого».

Это был не первый случай, когда Петр требовал от Апраксина неофициального обращения. Еще в 1696 году царь увещевал приятеля: «Федор Матвеевич. За письмо твое благодарствую, однакож зело сумнимся ради двух вещей: 1) что не ко мне писал, 2) с земными чинами, а тебе можно знать, чего не люблю (для того, что ты нашей компании) как писать». Действительно, то ли дело Меншиков, бойко обращавшийся в своих письмах к самодержцу на иностранный манер: «Мейн зельд, мейн герц каптейн!» и т. д. Но как ни был близок Апраксин к царю, он, по-видимому, не мог преодолеть внутренний барьер и по-прежнему подписывался: «Раб твой государской Федор Апраксин, пад на землю, челом бьет». Секрет прост: добрый Апраксин был человеком XVII века, чтившим его традиции и принципы, которые он не желал нарушать. Как пишет А. И. Заозерский, «Ф. М. Апраксин, генерал-адмирал и граф, был одним из преданнейших Петру людей, очень близких к нему. Человек несильного ума, но широкого добродушия, не блестящий, но полезный, всегда готовый компаньон по части служения Бахусу и на редкость радушный хозяин, он счастливо и без труда избегал в своих отношениях с Петром тех острых моментов, на которые, как на подводные камни, натыкались люди с большей инициативой и притязательностью. Сам Петр не считал его энтузиастом нового порядка, но знал, что из преданности к нему Апраксин всегда будет „верным слугой“». В одном только пункте он проявлял неустойчивость: генерал-адмирал крепко хранил дворянские традиции и во имя их иногда протестовал против отдельных нивелирующих распоряжений царя.

Исследователь имел в виду тот эпизод, когда Апраксин в знак протеста, сняв адмиральский мундир, начал бить сваи вместе со своим племянником, сосланным на стройку за уклонение от службы. Вообще же Апраксин не был борцом и в опасный момент, 28 января 1725 года, готов был повернуть туда, куда двинулось бы большинство. Самому пожилому в компании «птенцов» царя Петру Андреевичу Толстому в 1725 году было около 80 лет. Его жизнь была сложна и извилиста: начав политическую карьеру в стане противников Петра и Нарышкиных, активно выступая за Софью и Милославских, он довольно быстро переориентировался и сумел выслужиться перед новым повелителем. В 1697 году он, 52-летний семейный человек, отправился вместе с дворянскими недорослями учиться военно-морскому делу в Италию, что не могло не понравиться царю. Вчерашний стольник очень быстро сумел воспринять тот стиль жизни и образ мышления, который был характерен для петровского круга, и вскоре стал одним из ближайших сподвижников Петра. По своему характеру он был, несомненно, прирожденный дипломат, умный тактик. Тонкий психолог, он умел находить общий язык с самыми разными людьми и добиваться целей, которые ставил перед ним Петр. А нужно отметить, что цели эти были на редкость сложны: будучи посланником в Стамбуле, он – глава первого постоянного представительства при дворе султана – сумел великолепно наладить дипломатическую и разведывательную службу в столице Османской империи, снабжая российское дипломатическое ведомство ценнейшей и достоверной информацией. Апогеем дипломатической карьеры Толстого стала филигранная операция по поиску и вывозу из Австрии царевича Алексея в 1718 году. Тому, что вслед за этой дипломатической миссией П. А. Толстому было поручено руководить специально организованной Тайной розыскных дел канцелярией, занятой делом Алексея, удивляться не стоит. Петр знал своих людей: Толстой был не просто инициативным исполнителем его воли – это был человек жестокий, беспринципный, готовый ради поставленных перед ним целей поступиться моралью и, если нужно для дела, даже убить человека, о чем свидетельствует его письмо 1704 года из Стамбула, в котором он описывает, как, обнаружив, что один из служащих посольства вознамерился перейти в мусульманство, отравил его. И новое поручение – уже в застенке Тайной канцелярии – Толстой выполнил, как всегда, блестяще, не останавливаясь ни перед чем. До нас дошли слова, написанные Толстым об одном из подследственных по делу Алексея: «…не надобно ему исчислять застенков, сколько бы их ни было, но чаще его пытать, доколе или повинится, или издохнет, понеже явную сплел ложь». Исследователи, повествуя о Толстом,

приводят анекдот о том, как на одной из попоек Петр, сам, как известно, не особенно злоупотреблявший дарами Бахуса, приметил, что в компании есть еще один хитрец, который, притворясь мертвецки пьяным, исподтишка наблюдает за своими собутыльниками – такими простыми душами, как адмирал Федор Матвеевич. Подойдя к нему – а это был Толстой, – Петр якобы сказал: «Голова, голова, кабы ты не была так умна, я давно бы отрубить тебя велел». Многозначительное высказывание! В истории не раз бывало, когда самым изощренным палачом становился тот, кто, мучимый страхом за прежние грехи, вынужден был вновь и вновь доказывать властителю свою преданность. Думаю, что ни Петр, ни Толстой никогда не забывали о верной службе Петра Андреевича царевне Софье, и, помня, что кости мятежных стрельцов и всех, кто стоял за ними, уже давно истлели, Петр Андреевич с еще большим старанием служил Петру, не щадя ни себя, ни своих жертв. И за эту службу Петр щедро платил: после дела Алексея Толстой стал действительным тайным советником, сенатором, обладателем обширных поместий, президентом Коммерц-коллегии. Поэтому в эту, и без того нервную, ночь с 28 на 29 января у графа Толстого были особые причины волноваться: приход к власти сына казненного им царевича означал бы для верного царского слуги неминуемую гибель. Отсюда нетрудно понять, на кого делал ставку старый хитрец.

Конечно, между ближайшими сподвижниками Петра не могло быть равенства. Ну, о бесспорном лидерстве Меншикова говорить подробно не будем, приведу в качестве примера лишь подписи под письмом царю петровских генералов и сановников: «Из-под Головчина, 2-го дня июля 1708-го году. Александр Меншиков. Раб твой Борис Шереметев. Раб ваш Гаврило Головкин. Раб ваш князь Григорий Долгорукой». Разумеется, прямых свидетельств ранжирования «птенцов» Петра не существует, но о косвенных говорить можно. Взять для примера принятую систему подписей должностных лиц под официальными документами. Если просматривать один за другим десятки сохранившихся сенатских протоколов за несколько лет, можно установить определенную закономерность в порядке подписей под ними, хотя формально все члены коллегиального Сената были равны. Как правило, подписи сенаторов идут в две колонки. Например:

Меншиков Головкин

Апраксин Матвеев

Мусин-Пушкин Долгорукий и т. д.

Причем сохранились протоколы, в которых колонки подписей имеют пропуски, явно оставленные для тех, кто должен был подписываться «на своем месте».

Наблюдается следующая закономерность: Меншиков всегда расписывается сразу же после текста протокола, на «первом месте». Лишь иногда, как в приведенном образце, рядом (на одном уровне с его знаменитым автографом, нацарапанным гигантскими «печатными» буквами, – свидетельство далеко не блестящей грамотности этого почетного академика, члена Лондонского королевского общества) пристраивал свою витиеватую подпись Головкин или Апраксин. Еще более выразительно размещение подписей сановников, когда Меншиков пропускал заседания Сената, что случалось довольно часто. На большинстве таких протоколов за 1723 год автограф Апраксина расположен выше автографа канцлера Головкина, а Толстой, Брюс или кто иной никогда не осмеливались поставить свою подпись выше подписи Апраксина или Головкина. Совершенно очевидно, что, несмотря на формальное равенство членов Сенатской коллегии, значение каждого из них было различным и лидерство одних и подчиненное положение других определялись сочетанием многих причин, коренившихся в отношениях, которые складывались совсем не в зале заседания Сената. Шла, конечно, и борьба за власть и влияние. Подчас она была незаметна и бескровна, но вполне реальна. Сравнивая протоколы с подписями Апраксина и Головкина за 1719—1720 годы и за 1723 год, нельзя не заметить, что в 1719—1720 годах Головкин ставит свое имя выше имени Апраксина, но через два года он этого делать не смеет и подписывается только после Апраксина, что, при очевидной повторяемости, прослеживаемой на большом количестве материала, случайностью быть не может. Подписи Брюса, Толстого и других сенаторов по этой же причине никогда не ставились выше подписей Апраксина или Головкина. Особняком от этих вельмож стоял другой влиятельнейший человек Петровской эпохи – генерал-прокурор Павел Иванович Ягужинский. Когда читаешь материалы о нем, трудно не признать, что Петр умел подбирать себе помощников, определяя их как раз на то место, которое им более всего подходило по характеру и способностям. Ягужинский, так же как многие сподвижники Петра, был выходцем из низов. Пробивший себе дорогу наверх ревностной службой, он обладал многими достоинствами администратора: точностью, активностью, инициативностью, исполнительностью. Вместе с тем он был резок, несдержан на язык. Именно такого человека царь в 1722 году назначил генерал-прокурором, в обязанность которого входило наблюдение за исполнением законов в Сенате и других государственных учреждениях. Официально названный «стряпчим от государя и государства», Ягужинский имел право непосредственного доклада царю.

Много раз проверенный в деле, он пользовался особым доверием Петра и сделал «справедливость своим ремеслом». Сидя в Сенате за отдельным столом, он сурово наблюдал за тем, как трудились сенаторы, исполняя свой долг. Пунктуальный при передаче и исполнении воли царя, самостоятельный и активный в порученных ему делах, он, являясь официально «оком государя», был одновременно бельмом на глазу для многих сановников Петра, мечтавших, как и все бюрократы во все времена, о тихой, несуетной службе без столь характерной для Петра утомительной самоотверженности и экзальтации, о службе, приносящей почет и удовольствие, а если возможно, то и скромные, помимо жалованья, доходы. Неподкупный генерал-прокурор с его нарочитой прямотой и тонко рассчитанной смелостью был человеком крайне неудобным для вельмож, особенно для Меншикова, с которым Ягужинский постоянно конфликтовал. Словом, накануне смерти Петра громогласного борца за казенную справедливость сбрасывать со счета никак было нельзя, тем более что он был зятем канцлера Головкина. Воспользовавшись услугами упомянутого Бассевича, Меншиков и другие склонили Ягужинского на свою сторону.

В конечном счете сплоченность «птенцов» и решила судьбу трона: в ночь смерти Петра верные им гвардейцы окружили дворец, заблокировав противникам Екатерины возможность провозгласить императором сына царевича Алексея. После краткого совещания вельмож, где некоторые попытались было поставить под сомнение право Екатерины на престол, победили сплоченные «принципалы». Императрицей была провозглашена Екатерина I, которую, как сообщает в своих «Записках» Бассевич, «умоляли не отказываться от престола», чего она, пойдя навстречу горячим желаниям своих подданных, и не сделала. Смерть Петра стала важным политическим событием жизни России и всей Европы. Вместе с великим реформатором в прошлое уходила целая эпоха жизни русского общества, неповторимость которой вполне оценили современники. В день похорон Петра Феофан Прокопович, передавая ощущения многих, восклицал: «Что се есть? До чего мы дожили, о россияне? Что видим? Что делаем? Петра Великаго погребаем! Не мечтание ли се? Не сонное ли нам привидение? Ах, как истинная печаль, ах, как известное наше злоключение! Виновник безчисленных благополучии наших и радостей, воскресивший, аки от мертвых, Россию и воздвигший в толикую силу и славу, или паче, рождший и воспитавший, прямой сын отечестия своего, отец, которому по его достоинству добрии российстви сынове безсмертну быти желали; по летам же и составу крепости многолетно еще жити имущаго вси надеялися:

противно и желанию и чаянию скончал жизнь, и, о лютой нам язвы! тогда жизнь скончал, тогда по трудах, безспокойствах, печалех, бедствиях, по многих и многообразных смертех, жити нечто начинал». Нет сомнений, что проникновенные слова блистательного оратора, впечатляющие даже сквозь два с половиной столетия, как и вся невиданная ранее длинная и пышная церемония похорон, сопровождались слезами и глубокой скорбью многолюдных толп, провожавших Петра в последний путь до Петропавловского собора. Но люди, как и всегда, оставались людьми. Они скорбели об утрате и в то же время, присутствуя на многочасовой церемонии, вероятно, мерзли, уставали, разговаривали о пустяках, думали о дне насущном, о будущем. Можно с уверенностью сказать, что не все рыдали на похоронах и не все проливали искренние слезы, а лишь, «послюня глаза», больше рассматривали собравшееся общество, чтобы потом подробно рассказать домашним, позлословить и посмеяться.

Вскоре после смерти Петра по стране пошел гулять лубок с характерным пространным названием: «Небылица в лицах, найдена в старых светлицах, обверчена в черных тряпицах, как мыши кота погребают, недруга своего провожают…». В этом лубке, чаще известном под названием «Мыши кота погребают», изображения мышей, идущих возле погребальных саней, на которых лежит замечательной, подчеркнутой усатости кот, сопровождаются рифмованным текстом, в котором видно отчетливое стремление безымянных авторов высмеять лицемерную скорбь одних, показать неприкрытую радость других и вообще воспеть освобождение всех обиженных и гонимых при жизни кота мышей. Тонкий знаток лубка И. М. Снегирев отмечает неслучайность этого образа и соответственно популярности лубка: «Как волк в отношении к овцам, так и кот в отношении к мышам издревле занимали в баснях и притчах свойственную им роль: тот и другой – утеснителей и мучителей, а овцы и мыши – утесненных и страждущих… Кот поступает с пойманною мышкою подобно опытному кату-палачу, который сперва вымучивает у жертвы своей медленными пытками признание в содеянных и даже несодеянных преступлениях, потом так исторгает у нее жизнь, чтобы чувствовала, как умирает… Мыши – это подданные, утесненные котом – своим владыкою. Свойства и действия людей перенесены на этих животных». Исследователи лубка, наиболее крупным из которых был Д. А. Ровинский, находят в этом, глубоко народном, окрашенном грубоватым, но, как всегда в анекдотах, метким и беспощадным к властителям юмором, немало реалий петровского времени, да и просто элементов процессии похорон первого императора. Здесь и восьмерка мышей, пародирующих восьмерку коней

траурной колесницы Петра, здесь и мышь «от чухонки Маланьи везет полны сани оладьев», сама же Маланья – пародия на Екатерину – «ходит по-немецки, говорит по-шведски». Среди мышей, собравшихся на похороны со всей страны, много «местных» – из Карелии, Шлюшина (народное название Шлиссельбурга), с Охты. А вот за санями идут обиженные котом: «Старая подовинная седая крыса смотрит в очки, у которой кот изорвал жопу в клочки… Мышь – охтенская переведёнка (то есть переведенная по указу на жительство в Петербург, на Охту. – *Е.* А) несет раненаго котом своего ребенка… Идет мышенок – отшиблено рыло, несет жареную рыбу». А вот идут довольные мыши с окраин: «Трёнка с Дону, из убогого дому, веселыя песни воспевает, без кота добро жить возвещает… Мышь татарская Аринка тож наигрывает в волынку» – и т. д.

Но участникам похорон из правящей верхушки было, конечно, не до уличного юмора. Проснувшись на следующий день после смерти Петра, они не смогли не ощутить, что ситуация коренным образом изменилась, что отныне так, как было при Петре, уже не будет никогда, ибо все, что делал Петр, правильно или неправильно, было освящено его огромным авторитетом, его поистине безграничной властью, полученной им давно и по праву рождения не нуждавшейся в доказательствах и обоснованиях. Самые близкие к нему сановники были под сильным влиянием личности реформатора, они смотрели на мир его глазами, поэтому многие недостатки и пороки системы ими преуменьшались или казались легко исправимыми, а решения даже самых сложных проблем – простыми, так как всегда всю ответственность за последствия брал на себя Петр – истинный руководитель страны, мозг и душа начатого им же грандиозного дела.

Бронзовая маска Петра I.

После смерти его все переменилось. Екатерина управлять не могла, тяжесть бремени правления и ответственность теперь ложились на «принципалов», которые, вроде бы дружно поначалу взявшись за тяжкое бревно власти, несли его с разной степенью усердия и напряжения, ссорились и подсиживали друг друга. Реформы не были завершены, и, стоя в недостроенном Петропавловском соборе в тот момент, когда гроб с телом Петра ставили в крошечную часовню (из которой его перенесли в подготовленную гробницу лишь в 1731 году), они имели перед собой поразительную аллегорическую картину состояния страны в момент смерти Петра: великолепная гигантская колокольня с ангелом на шпиле возносилась на головокружительную высоту, а стены по всему периметру огромного собора были не выше человеческого роста. Но если блестящий зодчий итальянец Доменико Трезини имел утвержденный царем план строительства кафедрального собора и знал наверняка, что и когда делать, то блестящая свита Петра не получила от покойного императора ни указаний, ни советов, никакого плана того, что необходимо предпринять.

Собственно, и сам Петр не имел никогда разработанных планов реформ: у него были, как правило, только наметки конкретных преобразований; во многом он руководствовался интуицией, пониманием общих задач, анализом развития тех или иных задан-

ных им же процессов, а нередко действовал бессистемно, не считая при этом необходимым что-либо объяснять. Вместе с ним умерла и та грандиозная лаборатория мысли, которая одна долгие годы определяла всё и вся в стране. Осиротевшим «птенцам» приходилось брести неизведанными дорогами, на свой страх и риск, часто исходя в политике из обстоятельств, а не задуманных планов. И хотя Меншиков с первых дней царствования Екатерины I был признанным лидером правительства, не встречая особого сопротивления среди правящей верхушки, он не обладал ни широтой, ни масштабностью мышления Петра, он не овладел даже его приемами управления, чтобы хотя бы имитировать продолжение прежнего курса, да и, по-видимому, не особенно стремился к этому жизнь выдвигала на повестку дня десятки срочных проблем, требовавших внимания и решения. Политика, как известно, есть результирующая различных разнородных факторов, подводных течений, не учитывать которые при прокладке курса государственного корабля невозможно, рискуя иначе посадить его на мель. Теперь самое время сказать об этих факторах.

Оказавшись у власти, Меншиков и другие столкнулись с серьезными внутриполитическими проблемами, назревавшими задолго до смерти Петра. 1725 год был, в сущности, лишь вторым мирным годом петровского царствования, – с 1695 года почти непрерывно тянулись войны: Турецкую сменила Северная, а Северную – Персидская. Страна переживала довольно тяжелый послевоенный кризис – прямое следствие перенапряжения народного хозяйства в годы войны. Он проявился в росте недоимок в платежах как старой подворной, так и особенно новой – подушной – подати, в усилении бегства крестьян, в явном недовольстве различных слоев общества. Особенно тяжелы были финансовые дела. Армия постоянно поглощала большую часть поступлений, и все равно денег ей не хватало. Общая сумма недоимок с 1720-го по начало 1726 года достигла, по подсчетам Военной коллегии, 3,5 миллиона рублей при ежегодном подушном окладе в 4 миллиона. Было очевидно, что разорение как следствие войн и реформ имело хронический характер. Оно усугубилось в первые мирные годы страшным народным бедствием – неурожаями, голодом. В 1721—1724 годах резко подскочили цены на хлеб, возросла смертность населения. Особую известность получила история о смерти от голода множества людей в Пошехонском уезде в 1723 году. Подполковник Трайден, отправленный в Пошехонье с ревизией, сообщал, что «явились от хлебного недороду и питающихся травами померло разных помещиков дворовых людей и крестьян» около 5,5 тысячи душ, то есть 11% мужчин, положенных по уезду в подушную подать. Трайден писал также, что в 1724 году кре-

стьяне пекли хлеб: «1) из одной травы вахты и пихты, 2) из одной мякины, 3) из житной и овсяной мякины с соломою, 4) из лесного моху». Подобные сообщения, приходившие из разных мест, побудили Петра прибегнуть к крайней мере – конфискации излишков хлеба у помещиков для раздачи голодающим крестьянам. Ситуация мало в чем изменилась и в год смерти царя.

Следует отметить, что Петр понимал главную причину бедствий народа. В черновике предисловия к «Гистории Свейской войны» он писал: «Итако, любезный читатель уже довольно выразумел, для чего сия война начата, но понеже всякая война в настоящее время не может сладости приносить, но тягость, того ради многие о сей тягости негодуют». И тем не менее он не намеревался отказываться от прежнего курса внешней политики и, завершив тяжкую Северную войну, бросил армию на Персию. Введя подушную подать, он не намеревался при этом сокращать численность войск, а, наоборот, приступил к новому витку военно-морского строительства.

Многочисленные свидетельства документов говорят о проявлениях недовольства крестьян политикой властей в 20-х годах XVIII века. Крестьяне последовательно добивались «прощения» накопившихся недоимок и штрафов, исключения из оклада подушной подати умерших и беглых (что сняло бы с остальных излишние платежи). Крестьяне требовали освобождения их от строительства полковых квартир и сокращения рекрутских наборов.

Примечателен разговор старосты и десятского, за который оба попали в сыскное ведомство. Вернувшийся в сборную избу десятский, ответственный за сбор подушной подати, воскликнул: «Сбился с ног, ребята, крестьяне денег не дают, что с ними делать?» – на что староста ему отвечал: «Мужики от податей разорились, оскудели. Какой у нас царь? Царишка! Измотался весь. Оставил Москву, живет в Питере и строит город. Пропал весь народ от податей!» Оснований для возмущения было достаточно: по самым приблизительным подсчетам, платежи крестьян в казну за годы Северной войны возросли в три раза.

Деревня и город полнились слухами о предстоящих переменах – неизбежных спутниках смены власти. «Истинно грешно, – пишет в Кабинет пошехонский воевода Тормасов, – и не токмо в то время (раньше. – *Е.* А.) взять с них [крестьян] мочно, но и ныне вдруг без тягости выправить не мочно, токмо едино у всех упрямство и эхо пустили во весь дистрикт, что учрежденная комиссия сочиняет обстоятельство и когда сочинит, то вся доимка отставлена будет». О, эта вечная российская вера в действенность комиссий! Та, которая действительно возникла в 1726 году, вопрос

о недоимках даже не рассматривала. Неустойчивость положения правительства объяснялась и тем, что после смерти Петра дворянство, тесно затянутое в мундиры, стало проявлять недовольство и смелее высказывать свои претензии к власти. Дворяне требовали принятия эффективных мер по борьбе с бегством крепостных, снятия штрафов и начетов «за утайку и прописку душ (то есть пропуск. – *Е.А.)»* во время переписи. «Сколько лет оброков з деревень своих не получаю, – жалуется в своей челобитной 1726 года Анна Шереметева, – а что собираю, за беглых крестьян плачу». Жалобам богатейшей (после, конечно, Меншикова) помещицы верить особенно не следует, а многие мелкие дворяне действительно разорялись. Они засыпали правительственные учреждения челобитными, прося льгот, послаблений, пожалований землей, «деревенишками и людишками». Вынужденные пожизненно исполнять службу в армии и конторах, дворяне настойчиво просили хотя бы длительных отпусков для наведения порядка в имениях, где оставались лишь старики и дети. В феврале 1725 года было начато следственное дело полковника Юшкова, заявившего, что он не желает идти поклониться праху Петра: «Что мне у мертвова делать? Я отпущен в деревню, а у живова не часто бывал». Другой помещик писал в челобитной в марте 1727 года, что «от 720 году в деревнях моих не бывал, и без смотрения оные деревни пришли во всеконечное разорение». Недовольство политикой правительства выражало и высшее духовенство, сидевшее при Петре ниже травы, тише воды. Член Синода архиепископ Г. Дашков направил Екатерине «доношение», в котором, в сущности, обвинял государство в грабеже церковных богатств: «И то правда, церковное имение – нищих имение… И как видно, что судей и приказных не накормить и иностранных не наградить, а богаделен и нищих не обогатить, а домы и монастыри, уже инде и церкви, чуть не богадельнями стали». Летом 1725 года началось скандальное следственное дело фактического главы Синода новгородского архиепископа Феодосия Яновского, проявлявшего открытое пренебрежение к Екатерине I и выступавшего с возмутительными речами в Синоде: «Бог-де дал ему, императору, кончину, был-де государь великой амбиции… глубоких и беспокойных замыслов, новыя одни по другим дела заводил, сегодня великое дело задумал, утро – того больше затеял. С наговора бездушных людей и доносителей о всех, как духовных, так и светских особах, начал иметь, яко о неверных себе, худое мнение и подозрительство… никому начал не верить, только молодым придворным и злосовестным людям, для чего и тайных имел шпионов, которые на всех надзирали и так иногда смущали его, что он ночью спать не мог». Нет сомнений в том, что все эти и многие подобные им

свидетельства складывались в те самые факторы, оказывавшие сильнейшее воздействие на курс послепетровского правительства. И, как всегда бывает в подобных ситуациях, поразительно быстро начались перемены. Уже 2 февраля 1725 года Ягужинский предложил сенаторам обсудить вопрос о снижении подушной подати, вызывавшей так много недовольства, на четыре копейки, «дабы при нынешнем случае та показанная милость в народе была чувственна». Предложение Ягужинского, одобренное сенаторами, Екатерина I сразу же «опробовать милостиво изволила», и 74-копеечная подушная подать была сокращена до 70 копеек. В октябре того же года Сенат (и вновь по инициативе генерал-прокурора) рассмотрел доклад «О содержании в нынешнее мирное время армии и каким образом крестьян в лучшее состояние привесть». Само название доклада ясно говорит о сути самой важной внутриполитической дилеммы: как, не ослабляя армии и флота, улучшить положение крестьянства, страдающего от податей, недородов, голода, злоупотреблений властей. На полях доклада мы читаем комментарии, принадлежавшие кому-то из сановников. Пункт Ягужинского: «От такого несносного отягощения пришли в крайнюю нищету и необходимо принуждены побегами друг за другом следовать и многие тысячи уже за чужие границы побежали и никакими заставами удержать от того неможно» – прокомментирован так: «От побегов можно удержать так надлежит выбрать сотников и десятников и положить круговую поруку, усилить караулы». Против положения о некоторых сокращениях расходов на армию стоит примечание о том, что не следует забывать известную речь Петра на праздновании Ништадтского мира о причинах гибели Византии, ибо в армии – основа обороны. Нам не известно, кто делал эти пометы, но ясно одно: новое правительство вынуждено было начать разрабатывать основы собственной, отличной от петровской, политики, основанной на учете ряда объективных факторов, действие которых было значительно ослаблено при Петре, но игнорировать которые в новой обстановке было уже невозможно. Именно с решений 2 февраля, а точнее, с обсуждения сенатского доклада осенью 1725 года начинает усиливаться, нарастать общая тенденция ревизии петровского наследия, все смелее и пространнее звучат сомнения в правильности тех или иных преобразований, ручейки критики вот-вот сольются в поток, который начнет подмывать казавшиеся еще вчера незыблемыми основы политики Петра. Запахнет контрреформами.

Портрет императрицы Екатерины I. Г. Бухгольц. Последняя треть XVIII в.

Люди, пришедшие к власти, руководствовались не только объективными обстоятельствами послевоенного положения страны, но и массой субъективных расчетов и намерений. Довольно скоро критику ряда важнейших петровских реформ они начали использовать для упрочения собственного служебного и политического положения, стремясь тем самым заработать определенный политический капитал, притом особо основательной альтернативы они – «до скончания века… дети Петровы» – выдвинуть не смогли. Особенно отчетливо это проявилось в деятельности Верховного тайного совета, образованного через год после смерти Петра – в феврале 1726 года.

Необходимо отметить, что «птенцы» Петра, осуществляя свои, просто еретические для петровских времен, мероприятия, руководствовались не только настоятельными требованиями време-

ни или своими политическими амбициями. Они постоянно оглядывались в тот угол политической сцены, где в окружении родовитых семей резвился мальчик – внук Петра Великого и сын несчастного Алексея. Родовитая верхушка – прежде всего кланы Долгоруких и Голицыных – не сумела в переломные часы смерти Петра отстоять свои позиции под напором группировки «новой» знати Меншикова и компании. Не выступали они и оппонентами курсу политики Екатерины, но в течение ее короткого двухлетнего царствования их акции росли непрерывно по мере того, как рос великий князь Петр и вздымалась волна критики петровского наследия. Сплотившись вокруг трона Екатерины, они видели, что здоровье императрицы все ухудшается, и уже через год после смерти Петра Великого «фактор Петра, внука Петра», стал, может быть, одним из самых существенных в той политической игре, когда проигравшие отправлялись в лучшем случае на Соловки. Люди, близкие к юному великому князю, были сильны корпоративностью, традициями родовитости, родственными связями. Они отвергали реформы и, потряхивая ненавистными париками, вспоминали любезную их сердцу «старину». И так получилось, что спустя два с половиной года судьба дала им шанс повернуть петровский корабль, продолжавший двигаться по инерции, в прошлое. Но…

Не тут-то было.
Тень Петрова
Стояла грозна средь вельмож,
Что было – не восстало снова,
Россия двинулась вперед, —
Ветрила те ж, средь тех же вод.

Но это уже другая, и тоже довольно длинная, история…